

ПАРОВОЗЪ

Состав № 8–2018

ПОЭТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ-НАВИГАТОР
СОЮЗА РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Москва
2018

УДК 821
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-5
П18

Издание осуществлено при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России» (2012–2018)»

Автор-составитель выпуска *Валентина КИЗИЛО*

П18 Паровозъ: поэтический альманах-навигатор / авт.-сост. В. С. Кизило. — М.: Союз российских писателей, 2018. — 400 с.

ISBN 978-5-901511-45-9

В июле 2018 года в селе Тургенево Тульской области состоялся Первый международный тургеневский конкурс «Бежин луг», приуроченный к 200-летию со дня рождения писателя. Поэтому совершенно закономерно в пассажирском составе нашего «Паровоза» едут поэты из Орла и Тулы. Помимо вагона «Орел — Тула — Липецк — Воронеж» настоящий выпуск включает маршруты: «Москва — Калуга — Смоленск», «Ярославль — Владимир — Нижний Новгород», «Омск — Томск — Красноярск», «Вологда — Кострома — Киров — Пермь». В вагоне-ресторане уютно расположился оренбургский поэт Сергей Салдаев, в специальном — участники VIII Межрегионального совещания молодых писателей. Традиционны полюбившиеся читателю детский, международный, почтовый, багажный вагоны.

УДК 821
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-5

Начальник пассажирского поезда
Светлана ВАСИЛЕНКО
(главный редактор)

Диспетчер движения
Екатерина АРТ
(ОМЕЛЬЧЕНКО)
(обложка, художественное оформление)

Машинист
Владимир МИСЮК
(редактор-составитель)

Проводница
Валентина КИЗИЛО
(литературный редактор)

Кочегар
Виктор СТРЕЛЕЦ
(составитель)

Мастер депо
Павел МАРКИН (ЁЖ)
(обложка, рисунок)

ISBN 978-5-901511-45-9

© Союз российских писателей, 2018
© В. С. Кизило, С. В. Василенко, В. М. Мисюк, В. И. Стрелец, составление, 2018
© П. В. Маркин (ЁЖ), обложка, рисунок, 2018
© Екатерина Арт (Омельченко), обложка, художественное оформление, 2018
© Л. В. Васильева, верстка, 2018

ПРЕМИИ СОЮЗА РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТУРГЕНЕВСКИЙ КОНКУРС «БЕЖИН ЛУГ»

21 июля 2018 года в историко-культурном и природном музее-заповеднике И. С. Тургенева «Бежин луг» с. Тургенево, (Тульская область) состоялась церемония награждения премиями и дипломами победителей конкурса. Премия учреждена Союзом российских писателей в двух номинациях: проза и поэзия.

ПРЕМИЯМИ В НОМИНАЦИИ «ПРОЗА» НАГРАЖДЕНЫ:

- Первая премия — ЕВСЮКОВ Александр (г. Щёкино, Тульская обл.)
- Вторая премия — ДУБРОВСКАЯ Ирина (г. Торжок, Тверская обл.)
- Третья премия — ПЕТКЕВИЧ Юрий (Беларусь)
ЧУРУС Татьяна (Новосибирск)

ПРЕМИЯМИ В НОМИНАЦИИ «ПОЭЗИЯ» НАГРАЖДЕНЫ:

- Первая премия — МОЛЧАНОВ Виталий (Оренбург)
- Вторая премия — ПЕРЦЕВ Владимир (Ярославль)
- Третья премия — ИШИМЦЕВА Екатерина (Москва)
ХАРЛАМОВА Ольга (Москва)

ДИПЛОМАМИ В НОМИНАЦИИ «ПРОЗА» НАГРАЖДЕНЫ:

- АНИШКИН Валерий (Орёл)
- ВЕСЕЛОВА Нина (Костромская обл., д. Починок)
- ГАЛКИН Сергей (Тула)
- ЕРЕМЕЕВА Дарья (Москва)
- ЖЕРДЕВ Иван (Краснодар)
- МИНЕЕВ Андрей (г. Тольятти, Самарская обл.)
- КАНТОР Владимир (Москва)
- КОРНИЕНКО Игорь (г. Ангарск, Иркутская обл.)
- ОБУХ Арина (С.-Петербург)
- ОВЧИННИКОВ Сергей (г. Щёкино, Тульская обл.)
- ОСТРОУХОВ Михаил (Тула)
- ОШЕВНЁВ Фёдор (Ростов-на-Дону)
- ТУЧКОВ Владимир (г. Королёв, Московская обл.)

ДИПЛОМАМИ В НОМИНАЦИИ «ПОЭЗИЯ» НАГРАЖДЕНЫ:

- АГОШКОВА Анастасия (Орёл)
- ГЕДЫМИН Анна (Москва)
- ДМИТРИЕВ Виталий (С.-Петербург)
- ЕЛИЗАРОВА (Антонюк) Наталия (Москва)
- ИЛЮХИНА Галина (С.-Петербург)
- НЕРВИН Валентин (Воронеж)

КРАЙНОВ Максим (Москва)
КАСЬКО Игорь (Ставрополь)
КРЫЛОВА Светлана (г. Одоев, Тульская обл.)
ПУЧКОВ Владимир (Владимир)
ПОПОВ Сергей (Воронеж)
СЕМЁНОВА Елена (Москва)
ФРОЛОВА Инна (Беларусь)
ШЕЛЛЕНБЕРГ Вероника (Омск)

ШЕСТОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЮТЧЕВСКИЙ КОНКУРС «МЫСЛЯЩИЙ ТРОСТНИК»-2018

В этом году (2018-й — год 215-летнего юбилея со дня рождения Фёдора Тютчева) конкурс значительно расширил географию. В шорт-лист вошли работы из Португалии, Австралии, Украины, Белоруссии и многих регионов России.

ПРЕМИЯМИ В НОМИНАЦИИ «ФИЛОСОФСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ» НАГРАЖДЕНЫ:

Первое место — ЯСНОВА Лана (Белгород)
Второе место — ЛЮБИМЦЕВА Ирина (Орёл)
Третье место — БАЛИН Денис (Ленинградская обл.)
КРОФТС Наталья (Сидней, Австралия)

ПРЕМИЯМИ В НОМИНАЦИИ «ФИЛОСОФСКОЕ ЭССЕ» НАГРАЖДЕНЫ:

Первое место — ФУНТ Игорь (Киров)
Второе место — КЛЮКИНА Ольга (Калуга)
Третье место — ИГНАТЕНКО Татьяна (Брянская обл., п. Климово)
ТРОЩИНСКАЯ-СТЕПУШИНА Татьяна (г. Витебск,
Беларусь)

ПОЭЗИЯ

Ольга АНИКИНА
Галина БОГАПЕКО
Елизавета ДЕЙК
Екатерина ИШИМЦЕВА
Чен КИМ
Александр КУВАКИН
Анастасия ЛУКОМСКАЯ
Владимир ОБУХОВ
Виталий ПУХАНОВ
Ольга РЫЧКОВА
Александр ТРУНИН
Галина УШАКОВА

1

Москва — Калуга — Смоленск

АНИКИНА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА родилась в Новосибирске. Окончила Новосибирский медицинский институт, Литературный институт им. А. М. Горького.

Стихи публиковались в газетах «Вечерний Новосибирск», «Литературная газета», в журналах «Сибирские огни», «Дружба народов», «Волга», «Дети Ра», «Зинзивер», «Контрабанда», в детском журнале «Кукумбер». Проза публиковалась в коллективных сборниках, в журналах «Южное сияние» и «Лампа и Дымоход». Автор книг стихотворений «Первоцвет» (2001), «Соло» (2006), «Жители съёмных квартир» (2012), «Картография» (2016) и книг прозы «Тело ниоткуда» (2014), «С начала до конца. Рассказы» (2017). Член Союза писателей С.-Петербурга.

Лауреат литературной премии «Поэт года» портала Стихи.ру (1-я премия, 2011), Международного поэтического конкурса им. Н. С. Гумилева «Заблудившийся трамвай» (III место, 2013; II место, 2015), Международного фестиваля русской поэзии «Пушкин в Британии» (1-я премия, 2013), Волошинского конкурса (2017), Дипломант премии им. Н. В. Гоголя в номинации «Вий» за роман «Тело ниоткуда» (2014). Дипломант Волошинского конкурса (2016). Участвовала в 14-м международном фестивале поэзии в Буэнос-Айресе, а также в 32-м фестивале поэзии в Труа-Ривьер (Канада, Квебек). Стихи переведены на английский, французский, испанский, корейский, болгарский языки, а также на иврит и фарси. Песни «Молитва» («Мой голубь за окном») и «Фишка» на стихи О. Аникиной и музыке Алексея Белова исполняет российская певица Ольга Кормухина.

Ольга АНИКИНА

* * *

вот так и жить, как будто ничего
не происходит в мире, только ливень
врывается в окно, нетерпеливо
раскачивая жизни вещьство.

вот так и жить, как будто ни тебя,
ни прошлого, но лампочка и книга,
слова и свет. а прочее безлико,
не в фокусе, и пиксели рябят.

вода и ветер, что ещё, скажи —
штрихи стихии за вагонной шторой...
ничто своей не делая опорой,
вот так и жить, как будто просто жить.

ПЕРЕВОДЧИК

Окно темнеет. Я в окно гляжу.
Я в слово тишину перевожу,
сiju над ним, слепым и желторотым.
А тишина надменна и бела.
И дом, и все домашние дела
охвачены её круговоротом.

Над чайником, над стулом, утюгом,
она шуршит о чём-то о таком.
Сливаясь из отдельных чёрных точек,
взлетает демон с огненным хвостом.

А у меня — окно, и чай, и стол.
И я — ничто. Я просто переводчик.

МЫШЬ

Едва рукой пошевелишь —
нахлынет воздух душный.
В глухом углу глухая мышь
перегрызает душу.

Вот догрызёт — и рухнешь вниз
по всем земным расчётам...

...а ты над пустотой
завис
и держишься
на чём-то.

ВЕЩИЦА

С какой-то поблёкшей картинкой
соседствует, глаз веселя,
вещица с блошиного рынка
в царапинах и вензелях.

(На маленькой стрит Портобелло
что хочешь — найдёшь для души.)
Ямаец с улыбкою белой
мне впарил её за гроши.

Она заполняет пространство,
стоит, отражаясь в окне,
и тайное викторианство
уже вызревает во мне,

и колониальные розы,
цветут, за побегом побег.
в столетнем бесстрастии бронзы
в мой хлипкий пластмассовый век.

* * *

Моя ли рука, колено, твоё ли плечо, щека —
пучки световых волокон причудливо заплелись,
образовали остов, каркас, и пока, пока
он еле висит над смыслом —
он обретает смысл.

Непрочный, недолговечный — пока он ещё живёт.
Окно набирает воздух

и совершает вдох,
и небо так беззащитно, как шея или живот,
пока ещё Бог — не слово, и слово — ещё не Бог.

* * *

...прожить с тобой всю жизнь,
и под конец —
возненавидеть,
так, как ненавидят
убогую, больную часть себя,
багровую культю, бугор на коже,
привычное, случайное уродство...
Но перед тем — прожить с тобой всю жизнь:

варить обед, обыденную ругань
не замечать, на кухне мыть полы,
в аптеку бегать, вызывать врача,
сидеть с тобой в облезлом коридоре
и отвечать, угадывая фразу,
а после — ничего не отвечать.

Вести тебя домой, кормить, лечить,
орать в ответ, твердить: невыносимо,
и, силы отторжения стыдясь,
мучительно пытаться что-то вспомнить...

Но два инсульта сделают своё,
сотрут прицельно — самое начало,
все запахи, все имена, все лица —
о чём бы пожалеть или заплакать.
И не заплакать.
И не пожалеть.

* * *

приберусь, посуду вымою,
помолюсь: «Господь, спаси»,
и пойду за нелюбимого,
как ведётся на Руси,

от усталости и старости,
одинокое житъя.
от бывшего горсть останется,
похоронная кутья.

на столе бутылка стеклянная,
пей до донца, исполать.
я пойду за нежеланного,
чтоб иного не желать.

не суди и не жалея меня,
а не то поди-решишь,
деревянными коленями
обнимать чужую жизнь.

отгорит, отколобродится,
стану доброю женой.
и простит мне Богородица
гвоздик в балочке сенной.

* * *

Гуляют больничные галки
У въезда в приёмный покой.
Лежит человек на каталке
И машет кому-то рукой.

Он ждёт, ему вовсе не к спеху,
Но, сонно всплывая в дыму,
Он видит, как медленно, сверху
В ответ кто-то машет ему.

Он машет, пока не вкатили,
Пока есть живая рука.
И галочки чёрные крылья
Слетают к нему с козырька.

* * *

Простая жизнь, обычные дела,
зелёный суп, сиреневая миска,
лоснящаяся летняя редиска,
залитый солнцем краешек стола,

прозрачной шторы кружевная сеть,
и ни стихов, ни прозы, ни надрыва.
И липким мёдом истекает слива,
и можно вечность на неё глядеть.

И я гляжу, служу простым делам,
перемещенью солнца и предметов,
и светофильтр то бел, то фиолетов.
И горький чай,
с забвеньем пополам.

* * *

...и столько лет литым ушком игольным
прошло,
что от стихов становится не больно.
Смешно.
И от осенней августовской тучи —
теплей.
И ты не лепишь лоскуты созвучий
на клей,
слова не ладишь нервно и упрямо
в одно.

Ты дёргаешь облупленную раму.
Во двор
на выдохе последний ветер летний
несёт
упавших яблок звон старозаветный.
И всё.

МАМА НЕ СМОТРИ

1.

Это ты мои ноги стянула бинтом,
Чтоб шаги были мельче и уже.
Это ты родила мою плоть, а потом
Мою молодость съела на ужин.

Это ты это ты это ты это ты
припасала резец и лекало,
наклонялась ко мне со своей высоты
и сосками мой рот затыкала.

Знаю: выхода два, выбираю любой,
так навеки приучено тело —
делать то, что приказано было тобой
или что-то назло тебе делать

я давно не тяну свой волшебный билет,
я давно ничего не решаю,
и, как прежде, — меня ещё будто бы нет,
ну а ты... Ты большая, большая.

2.

чем послушней дети,
тем они верней
думают о смерти
и молчат о ней.

вот и всё смирение:
проглотить упрёк.
вот и всё умение:
досчитать до трёх

стоя на балконе —
раз и два и три
я засну спокойно
мама не смотри

3.

люби-люби же, сильней, лютей,
чужих людей и любых людей,
какие есть, вот таких люби —
кому приходится быть людьми,

люби любого слугу бабла,
люби любого, кто «бла-бла-бла»,
не отраженье в стекле кривом —
любилбя ближнего своего.

люби послушай а если нет
то знай, у ближнего есть кастет
и что-то острое в рукаве,
и что-то страшное в голове.

ЯРОСЛАВСКОЕ ШОССЕ

1.

Снесён бордюр, с асфальта сняли скальп.
Стучит отбойник, строят эстакаду.
За год-другой тут будет всё, как надо:
сквозной проезд, опоры вертикаль.

Проходит в яркой курточке Айше
туда-сюда среди бетонных блоков.
Айше по-русски понимает плохо
и строит Ярославское шоссе.

Она проложит эту магистраль
(Россия вечно держится на бабах).
И вдаль поедут в новеньких сабах
Хирад, Галиб, Рабах, Инал, Амаль.

2. М-8

В потоке нужно двигаться, как все.
Вот полоса твоя. А вот чужая.
Вот мёртвый пёс на левой полосе.
Его, кто может, даже объезжает.

Обочина. Посадские леса,
и треск цикад, и жар от сонных сосен...
И этот пёс. Смотрит в мои глаза,
и фуры мчатся, и гудит М-8.

И снова — щёлк дорожного ремня.
И в небе вьётся стайка белых змеек.
И та собака, что внутри меня,
всё понимает, не скулит. Не смеет.

И коснись, затихающей сербской струны
В затаённый час по Брегету,
Посмотри на мой дом — чудо дивной страны,
Он прозрачный, радушного цвета,
И витают над ним Веры Павловной сны,
Грёзы сербского гостя — поэта...
О, Горан,
Так в тебе ещё жив тот малыш
И влюблённость благая поэта,
Ты подолгу на месте своём не сидишь,
Ты гуляешь по белому свету
И поёшь свои песни, и слушаешь тишь,
И несёшься, как вихрь по планетам...

НЕ ТАНЦУЙ НА ТВЕРСКОМ

Не танцуй на Тверском.
Здесь рисунок осенний
Спал кленовым листом,
Лёг кленовым листом
На ладони Сергея Есенина.
Здесь танцуют чарльстон
На бульваре Тверском
Тени ветров далёкого племени.

Ветролист, листоснег, листовихрь,
Листодень,
Лист с твоими помарками...
Уплываю я в день,
Покрываю я тень
И бегу с листопадом за арку,
За которой зима,
Отдыхая, наряд примеряет.
Ей приятна сурьма
На хрустальных глазах,
И в короне лучи солнца жаркого.
Воцарится она, когда время придёт,
А пока ледяное сердце
О пустыне безлюдной
С ветром песни поёт,
Оставляя печали в наследство,

И поёт о степи, где замёрзнет ямщик,
И колдует, и саваны стелет,
Но ведь пламя в печи
Всё равно затрещит,
И тебя, и меня обогреет.
Не танцуй на Тверском.
Здесь рисунок осенний
Спал кленовым листом,
Лёг кленовым листом
Как посланье в ладони Есенина.

НА ОСТРИЕ ЛУЧА

На острие луча — павлиний глаз.
О, бабочки, красавицы рассвета,
Как быстро проскользнёт за ширму лето,
Как миг в пространстве, и не станет вас.

ЗЕРКАЛЬНЫЙ ЗОНТ

Крыло — как кисть,
Две кисти у птицы,
А небо — лист,
Где птицы кистями рисуют
Биссектрисы.
А треугольники превращаются в листья
И слетают на землю причудой мыслей
О триединстве, о святости,
О космосе, о галактике...
С горизонта за горизонт
Дождь! — Я открываю зонт.
Спицы — биссектрисы.
Куда уплывают мысли?
Дождь —
Крылья у птиц отяжелели,
Птицы осели,
Перпендикуляры пунктирами сплошь.
Мысли — сквозь дождь...
Я прячусь под зонтом от негатива,
Прячусь от мира вокруг,
Шагая сквозь,
И в какой-то миг
Зеркальные вижу треугольники
И отражаюсь в них.
Как хорошо, когда меня много,
А одиночество мокрой дорогой,
По мокрому асфальту,
Спешит пообщаться по скайпу...
Зеркальный зонт — это моя планета,
В ней меня много — счастливой и светлой.
Дождь вокруг,
Вне планеты зеркальной.
Мир мой единственный,
Мир мой — астральный...
Зонт мой — зеркальный!
Дождь...

ПЬЕРО — ШУТКА СКОМОРОХА

У него была родинка в виде слезинки,
И выглядел он, как Пьеро.
Но Пьеро — на картинке,
А он на Ордынке
Поньше живёт у метро.

Но только не встретил он в жизни Мальвинку,
Он к Нинке заходит в обед,
Они распивают «Горилки» бутылку,
И нет у них в жизни бед.

А Нинка — она как Мальвинка с картинки,
Но только на лбу с синяком,
Одеты на Нинке с помойки ботинки
И свитер с цветастым конём.
И счастлива Нинка, живя на Ордынке
С вполне современным Пьеро...

И СЫПАЛ ЦВЕТ СВОЙ БЕЛЫЙ САД

Заря пылает. Утра старт. В цвету сады.
И бродит пьяный аромат, слюдой — следы,
И слышны посвисты пернатых на все лады,
Ворвался ветер, как пират, сорвал цветы!

Смешались посвисты пернатых со свистом ветра,
И сыпал свет свой белый сад, качались ветки.
Заря притухла, дождь пошёл на километры,
И шла старуха в чёрном шёлке — в духе ретро.
Она промокшая, — из леса, из дальней церкви.
В ушах ещё звучала месса, а слух был цепким.
И сыпал свет свой белый сад на шёлк промокший.
Как саван мерк её наряд, и блекли очи...

ЕФРОСИНИИ

Без укоризны силуэт и тень на скосе.
Вы шли сюда сто тысяч лет, родная Фрося!
Вы озаряли ближний свет, верхушки сосен,
Ваш в конопушечках портрет — журчанье в осень!
И ваши юные глаза, как неба сини.
И ваша длинная коса, как путь России...

НА ДАЧЕ У ДРУЗЕЙ

Я в Суздале, на даче у друзей.
Здесь может быть со временем музей.
Рояль «Стинвей» за стеночкой в гостиной...
Борис... он далеко, в другом конце Земли.
Там нет зимы — тепло там круглый год.
И сердце там, наверное, не стынет,
И всё немножко там — наоборот...
Здесь, на участке, за искусным тыном,
Раскрыли шапки розы, георгины.
И первый яблоневый плод,
И первые плоды рябины —
Невзрачные — ещё им не черёд.

Здесь по стеклу
Дождь слёзы горько льёт: скучает,
Здесь на столе мои печали —
Стихи в обложке — «арлекины».
И шум дождя, и блики от стекла,
И отголоски спалина.
И Богоматери икона на стене...
И спины, спины стен, на них картины...

Здесь одиночество — тоска со мной, во мне...
Здесь плен, как будто всё во сне,
Плен — без желанья, без причины,
В мещанской этой благостыне
Как в антикварном магазине —
Всё посмотрел, и хочется вовне...

ТУМАН НА КАЧЕЛЯХ

Туман на качелях, с небес да окрест,
Спустился и сел на молоденький лес,
Встряхнулся, рассыпался мелкой росой
И след свой оставил на тропке косой.
Открылись просветы, пробились лучи,
И око зари обозначило утро.
На нежных полянках в росе кумачи —
Как символы ягод; вдали — незабудки.

ОДИНОКАЯ

И заокала река Ока
Берегами около:
«Соколы, соколы!»
Колокольчики звенят соколам:
«Одинокая, одинокая!»
Травушки шумят около
Соколам:
«Одинокая, одинокая!»
И букашки шуршат около
Соколам:
«Одинокая, одинокая!»

ДЕЙК ЕЛИЗАВЕТА ВЛАДИМИРОВНА родилась в Киеве. Окончила Московский энергетический институт, аспирантуру (по специальности «Теория передачи информации»). Кандидат технических наук. Позже закончила ВЗНУИ (в 2000 г. — театральный факультет, в 2002 г. — факультет изобразительного искусства).

Публиковалась в журнале «Юность», газете «Горцы», альманахах «Муза», «Истоки», «Меценат и мир», «Орфей» и др. Автор четырех сборников стихов: «Пять тетрадок» (1999), «Круг» (2004), «Белая птица» (2008), «Лимерики» (2010).

Член Союза российских писателей.

Живёт в Москве.

Елизавета ДЕЙК

СТЕКЛЯННЫЙ ШАР (венки сонетов)

1.

Богатств несметных, красок, звуков, слов
Даёт планета от рожденья — щедро:
Полёт, паренье духа, небо, недра,
Названия (из прошлого послов).

Хранит вода в прапамяти своей
Студёность снеговую горных речек.
Годами сидя в клетке, гордый кречет
Всё помнит о полётах вольных дней.

Лесную чащу помнит дом в деревне,
И кажется ему, что он живой.
Он даже видит сны о чём-то древнем.

Старик один грустит под сенью клёна:
Всего, что есть под кровлей вековой,
Не растерять бы детям несмышлёным.

2.

Не растерять бы детям несмышлёным
Того, что было на Земле всегда:
Прозрачный лёд, проточная вода —
Такая точно, как во время оно;

Цикорий вдоль дороги фейерверком
Разбрызгивает синь-голубизну;
В пустыне жёлтой — антилопы гну;
По дну морскому — крабы; птицы — вёрхом.

Эх, любоваться б этим всякий час!
Но мы глупы и рубим всё сплеча,
Грешим и рушим. Каждый час — прощёный.

Не homo sapiens, а просто тать:
Леса горящие и реки вспять,
Пока «кипит наш разум возмущённый».

3.

Пока «кипит наш разум возмущённый»,
Всё меньше остаётся на счету,
Всё больше книг, которых не прочту,
Всё неприступней тайны посвящённых.

Нить жизни истончается быстрее,
Мирской мираж висит на волоске.
Плыву по бурной речке налегке,
И в каждом миге сердцевина зреет.

Я собираю крохи смысла в горсть,
Хочу сложить из них картинку Lego,
Когда на месте ягод видишь гроздь.

Сюжет невесел, фон — тёмно-лилов...
Пока настанет день белее снега,
Не раз прийти успеет Крысолов.

4.

Не раз прийти успеет Крысолов,
Пока начнём оплачивать спасенье
От морока, мороза, наводнения —
И вечные прощенье и покров.

А мы что в благодарность? — В реки яд,
Дымы пожарищ, мусор, рубка леса,
Седого смога вечная завеса
И дыр озоновых позорный ряд.

Я с детства берегу стеклянный шар.
Он целый год в коробке где-то дремлет,
Но в декабре, обёртками шурша,

Выходит в свет — бесхитростный, простой.
Он мне напоминает нашу Землю.
Сей хрупкий мир — спасётся ль красотой?

5.

Сей хрупкий мир спасётся ль красотой?
Похоже, все мы на стеклянном шаре,
Который каждому охотно дарит
Частичку вечности. В щепотке той

Пылинки-дни то плавают в луче,
То прахом плавно падают под ноги.
Уносит ветер времени тревоги,
Не объясняя нам — куда, зачем...

Покачиваясь на непрочной нити,
Мой шар беспомощен и беззащитен.
Хочу спасти его от зла и сглаза.

Для сферы — собеседницы Вселенной
Ищу рецепт спасения нетленный.
Я думаю, что это будет разум.

6.

Я думаю, что это будет разум.
Ведь если мир — лишь рифма к слову «Бог»,
То кроме рифов, пропастей, тревог —
Всего того, что походя и разом

Разрушить может стройный ход событий, —
Возможно, существует где-то Путь:
Идущим по нему дано свернуть
Из мрака в сторону и к свету выйти.

На каждом шаге искус на Пути,
И Вечность, терпкая на вкус, глядит
С терпением равнодушным на проказы.

Что может от соблазна удержать,
Шагнуть заставить прочь, от бездны вспять?
Любовь и доброта — и то не сразу.

7.

Любовь и доброта — и то не сразу
Добро и зло способны различить,
Разъять обман и истину; в ночи
Не видеть звёзды там, где блещут стразы.

Хрупки перегородки меж мирами.
Благи намеренья — да в ад ведут,
Для возведения храма — рабский труд,
А зло вершится добрыми делами.

Мне говорят: к чему стекло? Не лучше ль
Небьющийся оплот благополучья —
Без бурь, а если дождь, — то золотой.

Густеет время — ни течёт, ни каплет.
Миг застывает одноногой цаплей.
Тысячелетиями — лень и застой.

8.

Тысячелетиями — лень и застой.
Всё кое-как да через пень-колоду.
Возникнет мысль — и камнем канет в воду:
Ни звука, ни кругов — лишь вязкий слой

Да ряска на зелёных зеркалах,
Повсюду блажь приглаженных желаний;
Достоинство и гордость на закланье,
А воздух влажной жадностью пропах.

Излишества и роскоши убогой
Все обожают злую ворожбу.
«Вали и грабь!» — вот современный слоган.

Прилипчивые нити паутины
Привычно застыт свет и льнут ко лбу.
Соблазны и темны, и аппетитны.

9.

Соблазны и темны, и аппетитны.
Не разберу, что в пользу, что во вред,
Но знаю, что в промозгом декабре
На шарике рисунок примитивный

Мне снова что-то важное подскажет,
И с ласковой планеты из стекла
Увижу, ладно ль жизнь моя текла
Без берегов кисельных и поблажек.

Не взвесить воду, находясь в воде
(Задачи проще нет в другой среде).
Но ухватись хотя б за куст раakitный!

Живым спектакля жизни не прочесть.
А всё ж от Режиссёра где-то есть
(Коль бытие — игра в слова) — субтитры.

10.

Коль бытие — игра в слова, — субтитры,
Тревожный зов, сигнал со стороны.
Возможно, он идёт к нам через сны
И между строк он вписан в манускрипты.

Читаю знаки в полудрёмной неге
И знаю: неслучайно много лет
Всегда горит в домишке тёплый свет
На ёлочном стеклянном обереге.

Пройдёт зима, но долго помнить буду:
Он освящал мне «кровлю и посуду»
И создавал особый — мой — уют.

Я иногда завидую Алисе,
Но тут же слышу, что такие мысли
Иль не нужны, иль их не так поймут.

11.

Иль не нужны, иль их не так поймут:
«Фантазии нелепы, даже дики!
Жить на стеклянном шаре! — слышу крики. —
А ну как трещина или толкнут —

И вдребезги» — как будто все мы тут
Защищены от бед землетрясения;
Как будто каждого на новоселье
Через мгновение не призовут.

Когда бы мне сказали: «Выбирай,
Куда б хотела», — предпочла б не рай,
А ладный дом из брёвен с синей крышей.

В нём жизнь всегда чиста, душа — дитя.
И обретает слово плоть, хотя
Мой слабый голос вряд ли кто услышит.

12.

Мой слабый голос вряд ли кто услышит.
Кто знает — может, через двести лет
Стеклянный уцелевший амулет
Достанется поэту волей свыше.

На сфере краски стёрлись... Еле-еле,
Но всё же можно различить избу,
В окошках свет, из кирпичей трубу,
И ветер чуть колышет ветви ели.

Поэт заходит в дом, берёт тетрадь —
Истлевшие страницы полистать.
В избе тепло, и печка жаром пышет.

Я загляну ему через плечо, —
Теперь-то ясно вижу, что почём.
Но стих, души подстрочник, жив и дышит.

13.

Но стих, души подстрочник, жив и дышит.
Дыхание неровно, нервно. Пульс
Чуть учащённый — мерить не берусь.
Такой бывает, когда вниз на лыжах

Иль на качелях — и восторг полёта.
Потомок, милый, — ну же, обернись!
Ты тоже знаешь — только это — жизнь
И труд — неважно, до какого пота.

Я знаю — и тебе комфорт не нужен
И тоже безразлично, что на ужин,
И тоже всё равно — *к о г д а* прочтут:

Во вторник иль весной через столетье.
Благодарю тебя — ведь ты заметил
Полночных слёз и дум счастливый труд.

14.

Полночных слёз и дум счастливый труд,
Когда рассвет ещё невероятен
И верится, что нет на Солнце пятен,
А лик Земли умыт, покоен, мудр.

И кажется, что каждый будет сыт,
Где слово «хлеб» всегда сакральным было
И медное замедленное било
Взывало к звёздам Млечной Полосы.

И в этой бывшей колыбели маят,
Я чаю, будет так: дитя снимает
Мягчайшей ткани несколько слоёв.

Весёлый смех и всплески междометий:
Шар-новосёл — опять живой свидетель
Богатств несметных, красок, звуков, слов!

15.

Богатств несметных, красок, звуков, слов
Не растерять бы детям несмышлёным.
Пока «кипит наш разум возмущённый»,
Не раз прийти успеет Крысолов.

Сей хрупкий мир — спасётся ль красотой?
Я думаю, что это будет разум,
Любовь и доброта — и то не сразу:
Тысячелетиями — леность и застой.

Соблазны и темны, и аппетитны.
Коль бытие — игра в слова, — субтитры
Иль не нужны, иль их не так поймут.

Мой слабый голос вряд ли кто услышит,
Но стих, души подстрочник, жив и дышит —
Полночных слёз и дум счастливый труд.

ИШИМЦЕВА ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА родилась в 1977 году в г. Иркутске. В 1999 году закончила ВТУ им. Щепкина, курс Юрия Соломина. Одновременно с театральным поступила в Литинститут им. А. М. Горького на курс к Ю. Д. Левитанскому. Но выбрала Щепкинское. Работает в московском театре «Сфера». В 2016-м закончила Высшие литературные курсы, семинар А. В. Василевского. В этом же году на Волошинском конкурсе в Коктебеле выиграла турнир поэтов. Лауреат Международного Тютчевского конкурса (2018, 3-е место).

Автор двух сборников стихов: «Без маски» (Иркутск, 1999), «Слушаю дождь» (2013).

Живёт в Москве.

Екатерина ИШИМЦЕВА

* * *

Пьяненький дождик стоит за окном.
Не устаёт — всё стучит об одном.
Я не одна: вот мой стол, вот кровать.
Я начала забывать.

Скажет когда-то мой внук номер два:
«Бабушка очень любила слова.
Ставила в строчки, верила в суть.
Надо её помянуть».

Скажет затем мой внучок номер раз:
«Сколько чужих и заученных фраз
Знала бабуля. Чудная была.
Священнодействовала».

Сдвинут бокалы за сцену и муз.
Дождь успокоился. Я ему снюсь.
И размываются сны по краям.
Где буду я?

* * *

Море — давно внутри.
Читаю «Смесь» Валери —
Женщина на вокзале.
Ветер странствий — брат сквозняка.
Я простужена на века.
Что же раньше-то не сказали?

По хлебным крошкам в бреду,
По буквам искать иду
Смысл жизни и всё такое.
Оракул грозит строкой
«Не всегда хорошо оставаться собой».
Стадия непокоя.

Есть же где-то чай с чабрецом,
Выпиваемый вместе с отцом.
В одиночестве — тоже неплохо.
Тогда глубоко внутри
Очарованно море шумит
Между вдохом — выдохом — вздохом.

СЕБЕ

Есть же на свете худые женщины.
На них налезают любые лифчики.
Они купальники покупают, не меряя.
Мели, Емеля...

Ты же любишь на ночь чай с бутербродами,
А от бега трусцой позвоночник стонет.
Общаться с книгами, а не с идиотами,
Из воды состоящими на девяносто.

Так чего же ты хочешь, тучная женщина,
В духовной пище неутомимая?
В алкоголе также и прочей пище.
Купальник ищешь?

* * *

Долина поселка Култук.
Старый бурят Мураками
Что-то там про овец
Говорит, разводит руками.

Охота уже идёт:
Кедровый орех, брусника.
Пахнет трава чесноком —
Вот черемша возникла.

Ветки саган-доля
Жги — отгоняет духов.
Чья за горами земля-
Доля? Монголия духа?

Мой мысленный дождь
Приходит всегда с востока.
Там — мне тринадцать лет.
Книжно. Светло. Одиноко.

* * *

Тридцать восемь. Пушкин моложе.
Раньше мнилось — возраст богов.
Ненаписанных стайка слов
Больше смерти меня тревожит.

Всё, что было на языке —
Сорвалось. Недебютный возраст.
Шевеление рифмы «поздно».
И горошина в кулаке,
Та, которая Шар Земной.
Мне не спится. Мне тридцать восемь.
Где-то в Болдино тоже осень.
Не со мной, мой друг, не со мной.

* * *

По волнам с молодым Одиссеем...
Он ещё не наполнен пространством.
Он о времени думать не хочет
И граде троянском.

А моя конопатая дочка
Переполнена шумом и летом
И о времени думать не хочет,
Засыпая с рассветом.

И они совпадут с Одиссеем
В синусоиде сна и Гомера.
Список Бродского где-то посеян...
К переменам.

* * *

Девочка с виолончелью.
Жучок, расправивший крылья.
Побитый дневной капелью,
Школьной измученный былью.
Ношу свою непосильную,
Дорогу свою и укрытие
Смахнёт с канифольной пылью.
И возникнет событие.

* * *

Самое время придумать, куда бы сбежать.
Море опять открывает возможность дороги.
Я наконец-то освоила навык играть
В прятки. И пользуюсь им от нужды понемногу.

Пряталась в жёны, любовницы, стервы, друзья,
Матери, дочки, подруги и недруги тоже.
Море шумит, отделяя меня от меня.
Страшно увидеть, на что становлюсь я похожа.

Самое время подумать, куда бы уйти,
Что-то расслышав в морском непрерывном напеве.
Я на пороге — мне только прибой перейти.
И убежать в монастырь. Или в старые девы.

САЯНЫ

Там за туманом, там
Что-то подходит к нам.
Что-то за ним стоит —
Дышит, смотрит, молчит.

Строят буддисты дацан.
Туристы глотают аршан.
Ленточки на ветру —
Может, здоровой умру.

Лес кедровый побит.
Леший веками спит.

Кынгарга по камням.
Что-то подходит к нам.

Из всех затуманенных пор —
Дыхание гор.

* * *

Вот она я, читавица!
Видишь меня, Велимир?
Бабушка отзывается,
Смотрит на этот мир.

— Хочешь с судьбою справиться,
Тише воды живи.
Тоже была читавица.
Тоже всё по любви.

В лагерь, в Сибирь, на выселки.
Стройка за Ангарой.
Первый недолго выдержал.
Лётчик— герой второй.

Могилы за чёрной оградой.
Страшно идти среди них.
— Мертвых бояться не надо —
Надо бояться живых.

ИРКУТСК

В этом городе декабристов
В декабре такие морозы,
Что дышать только через варежку,
А монетка влипает в стекло.

Планетарий здесь — перевертыш.
Река убегает от озера.
Буряты глядят, прищурившись, —
Им в унтах зимою тепло.

Несолёное море детства.
Омудёвая бочка славная.
Мой корабль давно на якоре
Совсем в другой стороне.

Чего я на ней не видела?
О чем я её проплакала?
Кто бы чаю с листом смородины
Заварил, как бабушка, мне.

* * *

Этот горький запах корицы
В сочетании с первым снегом.
Что-то очень важное мнится.
Пол-Москвы по озвучкам избегав,
Понимаешь, что жизнь вообще-то,
Даже если дубляж не очень,
Получилась — по всем приметам.
И синхронно ложится в строчку.

ЧЕН КИМ (Носков Александр Владимирович) родился в 1958 году в г. Свердловск-45. Окончил Московский станкоинструментальный институт.

Публиковался в журналах «Знамя», «Флорида», «Зарубежные задворки», «Город», «Москва» и др. Автор книг стихотворений «Сто СтЕхов» (2009), «Второй прыжок» (2011) и «Воздушный парад для героев» (2014).

Живёт в Москве.

Чен КИМ

МАРШРУТКА

От майской зарплаты в конверте
Осталось четырнадцать тыщ...
Лети, наша «капсула смерти»,
Лети — от Москвы до Мытищ!
В тепле своей съёмной квартиры
Уснёшь за кухонным столом,
Закрывшись от внешнего мира
Прозрачным оконным стеклом.
На улицах нету прохожих,
Лишь редкие окна горят.
Ночные кварталы похожи
На спящих в окопе солдат...

УТРЕННЕЕ МЕТРО, ЕСЛИ ЕДЕШЬ СИДЯ

В вагоне пахнет лавкой,
Торгующей духами,
А мне плевать на давку —
Лицо закрыв руками,
Я сплю. Дышу всё реже...
Я свой в подземном мире.
Я тих и безмятежен,
Как Т-34.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ. ОПИСАНИЕ ПРИРОДЫ. МОЖНО ПРОПУСТИТЬ

На прекрасный пример бескорыстья
Поглядеть по тропинке иду —
Золотые шикарные листья
В поселковом холодном пруду.
Глуповатые мысли о смерти
Осень тут же даёт мне взаимы.
В тихом омуте мокрые черти
Ожидают прихода зимы...

ДЕТИ ПОДЗЕМЕЛЬЯ

На подземной парковке
Магазина «Ашан»
Мама просто и ловко
Достаёт малыша
Из железной тележки,
Где пакетов гора
(В них еда для поддержки
Сил любви и добра).
Мальчик спит безмятежно,
И, заботясь о нём,
Мать фиксирует нежно
Автокресло ремнём.
И, гружённый под крышу,
Вдоль обшарпанных стен
Проплывает чуть слышно
Голубой «Ситроен».
Шелестящие шины,
Тени серых камней,
И мерцают рубины
Габаритных огней.
Как в тиши Третьяковки,
Засыпает душа
На подземной парковке
Магазина «Ашан».

По бетонной дорожке
К двери лифта иду.
Привыкаю немножко
К жизни в этом аду.

ПЕЧКА

Печка остыла к утру,
Но дом ещё держит тепло.
Туман со стекла сотру —
Немножко станет светло.
На улице нашей пустой
Никто почти не живёт.
И только татарин глухой
Тоскливую песню поёт.
Пойду к нему покурить,
Пока закипает чай.
С ним можно не говорить,
А просто сидеть и молчать.

А КОГДА ПЕРВАЯ ЭЛЕКТРИЧКА?

Серпухов. На станции в буфете
Женщина с тяжёлыми руками,
Водку отпуская на рассвете,
Шутит по привычке с мужиками
Горькую и несмешную шутку...
Сдачу на тарелочку бросает.
Вроде как проснулась на минутку
И обратно тихо засыпает.

СИЖУ У ОКОШКА. ЗЫРЮ, КАК ГУЛЯЮТ ВЕЧЕРНИЕ ЛЮДИ

Я совсем не понимаю,
Что случается потом —
После достижения краю
Человечьим существом.
И от этого, признаться,
Я испытываю страх.
А монахи не боятся
На Тибетских на горах.
Их ни капли не пугает
Жизнью выданный билет —
На Тибете каждый знает,
Что вообще-то смерти нет.
Впрочем, как и жизни тоже...
Из окошек и дверей
Тихо льётся на прохожих
Свет волшебных фонарей.
Люди входят в пятна света
И уходят в темноту.
Вроде были... Бац, и нету —
Заступили за черту.

ДЕНЬ СУРКА. ПРОСТОЙ СТИШОК

Покончить наконец со снежной
Зимой. По траве идти,
И чтоб собаки безмятежно
Крутились метрах в двадцати.
Хочу, чтоб сладкая усталость
Сидела с нами у костра.
Чтоб это вечно повторялось,
Не превращаясь во вчера...

МОЙ ГОРОД

Бывает так, что в шуме городском
Свою простую музыку услышишь.
Она твоя, ты с ней давно знаком —
Ну разве что тональностью повыше...
Снимаю шапку с бритой головы,
На солнце греясь по пути с работы.
Конечно, я не «виртуоз Москвы»,
Но, видит бог, я попадаю в ноты.

ГЕРОЙ

Да, понедельник, как всегда, невесел...
В маршрутке смрад и нет свободных мест.
Ты тихо умираешь между кресел,
Передавая деньги за проезд.
Поставив разом крест на всех проблемах,
Лежишь убитый собственной судьбой —
Дурацких комиссаров в пыльных шлемах
Не будет, чтоб склониться над тобой.
Вот так лежать и никого не трогать,
И чтоб тебя не трогал бы никто...
Но на работе без тебя не могут.
И ты встаёшь. В испачканном пальто.

ХОЧУ НА МОРЕ

Белеет парус одинокий,
Чернеют люди на пляжу,
Мужчина пьяный в караоке
Поёт «Таганку». Я гляжу
На женщин, что лежат, сгорая
Для пущей тела красоты.
Да! — это что-то вроде рая
Осуществившейся мечты.
Коробку папирос в одежде
Найти. Валяясь на песке,
Курить и знать, что, как и прежде,
Белеет парус вдалеке.

БЕЗ СНА

Опять этой ночью не спится?
Курантов полуночный бой
В кошмар превращает столицу.
Не бойся, я рядом с тобой.
Войдём же в печальные скверы,
Где ждёт нас дозорный патруль
С молитвою — «Символом веры» —
И горстью серебряных пуль.
Ты видишь чугунные люки?
Они для того тяжелы,
Чтоб страшные смертные муки
Изрытой подземной скалы
Не вырвались в город уснувший
И мёртвые чёрные сны
Людские не тронули души,
Что так беззащитно нежны.

КРЫЛЬЯ

Тратить жизнь продолжаю беспечно,
День за днём превращая в игру.
У меня ещё целая вечность —
Я ведь знаю, что я не умру.
Если б не было этого знания,
Я бы с болью минуты считал
И себя повергал бы в терзанья,
Что опять не успел, опоздал...
Слава богу, от этих мучений
Я избавлен. Я знаю секрет:
Для живущих внутри сновидений
Ни пространства, ни времени нет.
Мы лишь сон абсолютного Бога,
Удивительный красочный сон...
Иногда наши сны совпадают немного,
То есть видим мы то же, что Он.

КУВАКИН АЛЕКСАНДР ГЕННАДЬЕВИЧ родился в 1960 году. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Член Союза писателей России.

Автор трёх сборников стихотворений. Лауреат Московского международного конкурса поэзии «Золотое перо», Всероссийского поэтического конкурса им. С. А. Есенина, Всемирного поэтического марафона (МАПП), XI Артиады народов России. Живёт в Москве.

Александр КУВАКИН

* * *

Поэзия — господне ремесло.
Тщись, лезь из кожи, тайнодействуй —
не угадать, откуда принесло
строфу вот эту, рифмы эти. Шествуй,
вгрызайся в тайну дальше, раскали
страсть добела и силой опали
всё зримое.
И что же видишь ты?
Край обожжённый вечной пустоты.

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Вставай, вставай, обугленное слово!
Я песню радости спою тебе.
Угрюмый жар пожара мирового.
Пылавшего в твоей судьбе,

Погас.
И только ветер гонит пули
По русскому бродвею день за днём,
Да истукан в последнем карауле
Охвачен красным, треснувшим огнём.

Вставай, вставай, измученное слово!
Тебя пытали так, что лишь душа
Одна осталась от всего живого,
Да и у той — ни крова, ни гроша.

Но свет горит.
И на осеннем поле
По золотому чёрное легло.
И в этой непреклонной, вечной воле
Всплеск лёгкого дыханья твоего.

И праздничное налетает чувство,
Что выздоравливаешь ты,
Что пеня русского весёлое искусство
Сорвет печать сердечной немоты.

И как лесов осеннее цветенье
Рисунком нежным в воздухе сквозит,
Так близкий снег — не снег, а вдохновенье.
Когда с землёю небо говорит.

* * *

Яблоки падают, падают, падают —
Время на время покинуло нас.
Тени бывшего собою командуют,
Не оставляя о счастье рассказ.

Да! Мы заложники счастья вечного —
Им наши взоры ослеплены.
Верной дорогою шествуем Млечною
В счастье слепом — от войны до войны.

* * *

Всё дело — в этой тишине
В руках у ангела возмездья.
Всё дело — в этой глубине
Поющих сумерек предместья.

И ангел — будущего знак,
И сумерки, как знак ушедших,
Нам вручены пройти сквозь мрак
Времени, в грядущее вошедших.

* * *

Есть области таинственного зренья,
Куда не проникает гордый взгляд.
Не встретишь там ни смерти, ни забвенья,
Там смыслы, освещая всё, горят.

Но нам, хлебнувшим воли, не до смысла.
Мы — гордые! И всё — нам по плечу.
Горит Восток! И роковые числа
Навстречу нам уже зажгли свечу.

* * *

Государство не знает побед.
Менеджмент на излёте.
Человеку не нужен свет —
Он в полёте.

«Небо, небо! — он звал в окне. —
Ты — свободно, лечу с тобою!»
Голос гаснет в ночной вышине
Перед встречей с землёю.

* * *

Найти живое и убить его —
Закон суровый века моего.

Я детства помню праздничный кумач,
А в кумаче — безжалостный палач.

Искал я в книгах мысли идеал,
А он, суровый, мысль из них изъял.

Смотрел я современникам в глаза,
А в них — страданья долгого слеза.

И после — столько лиц и столько встреч!
А в воздухе над головами — меч.

Что ж! Неслучайно век был этот дан —
Чтоб нам открылся наших душ изъян,

Чтоб видели отныне и вовек:
Вне духа человек — не человек.

Прощай, закон! И ты, мой век, прощай —
И низкой правды долг не возвращай.

* * *

Цемент горяч. Песок тяжёл.
И руки виснут, словно плети.
Но силы человек нашёл
В родной золе, в сгоревшем свете.

И камень лёг в родную пыль
Фундаментом земли и дома.
А мировой подземный штиль
Ответил зло ударом грома.

* * *

Им ещё не время умирать —
Лёгким и несбыточным мечтам.
Им ещё беспечно коротать
До военных бесконечных драм.

Набродись по сумрачной земле,
Намечтайся упоённо впрок,
Чтобы в мировой грядущей мгле
Ты узнать черты родного смог.

УТРО НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ

Как соловья ни трави, —
Вечно поёт о любви.

Вечно поёт об одном —
Славит Предвечного дом.

Друг мой! Былые года,
Словно донская вода,

Словно донская печаль,
Канули в самую даль.

«Ты их назад не зови», —
Молят твои соловьи.

Красное утро, гряди!
Сердце живое буди.

Взвей над полями рассвет
Долгих, безоблачных лет.

Сколько блаженств впереди!
Белое солнце, гряди!

Друг мой, душа! Не страшись —
Ясная в ясном явись.

Да, все мосты сожжены,
Да, ни детей, ни жены,

Да, только други вокруг,
Да, только солнечный круг.

Пусть впереди — смертный бой.
Белое солнце — с тобой!

...Здесь, у Непрядвы твоей,
Вечно поёт соловей.

* * *

Здравствуй, песня полей предвоенной равнины:
Петербург — Петроград — Ленинград... Петербург!
Ветер, бивший в лицо, бьёт сегодня нам в спины, —
Маски прочь! Хоровод собирается в круг.

Бейтесь, бейтесь в гранит, ненасытные волны!
Падай навзничь земля, предававшая свет!
Стройтесь молнии с громом попарно в колонны, —
Дочитайте грядущему Новый Завет.

Кто оплачет зарю, что отпела всех павших?
Чьи сердца не сожжёт солнца луч золотой?
Чью мечту не убьют песни новых восставших?
Чей алтарь защищён неземной красотой?

Исчезает из глаз день, летящий обратно, —
Это тысяча лет обращается вспять,
Превращается в час неземной, незакатный, —
Вновь потёмки души мировой освещать.

Бейся, бейся в ночи, неразумное сердце,
Прозревая грядущего звука пути.
Это белый рассвет, возвратившийся в детство, —
Только в чудо нездешнее веруй — и жди.

...А в России — зима. И плывут бесконечно
За окном в бриллиантах поля и леса.
И Любовь в небесах снег транжирит беспечно,
А Надежда и Вера глядят в небеса.

* * *

Вместо нас останутся слова.
Чья-то наклонится голова
Над стихами нашими.
И вдруг
Огненный возринет в Небе круг.

Прочь, сомненья! Дальше от земли!
Дни тысячелетья отцвели.
Ясно, вольно и бело вокруг —
Жги сердца новорождённый звук!

ЛУКОМСКАЯ АНАСТАСИЯ в 2011 году закончила Литературный институт им. А. М. Горького (семинар поэзии Сергея Арутюнова). Публиковалась в журнале «Нева», сборниках «Часовые памяти», «Львы и музы», «Неформатные стихи. Поэзия автостопом», «Дорогая моя столица, золотая моя Москва» и других изданиях и альманахах. Автор сборника стихотворений «Стихосоматика» (2016) и остросюжетной психоделической поэмы-сказки «Тайна Кристальных Миров» (2016, издана на английском языке, на русском — в виде аудиокниги), сейчас готовится к выходу в свет книга «Крыши Петербурга».

Лауреат фестиваля «Мцыри», литературной премии «В поисках правды и справедливости», поэтического конкурса «Покорение космоса — слава России». Живёт в Москве.

Анастасия ЛУКОМСКАЯ

ВЕЛОСИПЕД

Я вцепилась крепко в велосипед
И лечу на нём наугад
Через тёмный лес, через лунный свет
И космический листопад.

Шелестит печально листва берёз,
Я могу её речь понять —
Ей совсем не хочется под откос
И не нравится умирать.

Я несусь наощупь куда-то вдаль,
И со мной происходит смерть,
Этих детских снов бесконечно жаль,
Ни за что не хочу взрослеть!

Я всё та же девочка, что в пять лет
Забивалась под низкий стол,
Чтоб ни волк, ни леший, ни людоед
Никогда её не нашёл.

Я — одна из маленьких добрых фей
И сама создаю миры,
Захочу — придумаю сто друзей,
Сто соратников для игры.

Захочу — придумаю сто подруг,
Талисманов на добрый путь,
Чтобы кто-то бросил мне в море круг,
Если вдруг я начну тонуть.

Захочу — я буду сидеть в углу
И жалеть обо всём навзрыд,
Я умею выдумать в мире мглу
И поверить во сто обид,

Оживить сто страшных чудовищ вмиг
И забиться от них под шкаф —
Я узнаю их из сюжетов книг,
Что подписаны «Вильгельм Гауф».

В беззаботном мире волшебных игр
Сотни песен могу создать,

Но попав во взрослый реальный мир,
Я не знаю, как поступать.

Потому-то кажется страшной весть,
Что как будто уже пора,
Что придётся девочке умереть,
Ибо чувства её — игра,

Что ещё минута — и в тёмный хлев
Поведут её на убой,
И никак не верю, что, повзрослев,
Я останусь самой собой.

На осколки рушатся сотни грёз,
Эта осень — Армагеддон,
Но из этих честных осенних слёз
Появляется новый сон,

И уже не верится, что ему
Я когда-то кричала «нет!»,
И несётся вдаль, рассекая тьму,
Мой волшебный велосипед.

НОЯБРЬ

Неси меня дальше, зелёная рыбка,
За стенами дома реальность так зыбка,
Что стоит пройти по тропе за калитку —
Начнётся магический лес,
На белом снегу видно чёрные руны,
Деревья похожи на варварских гуннов,
И слышно, как рвутся реальности струны,
И близок всеобщий конец.

Черны силуэты осиновых веток,
Засохшие листья трепещут от ветра,
И в небе чернильном — ни лучика света,
Но светится призрачный снег.
Среди запустенья и грусти бездонной
Всё кажется выцветшим, потусторонним,
Нездешним и тёмным, таким монотонным,
Как может здесь жить человек?

Листва под ногами хрустит, словно кости,
Всё станет землёй на всеобщем погосте,
Ступаю по насту, по тонкой коросте
На теле планеты родной.
Мне чудится запах глобальной подставы,
Опасная близость с границами Нави,
От этих энергий колышутся травы
Они потеряли покой.

Единственный остров спасенья — под крышей,
В натопленном доме, где серые мыши
Скребуются, играют и даже не слышат,
Как в ставни стучится тоска,
Где яблоки тихо гниют на террасе,
Замёрзла вода, позабытая в тазе,
Где в банках уютно хранятся запасы
Варенья, крупы и песка.

Последнее место среди запустенья,
Среди ноября, пустоты, отчужденья,
Раздетых скелетов зловещих растений,
Всеобщего царства химер.
Мерцает свеча и не может согреться,
И слышно, как бьётся под рёбрами сердце,
И некуда деться, пластмассовый, детский
Лежит на столе револьвер.

ТИШИНА

Мне в толпе до того одиноко —
Эти люди по тысяче раз
Говорят мне про йогу и Бога
И присутствие здесь и сейчас,

Про открытие чакр и пространство,
Что всецело подвластно уму,
Про здоровье, любовь и веганство
(Сразу хочется съесть шаурму).

И куда ни придёшь — разговоры
Про трансерфинг и прочий буддизм.
(Я трансерфлю побольше хардкора,
Потому что достал оптимизм.)

Эти звуки сливаются в хаос,
А слова превращаются в фарс.
— Эй, чувак! Просветлёнка осталась?
— Как всегда, по пятьсот за сеанс.

Замолчите, вы все упорались!
Я свою потеряла волну,
Я не слышу свой внутренний голос,
Я не слышу свою тишину.

НОВЫЙ РУБЕЖ

Отключи интернет, разбери ноутбук,
Провода телефона обрежь.
Слышишь — кто-то стучит? Это вовсе не стук,
Это близится новый рубеж.

Закупись на неделю, на месяц, на год,
Не впускай в этот дом никого,
Кто-то хочет войти, кто-то скоро войдёт,
Ты, наверное, слышишь его.

За окном даже воздух тяжёл, как свинец,
Попробуй заклеить стекло,
Чтобы всё герметично, иначе конец,
Стрелки времени все сорвало.

Не впускай ни сирот, ни детей, ни больных,
Это всё — наваждение, обман,
Жги лампаду, молись и проси всех святых,
Пусть опустится тайный стоп-кран.

Постарайся проникнуть в природу вещей,
Стань отшельником стен городских,
Может быть, твоя келья среди этажей
И продержится дольше других.

Будут лаять собаки и звать голоса,
Будут пальцы скрести по стеклу,
Запечатая глазок, не смотри им в глаза,
Не впускай изначальную мглу.

Абстрагируйся, слушай, в тебе — пустота,
Растворяйся, вы с нею — одно,
Постарайся успеть раствориться, когда
Эта комната рухнет на дно.

* * *

Я снова в дороге, мне снова нет дела,
Куда я поеду, откуда и где я,
А те, кто хотел, чтобы я повзрослела,
Скорее дождутся, что я поседею.

И как ни пыталась Москва — не связала
Ни прочной семьёй, ни приличной работой,
Меня дожидаются трассы, вокзалы,
И в разные страны летят самолёты.

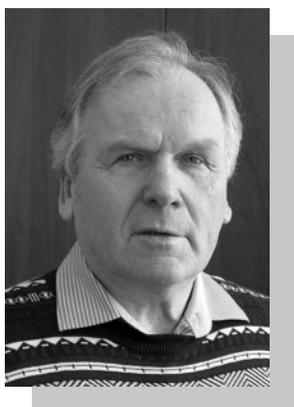
Я снова в движенье, я снова в дороге,
В курортном посёлке вблизи Коктебеля
Автобуса жду на пустой остановке,
И время сквозь пальцы течёт еле-еле.

Привет, незнакомец! Придумай мне имя,
Придумай мне хобби, профессию, возраст,
Друзей и детей, что могли быть моими,
Откуда я еду, ведь это так просто!

Придумай, о чём я грущу и мечтаю,
Мне так интересна любая подробность,
И с чем эскимо, что в руке моей тает?
Ну всё, мне пора, подъезжает автобус!

Так много людей на пути я встречаю,
Когда я в дороге, когда я в движенье,
И каждый прохожий меня сочиняет,
В своём проецируя воображенье.

Они замечают мою оболочку,
Которая, в общем-то, обыкновенна,
А кто я внутри? Незаметная точка,
Что движется вечно по карте вселенной.

ОБУХОВ ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ родился в 1953 году в селе Вавож Удмуртской АССР.

Искусствовед, художник, писатель. С 1975 года, окончив отделение теории и истории искусств МГУ, живёт и работает в Калуге. Автор искусствоведческих книг и альбомов. Участник международных и всероссийских художественных выставок.

Автор поэтических книг: «Чудо Розария Козлоблудина» (2008), «Круг подобий» (2013), «Строй строк» (2014), «Прочнее меди» (2015), «Мгновения» (2015) и «Полёт лет» (2016), а также сборника палиндромов «Нет стен!» (2014).

Член Союза художников России и Союза российских писателей. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Живёт в Калуге.

Владимир ОБУХОВ

* * *

Бьются оземь щекастые яблоки.
Донага раздевается сад.
Крон короны, всё менее яркие,
обращаются в листопад,
обращаются в морок, в кружение
то ли золота, то ли сна —
что-то вроде стихосложения
происходит в проёме окна.
Кто-то вроде соседа умершего
копошится в соседнем саду,
тряпки старые перевешивая,
топоча, бормоча на ходу...

* * *

Жизнь происходит невзначай.
Она почти случайна.
Так пьют и выпивают чай,
в задумчивости, в чайной.
Так с незнакомцем говорят,
зевая, в электричке —
на полпути в небесный град
и к чёрту на кулички.
И вот что странно: пусть сама
жизнь — миг и фигли-мигли,
но вслед за ней встают дома
и расцветают книги.
И прорастает дух в душе.
И, словно весть благая,
из жизни жизнь растёт — уже
какая-то другая.

* * *

Здравствуй, Гамлет! Я — твой бедный Йорик.
Принц! Я говорю тебе, любя:
воздух Дании, как горе, горек —
не меня жалей — жалей себя —

право, лучше бы не мстить, не биться
с мразью — крепче душу затвори —
пышет злобой датская столица —
дышат злобой лёгкие твои...
Разве стоит мстью жить одною,
быть несчастней всех и всех правей,
для того лишь, чтобы вслед за мною
оказаться в обществе червей?

* * *

Там, над крышею, халатик
заискрился на свету —
руки вытянув, лунатик
ловит ими пустоту.
Боже мой! По краю крыши
вот уже шагает он,
ничего, видать, не слыша
сквозь его влекущий сон.
Но стремится он шаг летучий
в звёздной блещущей пыли
мимо смерти, мимо тучи,
мимо неба и земли.

* * *

Не старее вы стали, а старше.
Очи ярче горят — в ночи.
Поднимают заздравные чаши
поседелые бородачи.
Пьют за здоровье нового века
и за здоровье тел и душ.
И вино страшно-красного цвета
льют, как в бочки, в массивы туш.
Блеск от лампочки голой. И пляски
тени лёгкой, как смех на устах.
И сверкают раздумчиво краски
на картонках и на холстах.
Мало вас. Нет уж многих. Клубится
тьма: тень тени. И, как в кино,
вдруг во тьме возникают лица,
если долго глядеть в окно.

* * *

Часовня у дороги
Орел — Елец.
Вокруг поля широкие,
а тут, как остров, лес:
прозрачной чаши месииво
к погосту льнет, к крестам.
Стоял на этом месте —
в войну сожжённый — храм.
Тут на потеху швали
немецкой — выл костер:
в тот храм селян загнали,

спалив — как сор.
И тут же похоронены
и мать моя, и брат...
Машины свищут. Вороны
о чём-то говорят.
Решёточка узорная.
Село. За ним поля.
И чуть дымится чёрная
орловская земля.

* * *

Славный день! Так пораньше раскроем
занавески оконные, чтоб
насладиться торжественным строем
драгоценных калужских трущоб —
и увидеть, как быстро над светло-
жёлтой каменной рощей веков
волокут вороватые ветры
золотое руно облаков.

* * *

Никому. Никогда. Ниоткуда.
Но ведь где-то, наверное, есть
слово вещёе: слово-чудо,
слово-даль, слово-высь, слово-весть.
Ты не слышишь его? Я не слышу.
Ты не веришь в него? Что ж, не верь.
Под окошком — убогие крыши.
И закрыта железная дверь.
Как услышать нам небо отсюда?
Ведь, наверное, где-то вдали
ждут нас всё же свобода и чудо —
там, где небо коснулось земли.

* * *

Мои печали постарели,
а радости печальны стали,
и, как на старой акварели,
тускнеют облака и стаи
холмов над омутом тумана.
Тускнеет полоса осоки.
Звон колокольный душу манит —
такой далёкий и высокий.
Но тает он в пучине леса.
И наступает вечер поздний.
И, тая, утекает лето,
как в Лету или в вечность, в осень.

* * *

Слепой ведёт слепого
над пропастью во ржи —
цепляется за слово,
а в слове — пропасть лжи.

Согреться в бездне мысли
пытается мудрец —
но годы в вечность смыли
тепло живых сердец.
Встает слепое поле.
Бежит во ржи тропа.
Согнулась, как от боли,
могильная трава.
Слепой ведёт слепого.
Глаза стекли с лица.
В лёд обратилось слово
слепого мудреца.

* * *

Завечерело. Зазвенело
небес серебряное дно.
Зари израненное тело
струит кровавое вино.
И гонит годы чёрный ветер —
и силу ту не превозмочь.
Я хорошо пожил на свете,
но жаль, что наступает ночь.

* * *

Осень — время покоя и воли.
Осень — с далью и болью в ладу.
Выхожу я во чистое поле.
Как по жизни, по полю иду.
И, наверное, не напрасно
я иду, я живу. Как мала
жизнь любая! А роща — прозрачна.
А Ока, как душа, светла.
В облаках разгорается просинь.
Устремляются стаи в полёт.
И крылатая белая осень
лебединую песню поёт.

* * *

Счастья корень — соучастие
в жизни. Если по уму
счастье — даже поиск счастья,
даже подступы к нему.
Если, правда, жизнь — большая:
от земли и до небес.
Если нет у жизни края
и конца нет. Наконец,
если верим в полной мере
в благость бед и вред побед.
Если верим... Просто — верим.
Если мы идём — на свет.

ПУХАНОВ ВИТАЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ родился в Киеве. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького (1993). Работал в отделе поэзии журнала «Новая Юность». На рубеже 1990–2000-х годов — редактор отдела прозы журнала «Октябрь». С 2003 года — ответственный секретарь независимой литературной премии «Дебют». Автор книг «Деревянный сад» (1995), «Плоды смоковницы» (2003), «Школа милосердия» (2014). Лауреат журнала «Новый мир» (2011) и премии «Anthologia» (2014) за книгу «Школа милосердия». Живёт в Москве.

Виталий ПУХАНОВ

* * *

Слепому приходят счета за свет.
Лето. На кухне газ.
Переживает, ищет ответ:
С детства живёт без глаз.

Зыбкая связь: заходил сосед,
Сумкой в дверях гремел,
Не погасил в коридоре свет.
Целый месяц горел!

Бросишь ангелу взгляд вослед,
А на старости лет
Идут счета за небесный свет.
Ты бессилён и слеп.

Столько не вытрясешь из горсти,
Сколько ни умоляй:
Или небесный свет погаси,
Или не ослепляй.

* * *

Давай, научу тебя тому,
Чего сам не умею:
Говорить правду.
Ты говоришь, а мне безразлично.
Ты говоришь, а я не верю тебе.
Так научись говорить правду
Самому себе.

* * *

До тридцати мужчине важно не сесть в тюрьму.
До сорока важно не стать алкоголиком.
До пятидесяти важно не умереть от инфаркта.
До шестидесяти важно не жениться ещё раз.
До семидесяти важно не уйти на пенсию.
До восьмидесяти важно всё вспомнить.
До девяноста важно всё забыть.
До ста важно не остаться на второй круг.

* * *

Двадцатый век был веком злоключений —
Погибли все, почти без исключений.
О тех немногих, выживших почти,
В журналах старых почитай, почти.
Их жизнь была немало тяжелее,
Хотя порой немало веселее, —
Вспоминать, судить и просвещать,
Да милые могилы навещать.
О муках прошлого им не дали забыть,
Знать, для того и отпускали жить.
Сын спросит у отца. Дождётся сын ответа:
Проходят времена, вот-вот пройдёт и это,
Для горя нового очищены сердца,
Не бойся ничего, останься до конца!
И всё-таки мне жаль слезы смешной, пролитой
Однажды вечером за книжкою раскрытой.

* * *

Все боялись получить в тыкву.
Тыква была ни при чем.
Но и «хочешь тыкву?»,
Конечно же, нет.
Гарбузовая каша —
Символ приближающейся смерти,
Её милосердная младшая сестра.
Кашу не варили даже в интернате:
Дети не станут есть.
Прошло тридцать лет,
Прежде чем божественный
Низкоколорийный обильный овощ
Открыл свои тайны.
Хочешь в тыкву?
Да, неплохо бы.
Чего мы боялись?
В тыкву так в тыкву.

* * *

Поэзия — чумной барак.
Выздоровлённых нет.
Лежат вповалку друг и враг,
А в окна валит снег.

Никто не спит: и день и ночь
Стенания и плач.
Нет, не приходит врач помочь,
Не носят передач.

Отходят. Только одному
Достанется почёт.
Он сам переживёт чуму
И дальше понесёт.

* * *

Их долго пугали мечом и огнём,
И пыткой китайской пытали.
Им спать не давали ни ночью, ни днём,
Но узники лучше не стали.

Весь город пришёл храбрецов хоронить.
Мучители насмерть устали:
Ни болью, ни страхом к добру не склонить.
Такие вот люди из стали.

* * *

За всех участливых, ничтожных,
Судьбой развеянных, как дым, —
Мы жили счастливо! Но всё же:
Мы позавидовали им.

Кого пехота захудалая,
Кого Шойгу, кого весна,
Кого десница шестипалая,
А нас — поэзия спасла.

Ты в эту щель не сунешь лезвие,
Где космос — мрак,
Где свет — дыра,
Где никого, кроме поэзии,
Где нам пора. И ей — пора.

* * *

Милый друг, ни о чём не тревожься,
Жизнь прекрасна, а смерть далека.
Много раз ты уснёшь и проснёшься,
Ты в надёжных и добрых руках!
На посту боевом пограничник
Закрывает тебя от врага.
В шесть ноль-ноль поварёнок-отличник
В печь поставит говна-пирога.
Инноваций творцы, революций:
Каждый трудится, ночью не спит,
И в лепёшку они расшибутся,
Лишь бы ты был спокоен и сыт.
Если вдруг, кто из них попадётся
Ненароком тебе на глаза,
Ты им тупость прости и уродства,
Обними, отведи на вокзал.

* * *

В нашей маленькой Вселенной,
Кроме смерти достоверной,
Остаётся путь один:
Доглядеться до глубин.
Ужас рвотный, внутривенный
Нашей маленькой Вселенной
До конца перетерпеть,
Испугаться не успеть.

Чтобы вечность не сморгнуть,
Нужно в вечность заглянуть.
Там, среди чужого хлама,
Потеряться, крикнуть «Мама!»
И вернуться навсегда
В наше местное «сюда».
На Рождественский снежок,
Шутки кончились, дружок.

* * *

Вот так мы победили смерть:
Согнули вдвое лист бумажный,
Лизнули. Сделали конверт
И адрес вывели отважно.
Кому: Бессмертие. Тот свет.
«Простите! Всех предупредите:
Мы здесь останемся. Не ждите!»

* * *

Как трудно быть придурком на земле:
Ходить и притворяться не придурком.
Однажды обнаружиться в золе,
Обычным подавись окурком.
Иль выйти на космическую связь
Меж станций метрополитена,
Простым стихом банально опьянись.
Да как же можно так — обыкновенно!

* * *

Мы пережили красных, белых,
И прорвались через года.
Так неумело, так несмело
Ты улыбнулась мне тогда.
Одно октябрьское утро,
И зимы, полные скорбей.
Перекликаясь поминутно,
Одни, среди чужих людей.
Беда приходит, как товарищ,
Без спросу — на бесчестье дней.
Холодной ночью согреваюсь
Одной улыбкою твоей.
Как в то октябрьское утро
Мне напоследок улыбнись.
Так дверь скрипит! Уходит жизнь?
Сквозь горький сон я слышу смутно.

РЫЧКОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА родилась в Томске. Поэт, литературный критик. Окончила Томский государственный университет и Высшие литературные курсы при Литинституте им. А. М. Горького. Член Союза российских писателей. Автор книг стихотворений «Каждый охотник» (1997) и «Логика вещей» (2010), лауреат ряда литературных премий. Редактор приложения «Независимой газеты» «НГ-Ex Libris». Член Союза российских писателей. Член Союза писателей Москвы.

Живёт в Москве.

Ольга РЫЧКОВА

* * *

Время: встречи — однодневки,
Волны на песке.
По Фонтанке и по Невке,
По Москве-реке

Одинокий пароходик
Курсом в никуда
По течению уходит,
Как в ночи вода.

Бог с тобою, ты со мною,
Времени исход.
Чёрный ветер над Невой.
Синий пароход.

ВОЛНА

Волна — исчадие ветров,
Кочевница морская!
Какой несёшь ты нам улов,
Сама того не зная?

Останови же, наконец,
Свой бег, доселе пылкий.
Смотри: медузы, и мертвец,
И чёрная бутылка.

И не письмо в ней, а вино...
Так что ж мы пьём и плачем,
Когда медузам всё равно,
А мёртвому — тем паче?

* * *

Катит царственная Лета
Медным маршем похоронным
Неразменную монету
С императором Нероном.

Неразменную монетой
Утонул в забвеньи сладком

Рим: аверс — времён расцвета,
Реверс — времени упадка...

РИМ

Сто тысяч раз взлетали птицы
С Капитолийского холма.
И боги отвращали лица,
И люди прятались в дома,

Пока росла и тяжелела
Громада камня и огня.
Она сжигала, не жалела
Волчонка глупого — меня.

Что знает вещей археолог
Про волчий коготь, волчий клык?
Он зрит лишь мраморный осколок,
Он чтит лишь мраморный язык,

Не замечая ключев пены,
Что с губ роняла волчья пасть...
Не для того я шёл сквозь стены,
Чтоб в прах к ногам его упасть.

И берега далёкой Леты,
Где я бродил, угрюм и слаб,
Хранят не пыльные монеты,
Но отпечатки волчьих лап!

ПЕСНИ ПОДМОСКОВНЫХ СЛАВЯН

1.

Моцарт поёт телефонный,
Мокнет пейзаж заоконный,
Здесь, в подмосковном лесу,
Сумерки-сумерки-су...

Сумрак встаёт исполинский
Над электричкой ногинской,
Капли дрожат на лету,
Моцарт пищит в темноту.

Рельсы, перрон, эстакада,
Выдох и вдох листопада
Сосны, воронье гнездо,
Дождики-дождики-до...

Дождь одинокий, бессрочный
На направленье восточном.
Моцарт, погасли огни,
Мы в этом свете одни.

В мире темно, как в колодце,
Разве ещё один Моцарт
В чьей-то соседней «трубе»
Эхом ответит тебе.

2. (НОСТАЛЬГИЯ ПО ПЕТЕРБУРГУ)

Лижет гранит ледяная Нева,
А подмосковный народ по привычке
Штурмом, как Зимний, берёт электрички.
Позднее солнце вступает в права.

Позднее солнце в октябрьском чаду
Поезду кажет свой матовый кукиш.
Вот коробейник. Не хочешь, а купишь
В ассортименте себе ерунду —

Там, батарейку, расческу, носки...
Деньги на ветер, и радости мало,
Но и тоски зато как не бывало —
Этой тревожной дорожной тоски.

Только колёса стучат в голове,
Только летят за окном перегоны,
Да контролёры плывут по вагонам
Как корабли по Неве, по Неве.

РОБИНЗОНЫ

Косых лучей сумятица
В зелёных деревьях.
Мы — Робинзон и Пятница
На диких островах.

Морская каракатица —
чуждое существо!
Мы — Робинзон и Пятница,
И больше — никого.

Волна в испуге пятится,
Обжэгшись о песок.
Мы — Робинзон и Пятница,
Наш плот из двух досок.

Лениво время тянется,
То вниз ползёт, то вверх.
Корабль будет в пятницу —
За дождичком в четверг.

ПЕРЕЛЁТНАЯ ПЕСНЬ

Осенним курсом — зюйд-зюйд-вест,
дорогой голубой,
под колокольный благовест —
тяжелый разнобой,

внезапный снег, угрюмый дождь,
молчание травы,
сомнамбулическую дрожь
дряхлающей листвы

летим, рассвет отбросив прочь
ударами крыла,
пока обманчивая ночь
на землю не легла

и не раскинула окрест
свой флёр из лёгких звёзд...
Осенним курсом — зюйд-зюйд-вест,
обратным — норд-норд-ост.

ПЕРЕХОД НА ОСЕННЕЕ ВРЕМЯ

Осеннее время проходит вразрез
С веселым течением улиц.
Вот листья созрели, и воды с небес
Обратно на землю вернулись.
И осень безмолвно стоит на углу,
А ей расточают хулу и хвалу
Все люди и звери. Но ходят по дну
Под шорохи, вздохи и крики
Столетние рыбы, храня тишину, —
Печальны, пусты, безъязыки.
Едва ли коснётся их сонных миров
Нечаянный отзвук осенних пиров.
И время, бессильно пред плоскостью вод,
Уходит в леса одиноко
И листьям трубит запоздалый поход
По следу воздушных потоков.
И листья слагает в бессильную горсть
Осеннее время — нечаянный гость.
Осеннее время от вод вдалеке
Проносит сквозь тёмные страны
Прилипшие листья на правой руке.
Земные границы — на ржавом замке,
И ключ — в глубине океана.

* * *

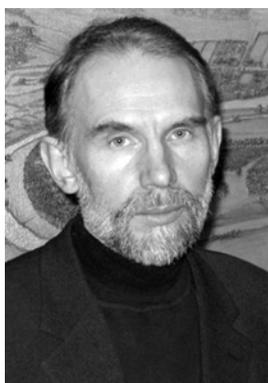
А сегодня — полнолуние.
Мерный свет стекает с крыш.
Что же ты, моя певунья,
Приуныла и молчишь?

Как осенняя загадка,
Тёмный лист в твоей руке.
Кто-то маленький и гадкий
Затаился в уголке.

Ухмыляется спросонок
И зевает не спеша...
За душой пришёл, бесёнок?
А на что тебе душа?

День закончится прозрачный.
Пробираясь через ночь,
Ангел призрачный, невзрачный
Не захочет нам помочь.

Да и сами не попросим
Мы несмелого его...
В мире осень, только осень,
Осень — больше ничего.

ТРУНИН АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ родился в 1954 году в с. Кольцово Калужской области. В 1982 году окончил русское отделение филологического факультета МГУ. Преподавал литературу в средних школах, вузах, учреждениях дополнительного образования в сёлах Калужской области, Калуге, Саратове. Занимался журналистикой.

Стихи публиковались в журналах «Волга», «Дружба народов», «Новый мир», «Город», «Дети Ра», «Зинзивер», альманахах «Истоки», «Продолжение», «Под часами», «Паровозъ», «Лёд и пламень», «Синие мосты», коллективных сборниках «У четырёх ветров», «Бересклет».

Автор книг стихов «Клевер поднебесный» (2000) и «Отава августа» (2012).

Председатель Калужского отделения Союза российских писателей.

Живёт в Калуге.

Александр ТРУНИН

* * *

Любимая уехала, дела.
Часы идут и множат время оно.
Ещё вчера черёмуха цвела,
а нынче день последнего пиона —

тяжёлые роняя лепестки,
он клонится, и нет ему замены.
Какого цвета вещество тоски
на том отшибе нашей ойкумены?

* * *

На пустыре цветёт цикорий —
невзрачен и голубоглаз,
любитель вольных территорий
и не любитель громких фраз.

Он не годится для букета
и пахнет сорною травой,
а если и полезен где-то,
то только пользой корневой.

* * *

Уже не соловьи, но иволги да пеночки —
все эти трели, посвисты, оттеночки

летающих звуков в летнем обалдении,
все переливы, взлёты и падения

в кипенье запахов, в кромешной зелени —
всем-всем живущим от цветка до семени.

ХОРОШИЕ ДЕНЬКИ

Лопухи, крапива, одуванчики.
Всё ликует, дышит и поёт.
И на каждой кочке, в каждой ямочке
кто-то обязательно живёт.

Вот кузнечик подскакал упруго,
улыбнулся. Узнаём друг друга.

УТРЕННИЙ ТРИПТИХ

О. К.

1.

Ева варила варенье из яблок.
Был этот день ароматен и сладок.

Осы слетались на яблочный зов.
Был небосвод над землёй бирюзов.

Словно вознёсся невидимый храм.
«Боже, спасибо», — подумал Адам.

2.

Мы не пишем другу другу писем,
просто в скайпе подолгу виснем.
Сколько светлых и добрых истин
пролетает за этот час.

Вот такая пришла эпоха —
хорошо это или плохо,
если хочешь, спроси у Босха,
но не спрашивай лучше нас.

Мы опять зависаем в скайпе.
Ты в Саратове, Риме, Хайфе,
я в Калуге, вернее в кайфе,
всё по кайфу — когда с тобой.

Что-то спрашиваем, отвечаем.
Мы друг в друге души не чаем.
Вот приедешь — поставим чайник.
Слышишь — Ангел звякнул трубой.

3.

Воробей чирикает на ветке,
про свои рассказывает бедки —
что за беды вдруг у воробья.

Долго так чирикает — всё утро,
важно так чирикает и мудро,
ничего от мира не тая.

А денёк, должно быть, будет славный,
к нам сегодня благосклонен Главный,
Он подарит нежность и тепло.

Я проснулся рано, до рассвета.
Вижу, как вот-вот проступит лето
сквозь моё оконное стекло.

* * *

Опять смотрю и наслаждаюсь —
в окне бесплатный листопад.
Он, никому не угождая,
уж третий день кружится над

дорогой, детской площадкой,
газоном, тепловой трубой.
И на пенёк ложится шапкой,
и сам беседует с собой.

АСТРЫ

отпускает лето — вольному воля
о — астры — эхо осенних звёзд
сёстры сердца кристаллы боли
венчики вечных невест

* * *

В окне глухая осень —
тетеря из тетерь.
Темно, а только восемь,
сидишь — и что теперь.

Откроешь чью-то повесть,
черкнёшь в тетрадь свою,
и назубок, на совесть
запомнишь I love you.

Заснёшь — спокойно спится,
проснёшься ровно в пять.
Не нужно торопиться
ни жить, ни умирать.

* * *

Всё пережить, во всём дойти
до самой подноготной сути,
но снова, ровно без пяти,
себя увидеть на распутье.

Родить, построить, посадить —
всё это было, было, было.
Что нам осталось впереди
среди всеобщего распыла...

Ремонт закончить, пыль стереть,
помыть полы и дом проветрить.
И долго медленно стареть,
а значит — жить, любить, и верить.

* * *

когда мешают рифма и размер
и душит время и томит пространство
и окаянство сердце вселит
и смена мер необходима миру
я выхожу на старенький балкон
который ждёт ремонта — не дожждётся
там на верёвке истина висит
и сушится — дожди б не замочили
а во дворе с огромной старой груши
к земле летят тяжёлые плоды
на радость детям и старушкам воздух
до неба будто грушевый такой
и рядом люди живы в виде слов
без рифмы и размера — просто люди
вот ночь идёт — навстречу зову звёзд
я так живу неприхотлив и прост

ОСЕННЕЕ УТРО

В окно сочится свет берестяной.
Всё утро за бревенчатой стеной
два петуха орут на всю округу.
Что им неймётся доказать друг другу..
И мы не спим, бормочем невпопад
о том, что осень, дождик, листопад,
цветы повяли, и пожухли травы,
и ягоды чернеют на кустах.
А дома, как ни глянь, всё на местах —
бессонницы, заботы и забавы.

* * *

Когда пойдут запойные дожди,
и что ни день — всё беспробудней,
не колготись, не майся и не жди,
лепи стихи из глины будней.

Сойдётся всё — и небо за окном,
и ветер вперемешку с листопадом,
и старый сад, и подновлённый дом,
и день-деньской с любимой рядом.

ХОЗЯЙКА ТИШИНЫ

О. К.

получены ответы
задачи решены
живёт со мной всё лето
хозяйка тишины

живёт со мной всю зиму
весну и осень тож
и скуки я не иму
и в горе я не вхож

не напрягайте слуха
ни завтра ни сейчас
всеслышащее ухо
всё ведаёт про нас

* * *

О, весна...

А. Блок

Мартовский вой kota и посвист синицы.
Плавится и течёт стоптанная стезя.
Ветер весенний куражится, рвёт границы,
хрипло смеётся: можно — там, где нельзя.

Каждая тварь, каждый ломаный кустик
гнёт свою линию — до смерти на миру.
Вот и река поднялась и покатилась к устью.
Узнаю тебя, жизнь, приветствую — и беру.

* * *

После долгой вчерашней шумихи
нынче схлынуло и улеглось.
Небеса неподвижны и тихи,
нищий воздух прозрачен насквозь.

Чтобы было на что заглядеться
и о чём опечалиться мне,
не забыл в золотое одеться
березняк на пологом холме.

Облетают покорные ивы,
безответная никнет трава.
И звучит бессловесное «живы»,
превращаясь в живые слова.

* * *

Ночь осенняя нашепчет:
что ни день — какой-то вычет.
Время прошлое не лечит,
время в будущее тычет.
Время поздней позолоты
и дождливого рассвета.
И не важно, за кого ты,
важно только, с кем и где ты.

УШАКОВА ГАЛИНА ИВАНОВНА родилась в 1940 году. Окончила физический факультет МГУ. Стихи и проза публиковались в СМИ, литературных сборниках г. Обнинска и Калуги, журналах «Сибирские огни», «Луч» (Удмуртия), «Союз писателей» (Харьков), «Берегиня», «45-я параллель» (2018). Автор книг стихов «Лабиринты любви» (2009), «Ностальгия» (2011), «Предвечерье» (2014), книг прозы «Между небом и землёй» (2011), «Фенечки» (под псевдонимом Платон Потехин, 2012), «Стеклопанель» (2014).

Дипломант Международного конкурса детской и юношеской литературы им. А. Толстого, Волошинского фестиваля-конкурса в номинации «проза». Член Союза российских писателей.

Живёт в г. Обнинск Калужской области.

Галина УШАКОВА

CARMINA BURANA

Восхищена до слез, до забвения,
До холода в груди, до отрицанья смерти,
И собственное отлетает «я»,
Теряя нить земного бытия
На этой так любимой прежде тверди.
Дух воспаряет в запредел, во тьму
Иных миров, где крылья — это проза,
Где звёзд роса на белой чаше розы,
Где даже Бог роняет втуне слёзы,
Целуя ноги сыну своему.

* * *

В ночь листья сбросила сирень.
А далее — всё длился день...
С утра, когда кричали птицы,
Спешащие мелькали лица,
Разматывая дня клубок,
Соседка с кошкою гуляла,
Та, напружинив поводок,
Уже прогулкою скучала.
Уже извилисто бил хвост,
Грач крикал на площадке детской,
День начинающий был прост,
Он был четверг, как мне известно.
Вы спросите: — Четверг, и что ж?
Всё тоже быть могло и в среду.
Чем этот день для вас хорош?
Что мне ответить? Я уеду
От всех вопросов и затей
На дачу возле речки Лужи,
Где сотрапезник-воробей
Мне собеседником послужит
И где отцветшие цветы,
Простившись — что поделать? — с летом,
Напомнят, как любил их ты.
Ты, зачерпнувший воду Леты.

* * *

Вчерашнее вспоминаешь. Такая игра.
Это было пятнадцатого октября.
Год значения не имеет. Возможно, зря.
В памяти ощущается густая мгла.
Дальше, по сценарию, посветить фонариком,
Пробить лучом культурные наслоения,
Узнать знакомых среди населения
Твоего личного земного шарика.
Вот дядя Митя, пока не с лысиной,
Лезет в почтовый ящик за письмами
(В те годы ещё все писали друг другу),
А он ждал писем от сбежавшей подруги.
Тамарка рыжая рубит капусту на общей кухне.
Попутно распространяя общедомовые слухи:
Катюха выходит замуж, потому как на сносях,
Иван Иванычу дали премию аж в пятьдесят
Рублей. Поедут с женой на юг.
В Сочах тепло и не предвидится вьюг.
Не то, что у нас. Зима не за горами.
По телевизору опять про Сталина ввали.
А впрочем, кто их там разберет,
Всё одно никто не думает про народ.
Тамарка рубила капусту, сын её с другом
Смотрели «Трёх мушкетёров», визжа от восторга.
Капуста была бела, упруга,
И день этот продолжался долго.
Вплоть до сегодня.

ЗИМА

Не проходи мимо качелей с пухлой подушкой снега,
Не забывай поглядывать на запотевшее небо,
Ну, под ногами слякоть, рыжая кошка прижала уши,
Она любит рыбу, но не переносит суши.
Мир переворачивается с ног на голову, делает сальто,
Вчера подруга звонила, рассказывала про остров Мальту.
А у нас, говорила, не отдых, одно говно,
Никаких тебе роз из полотенец на чистой постели,
А зимой нет ни русского снега, ни русских метелей,
Во дворах вечно темень, как в старом советском кино.
И ещё бормотала долго, перебирала, как чётки,
Забугорные впечатления — эстетка, перечница, трещотка.
А зиме было всё равно, что про неё судачили старые тётки:
Снег перемешала с дождём, сотворив из веток ледяные плётки,
Шлёпнула горсть синиц перед моим окном
И подмигнула левым глазом: — Однева живём!

* * *

Пальцы не загибай, считая, сколько их было, любвей и утрат,
Плит могильных на разных кладбищах и просто
Тех, которых память узаконила и запечатала воском.
Что она, память твоя? Втуне старый заброшенный сад.
Не спеши замшелые обнимать деревья, мять ногами крапиву,
А в колодце вода почему-то свежа, холодна, сводит скулы и рот,
И ты пьёшь эту сладость, этот мёд из подземных невидимых сот,

И тебе всё равно, жив ты или не жив, потому как счастливый.
 Твой Элизиум полон гудящей в ушах тишины, воздух мягок
 как вата,
 Пахнет прелью слегка, и на вскопанной грядке торчит,
 впившись в землю, лопата.

* * *

Начинается день с утренних известий, слушаешь и портишь
 себе настроение.
 Бомбёжки в Сирии, коррупционеры в провинции, реклама
 советует, как поберечь вены,
 Перебороть артроз и, конечно, простату, а новый голос опять
 про растрату
 Миллионов вельможным лицом, которое клянётся СМИ, что
 не виновато.
 Никуда не деться, выключаешь все радиозвуки, затыкаешь
 наушниками плеера уши.
 Из дали столетия бархатный голос Аль Мартино убаюкивает
 экстрасенсорно душу.
 Господи, как он счастлив, этот Мартино, давно простившийся
 с земной жизнью,
 Певший любовь и только любовь и ничего не знавший про
 всякие коммунизмы.
 А тебе не сбежать из страны, ты же здесь родился и здесь
 пригодился, чудак.
 Уже старый, недужный, ненужный, мусолящий сослагательное
 наклонение, мудак.
 Миллениум разменивает второй десяток, Россия всё несет и
 несет своих детей в подоле,
 Поболе мальчишек, помене девчонок, не ведающих про
 чертополох в чистом поле.
 Мечтающих про красивую жизнь, снятие санкций, открытые
 границы.
 Посмотри, как становятся раскосыми их глаза, как смуглеют
 румяные русские лица.
 Всё перемелется, перетрется, перезарядится, перезарядится.
 Может, наладится...

* * *

С кем бы поговорить, никого рядом нет, телефон молчит, как
 заклятый.
 Одни радиоголоса впиваются в тишину, пробиваясь сквозь
 ушную вату.
 Но какой из них собеседник? Ведущие перетирают слова друг
 с другом,
 Их сменяет реклама домашнего региона — Обнинск, Боровск,
 Калуга.
 Если убрать все собственные имена, то не останется даже
 подстрочника,
 Пустота заполняет эфир, как жажда свободы свехсрочника.
 А на Альфе Центавра ждут сигналов инопланетяне,
 оцифрованные люди-роботы,
 Обшаривают за пустотой пустоту, мечтая, ну кто бы, кто бы
 Хотя бы слово в ответ, хотя бы слово, хотя бы выкрик
 гортанный: — Ура-а-а!

Ах, все надежды, мечты все, мрии поглощает акулий зёв —
чёрная дыра.
Сбросим квадрат Малевича с корабля современности! Прочь
с наших глаз
Чёрной дыры ночь! Между прочим, графит под давлением
превращается в алмаз.
Ах, одиночество всюду, на каждом клочке планеты, затянутой
в душный смог.
Во имя отца и сына, и духа святого... Библия, молитвослов,
блог?

* * *

Незадача не в том, что проходя двор,
упираешься в забор новостройки.
И вся жизнь, считая по гамбургскому счету, незадача,
поскольку она только кройка
И никогда — шитьё, не платье с рюшами,
сюртук или пиджак с цветком в петлице.
Незадача не в том, что ты не способен понять,
живёшь или жизнь тебе только снится.
Незадача в том, что не ты выбирал страну,
в которой тебе родиться и на каком ложе
В бараке, избушке, коммунальной квартире.
Нести свою долю, как полагается в мире
Людей или других божеских тварей, на островах,
континентах, и если смотреть шире,
Она и в том, что ты, с любым разрезом глаз и любой
окраской кожи, — подобие Божье.
Ты осуждён на Россию с её сквозняками,
метелями и вековыми распутицами.
Незадача в том, что ни в Москве, ни в провинциях,
считай от Бреста и до сирых Курил,
Ни водные хляби, ни тверди не станут землёю обетованной,
пока не распутается
Тот гордиев узел, которым Россия вязала
веками пути свои что было сил.
Незадача в том, что мать сидит на обочине,
а сыны мчатся мимо на птицах-тройках.
Вековая пыль садится на её лицо, и мать знает,
что нет материи более стойкой,
Чем эта пыль.

* * *

Синицы выклёвывают зародыши почек на зимней рябине,
День, проси не проси, движется к своей половине.
Всё имеет конец, банально так думать,
зато не пространно, но кратко.
Если окинуть прожитое быстрым взглядом,
увидишь везде отпечатки.
Ты не хуже Шерлока Холмса в анализе преступлений, кои
успел совершить
Не только когда уже жил,
но и тогда, когда лишь учился жить.
Сказано же, человек от рождения грешен,
этого хватит вполне, чтобы ты был утешен,

Не резал вены, запершись в ванной,
 в старости не стыдился плечи.
 Про глупость не говорю, ум, по сути, не ушёл далеко от неё,
 Даже выпалывая сорняки на грядках, думаешь,
 быт это или бытиё.
 И когда пересекаешь поле,
 лоя взглядом лютики, васильки, ромашки,
 Отмахиваясь от случайной пчелы, понимаешь вдруг: —
 Бог не совершил промашки
 Ни единой, всё на своих местах,
 даже камень приречный, даже чёрный песок.
 И когда ты думаешь, что ты одинок, ты не одинок.

* * *

Возможно, зима, самый главный чистильщик закутанных
 в грязь городов
 Страны, чьи пространства не меряны. Плюнешь в Калуге,
 Плевок затеряется в ягельных плешах, владеньях оленьих родов,
 А может, взлетит, чтоб пристроиться к звёздной подружке.
 Да, русские беды, увы, от пространств изобилья.
 Конечно, когда все поля да уголья накроешь полою кафтана,
 Когда всё свое, вековое, то уж вылижешь каждую милю,
 Попашешь, посеешь, посадишь лозу ли, каштаны,
 Шампунем отмоешь проспект городской, деревенский,
 А душу прочистит оркестр, замечательный, венский.
 Ах, эти красоты Европы и прочих Америк,
 Куда им равняться на наши просёлки, химеры,
 На наши авось и авоськи, таланты и лжепрейскуранты,
 А если прибавить к ним звуки кремлёвских курантов,
 Всех мосек бездомных и зим наших русских причуды,
 И спорить не стоит: Бог есть, и Россию он любит.

* * *

Декабрь. Помню снег в Станиславе*, пороша сухая, густая,
 И ветер гонял эти катышки вдоль по асфальту и прочим
 угольям,
 Мальчишка снежинки ловил языком, угождая погоде,
 Он жаждал ангины, пока этот снег не растаял.
 Он жаждал, чтоб мать и отец хлопотали, поили малиной,
 И чтобы уроки носила ему одноклассница Инна.
 Потом, хошь не хошь, а придётся вернуться за парту
 И слушать про разных циклопов, орфеев и страшную Спарту.
 Тогда каждый день был прекрасен своим протяженьем,
 Он длился и длился, пока не сторали поленья
 И в кафельной печке в столовой, и в детской, и в кухне,
 И как было жаль, когда красные искорки тухли.
 Спит мальчик, спит кошка калачиком на одеяле ватном
 Спит дом, сторожит его сон ночничок прикроватный.
 Да, да, ночничок, как яйцо, на подставке из яшмы.
 О, как не к лицу был ему этот грязный для мусора ящик,
 Куда я однажды пришла, чтобы выбросить сор обиходный.
 И был ночничок явно стар и, наверно, негодный.
 А рядом валялся альбом с пожелтевшими фото
 И одеяло из ваты. А день был обычный, суббота.

* Станислав, ныне Ивано-Франковск, город в Западной Украине.

ГЛАЗАМИ МУЖЧИНЫ

Жизнь подходит к концу не тогда, когда она подходит к концу,
Пресловутый кирпич, потягиваясь, лежит на краю крыши,
Притворяется неживым, терпит, когда голубь на него дышит.
Кирпичу ли знать, как неможется небесному отцу
Проявлять свою волю и, вообще, управлять мирозданием,
Созданным из ниоткуда, как известно, за какие-то считанные дни,
Как и прочее, прочее, прочее, отпечатавшееся в нашем сознании.
Если даже вырубить всё, что в нём есть, то всё равно останутся

пни.
Милая, не дыши мне в ухо, щекотно, мать твоя считает меня
человеком
Хорошим, возможно, она права, а то бы я давно дал от тебя
дёру.

Почему ты вечно крутишь диск с саундтреком к «Крёстному
отцу»,

Там же все персонажи наркодельцы, убийцы, воры.
Жизнь подходит к концу, иногда мы с тобой говорим об этом
Вскользь или молча, стоя в морге у гроба родственника или
друга.

Хорошо было сказано моим знакомым, провинциальным
поэтом:
«Жизнь, — говорил он, — никакая не спираль, а квадратура
круга».

Был чудачком, не чурался в подъезде выпить. Портвешок,
утверждал,
Способствует выработке умных мыслей. А умер прискорбно,
Замёрз на скамейке в парке, видно, слишком много поддал.
Жизнь под определённым углом сильно смахивает на порно.
Только не тела, а духа.
Милая, отвернись к стене, не дыши мне в ухо.

* * *

Твоё пространство — это твоё пространство, там нет никого:
Ни отсчитывающих времени часов, ни погодных явлений,
Не говоря уже о присутствии людей, животных, растений,
Привычных и непривычных вещей в стиле модерн, ампир,
рококо,

Сердоликов и халцедонов с коктебельских пляжей,
Ветеранов из соседних подъездов, которые лыка не вяжут,
Ненароком найденной в старом шкафу прабабкиной льняной
скатерти,

И страны, той, чей язык ты всосал с молоком матери.

Список этот можно множить до бесконечности.
Он вполне эфемерен и не заполнит твоего присутствия
в вечности.

Твоё пространство бесчеловечно, там не с кем аукнуться,
Там с глаза твоего не скатится слеза, а с языка не соскочит
буквица.

ПОЭЗИЯ

Леонид АГИБАЛОВ
Сергей ГАЛКИН
Андрей ГАЛКИН
Валерий ЕВТУШЕНКО
Михаил КАМЕНЕЦКИЙ
Светлана КРЫЛОВА
Андрей НОВИКОВ
Сергей ПОПОВ
Дмитрий ПОРУШКЕВИЧ
Владимир ПРЯХИН
Мария СОКОЛОВСКАЯ
Виктория ТКАЧ
Вера ТРОФИМОВА
Вячеслав ТЮНЯЕВ

2

Орёл — Тула — Липецк — Воронеж

АГИБАЛОВ ЛЕОНИД МИХАЙЛОВИЧ родился в 1955 году в городе Ливны Орловской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Член Союза российских писателей.

Автор книги стихотворений «Листья» (1998), книги баллад «Последний в Ойкумени» (2014), книги стихотворений и поэм «Световая гульба» (2015).

Лауреат премии И. А. Бунина орловского отделения Союза журналистов за ряд материалов, посвященных малоизвестным фактам творчества выдающегося поэта Серебряного века Андрея Белого в период поездок его в свою орловскую усадьбу «Серебряный ключ»: «Символизм и реалии орловских вымирающих сёл».

Живёт в Орле.

Леонид АГИБАЛОВ

ПРИБРЕТЕНИЯ

ОДА МЕТРО

Люблю дремучею душою
Тебя, волшебное метро,
Твое стальное, слюдяное,
Насквозь прогоркшее нутро!

Всех этих стилей переключки,
Неразбериху станций, где
Порывистые электрички
Насилу держатся в узде...

Они как с неба налетают!
Но веря — небеса есть сон —
Здесь полстолицы обитает
Под серебром стерильных солнц.

Как здесь целуют легкокрыло,
Как напирают, наддают...
Люблю тебя, Москвы горнило,
За демократию твою!

Не гордецы, не фарисеи,
Слепые баловни авто,—
Сюда спустились одиссеи
В непроницаемых пальто. Народ всё жилистый, строптивый,
Спокойный за судьбу свою,
С великолепной перспективой
В своём грохочущем раю!

ПРИБРЕТЕНИЯ

Он приехал в Город из провинции.
Слишком неувёртливый, большой.

За какие пострадал провинности
Детской, чернозёмною душой?

Недостало человеку знания
Тайной жизни пашен и небес.
Он в испуге озирает здания,
Что символизируют прогресс.

А вокруг и люди вроде русские:
Смех не оскорбит его ничей!
Но неуловимо чем-то узкие —
Плоть от плоти каменных ячей!

Так в мытарствах всем известной сложности
Год прошёл, а может быть, и два...
Придела парня, по возможности
Обтесала матушка-Москва.

Приобрел сноровку? Без сомнения!
Чем же он пожертвовал, спроси:
Добротою, совестью ли зрения
Неблагоустроенной Руси?

ЗАГОРОДНЫЙ ПОЕЗД

Как воскрешение водой,
Как жизнь из нежного сосуда
Толчком, горячею рудой,
Преобразившаяся в чудо, —

Так расширительно уже
Отмокшей ночи толкованье,
Меж двух миров, на вираже,
На чёрной ветке расставанья!

Не бред ли? Несколько минут,
Валящихся под электричку,
И тьма. И только звёзды льнут,
И затевают переключку...

И город весь, во всей красе,
Со всею событийной злостью —
Висит на кончике шоссе
Переливающейся гроздью.

И веришь: этот переход,
Мне этот переброс дороже,
Чем загорающийся лёд
Твоей, под поцелуем, кожи!

СУЩЁВСКИЙ ВАЛ

Запрети мне любые слова,
Хочешь — сердце поспешное вынь,
Чтоб не жгла твоя влага, Москва,
Твоя мгла, и листва, и теплынь!

Разве мир на Сущёвском валу
И спокойствие на Хуторской,
Если ходит на каждом углу
Мой двойник с терпеливой тоской?

Разве жизнь в этих каменных днях,
В этом вымахе улиц ночном,—
Не намёк о тенетах, тенях,
О слезах вперемешку со сном?

Боже, Боже! Неужто пыльца
Горькой пудры и рельсы во тьму,
И служенье мое до конца —
Не свидетельствуют никому?

Научи же меня за добро
Не платить даже перстью души,
Чтоб не жгло мою память тавро
Ускользающих пальцев и лжи!

О опять по Москве, по Москве,
Пусть иголой, пусть мечтой воровской,
Проведи ты меня по канве:
По Сущёвскому и Хуторской!

КВАТРОЧЕНТО

Луна принималась калиться,
В акации тени шататься,
А мы не могли утолиться
Медлительным днём и расстаться.

Нам всем по четырнадцать. Лето.
В костре домерцавшие жерди.
И невосполнимо всё это,
И лёгкой подвержено смерти!

Внимай же: невнятно, сонорно
Звучат голоса издалёка...
А страшное небо — просторно,
А беглая память — жестока.

И наши бессонные саги
Под шум Оссиановский сада, —
Лишь эти слова на бумаге,
Лишь перемещение ряда!

Ты, времени вольная Лета,
Избавишь ли от наважденья,
Лишённого смысла поэта
Периода Перерожденья?

Уставшего числить базарно
И спрашивать, глядя на нищих:
«Да так ли уж было бездарно
В стране и в дешёвых жилищах?

В той патриархальности? В плаче
Цикад над скончанием света,
Над миром в манере вердачке
Какого-нибудь Тинторетто...»

Теперь вспоминаю всё чаще:
Смущая мальчишечьи души,
Росли среди звёзд, в самой чаще,
Дремучие, грубые груши.

Но мы их срывали зачем-то
И рты кислотой вязали.
Вот это моё Кватроченто,
Вот это, мой милый Вазари!

ВИДЕНИЕ ЧЖУАН-ЦЗЫ

Тяжкой тьмою,— а вечер стоял не мигая
Меж вершин допоздна, нависая грозой,—
Заблудилось сознание, перебегая
Сквозь зарницы, сквозь шум на рисунок с фанзой.

Просияв за мгновение трещины синей —
На сто жизней своих погружалась душа,
Созерцанием изображенных глициний,
А не сыростью бешеных листьев дыша.

Сбились в гурт, истончились бессонные вещи,
Опрокинулась явь, приникая к окну:
В красном тереме, в этой ли буре зловещей
Век растрачивал я за секунду одну?

Или всё, что сечётся, набрякло, нависло —
Так в немые длинноты художник облёк,
Что пылью потеряв ощущение смысла
Сам себе я приснился чужак-мотылёк?

И когда тёмный дождь, как состав настигая,
Разметёт наваждения опыт и пот,
Я пойму: даже ты, даже ты, дорогая —
Немота в немоте произвольных пустот...

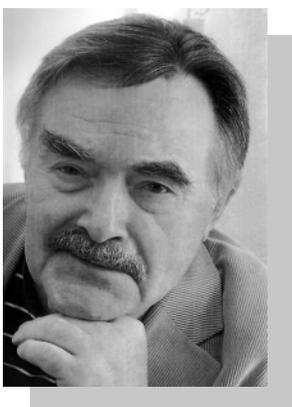
ОСА

Грустно выздоравливать в палате.
Да ещё досада: полчаса
Вся во гневе, в бархате, во злате
Здесь танцует пленница-оса.

Знойный полдень. Жалящее солнце.
Тишина жасмина зацвела.
И упрямо сверлит веретёнце
Твердый воздух тонкого стекла.

— Мне отмщенье. За твоё упрямство
Аз воздам — дождёшься торжества!
Разомкнётся синее пространство
Волею больного божества...

Грустно, и обидно, и убого
Жить надеждой, как заведено,
Сознавая, что не веришь в Бога,
Что закрыто пыльное окно.

ГАЛКИН СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ родился в 1938 году в Туле. Автор более десяти книг стихов и прозы. Лауреат премии им. Л. Н. Толстого, лауреат премии «Золотое перо Тулы». Редактор альманаха «Тула» с 2007 по 2013 год.
Живёт в Туле.

Сергей ГАЛКИН

КРУЖИТ ЛЕБЕДЬ У СКАЛЫ

* * *

Когда просмотрел я
Прощальный твой знак?
Осеннее солнце едва уже тлеет.
А я всё твержу про себя,
Мол, пустяк:
Ещё потеплеет,
Ещё потеплеет...

Морозец траву серебрит по утрам.
Ледок под ногою хрустит и темнеет.
А я утешаюсь, спеша по делам:
Ещё потеплеет,
Ещё потеплеет.
Укутала вьюга по крыши дома.
Живое на улицу выйти не смеет.
Умом понимаю — настала зима.
А губы всё шепчут:
«Ещё потеплеет».
У времени нету дороги назад.
Хотел бы солгать,
Да никто не поверит,
Зачем же глаза мне твои говорят:
«Ещё потеплеет,
Ещё потеплеет...»

* * *

«Я был среди мёртвых,
Пока не любил...»,
Я знал эту истину,
Да позабыл,
Взмывая с любимой высоко,
И Бог меня только берёт, и щадил,
И долго прощал,
Но совсем не простил.

И я поплатился жестоко.
Не знаю, какой там
Всемирный закон
В библейских страницах истёртых,
Сегодня я снова на дно погружён.
Я мёртвый сегодня из мёртвых.
Я мёртвый,
застывший,
обугленный весь.
Живу, равнодушно взирая.
Но — светит надежда!
И, кажется, есть
Внутри ещё жилка живая.

* * *

Июлем дышал сеновал.
В сеновале
Цветочного клевера душная тьма.
И звёзды сквозь крышу тебя целовали,
И ты от объятий сходила с ума.
Нет, было не так...
У заросшей канавы,
Где сонный лопух тишину сторожил,
Тебя целовали цветущие травы,
И коршун в сияющей выси кружил.
Ромашка белела на тоненьком стебле.
Сорвать потянулась, но
Слабость в руке...
От неба, от воли
Мы оба ослепли.
И чудом катилась слеза по щеке.
Нет, было не так!
Чья-то ржавая койка,
Бутылка вина и, не помню, пирог
Или ржаная засохшая корка
И — губы! Родные! Сшибавшие с ног.
Всё было не так...
Но и так тоже было!
Все блага — за тот неустроенный быт!
Лишь только б в крови
Эта жажда бродила,
Лишь только бы ты
По ночам приходила
Хотя бы во сне,
Когда сердце болит.

* * *

Дремучая ночь и буран-сатана,
Шутя соблазнила бутылка вина.
Бутылка вина
Да чужая жена,
Чужая жена — лихая вина.
Я чуял,

Лишь руки к тебе протяну —
Тотчас поскользнусь
И в беде потону.
Но что за причина,
Губами знобя,
Зыбучей пучиной
Вбираешь в себя.
Рассыпана шпилек забытая горсть,
Как звёзды по небу на тысячи вёрст.
И ветер волос омывает лицо
И пальцы...
На пальце — чужое кольцо!
И петлею душит, впиваясь, вина —
Чужая,
Чужая,
Чужая жена.

* * *

Ты не моя. Ты краденая. Мне
Чужой огонь на пять минут достался.
Пока хозяин мечется во тьме,
Приляг сюда, побудем в тишине.
Я вор, который в лапы не попался.
Но что со мной?
Не чувствую вины.
Тобою я, наверно, сам украден
У вдохновенья, словно у жены,
На век, на жизнь,
А может, только на день.
Пускай вокруг «Ату! — кричат. — Ату!»
Пускай гремят в округе сапожищи,
Люблю тебя, как ветер высоту,
Хочу тебя, как голодранец пищи.
Кради меня,
Как я тебя краду.
В руках судьбы мы краденые оба.
Мы грешники — в раю или в аду.
Смешали ад и рай с тобой до гроба.

* * *

Пил из ручья, а как бы и не пил:
Опять вся грудь
Внутри горит от жажды...
Любил ли я?
Да, я тебя любил
И мучился, ревнуя, не однажды.
Но почему
Сильней в сто тысяч раз
Любить хочу, как будто было мало
Мне губ твоих,
Твоих безумных глаз,
В конце концов, огласки и скандала?

* * *

Мёртвый лебедь у скалы...
А второй всё кружит, кружит.
Стекленеют к ночи лужи,
Камни в инее белы.
Кружит лебедь у скалы.
Слышен моря тяжкий вздох,
Волны стали тяжелы.
Обкричался, изнемог —
Кружит лебедь у скалы.
Снег посыпал,
Колкий, злой...
«Нет любви!» —
Твердили мне.
Но в колючей снежной тьме
Кружит лебедь над скалой.

ГАЛКИН АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ родился в 1964 году в г. Щёкино Тульской области. Окончил Тульский государственный университет и Высшее театральное училище им. Б. В. Щукина в Москве. Публиковался в журналах и альманахах «Арион», «Современная драматургия», «Ё», «Сады лица» (2001), «Димитровград» (2003), «Тула» (2013), «Среда» (2014). Автор книг «Против часовой стрелки» (1996) и «Обоюдоостров» (2002).

Лауреат Всероссийского литературного конкурса «Сады лица» (2000), проведённого «Литературной газетой» и Институтом журналистики и литературного творчества.

Председатель Тульского отделения Союза российских писателей.

Живёт в Туле.

Андрей ГАЛКИН

ШУМЫ ЭФИРА

Шумы эфира! Надо же, как чудесно:
капли нет вранья, всё абсолютно честно!
Ничего не навязывают,
ни к чему не обязывают,
никуда не зовут.
Просто живут себе где-то там в эфире, живут
сотканые из невидимого вещества
самые что ни на есть эфирные существа!
Плещутся, как чайки между радиоволнами.
Они бы ни за что не поменялись с нами.
Станции знай себе шпарят: по-русски, по-английски там,
по-немецки...
А у этих вместо слов — свисты, шорохи или трески.
Их странный язык то груб, то нежен.
Они говорят тебе — о тебе же.
Навешивают мысли, а не охмуряют рекламой.
Сразу думаешь: откуда мы, кто мы, куда мы?..
Как священную весть — о воспой, моя лира,
шумы эфира!

ТОЧКА ОПОРЫ

Мне точка опоры —
твое сердце.
Ибо нами
само поднимает себя
опрокинутое мирозданье.

Едва коснувшись друг друга,
мы становимся невесомы,
проникаем в тайну полёта,
в тайну свободы от тела.

Нам дано пить из чаши солнца,
нам принадлежит вечность,
нам открыты другая земля
и другое небо.

Мы поистине всемогущи,
не поставлено нам предела.
Мы были всем на свете,
и всё было нами.

АПОКРИФ

Райский сад весь в снегу;
спозаранку весёлые ангелы
с лопатами и скребками
чистят дорожки,
попутно играя в снежки,
вспугивая райских птиц
из устроенных всюду кормушек.

Подростки Адам и Ева
в разноцветных пуховиках
бегают, хохоча, по дорожкам,
запускают змея,
склеенного
из какой-то мудрёной рукописи
(а ведь даже не поинтересовались,
о чём она).

Змей запутывается в ветвях
узловатого дерева
с крупными жёлтыми плодами,
совершенно заиндепевшими.
«Висят груши — нельзя скушать», —
глубокомысленно изрекает Адам.
Ева хохочет так,
что ангелы оборачиваются.

МАГАЗИН СЕКОНД-ХЕНД

Глаза велики.
А зубы — не жмут ли?
Да нет, вроде в самый раз.
И корпус по росту.
А плечи чуть узковаты...
Ну ладно, разносим.
Авось по дешёвке досталось.
Да вообще за бесплатно!
Сказали, после сочтемся.

ДВОЙНАЯ ПРИРОДА

Комар — это среднее нечто
меж ангелом и вурдалаком:

созданье небесное, но
при этом ещё кровопийца.

Двойную имеет природу
при маленьком очень размере.

Ведь вот как устроен хитро!
Как, впрочем, и всё в этом мире.

АС ПУШКИН

Прошу прощения, как вы говорите — ас Пушкин?
Ну разумеется, он очень хорошо мне известен.
О нём я вот что вам скажу, мои дорогие:
Пушкин был ас, каких мало, ас настоящий!

Были мы с ним большие приятели ещё с лётной школы.
Любимая, помню, у него была поговорка:
первым делом, он всегда говорил, — самолёты,
ну а девушки, мол, вообще последнее дело!

Эх, и любил он промчаться над облаками,
оставляя медленно тающий след реактивный...
Сам себе он казался тогда Серафимом огненнокрылым!
В общем, авиадвигатель служил ему вместо сердца.

ВОЛЬНЫЕ КАМНИ

Прекрасен булыжник,
влетевший в окно!
Ну надо ж: со мной он
задумал одно!

Был камень лежачий —
вода не пройдёт!
А он предназначен
хоть раз, но — в полёт!..

Кончай с пустяками, —
пора, брат, пора!
Мы — вольные камни!
Летим же!.. Ур-ра-а!

НА ВЫЛЕТ ПТИЧКИ

О боже, птичка
вылетает так быстро,
её никак
не успеваю заметить.

Буквально пулей,
говорят, вылетает,
и в то ж мгновенье она —
вжик обратно!

Да жизнь, собственно, вся
из таких вот мгновений,
и как-то среагировать
не успеваешь...

ДИРИЖЁР

Дирижёр ломает палочку
и с диким воплем убегает.
Начинает носиться по городу,
мешая уличному движению.

Его долго и безуспешно ловят.
В результате, плюнув, все уходят пить водку,
а этот дуралей неугомонный
так и продолжает бегать.

При этом что-то, пританцовывая, напевает,
чему-то тоненько смеётся,
а то вдруг, закрыв лицо руками,
начинает безутешно плакать.

Наконец, он возвращается,
становится за пульт,
берёт новую палочку,
и концерт продолжается.

МАРШРУТЫ

удивительно, как водители
не забывают маршрута!
я, например, частенько
пропускаю свою остановку

задумался — амба! завозят
тут же в какие-то дебри
и — извольте соображать,
каким способом выбираться

хорошо, если сразу тебе
подвернулся встречный автобус
но в нём снова — мысли... и — бац! —
опять проскочил остановку

в результате в нужное место
попадаешь с большим опозданием
и вообще его не узнаешь:
а сюда ли тебе было надо?

ЗАБЫТЬ СЕБЯ

забыть себя
на парковой скамейке
на повороте
на пороге

в трамвае
в дебрях
на окраине глухой
в бездонной пустоте ничто

забыть
и никому не признаваться
что помнишь
в с ё

ЕВТУШЕНКО ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ родился в 1952 году в городе Гулькевичи Краснодарского края. Учился на филологическом факультете Ростовского-на-Дону государственного университета, на факультете журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова. Проходил срочную службу в составе Группы советских войск в Германии, служил офицером в органах МВД СССР. Работал корреспондентом районных, областных, центральных газет и журналов, был продюсером и сценаристом игрового и документального кино. В качестве редактора журнала «Северные просторы» облетел на вертолётах и объездил на вездеходах, оленьих и собачьих упряжках всю арктическую зону России. Автор книги прозы «В дороге» (2017) и поэтического сборника «Всё, что память хранит...» (2017). Дипломант V Международного литературного Тютчевского конкурса «Мыслящий тростник» (2017). Член Союза журналистов СССР-России и Союза российских писателей. Живёт в Орле и Москве.

Валерий ЕВТУШЕНКО

В АРКТИКЕ

Геннадью Майорову

Рычит пленённый стужей океан,
взбуренный винтами ледокола:
идёт за ледоколом караван,
объятый льдами грубого помола.

До Мурманска осталась пара дней,
считай, что Севморпуть уже за нами.
На ледоколе «ходовых огней» —
как в небе звёзда, как рыбы в океане.

Идём за ним в шершавой полынье,
почти цепляя айсберги бортами:
до Мурманска — короче по земле,
но не было бы чаек рядом с нами!

Как не было бы бешеной пурги,
которая по Арктике «гуляет»...
А поговорка — не видать ни зги —
совсем другое здесь обозначает.

И белошубый северный медведь
тебя уже смешит, а не пугает...
Теперь ты мне по-честному ответь:
в других краях такая жизнь бывает?

НА ОСТРОВЕ ВРАНГЕЛЯ

На Севере дальнем —
холодном, бескрайнем
не встретишь знакомые лица:
за островом белым,
от бурь ошалелым,
есть только полоска границы.

Она лишь на карте,
где ночь — даже в марте,
а солнце — сюжет интермедий,
где в «тёплой» берлоге
лежат недотроги —
детёныши белых медведей.
.....

На Севере белом
в мороз и метели,
как будто бы мелом
обсыпанных, «в деле»
я встретил «знакомые лица»:
надёжно закрыта граница —
российская, наша граница!

НА КАМЧАТКЕ

Собачьи гонки: визг и лай,
заснеженный камчатский край.
Каюр седой из фляжки пьёт:
он не шофёр и не пилот!
Трещит мороз, рычит вожак,
каюр, хоть пьян, но не дурак:
идёт последним, видит строй,
а первым мчит юнец смешной...
Каюр не сунется вперёд —
своё на финише возьмёт!

НА ЧУКОТКЕ

У чукчи Галга-нгы^{*} родился ребёнок.
Лежит он в яранге^{**} во мху, без пелёнок.
Пушистый как пычик^{***}, глаза голубые,
волосики светлые, словно льняные.
Такого ребенка ещё не видали,
но чукчу Ванюшу... Выкваном^{****} назвали.

* * *

На Севере иное измеренье,
оно сродни глубокому прозренью:
здесь только женщина прогонит злую стужу,
согрев собой ребёнка, друга, мужа...

* * *

Кто сказал, что Север мрачен —
тот молвою одурачен,
тот не слышал чукчей песен:
Север радостен и весел!

* Чукотское женское имя, образованное от слова «птица».

** Национальное жилище народов Чукотки.

*** Пычик — «пташка» в переводе с чукотского языка.

**** Чукотское мужское имя, образованное от слова «камень».

В ЗАПОЛЯРЬЕ

Непрочен северный загар:
он как улыбка без ответа,
как стебелёк в начале лета
на широте, где Нарьян-Мар.

Непрочны северные узы,
по сути, это просто встречи,
разлук невольные предтечи,
судьбы случайные обузы.

На всём печать непостоянства,
витают временности дух:
так стаи птиц роняют пух,
и он принадлежит пространству...

У Заполярья строгий нрав,
и он проявится однажды
как утоление давней жажды,
и ты поймёшь, что был неправ:
миг осознания придёт
и прошлое предъявит счёт!

В МОСКВЕ

И долго будет Север сниться,
не отпускать, манить назад,
и будет вьюгою кружиться
московских клёнов листопад.

А там — на Севере, на Крайнем
снега укрыли города —
зима в Москве бывает ранней,
а в тундре — вовремя всегда.

И подойдёшь к окну квартиры,
коснёшься тёплой батареей,
нахлынут Севера картины —
и батарея не согреет...

А в законном хороводе
осенний день уже погас:
есть повторения в природе,
но нет тех повторений в нас.

ПРИЗНАНИЕ

Я болен Севером.
Диагноз беспощаден
и окончателен, хоть, может, и суров.
Болезнь не вылечить
ни возрастом, ни временем,
и мне не жить без заполярных снов.

Я болен тундрою с её оленьим бегом,
с полярной ночью, что рождает день.

Не каждому понять тоску по снегу:
меня поймут, не ведая про негу,
большой медведь и маленький тюлень.

Болезнь сильна, нет средства исцелиться,
но чтоб судьбу свою испить до дна,
я должен непременно возвратиться
в безмолвный край, где царствует волчица,
хмелея от пурги как от вина!

И потому мне не милы просторы
ни Среднерусской, ни других равнин:
как чукче не понять красы берёзы
и отчего она роняет слёзы,
так мне не жить без заполярных зим.

Я болен Севером, и это безнадежно,
но тем живу и в том моя надежда -
за тёмной ночью будет ясный день:
мне б только видеть луч зари безбрежной,
в полярном небе — след кометы снежной —
всё то, что видит северный олень...

БЫВШИМ ТОВАРИЩАМ

Я по свету скитался,
вы — на месте застряли.
Я найти всё пытался,
то, что вы всё теряли.

А теряли вы много
в этой жизни мгновенной,
в суете и тревоге
мысль гоня дерзновенную.

Потеряли вы нервность
и душевную смуту.
Потеряли вы верность
и чему и кому-то.

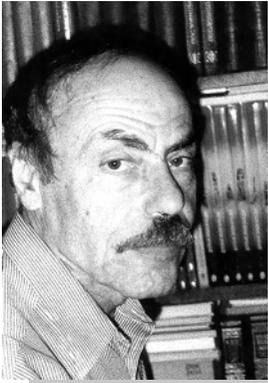
Потеряли готовность
к несиденью на месте.
Потеряли способность
жизнь любить как невесту.

В ложном самообмане,
лечь в душе теребя,
как тропинку в бурьяне,
потеряли себя.

ГРУСТНАЯ ИСТИНА

Жизнь пронеслась как скорый поезд —
без остановок и преград,
а я никак не успокоюсь:

всё мчусь, как много лет назад.
Давно пора остановиться,
но сил для остановки нет.
К тому же, надо же случиться,
пропал мой проездной билет.
А без него (склероз замучил)
не помню, ехать мне куда?
Клинически тяжёлый случай.
А мимо мчатся поезда...
Сойду на станции конечной
по жизни вечный пассажир,
никем не узанный, не встреченный:
ещё не мёртв, уже не жив...

КАМЕНЕЦКИЙ МИХАИЛ МАТВЕЕВИЧ родился в 1935 году в г. Смела Киевской области. Окончил Харьковский авиационный институт.

Автор книг стихотворений «Вечные приметы» (1982), «Травяная струна» (1992), «Середина лета» (1997), «Благовест медленных лет» (1998), «Вблизи высоких облаков» (2000), «Челобитная памяти» (2004), «По следам сердечных мет» (2011) и др.

Живёт в Воронеже.

Михаил КАМЕНЕЦКИЙ

* * *

Свет вечерний разлил позолоту
над полями родной стороны,
где кузнечик осеннюю ноту
с травяной не спускает струны.
Где жестокие помня утраты
лет нелёгких и тягостных бед,
всё глядят молчаливые хаты —
косяком журавлиным вослед...

МАТЕРИНСКАЯ КУПЕЛЬ

Как в купель, окунуть в украинскую зиму —
в стоголосые песни январских ветров.
И покорно приму одиночества схиму:
мне обителью станет родительский кров.
Тихо бабка войдёт, сбросит на пол поленья
и затопит славянскую древнюю печь.
Снова в душу рассветно ворвутся мгновенья —
неразменная мова, певучая речь...
Здесь у тясминских вод, у истоков извечных,
у живого огня стать собою — хитро ль?..
И легко уходя от обид быстротечных,
я осмыслю утрат неизбывную боль.
И за счастье почту белых далей осаду.
Тихий материн голос из ласковой тьмы:
— Тече річка-невеличка з вишневого саду...
— Мама, ты?!.
Тишина. Только вьюги псалмы.
Ты напomini, зима, позабытое мною,
красоты для прозревшей души не жалеи.
Пусть она озарится твоей белизною,
затерявшись в заснеженных далях полей.

Я НЕ ЗАБУДУ ТЕ ЛАДОНИ...

Наш поезд во поле глухом
застрял на полпути к Балхашу.
Под вечер на былье сухом
мать в чугушке варила кашу.
Был сорок первый год.
Война!

В теплушке побывав соседней,
старухе отдала она
за горсть пшена —
платок последний.
Кипело варево уже —
ждать было невтерпёж его нам —
когда протяжно по меже
крик покатился:
— По вагона-ам!..
Был резким поезда рывок.
И, заметавшись среди гама,
вдруг голыми руками мама
с огня схватила чугунок.
Крик боли рот перекошил!
Но с этой ношей раскалённой
она бежала что есть сил
за вереницею вагонной...
Мне помнить до последних дней
ладони с обожжённой кожей —
не Божьей матери, не Божьей —
а бедной матери моей...

ПОСЛЕВОЕННОЕ

Безногий —
пополам почти —
солдат, прижат к ларям,
хвалил на рынке лампочки
к трофейным фонарям:
— Лампадки знаменитые!..
Рупь штука, пацаны.
Тем, чьи отцы убитые,
отдам за полцены...
Хвативши самогоночки,
на роликах скользя,
бубнил, съезжая с горочки:
— Нет, братцы, так нельзя...
У старой поликлиники
раздумывал в пыли:
— Весь день — одни полтинники...
Какие там рубли...

МИЛЫЙ УГОЛ — СМЕЛЯНЩИНА

Кому-то край отчий — Смоленщина.
А мне милый угол — Смелянщина,
где радость была мне обещана,
да горем-бедою растащена...
Уплыть бы туда мне по Тясмину...
По тихому Тясмину ясному,
где под облаками белёсыми
журавль пролетает над плёсами...
— Ах, родина!
Радуя, мучая —
пробудешь во мне до скончания,
как та материнская,
жгучая,
скупая слезинка прощания.

ЛУННЫЕ СТРУЖКИ

Над камышовым разливом
выцвел закат в облаках.
В сумраке неторопливом
замерли посвисты птах.
В тёмной дремучести древней
пестует сны свои лес.
Снова полны над деревней
звёздами — ясли небес...
И, осветивши опушки,
посеребривши луга,
лёгкие лунные стружки
падают тихо в стога...

* * *

Какую ни выплаты дань,
не будет чрезмерною плата
за эту вечернюю даль
в скудеющем свете заката,
за синюю над головой
проталину в дремлющих тучах,
просёлок в глуши полевой,
колючий татарник на кручах...
В убогой деревне степной —
как горестный голос утраты —
кольнёт запоздалой виной
вид сельской заброшенной хаты...
Напомнит о том разговор
листвы одинокой ракиты...
— Какой обезлюдел простор,
какие истоки забыты!..

КРЫЛОВА СВЕТЛАНА ОЛЕГОВНА родилась в 1970 году в посёлке Одоево Тульской области.

Училась в Тульском педагогическом университете на факультете иностранных языков, затем — в Литературном институте им. А. М. Горького. После института долгое время работала в Москве журналистом и редактором в ведущих издательских домах («Работа для Вас», «Мир новостей», «Аргументы и факты» и др.) Член Союза журналистов России.

Автор книг «Отражение», «Седьмая пятница», «Случайная встреча». Живёт в Туле.

Светлана КРЫЛОВА

* * *

...Смотри, как зеркало становится окном
В ту неизвестность, где сплетенья тени,
Полёт души и строгий окоём
Реальности. Два мира параллельны.

Никто тебе не скажет почему
Ты одинок в мире себе подобных.
Не спрашивай об истине голодных.
Запрись в своем бесхитростном дому

И ощути блаженство пустоты,
Незримо наполняющейся смыслом,
Когда с холодной вечностью на «ты»
Вдруг понимаешь — без особых выслут

Любим, — уже за то, что в мир проник,
Капризы тела исполнял умело,
Любим за то, что примеряешь лик
По образу, рисованному мелом.

Ещё за то, что старые часы
И сердце — остановятся когда-то.
И пошатнут небесные весы
Две даты. Неподвластные две даты.

* * *

Мне приснилась базарная площадь.
Рядом был корабельный причал.
И в ряду зазывал шумных — тощий
Молчаливый торговец стоял.

Он мешки держал, горбились плечи.
Стало жаль его — что за чудака?!
— Что в мешке?
— Здесь любовь человечья.
— Сколько стоит?
— Возьми просто так.

Сердце — словно летело с откоса,
Словно чёрт на качелях качал!
— А в другом?
— Состраданье и слёзы.
— А цена?
Он в ответ промолчал.

И пошёл он к причалу косому,
Где отчалили все корабли...
И мешок был один невесомым,
И другой — не поднять от земли.

* * *

Я хотела джинсы, как у брата,
Я желала мамину помаду...
Говорил отец — тебе не надо,
Ты ещё глупа и маловата.
Стало платье мне коротковато,
Жизнь — ещё короче оказалась.
Я купила джинсы, как у брата.
А помада даром мне досталась.

* * *

И кровь и плоть,
И кров и плот —
Всем одарил меня Господь.

Оставлю кров, отчаю плот.
Остынет кровь — покину плоть!

* * *

Как неистовый поиск истины,
как бесценная сцена верности,
устремляются руки лиственниц
к небесам как молитвы девственниц.

Есть в деревьях такая жертвенность,
всепрощающий дух величия,
что своя ужасает ветренность
у подножья приюта птичьего.

Вот как в храме стою и жалуюсь
ей, вскормлённой земными соками.
Помолись за меня, пожалуйста,
вечно мудрая и высокая.

СОН

Странный вечер. Частный дом.
Облепила под окном
И черёмухи кусты.
Юрких ящериц хвосты —
В россыпь, прячутся пугливо.
В старый сад заходишь... Ты.

...Ты берёшь большой топор,
Крошишь мясо, рубишь ветки...
Раздуваешь ты костёр,
И дымище в небо — едкий...

Я смотрю во все глаза,
Я сама себе не верю!

...Приближается гроза.
Сквозняком открыло двери...

— Ты?
— Ну я. А кто ж ещё? —
Улыбнулся удивлённо.
...Листья катятся со щёк
У всезнающего клёна...

Звездоглазые коты
Хитро лапой умывались...
Я упорствую:
— Не ты!
Разве мы не расставались?!

Здесь размыта колея...
Как же ты ко мне проехал?
Утешаешь:
— Только я.
— Только он, — кивает эхо.

Камнепадами с души
Наземь сыпалась усталость...
Стала лёгкой — хоть пляши!
...Лучше б я не просыпалась!

РЕМЕСЛО

Похожа запятая на весло,
Вопрос кривой — на вешалку похожий.
Поэты не играют в ремесло!
Поэт в пылу себя повесить может
На знаке вопросительном! — «К чему?
Кто виноват? Что делать?» Без ответа
Не оставляйте бедного поэта,
В ответе — Он, непросто жить ему.
Причастный к мелочам, гребёт веслом,
Бросает восклицание как камень!
И каждое тире — открытой раной,
и в каждом слове под его руками —
Судьбы излом.
Рождённый мерить меркой неземной,
То создаёт — то рвёт планеты в клочья!
И просветлённый — рано в мир иной
Уходит, спотыкаясь многоточьем...

НОВИКОВ АНДРЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ родился в 1961 году в селе Алабузино Бежецкого района Тверской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького.

Автор двух поэтических книг. Председатель правления Липецкой областной организации Союза писателей России.

Живёт в Липецке.

Андрей НОВИКОВ

ВЕСИ

Рассвета головокруженье,
Когда в мерцании, окрест,
Светил нервозное движенье,
Над обезличенностью мест.
Пусть пляшут тени те и эти,
Где прядью времени, у лба
Чреда деревьев в беглом свете
И сумрачных кустов толпа.
Где ставни мокрые со скрипом
Пространства открывают гул,
Окно темно от недосыпа,
И ветер на росу подул.
Воспоминанья, год от года,
Идут дорогой круговой.
Но так же веет горьким мёдом
На огородах перегной.
Где белизне своей не рады,
В душе моей скорбят поля,
Где глаз сомкнуть в тиши прохлады,
Не может голая земля.
Зачем я помню эти веси?
Где тос вокруг и лебеда,
Где состоят из некой взвеси,
Одно — и радость и беда.

ALTER EGO

Что можешь ты? Пусть и язык остёр,
Сорить на ветер нищеты словами?
Я пред тобою, как в ночи костёр,
Бреди же на спасительное пламя!
Что можешь ты, моё другое «я»,
На сквозняке сиюминутных мыслей.
Где жизнь и смерть, состыковав края,
Качаются на страшном коромысле.
Что можешь ты? Не получив ключей
От двери той, где истина сокрыта,
Когда я сплю у века на плече,
У чаши бытия, тобой испитой.
Что можешь ты? Воздать моей тоске,

Сиротству или холоду терпенья?
Пустыня не нуждается в песке,
И солнце не нуждается в затменье.

ГРАДУС

Давай о наших чувствах помолчим,
Оставим неведенья радость,
Есть на это множество причин —
Например, тепла упрямый градус!
Он вносит неожиданный комфорт,
О счастье не напрасно памятуя,
Как будто бы алхимик из реторт,
Добыл в трудах песчинку золотую.
Он ощутим, он окрылил края,
Он поработал этим утром молча,
Тепла ли градус, градус бытия,
Услышанный, увиденный воочию.

РОДНОЕ

Да, мы угадывать умеем,
Грядущее на полчаса,
Когда душа бумажным змеем,
Штурмует снова небеса.
Ползи, безвременье, улиткой,
Осваивай капустный лист,
Где в огороде, за калиткой,
Простор непостижимо чист.
Где горизонт прохладным хромом
Вращает стрелками часов,
И взрыв сирени перед домом
Со вздохом заперт на засов.
Пусть на веранде притаилась
Бессонница в цветном стекле,
Но сердце так счастливо билось
О радости к родной земле.
Что в пробужденье многоликом,
Пернатый дол сейчас воскрес
И, губы выпачкав черникой,
Издаലെка смеётся лес.

ЮЛА

Ребьячьей радости внимая,
Возьмите, например, юлу —
Игрушка, в сущности, простая,
Скрипит на крашеном полу.

Мы закрутили её сами,
Средь будней, праздников и тризн,
И вот цветными полосами
Пред нами пробегает жизнь.

И вторит ей без исключенья,
По звёздной вечности пыля,
В сосредоточенном крученье,
На каменной оси Земля.

ПОД ШЁПОТ ВЕТРА

Связав аллеи пятой стражей,
В прохладный, неурочный час,
Жизнь не приемлет эпатажа,
И горестней и слаще нас.

Где слов заветные уставы,
Что слышать больше не пришлось?
Страшны, пусты твои заставы,
Душа, которой не спалось!

Она необозримым кругом
Идёт между родных кладбищ,
Где травы никнут друг за другом,
Под шёпот ветра, вздрогнув лишь...

НОЙ

Земля молода, в ней упрямая нега,
Теплы небеса и манят пеленой,
Зачем же кедровое тело ковчега
Поставил на брег недоверчивый Ной?

С утра облачился в льняную рубаху,
Денёк безмятежный на все времена,
Умыты росой библейские страхи,
Пророки вздремнули, хлебнувши вина.

Смеётся над ним молодая природа,
Бросает к ногам изобилье плодов,
И воины гордо идут из похода,
Ведут на верёвках коров и рабов.

Купцы суетятся в торговом угаре,
Артельщики строят из камня дома.
А он всё твердит: каждой твари по паре,
И всё собирает в мешки семена.

ПРИСТАНЬ

Прохладными дождями вешними
Стоят оттаявшие дни.
Сквозь лес с дощатыми скворечнями —
Далёкой пристани огни.
Весна! Тебе лишь только верю я,
Тобой и полон я, и пуст,
Когда идёт над светлым берегом,
Плавающих льдин прощальный хруст.
Так, жалуясь на ветры исстари,
В упавшей наземь высоте,
Речная рябь в тяжёлом бисере.
И даль в беспечной наготе.

ЗАПРУДА

Старинной мельницы запруда,
Белеющий речной песок,
Возникший будто ниоткуда,
Еловый крепенький лесок.

Обрыв с большими валунами,
В пластах недвижимой земли.
А перед нами и за нами —
Степей сплошные ковыли.

В довольстве и оцепененье
Цепь облаков покоит день.
Откуда ж эти треволенья
И беглая на лицах тень?

И даже радость птичьих звонниц
Не может перебить сейчас
в природе стылый след бессонниц,
воды чернеющий левкас.

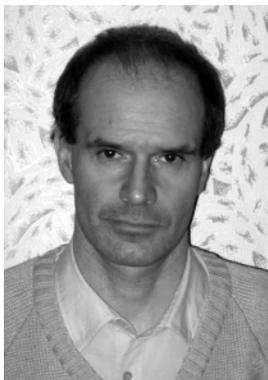
А даль прохладой перестроив,
Заняв пустоты и венцы,
Травы духмяные настои
Незримо сложены в столбцы.

И вдоль высот, зарёй пунцовой,
Срывая удивленье с уст,
Как едким марганцем спринцован
Шиповника случайный куст.

ДОРОГА

Есть разная данность у прожитых лет,

С дремотой в последнем вагоне,
Где смятая пачка шуршит сигарет
В уставшей, затёкшей ладони.
Ночами то серп серебрится луны,
То огненный шар на восходе,
И рельсы подобием тонкой струны
Звуча, к горизонту уходят.
То выстрелит в ночь семафора жакан,
И вновь обозначит значенье
Испитого чая гранёный стакан,
Солёную горечь печенья.
И мысли грешны, да и чувства мелки,
И в той сумеречной водице,
Порою нещадно сверкают белки
Уставшей блудить проводницы.
Года пропадают в излучине рек,
В косматых дождях и поныне,
Одною дорогой живёт человек,
Пока колею не покинет.

ПОПОВ СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ родился в 1962 году. Закончил Литературный институт им. А. М. Горького. Печатался в журналах «Новый мир», «Арион», «Москва», «Юность», «Интерпоэзия», «Дети Ра», «Новая юность», «Литературная учёба», «Подъём», «Волга» и других. Автор многих книг стихов и прозы. Лауреат нескольких международных и российских литературных премий.
Живёт в Воронеже.

Сергей ПОПОВ

* * *

Всё бредит сбывься в мае оголтелом,
дразнящем, как костёр на берегу,
с любой тобой, шепнувшей между делом
дикарское угрюмое «угу».

Сквозных ночей недоброй половиной,
заваркой растревоженного дня,
прищуром жадным, лексикой свиной
нагрянет пламя, отсвет наклоня.

Захлёб листвы сухой и раскалённой
запляшет на сетчатке по кривой.
Воздушным строем, пятою колонной
забвение взойдёт над головой.

Тридцатилетний хит об эскимосах
из недр ползнакомого двора,
в глазах предположительно раскосых
черты и жути равная игра,

внезапно проскочившей оговорки
высоковольтный жалящий разряд,
до радуги застиранные шторы
и звяканье ключами наугад —

всё поплывёт в наклонной карусели,
раскачивая люльку на двоих
в объёме сна, в коварстве «Ркацители»,
в свеченье вод и мёртвых и живых...

Собьётся явь в нерастворимый сгусток,
смешав в центростремительном прыжке
летучих рыб, жуков усатоустых
с одышкой и слезами на щеке,

урчаньем зверя, опрометью робкой
сорвётся с перевёрнутых орбит
совпавший пульс с гортанною воронкой
в свой безъязыкий мускульный зенит.

* * *

Железнодорожная, за горло
берёт вагонная морока.
До дна от курева прогоркла,
осоловела раньше срока

душа, дошедшая до ручки
на тамбурной гремучей дверце.
Всё неуютнее и круче
в груди ворочается сердце.

Но снится, будто переборет
кровь перегоны продувные.
А всё в сердечных перебоях
ветра аукаются ныне.

И рвётся пульс в пыли и треске.
Частит фокстрот в радиосети.
Ветшают сны, летят подвески.
И тьма сбывается на свете.

* * *

Всё пуще крапами да пятнами
сентябрь расходится по озеру,
сигнала листьями помятыми
отпускнику и стаду козьему.

В зоологической прострации
и ботаническом унынии
режутся выцветшие грации
и выцветают дали синие.

Над шашлыками санаторскими,
телячьей нежности разливами,
лучей неяркими полосками
шутя становятся счастливыми.

Вперёд, радители забвения,
родные сёстры умирания!
Позднеземное песнопение
притормозит потёмки ранние.

Пусть радость сбудется внебрачная,
пыльца осыплется цветочная.
пусть осень зыблется прозрачная,
не сообщая время точное.

* * *

Ведь бывает, бывает как с гуся вода.
Дай-то бог по привычке приехать туда,
про волшебные спички затеять рассказ,
заполучной отлучке наставить рога.

Не случается так через жизнь, через раз.
Потому заморочка вдвойне дорога.

Переломишь — и серную голову прочь,
и забытые сны оживают оплечь

про несносного сына и славную дочь,
про мгновенную ночь и неверную речь.

А другую сломаешь, так маятник вмиг
остановится в маятной памяти их —

и по весям светло, и какое число,
час который, когда в никуда унесло.

Ну а третью, а третью не стоит ломать.
Ведь неведомо что загорится тогда,

заклубится опять, потому — исполать,
самотёчные дни, теньевые года,

где гусиными перьями письма скрести
про горячие слёзы и скорый приезд

и следить, как стило истлевает в горсти
и червяк молодильное дерево ест.

* * *

Теперь довыдумать сумей-ка
позавчерашнее житьё.
И если жизнь — она копейка,
усмешка, дальняя скамейка,
над голым парком вороньё, —

нет утешенья и пощады
юнцу с бескостным языком.
О, эти гибельные взгляды!
О, эти приступы бравады!
Я с этим парнем незнаком.

Глубокой осени свеченьем
прошиты холод обложной,
ложбинный пах, портвейн с печеньем,
земля с небесным ополченьем,
прозрачный купол неземной.

Портвейн массандровский — не местный.
День завершается воскресный.
В озёрной ряби дерева.
И речь смеркается над бездной.
И смута в омуте жива.

Чернильных вод лещи и щуки
сполна обучены науке
затеплить звёздное зерно.
Но над лещинами разлуки
всё солнце блазнится одно.

* * *

Картофель на стол подаёт квартирантка.
Не правда ли, слишком кусаются цены?
Но прежде — о хокку, а после — о танка
Конфузливый выговор. Короткие сцены.

Ведь их неспроста приберёт напоследок
Окраинный день в затянувшемся действе
Смурного театрлика марионеток,
Сулящего сказку с оскоминой вместе.

По частному сектору стелется лето
И силится не оставаться за скобкой
Непреодолимого сходства предмета
С ветвящейся тенью и дудочкой робкой.

Ах, как безошибочно август угадан!
Хотя ещё только июнь на излёте.
Но дело не в гордом дыханье на ладан,
А в странном прощанье на праздничной ноте,

В какой-то причудливой дальней усмешке
По лёгкой касательной к соединенью
Приманки романа, поста сладкоежки,
Просторного чтения, близкого к пенью.

На запах забвенья,
подгнившей террасы,
Невольной аскезы,
вольготной теплыни
Летят, оставляя небесные трассы,
Раскосые призраки, званные ныне.

Листва распласталась в стекольном овале
Узорчатой рамы с облупленным лаком.
Зелёным отливом струится аварэ
По гурдам газет и хозяйственным бакам.

А голос над книгою выше и глуше.
А строки окутаны воздухом спёртым
И речитативом усадебной глуши
В тугой унисон с лебедой и апортом.

И кроны заходятся сабельным блеском
На пухлом бедре накренившейся тучи.
В цитатной волне и молчании веском
Блаженно купается пламень летучий.

То прынет, то вынырнет в матовом блике,
Не жалуя смерть и о жизни не горясь,
Как будто безоблачно равновелики
Упругий побег, обожанье и голос.

И всюду соседствуют соль воплощенья
И уксус ухода, разбавленный светом,
Как будто бессрочный залог возвращенья
До первого зова покоится в этом.

ПОРУШКЕВИЧ ДМИТРИЙ ПАВЛОВИЧ родился в 1938 году в Мурманске. Окончил отделение журналистики Воронежского государственного университета. Член Союза российских писателей, член Союза журналистов России. Публиковался в коллективных сборниках в Орле, Туле, Москве, Болгарии, в альманахе «Поэзия», в журнале «Подъём», в Рекламной библиотечке поэзии.

Автор книг «Твои прощания» (1998), «Был так внезапен этот миг» (2013), «Поздний листопад» (2013). Живёт в Орле.

Дмитрий ПОРУШКЕВИЧ

ОДИНОЧЕСТВО

Когда всё это началось? —
Вот так: вдвоем, и всё же — врозь.
Ты рядом спишь, ты вместе ешь,
а в остальном — сплошная брешь.
О, как ты от всего устал!
Тебе чужды её уста,
чужды слова, чужды глаза.
И вернуть уже нельзя
того, что радостью звалось.
И только — боль, тоска и злость.

Пора решиться наконец,
сорвать наручники колец
и мучить души перестать.
Ведь ваша связь давно пуста,
и всё меж вами прервалось:
хоть вы — вдвоем, но вы же — врозь.
И ты — один, как сыч в ночи.

А рядом — женщина молчит.

* * *

Красный... бурый...
Краски бури?
Просто лист, отшелестев,
ветром сорванный сумбурным,
гибло на землю слетел.

Куст калины — воспалённый,
как продрогнувший закат.
И сгребает кроны с клёнов
запоздалый листопад.

Городской забредший житель,
выпавший из суеты,
что здесь растерял, скажи ты,
и обрел что все ты?

И сидит в груди тревога,
и саднит тоска виски,
и колдобины-дороги
скользки, вязки и узки.

А в пустых полях кочуют
зябнущие сквозняки,
да белеют, зиму чуя,
вдалеке березняки.

* * *

Деревушка на холме,
в ней избушек два десятка,
и картофельные грядки
распирают ряд плетней.

А поодаль — лопухи
и колючки, и крапива.
И — оранжевые дива —
горлопанят петухи,

но допёк их солнца шар,
и уходят в тень от зноя
медленно, как с перепоя,
крыльев унося пожар.

* * *

Памяти Леонида Николаевича Афонина

Разлили вино на асфальте базарном —
бочку, сгружая, вахлак саданул —
и словно кто площадь
ножом

в азарте

полосонул.

Оно разлилось красновато и тало,
и буйный запах
прощальной агонии

дымился.

Казалось, вино вспоминало,
когда оно в гроздьях
солнце глотало,

а после —

касалось девчоночьих голеней:

хмелящие голени

сок выжимали,

на ягодах

пенистых

звонких

плясали.

Вбирая упругость

отчаянных ног,

крепчало вино.

И будущих пиршеств маячили призраки,
где станет на стол оно, тостами признано.

СМЕРТЬ ПРОРОКА

Памяти Юрия Казакова

И вот, шагнув через порог,
ко мне является пророк.
В одежде древней, обнищал,
проговорил простудно:
— Вотще я истины вещал.
Не внемлют гласу люди.
Во многих я краях бывал,
глаза на правду открывал.
Но всюду поносили:
«Старо, посол Мессии!»

Устал я. Смертный час настал...

Он отходил, смежив уста.
Над гордою, седой главой
я наклонился, слушая,
как долго клокотал глагол
в его груди придушенно...

Потом газеты принесли.
В них некролог печатался —
мол, мы потерю понесли,
по-дружески печалимся,
скорбим и почитаем.
И значились цитаты —
среди словес,
как острова,
его высокие слова.

* * *

Памяти Николая Перовского

Уходят шестидесятники —
кто в ранге, кто неоценённый...
Залеченные авиценнами,
уходят шестидесятники.

...в смутную нашу эпоху,
с годов сдувая полову,
держась до последнего вздоха,
Поэт колдовал над словом.

Он чувствовал — на него
Богово око нацелено,
и слово его панацеею
возвышенной миру дано.

* * *

Пляж под солнцем черноморья,
загорелые тела.
Свысока и черноброво
эта женщина звала.

И когда она вдоль пляжа
шла, играя красотой,
сквозь десятки жадных взглядов —
проходила, как сквозь строй.

Ах, как женщина манила,
взор её горел, корил!
Но — вышагивал ревниво
следом муж, как конвоир.

«Что мне, муж, твои ограды?!
В этот бархатный сезон
всё равно тебя ограбят —
я сама скажу “Сезам...”»

Он рыдал, щека дрожала,
клялся: «В порошок сотру!»
В ночь — к спасателю сбежала.
Муж хватился поутру.

* * *

Ты появилась из волны,
и на берег взошла наядой,
и пронесла надменность взгляда,
как звук натянутой струны.

И догадаться я не мог,
кому из смертных ты — наградой,
и почему ты села рядом
на влажный от волны песок.

И догадаться я не смел,
насколько взгляд твой станет жарким,
насколько вспыхивает ярко
мой тусклый будничным удел.

ДЕМОН

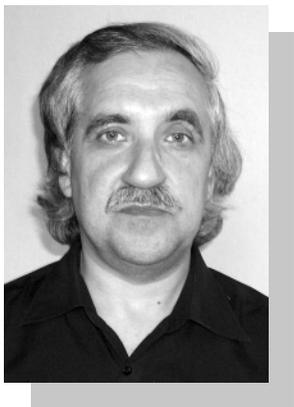
То было в звёздный час, в час вечности бездонной,
Вселенная плыла, и Млечный Путь сиял,
я пролетал Землёй, в своей тоске бездомной,
под твердью голубой, над сушею всея.

То было в час земной. Мечтами утомляясь,
дитя, ты пребывала буднично светла...
Ты знала ль? — что тебя, среди смертных выделяя,
я зрю, уже креня шумящие крыла,

что миг, и — пред тобой мой лик, дотоль сокрытый,
что взгляд, и — ты послушна, ты в моём плену,
и — трепетны уста, и — пламенны ланиты,
и — ты уже близка к паденью своему,

к парению души, отвергнувшей земное
и прописей догмат, и возгласы святош,
и ты теперь — моя, ты — навсегда со мною,
для всех — ты умерла, но для меня — живёшь.

И что же? Тщетно всё. Я над тобой не властен,
не в силах я постичь огонь твоей крови,
и слиться не дано моей нетленной страсти
и вздоху краткому твоей земной любви.

ПРЯХИН ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ родился в 1957 году. По образованию кибернетик.

Стихи публиковались в альманахах и коллективных сборниках «Соцветие», «Гриф и Странник», «Альбом», «Оттепель», «Тула» и др. Автор поэтических сборников «Слуховое окно. Осенние письма к Марку» (2008), и «Пусть день грядущий довершит...» (2008), «Зеркало сезона» (2013) и др.

Член Союза российских писателей. Лауреат литературной премии «Золотое перо Тулы» (2012). Издатель и редактор международного литературно-публицистического альманаха «Среда». Живёт в Туле.

Владимир ПРЯХИН

ВОСПОМИНИЕ О ПОБЕРЕЖЬЕ

ЧУВСТВО

Чувство, сделавшись словом,
Рождает другое чувство.
В этом ядро, основа
Всяческого искусства.

Думал я, Марк, о море,
Горем своим озлоблен.
Раньше, чем встретит горе,
Море меняет облик.

СЛОВО

Одно только ты и умеешь —
Расти из меня, как древо,
А я возразить не смею,
Как почва в момент посева.

Из дерева рубят плахи
И лодки. Они навстречу
Плывут. Но не знают птахи
Об этом, когда щебечут.

КЕРОСИНОВОЙ ЛАМПЕ

Помню себя как сына
родителей. Внука деда.
Запахом керосина
сдобренный вкус обеда.

Помню бывшего гибель,
но до её начала
помню стекла изгибы,
тень, что избу качала.

Помню тебя, как друга:
вспышек тугие миги,
чуть освещённый угол,
бледность лица и книги.

Помню в торце вагона,
В будке ночной у порта.
Всё утекло... Неона
свет предо мною мёртвый.

* * *

Ночью стучат и стучат молотки
Дождя по железной крыше.
Скрутились бумажные дни-завитки,
Шуршат, словно серые мыши.

Теперь мелюзга обитает одна
В углах моей родины. Чаще
Лишь норка крысиная там и видна,
Где хвойные высились чащи.

На вырубках строят жильё муравьи,
Нет места отныне берлогам,
И ты меня, осень, в поход не зови
Забытым охотничьим рогом.

Какого там зверя укрыл краснотал?
Не вижу я то, что не близко.
Мой голос, что стаи волков устрасал,
Стал свистом, стал тоненьким писком...

* * *

В. Т.

в провинции принципиальна тьма
любой фонарик перед ней бессилён
листаёт ветер липы как тома
и в дымоходах ухаёт как филин

и не понять горит вдали заря
или огонь мерцает гастронома
так под ногами плещутся моря
так близок гул заоблачного грома

вися во внесезонной пустоте
где всё бесценно сразу и немило
как помнить нам края иные те
где мир лучом на части разделило

где ждут отдельно тишина и крик
художника его покорны власти
в предвечной тьме мир целен безъязык
неодолим и неделим на части

«ЛЭНГВИДЖ СКУЛ»

вот так скажу и эта речь навек
и вопреки болоту где утопли
мы все скажу не так как человек
чтоб ты мои не смог слышать вопли

вот так скажу чтоб ты не разглядел
под блеском слов мою печаль беззубость
не смог понять я чёрен или бел
сладкоречив или скрываю грубость

поскольку я всего лишь из гостей
на мельнице в аду под адской крышей
я так скажу чтоб только хруст костей
камнями перемолотых ты слышал

чтоб ты увидел на своём веку
не весь портрет моей сердечной боли
не нашу муку но саму муку
которую нас всех перемололи

ВОСПОМИНИЕ О ПОБЕРЕЖЬЕ

мне снилось всё и качка и очки
подводные и батарейки стержень
на досках сеть но более крючки
что протыкают плоть и крепко держат

будь голубое небо над тобой
дожди над побережьем или поймой
заплатишь ты разорванной губой
за прежнюю свободу если пойман

и если только вырвешь мяса клочок
со сталью вместе что поднес туземец
ты возвратишься в милый свой мирок
не зря крючок имеет заусенец

мне снился рыбий взгляд наискосок
на мир из-под воды из-под мембраны
удушьё кровь и пламенный песок
я ранен был вложи перста мне в раны

ВНИЗ ПО СТИКСУ

всего страшнее когда по Стиксу
вниз совершаешь движение
то что в чёрном текучем гипсе
не видишь своё отражение

и даже не знаешь есть ли очи
один на лодке из сотен
и ты всего по привычке хочешь
но телом уже бесплотен

и даже рук не имеешь высечь
в скале своё имя а в судно
сползают по жёлобу тысячи тысяч
темно и молиться трудно

КОММЕНТАРИИ К ФОТО (фото прилагается)

на снимке между древними хвощами
и ящерами сам себе я рад
ещё не весь поработен вещами
и страсть свою не обративший в яд

где нет ещё ни храма ни иконы
где не совсем из яви изгнан сон
и о судьбе беседуют драконы
с тем кто земным богам не посвящён

там не один стою — вдвоём с тобою
пускай не видно твоего чела
а лишь стволы и небо голубое
уже ты в Божьем замысле была

ПРАКТИКА ПРОРОЧЕСТВА

под каменной стеной застигнутый дождём
стою ногой в воде подобно цапле
так глядя в небеса от них мы счастья ждём
а получаем градины и капли

наш путь под крышей туч болотист и кремнист
предшественников о другом уроки
так глядя в небеса берём мы чистый лист
и сочиняем признаки и сроки

LIBERTY ISLAND

(остров Свободы)

бежал я по лесу как горностаи
остров свободы во мне возрастал

сперва наделил меня остров слухом
и правду от лжи отличило ухо

потом наделил меня остров зрением
на бедность врага не смотрел с презрением

послали ко мне со жрецами мощи
жрецы заблудились в священной роще

шёл за мной механизм в берете
его поразила его же генетика

соседи звали меня под купол
в воде осьминог мои ноги щупал

давали взамен обелиск из стали
но я жрецам обелиск отправил

ПО ДНУ

Когда идёшь по дну, встречаешь рыб
среди заросших мхом тяжелых глыб.

И каждая из рыб свой ищет дом,
и говорит беззвучно о своём.

О червяках, о хлебных корках и
стальных крючках, свисающих в тени.

И сам ты наклоняешься ко дну
и раковину видишь там одну.

И слышишь пение, а сверху, за спиной
блестит и серебрится мир иной.

СОКОЛОВСКАЯ (БАХТИНА) МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА родилась в 1988 году в Воронеже.

Автор поэтических сборников «Взрывные согласные» (2011), «Ежели» (2012) и «Дикая церковь» (2018).

Руководитель творческого объединения «Посторонним в.», организатор поэтических перформансов, I турнира поэтов «Стихоборье». Член Союза российских писателей, Союза журналистов России, Международной ассоциации писателей и публицистов. Живёт в Воронеже.

Живёт в Воронеже.

Мария СОКОЛОВСКАЯ

* * *

Сегодня — дома. В пределах комнаты.
На звуки — взглядами отвечая.
Была душа как рыбёшка вспорота —
Раскайся, рви требуху печали!
А я застыла и жду спасения,
Как будто мне обещали свыше
Простить все вольные прегрешения
За просто так. А теперь — не слышат.

ПАМЯТЬ СМЕРТИ

Хандра. Достать друзей нытьём,
Себя — враньём, родных — бессонницей.
Утешься, только раз живём,
Не надо сильно беспокоиться...
Но ты опять едва ползёшь,
С надеждой тянешься к могиле,
Не потому, что невтерпёж,
Не потому, что не любили.
А просто так тепло, как там,
Тебя ещё не хоронили.

* * *

Клавдия Ивановна не хочет умирать
стучится к соседу, просит вызвать «скорую»
у неё потолок горит и болит кровать
сердце рвётся из окон в застенки тёмные
скручивается кольцом автострада вен
запрокидывается шёпот и льётся, льётся
у соседа много своих проблем
но он всё откладывает остаётся

* * *

Бледная Маргарита тащит себя домой.
Таким от стыда гореть и бояться сплетен
Уже поздновато... Кажется неживой
Её красота под призмой тысячелетий.

И всё же, в контексте кухни, когда одна
При свете конфорки медленно чай мешает,
О чём она думает, что она понимает
И почему она чудо как хороша?

Утром у Маргариты в морщинках лоб —
Ищет слова, чтоб выразить боль пустую.
В зеркало смотрит, как будто в открытый гроб,
Первой кидает камень. И вхолостую.

ДОЖДЬ

Ощущение дома пошире пределов церкви,
но не намного. Поэтому буду рядом
с иконами этими — свет никогда не меркнет,
И легче вести борьбу с запредельным адом.

И даже когда старушка погасит свечи,
Помоет полы девица в цветном платочке,
В глаза наберу спокойствия — душу лечит —
И тихо уйду, раз этого время хочет.

Смиренно достану ключи у двери подъезда,
Не быстро, не медленно, но поднимусь повыше...
В квартиру зайду и сяду в большое кресло:
«Любимый, там дождь, ты, правда, его не слышишь?»

* * *

Такие сложные молитвы
С трудом дочитываешь вслух.
Как будто наступает вечность,
А ты всем сердцем — не готов.
Измучен временем, пространством,
Свободой выбора, стихами
И мыслью — с каждым днём сложнее
«Помилуй, Господи...» сказать.

ТКАЧ ВИКТОРИЯ ЮРЬЕВНА родилась в 1976 году в Днепропетровске (Украина), через год с родителями переехала в город Богородицк Тульской области.

Публиковалась в литературных журналах и альманахах Тульской области, Тулы, Москвы, Санкт-Петербурга. Стихотворения вошли в антологию «Наши современники» и хрестоматию «Три века тульской поэзии». Автор семи книг. Лауреат литературной премии «Золотое перо Тулы» (2009). Член Союза российских писателей. Живёт в Туле.

Виктория ТКАЧ

* * *

Сосуд наполнен.
Время истекло,
И каплям тесно в линиях и мерах.
Небесное лазурное стекло
Незримо хрупко и предельно серо.

И дождь пошёл —
На свет и через край,
Ломая невесомые границы,
Туда, где беспредельное украв,
Земля раскрыла зонтичные лица.

Не счесть шагов!
Пришедшая прозреть,
Вода прозрачна словно ниоткуда —
Рождение, не верящее в смерть.
И смерть, напоминающая чудо.

* * *

Впустила дождь и сразу — шелест крыл
Бездомной серой бабочки небесной.
Он мокрой тенью гулкий мир накрыл,
Вбирая веток лиственные песни.

И только вздох откуда-то извне... —
Усталые, пытаюсь отогреться,
Дробились капли в странной тишине,
Питая влагой смолкнувшее сердце.

И воду принимая жадным ртом,
Не в силах отплатить за эту милость,
Я вновь жила, забыв уже о том,
Кому о ней отчаянно молилась.

* * *

В ожидании чуда так хочется слова «нечаянно»!
Тишина ускользнёт и оставит на жёлтых песках
Отогревшийся в нашем нелепом и долгом молчании,
Словно хрупкое счастье, цветок о семи лепестках.

Мы проснёмся опять растревоженно птицами ранними.
Не летать и не петь, только помнить — ни шагу назад,
Когда столько разлук — нареченных и глупостью раненных,
Оттого, что лишь главное мы не успели сказать...

Мы пойдём на восход (на закат — нам не хватит отчаянья):
Раздавать, и хранить, и раскрашивать серые сны,
Чтобы только дожить до усталого чуда — молчания
И до вечно тоскующей,

странной

влюблённой

земной

тишины.

КАК?..

О, только бы привстать, опомниться, очнуться...

А. Тарковский

Как

Вдруг отречься и восстать,
Отгородиться от былого,
Забыть слова и вспомнить Слово,
И ощутить, как благодать,
Вселенство, вечность, тишину,
Взмах лёгких крыльев, вкус клубники,
Беспечность утра, солнца блики,
Когда чуть-чуть — и упорхну?!

Как

Потерять и обрести,
Уйти без шороха и всхлипа
Туда, где мёдом пахнут липы,
И бабочкой держать в горсти
Шальную жизнь, мечтой прозреть,
И всё отдать, и возвратиться,
Остаться счастьем на страницах,
И никогда не умереть?..

ТРОФИМОВА ВЕРА АЛЕКСАНДРОВНА родилась в 1972 году в Туле. Член Союза российских писателей. Драматург, композитор, автор мюзиклов. Публиковалась в литературных альманахах «Тула» и «Среда». Живёт в Туле.

Вера ТРОФИМОВА

ГРИППОЗНЫЕ СТРАДАНИЯ

В феврале — тяжёлый случай! —
Инфлюэнца город мучит,
И гриппозные явления
Сильно распространены.
И кругом народ болящий
Еле-еле ноги тащит,
И лекарства народу
Исключительно нужны.

Ах, когда бы эскулапы,
Ах, когда бы от любви
Что-нибудь изобрели,
Я тогда б того лекарства
Сразу принял пачек двадцать,
Даже горьких, как хинин.
Не страдал бы, не метался,
А здоровьем занимался,
Римским правом увлекался,
Сам себе был господин.

Ах, когда бы, ах, когда бы
Эти дьяволы бабы
Не смущали наш покой,
Мы бы делом занимались,
В пух и прах не разорялись,
И уж точно не бросались
С телебашни городской!

Наверху сосед чихает,
Шторой сопли утирает,
Грипп по городу гуляет,
Жертвы ищет, паразит.
Я сижу у телефона,
Прыгну ей-же-ей с балкона,
Если Карцева Алёна
Мне сейчас не позвонит.
Апчи!

* * *

Венецианская гондола,
А в ней синьора и синьор,
И где-то слышен плач виолы,

И нежен тихий разговор.
Плывёт гондола по каналу,
Умолк охрипший гондольер...
Но дама вовсе не устала,
И так же пылок кавалер.

Кровь итальянская играет,
Шумит на пьядце маскарад,
Различья маска презирает,
Под маской чёрт тебе не брат!
А век галантный на исходе,
Скользит гондолой по воде,
И легкомыслие уходит,
И времена уже не те.

Корсажи, мушки, кринолины,
Кюлоты, пудра, парики...
Как это хрупко и наивно,
И как забавны старики!
А ведь недавно — боже правый —
Гондола в сумерках плыла,
И кавалер такой был бравый,
И дама так мила была!

ЦЕПОЧКА ИЗ МЕДИ

На моей постели измятой
Он оставил цепочку из меди.
Виновато шепнул: «Чем богаты,
Больно с золотом туго, леди.
Но когда-нибудь я приеду
И осыплю вас жемчугами!»
И ушёл сразу после обеда,
И возможно, к соседской даме.

Что ж, мне Бога гневить не годится,
Крепко выстроен замок баронский.
Чаша полная, как говорится:
Вдоволь пива, и хлеба, и воска.
Сын подрост, у герцога служит,
Мальчик сделает там карьеру...
Ну а муж... Да на кой он нужен,
Раз гуляет сверх всякой меры!

А моей любимице дочке
Вот уж годик с того свиданья.
Подарила я ей цепочку,
И в подушке душу рыданья.
Если беден ты, как и прежде,
И нигде не добыл жемчужин —
Возвращайся хоть в драной одежде,
Мне твой жемчуг совсем не нужен!

ТЮНЯЕВ ВЯЧЕСЛАВ ВИКТОРОВИЧ родился в 1963 году в Туле. Поэт, прозаик, сценарист. Служил в войсках дальней авиации. Окончил Тульский государственный педагогический институт им. А. Н. Толстого и Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова. Работает менеджером. Автор трёх сборников стихов. Член Союза российских писателей.
Живёт в Туле.

Вячеслав ТЮНЯЕВ

БАРХАТНЫЙ СЕНТЯБРЬ

Затихли движения леса.
Как зеркало, водная гладь.
Прощальная летняя пьеса
Лениво вползает в тетрадь.

С утра тишина устоялась
В затопленных светом лугах.
Последние бабочки вяло
Дрожат на уснувших стогах.

Плывут по бесшумному небу
Остатки пушистых полос.
Небесная, синяя зебра
Легла на прозрачный поднос.

МОКРЫЙ ФЕТР

Досыта наевшись спелых зёрен хлебных,
Напилась земля дождей, утёрлась ветром.
Затемнила осень купол неба,
Утеплела небо мокрым фетром.

Я и сам надвинул до предела шляпу.
Даже ног из-под неё почти не видно.
И по редким лужам шлёпал косолапо,
И летели брызги на пальто из твида.

В пасмурные дни скучать, грустить и плакать
Кто-то очень любит явно без причины.
А меня спасают мелкий дождь и слякоть,
Коньяка глоток и чашка капучино.

ОКТЯБРЬ

Сожмусь в комок. Вдруг стало холодно.
Над головой — седые тучи в клочьях.
И там мелькнула свита Воланда
И греться улетела в Сочи.

Кто мне оставил запечатанный
Конверт с ненастьем в табакерке?
А день вчерашний замечательный
Исчез с потухшим фейерверком.

Кто растревожил ветры севера?
Какие песни спели скальды?
И до арктического сервера
Не доберётся солнца скальпель.

А дуб роняет каплю золота
И в спелый жёлудь превращает.
И осень сыплет кофе молотый
И дарит аромат прощальный.

ОТТЕПЕЛЬ

Сломался зимний морозильник.
Нанёс нам дружеский визит
Дальневосточный дух Годзиллы,
Расплавив наш ледовый щит.
И оттепель снегам грозит.
Светлейшей Северной Бразилии —
Опять лежать в воде, в грязи!
Среди зимы сообразили мы:
Намеренно нас поразили,
Леча нас от парестезии,
От Мурманска до Колымы.

ПО ЕГО СЛЕДАМ

Бога не бывает удобного,
И Его нельзя применить
В своих интересах.
Он — не программа
 для пользователя.
Он — не шкатулка чудес.
Храм Его — не вместителище
 развлечений.
Его не вызывают
 на время,
Чтобы усладить тщеславие
В час, когда душа смущена
И просит лирики.
С Ним нельзя заключить
 делку,
И Ему нельзя предъявить
 ультиматум,
Если тернист земной путь.
Бог — не карманный божок
На разные случаи.

Осознавая дела Его,
К Богу можно стремиться,
Ступая по Его следам.

ПОЭЗИЯ

Сергей БАТАЛОВ

Олег ГОНОЗОВ

Алексей ЕФИПОВ

Максим КАЛИНИН

Денис ЛИПАТОВ

Ольга ЛЮСОВА

Владимир ПЕРЦЕВ

Николай СМИРНОВ

Леонид СОВЕТНИКОВ

Светлана ШУЛЬГА

3

Ярославль — Владимир —
Нижний Новгород

БАТАЛОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ родился в 1982 году в Ярославле. Окончил Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова. Публиковался в «Литературной газете», приложении к «Независимой газете» «ЕХ-Libris», альманахах «Чем жива душа...», «Илья», журналах «Мера» (Ярославль), «Контрабанда», «Литература». Лауреат «Илья-премии» (конкурс «Русский характер: новый взгляд», 2011), финалист конкурса памяти Константина Васильева (Ярославль), шорт-лист Волошинского конкурса (2014, критика). Автор сборника «Кочевья» (2011). Живёт в Ярославле.

Сергей БАТАЛОВ

* * *

Что ж, приглядись, прислушайся к ночи,
Что темнота без слов тебе кричит
Очередным пустынным закоулком?
Твой город спит, и некуда идти,
Когда не спишь, за ночь не обойти
Его пустыни, скверы, переулки.

Повсюду мир, оставшийся без нас,
О чем ещё продолжить мне рассказ?
Что это миг побыть с самим собою?
Но снова мир с тобою говорит,
И темнота созвездьями горит,
И слышен шум — подобие приборя.

Я помню, раньше в детстве приезжал,
В деревню к бабушке, сидел, листал журнал
Под жёлтой лампы дружелюбным кругом.
Была изба полна теплом огня,
Да только помню — в черноту окна
Я всё глядел, глядел с немym испугом.

Был виден лес — и с чернотой небес,
Вдали сливался, исчезал, исчез.
(В деревне дом стоял, понятно, с краю).
И было страшно выходить во двор,
Мне всё казалось, вон за тем кустом
Привычный мир, конечно, исчезает.

Был воздух свеж и непривычно чист,
Луны висел огромный яркий диск,
И тишина казалась тише, тише,
Исчезла речь. Весь обратившись в слух,
Я возмущенный успокоил дух,
Чтоб звуки слышать тише писка мыши.

Но мир молчал, молчал, молчал, молчал,
На мой призыв в ночи не отвечал,
И тишина стояла в том эфире.
И я один, казалось, во дворе,
На пяточке крыльца, при фонаре,
Стоял один в неосвещённом мире.

Потом, понятно, до костей продрог.
Переступил обратно тот порог,
Чтобы в привычной вновь быть обстановке.

Бубнил там телевизор на столе,
Но сквозь бубнёж, как будто бы в уме
Услышал еле слышный звук трещотки.

Там, за окном, кузнечик стрекотал.
Невидимый, незримый, он не знал,
Что тишину ночную он разрушил.
Что тёмный мир, там, за моим окном,
Где палисадник окружает дом,
С ним обретает звук, и смысл, и душу.

И слышал я, беззвучием томим,
Как вдруг в ночи разговорился мир,
Я птиц крылатых щебетанье слышал.
Я слышал треск кузнечика в окне,
И то, как за обоями, в стене,
В щели меж бревен шебуршали мыши.

И я молчал, молчал, для них незрим,
А мир всё говорил и говорил
Мне шумом гроз и дуновеньем ветра.
Дрожали тени чьи-то на стене,
Парили птицы где-то в вышине,
И думал я во сне: о чём он это?

И я о чём? Хороший ведь вопрос...
Да, с тех времен я несколько подрос.
Но до сих пор, нечасто для поэта,
Но городом ночным порой хожу,
И от теней ночных его дрожу,
Но слышу мир, звучащий, полный света.

* * *

Был зимний день в районе Трастевере,
Типично римском городском районе,
Украинном, безлюдном, запустелом
На средиземном шумном ярком фоне.
Да что сказать — типичное Затибрье,
Заволжье ли, Заожье — маловажно,
Здесь царство снов — где, если что и стибрят —
Мгновеньем позже кажется неважным.
Где лишь сидят извечные старушки
На лавочках, соседей обсуждая,
Да кормят кошек — это не игрушки,
Число грехов людских преуменьшая...
Мы были там. Сидели, наблюдали,
Как кошка рвет сиденье мотоцикла,
Мы пили кофе, ни о чём болтали:
Здесь мотоциклы ко всему привыкли.
Прошёл официант, седой, вальяжный,
Ругалось рядом римское семейство...
И ничего в том не было нам важным,
Мы молча наблюдали это действие.
И было хорошо, светло, лениво,
И этим всем вполне необычайно.
Зеленый Тибр нес воды терпеливо,
Корабль-остров на волнах качая.
Тянулось время еле-еле слышно,
И день казался медленным и ясным,

Когда официант из кухни вышел
Порадовать нас чем-нибудь прекрасным.
И так нам было хорошо и просто,
Что вспомнил я, ничем не омрачаясь,
Наш старый двор, огромный летний остров,
Где наши детства в лете растворялись,
Там грелись кошки о металл машины,
Там бабушки сидели под сиренью,
И воздух был под вечер чуть-чуть стылый,
Наполнен светом, теплотой и ленью.
Там было всё: костры, велосипеды,
За кем-то слежка. К парку и обратно,
Через кусты. Ещё кружок проедем.
А скоро ночь. И дома ждут, понятно.
На гаражах — гремят чужие крыши! —
Играли в «сифу». Как-то не попались...
И ветеран-сосед во двор к нам вышел,
А мы ушли. А те дворы остались.
И вот сидим мы где-то в сотнях или...
Простой водой лазанью запиваем,
А чувство то, что здесь однажды были,
И этот мир до боли узнаваем.
Как будто двор наш рядом, по соседству,
Как будто просто сразу не узнали,
Как будто вновь мы возвратились в детство,
Свернув тропинкой вон за тем сараем.

* * *

Прогулки с зонтом при дождливой погоде
Давно уже стали традиции вроде
Развернулись хляби — а мы под зонтом.
Во всём соблюдая порядок старинный,
Пройдём променадом по улице длинной!
Потом? Ну а что нам — потом?

Когда ко всему ты привычен в погоде,
Вот разве грозы чуть страшишься в природе,
Точней, с неким трепетом ждёшь,
То дождь — красота. Небо хмурится вроде,
Но солнечный луч, ниспадая, приходит.
Нет, дело не страшное — дождь.

К тому ж, говорят, он полезен настолько...
Он поит все травы, и моет постройки,
И пыль оmyвает с машин,
Он делает воздух прозрачней и резче,
Мир чище, а наше дыхание — легче,
Чуть ближе к дыханью души.

Пройти б под дождём без зонта! Но настолько,
Признаемся честно, с тобой мы не стойки,
Стихия для нас — не родня.
И нужен нам зонт, заменитель порядка,
Как крыша над домом, где тихо и гладко,
Где с неба не каплет вода.

И в нашей эпохе, признаемся честно,
Мы носим такие зонты повсеместно...
Укрыть бы им частную жизнь.

Где наше пространство, семья и родные,
И чтобы укрыть их от чуждой стихии —
За тросточку эту держись.

Любимые книги, и пицца, и нежность,
Что делает жизнь светлей неизбежно —
Всё это храним под зонтом.
От гроз и от взглядов завистливых прячем,
Так было, и есть, и не будет иначе
И здесь, и сейчас, и потом.

ВОЛОГОДСКИМ ДРУЗЬЯМ

Яков к тебе... Остафий послал с тобой ему рубль,
Самылу (Самуилу) рубль, ни мне рубля, ни мне
протора (издержки, расходы, убытки)...

Расшифровка Вологодской берестяной грамоты

«Ни мне рубля,
ни мне протора», —
писал некий Яков, наверно, скрепя
в слезах своё сердце.
Записка осталась — в четыре строки.
Последняя строчка — почти что стихи.
Куда от них деться?

Наверно, и пишем ещё потому,
что ну не умеем тянуться к рублю:
Богатств наших крохи
с лихвой восполняет словарный запас —
так было, так есть и так будет у нас.
Стихи вот неплохи.

Не в этом загадка ли русской души,
что мы не умеем копить те гроши —
Творим за идею!
И я вот сижу, никуда не спешу,
лишь взял бересту да писало верчу.
Пишу как умею.

И в перечень скорбный прощённых долгов,
друзья, не добавим ни точных мы слов,
ни образ, ни рифмы.
А в Вологде-граде как прежде — вода
кисельные моет свои берега,
песчаные рифы.

* * *

Кате

Разговаривать с ней — это чистую воду пить,
Разговаривать с ней — это просто глядеть в глаза,
И гулять под луной, строить планы, да просто жить —
Так любви началась долгожданная полоса.
Я живу сейчас, словно чистое небо пью:
Разговаривать с ней — это миг угадывать, птиц кормить...
От её небывалого: «Я люблю!» —
Мир становится тем, чем, казалось, не мог и быть.

ГОНОЗОВ ОЛЕГ СЕРГЕЕВИЧ родился в 1956 году в Ярославле. Окончил Московский государственный институт культуры по специальности «режиссер клубных массовых представлений». Публиковался в коллективных сборниках и альманахах, «Литературной газете», «Литературной России», журналах «Русь», «Русский путь», «Мера», русскоязычных изданиях Израиля, Канады, США.

Автор книг «Судьбы на ветру» (1991), «Татьянин день» (1996), «Признание городу» (1997), «Эффект присутствия» (2004), «Смерть в Хургаде» (2010), «Из Кошанска в Москву» (2012) и др. Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Живёт в Ярославле.

Олег ГОНОЗОВ

НЕ ПОЗВОНИТЬ ТЕБЕ ИЗ САМОЛЕТА...

ВСТРЕЧА С БУДДОЙ

Вчера я первый раз увидел Будду,
Прилегшего как будто отдохнуть...
Монах в дверях шепнул (век не забуду):
— Иди к Нему! Он твой укажет путь!

Укажет? Значит, жил я как не надо,
Не верил никому и ничему...
За что же вдруг нашла меня «награда»?
Монах: «Иди к Нему! Иди к Нему!»

Вокруг толпа, босые люди в белом,
Монах в дверях, к себе зовущий Бог...
Я шаг вперед хотел уж было сделать.
Хотел, но побоялся и не смог...

* * *

Попрошу у осени прощенья
 за костры с пожухлою листвою,
 за рябину, что в стихотворении
 всё стоит, поникнув головой.

За пернатых, вечно недовольных
 наступлением первых холодов,
 за зерно, оставшееся в поле
 и за снег, идущий на Покров.

Я за всё готов просить прощенье,
 чтоб вернуть назад не день, не час,
 а хотя б всего одно мгновенье
 осени, соединившей нас...

МАСТЕР И МАРГАРИТА

Журнал «Москва» с булгаковским романом
 Я выклянчил по благу на два дня —
 И показалось мне довольно странным,
 Насколько он зачитан до меня.

Я в очереди шёл, увы, не первым,
И мне, конечно, очень повезло,
Что у кого-то просто сдали нервы,
А может быть, здоровье подвело.

Я впитывал страницу за страницей,
Читая всё, что даже между строк,
Так жадно, что не мог остановиться,
Да и заснуть потом уже не мог.

Мне виделся трамвай на Патриарших,
Без головы лежащий Берлиоз
И свита Сатаны, победным маршем
Идущая, смеясь над ним до слёз.

ПОЭТ

Я на улице встретил поэта.
Помню, он, когда был молодой
В каждой строчке писал лишь про это...
А теперь шёл с седой головой.

На страницах районной газеты,
Если были подборки стихов
О любви, то, конечно, про это...
С ароматом французских духов.

Его звали поэтом с приветом,
Хоть закончил он Литинститут
Всё равно, как мальчишка про это...
Он печатал стихи там и тут.

Вот идёт он, неважно одетый,
В тусклом свете вечерних огней.
Но стихи будут только про это...
У него до конца его дней.

СОБИРАЛСЯ К ДРУГУ

Собирался к другу
я давным-давно.
Пожать ему руку
мне хотелось... Но
шли дожди всю осень,
потом выпал снег —
всё не так-то просто
в двадцать первый век.

В сельской глухомани
друг всю жизнь живёт,
его любимой маме
девяностый год.
Поступил он круто,
как бы всем назло:
после института
укатил в село.

Укатил и спился,
развелся с женой...
Как-то мне приснился

друг мой дорогой...
И во сне без смеха,
побледнев лицом,
звал к себе приехать,
посидеть с винцом.

Но пока в дороге
я к нему спешил...
Протянул друг ноги,
словно и не жил...

В ХРАМЕ

Слышу шепчет батюшка:
«Господи, спаси!»
В церкви одни бабушки,
Как по всей Руси.

Молятся сердешные
За своих родных,
Кто обрёл жизнь вечную,
И за всех святых.

Вот и я на паперти
Тихо попросил
От дверей незапертых:
«Господи, спаси!»

* * *

Зима, зачем меня ты ранишь
Бескрайней снежностью своей
Ведь я и так стою на грани
Метелью обречённых дней?

Стою, боясь пошевелиться,
Боясь нарушить тишину,
И молча, всматриваюсь в лица,
Чтоб отыскать её одну!

РАЗГОВОР С ОКЕАНОМ

— Океан, Океан, я не знал тебя раньше,
Я не видел твоих оглушительных волн...
— Ты откуда? — спросил.
Я ответил: — Из Раши...
Из России занёс меня, грешного, чёлн.

Мне уже шестьдесят...
— Это мало, наверно?
— Сколько есть — все мои, — улыбаюсь в ответ.
— Это мало, мой друг, это грустно и скверно,
Мне давно не один миллион уже лет.

Я решил промолчать.
Ну а что ему скажешь,
Если я как песчинка по сравнению с ним...
Завтра я окунусь снова в снежную Рашу...
Мы ещё, Океан, поживём, поглядим...

* * *

Я иду навстречу осени,
Как в последний раз иду
По траве ногами босыми
К своему, увы, стыду.

Помню, я ещё мальчишкой
Также бегал босиком
Возле дома с взрослой книжкой,
Мной прочитанной тайком.

А теперь вот жизнь прочитана
До последнего листа,
На себе уже испытано,
Что нельзя прожить до ста...

И не знаешь и не ведаешь,
Что за осень впереди,
И с какими завтра бедами
Ты окажешься в пути.

А пока в багрянце, в золоте
Утопает всё вокруг,
Мы душою будем молоды,
Как в семнадцать лет, мой друг!

* * *

Не позвонить тебе из самолета,
Из вязких, словно вата облаков...
А так охота, слышишь, так охота
Отправить с неба парочку звонков.

Эх, кто бы знал, как я хочу услышать
Твой голос, что не слышал сотни лет,
Как в трубку ты, взволнованная, дышишь
И говоришь своё коронное: «Привет!»

Пусть за бортом немислимая стужа,
Мне слышится как будто бы в бреду:
«Ты мне, как никогда, любимый, нужен!
Скорее возвращайся! Очень жду!»

* * *

Давай убежим этой ночью, уедем
Туда, где горячее солнце встаёт,
Где горы у моря лежат, как медведи,
И что-то лопочет нерусский народ.

Навстречу солёным волнам и прибою,
Сцепив крепко руки, смеясь, поспешим...
И море, как кит нас проглотит с тобою,
Чтоб мы никогда не смеялись над ним!

ЕФИПОВ АЛЕКСЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ родился в 1980 году в Ярославле.

Окончил Ярославский государственный технический университет. Публиковался в региональных сборниках и периодических изданиях. Лауреат и дипломант поэтических конкурсов.

Живёт в Ярославле и Сочи.

Алексей ЕФИПОВ

МИНУС НУЛЬ

Приходишь: постель не смятая,
осматриваешь квартиру,
покрываешься солнечными пятнами,
пульсируешь.

Перспектива не прорисована,
не настроена резкость;
переглядываясь с парой кроссовок,
от стыда колышется занавеска.

А сам идёшь на убыль,
проецируясь на любовь,
механически чистишь зубы,
не дотрагиваясь до зубов.

Играешь «Прощание славянки» на нервах,
заглушая боль,
выходишь во двор — и деревья
расступаются перед тобой.

СМЫСЛОВЫЕ ГАЛЛЮЦИНАЦИИ

На ветке первая завязь,
простодушная, робкая,
помнишь, в детстве, когда выбивало пробки,
ты сидела с закрытыми глазами,
долго, не решаясь открыть их — а вдруг ослепла?
Трогательно? Нелепо?
Так же несмело, всуе,
понимаешь такую малость:

то, что видимое — не существует,
а невидимого — не осталось.

ДЕТСТВО

Это было давненько —
память обиженно курит —
я любил рисовать ярко-синих куриц,
нет, не тех, советских, просто синих,
которых выбрасывали в магазинах
по случаю смерти очередного черненко...

Все так жили, жили не скучно.
Бабушка работала на заводе
по производству шариковых ручек,
мама на ночь читала сказки,
чаще других «Синюю птицу»,
теперь уже знаю, что Метерлинка,
по телевизору — футбол, блистали Линекер
и Гуллит, чемпионат Европы вроде
или мира, в общем, заграница...

Наверное, и поэтому я без ластика
на тетрадной бумаге в линейку
рисовал ярко-синих куриц,
ярко, ярко-синих...

А потом умирал очередной черненко,
его выносили, выносили
товарищи из Политбюро. Сутулясь,
стояли товарищи из ЦК на Мавзолее,
на фоне нездорового заката солнца,
Союза
их лица неестественно краснели
даже по чёрно-белому «Рекорду».
Твердо
шагали вдоль улиц
официальные противники джаза и блюза
пионеры и комсомольцы —
шеренги умников и умниц,
втихую слушавшие БГ и Макара...

А я по-старому,
закрывшись в комнате,
продолжаю рисовать ярко-синих куриц,
в профиль,
точнее, даже не куриц — их проекции...

Да, почему-то вспомнилось:
тогда не было хорошего кофе...

Но было детство.

ЛЕНКА

Хоронили забудыгу —
Ленку с третьего подъезда.
Я открыл тоски бутылку,
И ломтями скорбь нарезал.

Ленке что? Апрель. Комфортно.
Гроб дешёвый, грубоватый.
Я за упокой конфорку
На плите зажёг — лампадой.

Страшно! Гвозди заколотят.
Нет цветов. И без поминок.
Будет лето — на болоте
Соберу венок кувшинок.

Жутко! Спрятаться под простынь!
Звать родителей! Заплакать!
Только сам давно я взрослый,
Только сам давно я папа.

В детстве Ленке гнусно «выкал».
Было и у Ленки детство.
Это мне нажали «выкл»,
Это мне попали в сердце.

Я открыл тоски бутылку,
И ломтями боль нарезал.
Схоронили забуддыгу
Из соседнего подъезда.

ЗАВЕРШЁННЫЙ ГЕШТАЛТ

Луна изменяет свой вкус
прилива на вкус молчания,
мой мирный регги-н-блюз
исполняют чайки.

На выходе: блюз без регги,
как Цинциннат без плуга,
но пятое колесо в телеге
находит свой пятый угол.

БЫДЛЯНЕ

Там-тамом луны увлеклась польня,
а Волга — январским кальяном.
Не турки, не негры пинают меня,
а наши родные быдляне.

Быдляне ушли. Шевельнулся слегка,
вдохнул, затянулся по полной...
Во рту на зубах облакаоблака
хрустели соленым попкорном.

ЭЛЕКТРИЧКА

Прикрыв рукой разлуку,
как прикрывают спичку,
втискиваюсь в кольчугу
пригородной электрички.

До заворота кишок
пахнет сдохшим вальдшнепом.
А чем я хотел? Каштанами?

Электричка следует дальше,
оставляя за собою шов,
кое-как заштопанный шпалами.

ЗЕМЛЯ

Выставляешь теодолит,
измеряешь равнины рвань,
под ногами нечернозем болит,
не порань
граненым стаканом желудок
в горящей степи
на скрипучей полуторке

чашу придётся испить
до последнего корабля,
где якорь указывает на Арбитра.

Поперхнётся землей Земля
и не возвратится на орбиту.

ВЕСНА

Лишь март апрелю sms отправил,
событий замелькал калейдоскоп.
Пруды — очки в асфальтовой оправе —
зашевелились. В парке городском
дорожки стали дужками, по коим
я прошагал, могуч, спесив, ретив,
я прошагал, как первобытный воин,
«кочевник с ноутбуком», еретик.
Беседовал с весною изумлённо —
не знает языков, а говорит! —
я, оказалось, понимал с пелёнок
фарси и скифский, хинди и санскрит.

ВОРОБЕЙ

Весна. И шерше. И ля фам. Поиск женщины...
Под ретро-мотивы аллея
С глазами ребёнка, без хлеба сидевшего,
Хватает крупу воробей.
Из чёрствой земли баррикадно трава торчит...
Воробушек — русский Гаврош —
Под вечер заснёт... И над ним Экскаваторщик
Поднимет Медведицы ковш.

* * *

Дайте больничную койку.
Позвольте, я лягу.
Всё заберите. Только
Оставьте бумагу.

Буду журавликов делать,
Белых, японских.
Тронусь умом, как хотела,
На перекрестках плоских.

КАЛИНИН МАКСИМ ВАЛЕРЬЕВИЧ родился в 1972 году в Рыбинске.

Стихи и переводы публиковались в антологиях «Семь веков английской поэзии» (2007), «Лучшие стихи 2010 года» (2012), «Лучшие стихи 2011 года» (2013), «Поэтический атлас России» (2015), журналах «Дружба народов», «Иностранная литература», «Москва», «Новый мир», «Октябрь», «Урал» и др.

Автор книг стихотворений «Тёмный воздух» (2008), «Часовые над Шексной» (2014), «Медленная луна» (2016) и «Сонеты о русских святых» (2016), «Новая речь» (2018), а также книги переводов: Томас Прингл. «Африканские зарисовки» (2010).

Лауреат поэтической премии журналов «Москва» (2002) и «Урал» (2009), а также премии «Anthologia» журнала «Новый мир» (2016).

Живёт в Рыбинске.

Максим КАЛИНИН

ЧАСОВЫЕ НАД ШЕКСНОЙ

Весело плещет река Шексна,
С Волгой-рекой сопрягая ток.
Ветер уносит обрывки сна.
Воздух пьянит за один глоток.

Башня из брёвен венчает юр.
Частые колья обстали двор.
Пятнами жёлтых и серых шкур
Полнятся дали, где ходит взор.

Ведьминой дыркой бойницу звать
Издавна брат-часовой привык.
Всякую малость тебе видать,
Ежели к небу стоишь впритык.

Глазу не лёгок глядельный труд —
Как на ладони судьба видна:
Посуху дикие люди прут,
Берегу корни грызёт волна.

Страх опускает на плечи плеть.
Трудно бодриться в тяжёлый час.
Нам с тобой не о ком песню петь.
Завтра, должно быть, споют о нас.

Тем, кто за нами пойдёт на рать,
Будем в оврагах костями греметь,
Кровью в ручьях голубых плескать,
Душами по деревьям шуметь.

Тем, кто за нами потянет век,
Драться без роздыху — не с руки.
Чтобы попасть на соседний брег,
Надо отрачивать плавники.

Солнце в Шексну опустило прядь.
Вражьего варева слышен смрад.
Вскорости будет не расхлебать.
Дай-ка мою поварёшку, брат!

* * *

В полях осенних — чёрные дороги.
По-старчески переставляя ноги,
Идти за кругом солнечным вослед,
Пока в конце пути не умер свет.
И, забывая всё, чем жил когда-то,
Ворочать взглядом уголья заката,
И, жизнь свою укоротив на треть,
Идти назад уже не захотеть.

* * *

Ночь к перемене погоды
Дунула в рог.
Слепок с лица Природы
Сделал Ван Гог.

Струи дождя не соосны.
Молний буза.
Звёздного ветра космы
Хлещут в глаза.

Старая чёрная кожа
Слезла с небес.
Новую, чёрную тоже,
Видно в разрез

Глаз, ошалевших от шума
Красок живых.
Переработана дума
В замысла жмых.

Из кулаков по птице
Выпустит Бог.
Истину на роговице
Спрячет Ван Гог.

* * *

Когда октябрьский ветер...

Дилан Томас

Октябрьский ветер на ходу
Отвесил мне леща,
А рощу в солнечном чаду
Схватил за край плаща.

В аллеях — красный полумрак
Об утренней поре,
И девушка сгорает, как
Колдунья на костре.

Посохший травяной народ
Кричит: «Штыком коли!»
И дым отечества плывёт
Во все края земли.

Толмачит ветер, нарочит,
На лиственный язык.
И пепел девушки стучит
Мне в сердце каждый миг.

* * *

День получился ахов,
Лучше ли будет ночь?
Пламенем старых страхов
Прошное оторочь.

Небо грозитя градом
Величиной с яйцо.
Девочка с домом рядом
Смотрит тебе в лицо.

Призраки, рожи корча,
Свой призывают час.
Девочка смотрит молча,
Не отрывая глаз.

Небо вздыхает мерно,
Дыбя любую пядь.
Девочке — пять примерно,
Взгляду — сто раз по пять.

Срезало в небе шпонку,
Вдарил вслепую гром.
Вслед я смотрю котёнку,
Кинувшемуся в дом.

* * *

Пока рождаются слова
У чёрта на рогах,
Шумит высокая трава
На волжских берегах.

Она на свой толмачит лад
Земли извечный зык.
Туда-сюда твой ходит взгляд,
Туда-сюда — кадык.

Все те, кто спит по берегам
И в реку не протёк,
Тебе диктуют по складам
Поэму в сотни строк.

Приходит в мир загробный плач
От первого лица.
И ты отныне не толмач —
Глашатай мертвеца.

От шума — кругом голова,
Глаза — как две свечи.
И ты твердишь, живой едва:
«Молчи, трава, молчи!»

* * *

Волга перуны катит,
Рыбам круша хребты.
Солнце проводит катет
С траурной высоты.

Ветер гудит по щеглам,
Души как есть дробя,
Людям седым да беглым
Всё от самих себя.

Кормщик лавируй вкривь да
Вкось из последних сил:
Волжская ждёт Харибда
С парой шекснинских Сцилл.

Делает глубже воды
Берега крутизна.
Сброшена с небосвода
Солнечная казна:

Золото с малахитом!
Манит подводный лов
Кладом, на дне зарытым
На сто наших голов.

СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ СОБОР В РЫБИНСКЕ

Пронзительной звонницы стан,
Пленительно-стройный, как стон.
Ты небом по имени зван,
Приняв обращенье как звон.

Пятипозвонковый хребет,
Лучший наверху твердь.
Храни колокольный завет,
Войдя в набежавшую смерть.

Собор о пяти головах
Трапезной на хвост наступил.
Устоев тяжёлый размах
Подстенье оставил без сил.

С востока придвинул Господь
Ко звоннице корпус не мал.
Избыв деревянную плоть,
В камении тот возмужал.

Зевакову зрению зреть
В бесчётных попытках понять:
Как можно закатную медь
Заставить по окнам стоять.

На стогах великой реки,
Где бесы сигают под мост,
Застыл он ветрам вопреки
Во весь православный свой рост.

ЛИПАТОВ ДЕНИС ВЯЧЕСЛАВОВИЧ родился в 1978 года в г. Горьком.

Окончил инженерно-физико-химический факультет НГТУ им. Алексева.

Стихи и проза печатались в журналах «Нева» (2007), «Континент» (2010), «День и ночь» (2010), «Крещатик» (2014), альманахе «Земляки» (2010, 2013) и др. Живёт в Нижнем Новгороде.

Денис ЛИПАТОВ

* * *

1

Приметы вроде хороши,
а настоящее — не очень.
Пиши, а лучше — не пиши,
и будешь короток и точен.

Ты лучше никого не тронь,
угомонись, постой в сторонке:
сам по себе горит огонь,
и ветер кружится в воронке.

Сама собой и жизнь прошла,
как расторопная хозяйка —
с утра до вечера дела,
и ты ей лучше не мешай-ка.

Она сама всё приберёт,
одна управится прекрасно,
она всё знает наперёд,
да и с тобой всё ясно.

2

Рачительной хозяйкой входит в дом,
Высматривает пыль и беспорядок,
Не оставляя дела на потом —
Ни праздных слов, ни на одежде складок.

Ничто-ничто теперь не пропадёт,
И всё переосмыслено до жеста,
Но солнце, как положено, взойдёт
И сядет, как положено, на место.

Совсем непросто даже вспоминать
Первоначальные вещей значенья —
Вот это стол, окно, кровать,
Свобода, смерть и заточенье.

Вот это — дверь (куда она ведёт?),
За нею — лестница, за нею — выход —
Ничто, ничто теперь не пропадёт:
Налево пишет — вдох, направо — выдох.

* * *

Откроем форточку и слышим:
кошачий лай, собачий визг —
мы, представляешь, этим дышим,
а вот проехал грузовик —

протарахтел пустой коробкой,
спеша в гараж или на склад;
вот пешеход походкой робкой —
он припозднился и ослаб

душою, телом, головою;
глаза слезятся, темь вокруг,
и от кошачьего разбоя
в душе — возня, в ногах — испуг.

Ты это помнишь, слышишь, знаешь:
ты тоже будешь тот старик,
и жадно с воздухом глотаешь
ночные страхи, шорох, крик.

* * *

На севере диком...

Лермонтов

Город был обнесён «колючкой»,
а вокруг там была тайга:
на прощанье помашешь ручкой —
и увязнешь по пояс в снега,

то есть вряд ли отчалишь без визы
самочинно в соседний уезд,
но и в здешние «парадизы»
для туриста заказан проезд.

Заповедное, в общем, место —
там бродил и медведь, и лось...
Там была у меня невеста,
уж не помню, с чего началось.

С полигона на выходные
возвращались порой по два дня,
по домам всех встречают родные,
а она — у «вертушки» меня.

Смотрит в пропуск — не улыбнётся —
«Повернись-ка, да шапку долой!»
И встречались мы с ней, где придётся,
но всё чаще — на проходной.

За два года постылой службы —
и двух слов по-людски не сказать...
Не свели мы с ней, в общем, дружбы,
а любовь была — грех вспоминать.

* * *

На старых улицах, что вскоре
Под корень будут снесены,
Ещё в случайном разговоре
Мне «фиты» с «ятями» слышны.

Как будто тени разночинцев
Ещё живут во флигелях,
Ругают истово мздоимцев
И спят в обнимку на углях.

А ночью серой в подворотне,
Где всяк дрожит своим добром,
Мелькнёт курьером преисподни
Святой безумец с топором.

И холодок по сердцу лижет,
Как будто взгляд из-за угла.
Таких, как ты, пройдох и выжиг,
Ничья душа здесь не ждала...

Трамвай машиною Уэллса
Меня поднимет на проспект,
Где город к празднику оделся
Огнями ёлок и комет.
И я не знаю, где я дома,
Куда забрёл, а где — живу,
И электричества соломой
Мне стелют неба синеву.

* * *

Стояла Достоевская погода:
Февраль в обнимку с ноябрём,
Раскольников курил ещё у входа,
Смотрел на всех нетопырём.

Князь Мышкин плюхал за трамваем,
Рогожин в джипе пёр на тротуар,
Фома Фомич почти неузнаваем
на радио о чём-то тёр базар.

Дома смотрели косо и уныло,
видать, за каждым прятали окном
бомбистов, чтоб их просквозило,
телегой задавило за углом.

Виня отца во всём, что наболело,
любой подросток, как Наполеон,
за пустячок считал любое дело
и всё грозился выиграть миллион.

Во всём, видать, погода виновата —
Февраль в обнимку с ноябрём:
хотелось встать с пикетом у Сената
и обозвать кого-нибудь ворьём.

Хотелось спорить за горячим чаем
о Марксе, о французских леваках,
разбогатеть каким-нибудь случаем
и снова проиграться на бегах.

Всё это блажь, твою литературу!
Февраль в обнимку с ноябрём.
Осваивай, Софи, клавиатуру
и к Свидригайлову иди секретарём.

МУСОРГСКИЙ

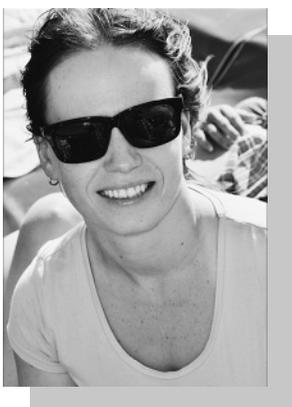
То ли мўзыка, то ли музўка —
Гроздя звуков и нот лузга,
То ли ёрзает безьязыка
Беззащитная мелюзга.
Знатоков забирает зевота,
Дилетантов свербит задор,
Композитора жрёт икота,
Зубом мается дирижёр.
Что там слышится, что сгущается,
Что там прячется до поры? —
Там с грозюю гроза встречается,
Там на вилы идут топоры.
Там вырастает в людей железо,
Там, залиывая рубцы,
То раскольничья спорит аскеза,
То хмелеют изменой стрельцы.

Я дышу этим воздухом зорко,
Как и ты — забулдыга — Модест,
По проулкам и по задворкам
Разбазаривая протест.
Зайтильщина и Задонщина,
Завалдайщина прозвенит,
Но внезапнее, чем пощёчина,
Бунт хованщиной кровенит.

Божий дар — ноша всё-же не лёгкая,
А свобода — не водки штоф —
Римский-Корсаков с поволокою
Вдруг посмотрит из-под усов.
Погрозит то смычком, то пальчиком,
То скрипичным поманит ключом,
То прикинется одуванчиком,
То маячит за левым плечом.

Музыкальной шкатулки жители,
Не ходите за мной толпой,
Отступитесь, друзья-учители,
Плачьте, скрипки, рыдай гобой!
То не водочка под сурдинку,
Не кабацкий шумит пророк,
А заезженную пластинкой

Вьётся нищего тенорок.

ЛЮСОВА ОЛЬГА ГЕОРГИЕВНА родилась 9 мая 1980 года в городе Кемерово. Закончила школу в городе Переславль-Залесский, затем поступила в ЯГПУ им. К. Д. Ушинского на отделение иностранных языков. С 1999 года постоянный участник ЛитО «Третья Пятница». Жила в США, Франции, Швейцарии, но никогда не теряла связи с Ярославлем в городе Кемерово, закончила ЯГПУ, факультет иностранных языков. Жила в США, Франции, Швейцарии. Стихи пишу с 1997 года, постоянный участник ЛитО «Третья Пятница». Член Союза российских писателей с 2014 года.

Ольга ЛЮСОВА

* * *

Как детская память во мне взрослой
Всегда сохранит образ первой речки,
Соседа страшного — с папиросой
И запах теплой беленной печки,

Так память любящая во мне остывшей,
Сольется с формой твоей ладони,
Уйдет гулять по той самой крыше,
И будет длиться в том самом стоне.

И потому мои сны — живые,
Там буйство трав, берегов прохлада...
Горячие руки и вера — впервые —
Взрослеть,
Просыпаться,
Страдать —
Не надо

* * *

Нечем заняться? В моей узкой вселенной
Осталось несколько непришитых пуговиц.
Посвятить сутки поискам переменной,
Которая диктует пересечение улиц.

Можно заранее нарезать бинты — лет на двести.
Пропитать их перекисью водорода.
Рассуждать о нецелесообразности мести
И других неэтичностей подобного рода.

А заняться нечем. Я убогий смотритель
Мусорных корзин и электронных ящиков.
Холодной-горячей воды смеситель,
Тайный покровитель электросварщиков.

Но будет мой рейс, будет суббота,
И Бог завалит меня работой.

* * *

Словно дерево без коры...
Каждый шаг причиняет боль,
Каждый взгляд вызывает стыд,
Солнце с ветром лишают сил,
Иссушают живой сок.

Только милостью воды...
И у нас с тобой свой пароль.
Когда небо грустит навзрыд, —
Ты на время меня прости.
Ты на время продлил срок.

* * *

И не чище в душе,
Не светлее в небе.
А из жизни моей
Увезли мебель.
Заиграли лучи
На немывтом паркете.
Не пойму, я на том
Или этом свете.

Время встало.
Свернулась в комочек быль.
Схоронила меня
Золотая пыль.

* * *

Куда ни направлю путь,
Спотыкаюсь о памятные места.
Взять бы их и как пепел сдуть
С листа.
И каждое из этих мест
Швыряет обратно твои улыбки, твой бред...
И меня отшвыривает за тысячи
Миль, заборов, лет.
(Черт! А ведь мы обошли полмира.)

* * *

Врачевать...
Нет у меня такого дара.
Это так же естественно,
Как прижать ребенка,
Вырвавшегося из кошмара.
Так же естественно,
Как помочь
Напуганной роженице.
Да, я не врач,
Просто я подвернулась
В час,
Когда закрываются больницы.

* * *

Возьми меня за руку,
Веди, пока солнышко,
Когда-нибудь правнуку
Расскажешь, а вспомнишь ли?
Как мы были глупыми
Детскою мудростью,
Смеялись под липами
С нежной абсурдностью.
И как с ветки сорвал
Мне губами смородинку.
И по имени знал
Мою каждую родинку.

* * *

Я как та яблоня лесная,
Что не умела приживаться
За домом в вашем огороде
С морковью глупой по соседству.
Чтоб вы обрезали мне ветви,
Чтоб повышали урожайность,
И ствол обмазали извѣсткой,
И запрещали видеть зайца.
Какая глупая ошибка,
Что я плодое растение.
Какая подлая издѣвка,
Что не изменишь хромосомы.
Хотела б стать чертополохом,
Его трясти никто не хочет,
С него не требуют отдачи,
Помѣта в ноги не бросают...

* * *

Снег бродил в домашних тапках
На резиновых подошвах,
Он заглядывал под лавки
И хватал за морды кошек.

Он печально плакал в лужи,
Он промок до самой кожи...
Стая галок в небе кружит —
Он взлететь, увы, не может.

* * *

Я разжевала травинку —
Знала, она горька.
Глянула в небо. В обнимку
Склеились облака.

Знала, что горечь эта
Напрочь испортит вкус.
Все ароматы лета

Не вернуть —
Рассыпались
Порванной ниткой бус.

* * *

Жду, как пустая чашка
Ждёт свой горячий чай.
Кухонный стол. Букашка.
Ветки в окно стучат.

Липкой прохладой клеёнка
Ластится к щеке.
Жалобно-жалобно, тонко
Чайник поёт на плите.

Кран поверну машинально,
Схема движения проста.
Выдохнет чайник печально.
Чашка осталась пуста.

* * *

Левый глаз. Нижнее веко. Родинка.
Туда устремляю взгляд. (Мысленно — губы).
При этом трезвость хранить попробуй-ка.
Этот надменный глаз — ко рту бы!

Чтоб перестал в такт речам раскачивать ногой,
Чтоб вальяжно так не откидывался в кресло.
По ночам чтоб бродил под мостами больной,
Чтобы пусто в груди — в целом городе тесно!

Дневной свет исчерпан. Электрический?
(Сигнал. Если включит — останется).
Но нет, уходит. Прощаюсь стоически,
Хотя каждый мускул сжимается
На прыжок,
На мольбу,
На окрики —
Во всю пасть.
Запустить пятерню
В затылок, в волосы
И к родинке припасть.

* * *

Дайте больничную койку.
Позвольте, я лягу.
Всё заберите. Только
Оставьте бумагу.

Буду журавликов делать,
Белых, японских.
Тронуь умом, как хотела,
На перекрёстках плоских.

* * *

Согласна
На два подвальные окошка,
На печку, на сидячий душ,
На истерическую кошку
И на переселение душ.

Готова
Знать твои заботы,
С твоими видеться детьми,
Ходить на танцы по субботам,
Не видеть в снах галиматъи.

Имею
Проблеск откровений,
Всего одно рукопожатие,
Попеременные сомнения
И чувств изношенное платье.

ПЕРЦЕВ ВЛАДИМИР ЮРЬЕВИЧ родился в 1963 году в городе Гаврилов-Ям Ярославской области. Окончил Ярославское художественное училище.

Публиковался в журналах «День и ночь», «Литературная учёба», «Мера», «Балтика», «Континент», альманахах «Губернаторский сад», «Окно», «Совпадение линий» и др. Автор четырёх книг. Член Союза российских писателей, председатель правления Ярославского регионального отделения, руководитель литературной студии «Парабола».

Дважды лауреат областной премии имени И. З. Сурикова, дипломант Некрасовского конкурса «Гражданская лирика», лауреат международного Лермонтовского конкурса, дипломант международного Волошинского конкурса (2014). Живёт в Ярославле.

Владимир ПЕРЦЕВ

НАШЕСТВИЕ МАРСИАН

* * *

Выясняем отношенье
ты да я, да мы с тобой.
Вымогаем соглашенье
с незадачливой судьбой.

С удивленьем обнаружив
через десять лет житья:
кто-то рядом вечно кружит.
Это ты, а это я.

То на пятки наступая,
то, отстав, уйдя в себя,
ты несёшься, как слепая,
за спиной моей сопя.

Как два гонщика к победе,
измотав друг друга в дым,
на своём велосипеде
быстро к финишу летим.

Нам лежать, как жили — рядом.
Я — один и ты — одна.
Призовая чаша яда
будет выпита до дна.

* * *

Я — не тело, свойство не-сути.

Шри Шанкара Ачария

Двое в комнате: быт и я
в пору позднего бытия.
Быт — убог, а во мне — содом,
сам себя узнаю с трудом.

Последить бы хотя бы сутки
и добраться до самой сути.

Слишком мутный, увы, сосуд,
не просвечивает в нём суть.

Тело только футляра для сути,
что пустеет на шесть часов в сутки.
А когда ожидает лифт,
вяло думает: «Где б отлить?»

Этот ветхий футляр без скрипки
Отвезут на погост. Постскриптум:
через год не вспомнят лица
светлой памяти мертвеца.

Все мы треплемся не по сути,
разойдитесь по нарам, судьи,
заведите посмертный блог.
Суть сакральна, как сон, как Бог.

Ты прости, Шанкара Ачария,
я и сам прихожу в отчаяние.
Я догадываюсь, в чём там суть,
но допиливаю свой ветхий сук.

SIC TRANSIT (ЛАТ.)

Уходя, выключаю свет,
а в сознании просквозит
иностранное sic transit,
как итог или как совет.

Люди бродят, как муравьи,
если чувства родник иссяк.
Вечен лишь ледяной сквозняк,
наполняющий дни твои.

Умирает даже язык.
Фразы бродят вразброд, чужды.
В телефонной мембране дождя
чей-то всхлип или даже вскрик.

Постоишь на сквозном мосту,
понимая, что крепко влип.
Сыплет дождичек в гнёзда лип,
сеет зябкую пустоту.

РУБЛЁВКА

Чуть притормаживаем, помаргивая.
Низко висит луна.
На заправке светло, как от магния
и загробная тишина.

Врубелевская сумрачная Рублёвка.
Пеплом присыпанные огни.
Неуютно нам здесь, неловко,
ёжмся, отстёгивая ремни.

Там, за борком, золотые шельфы,
иная Россия, бессмертных край.
Там нефтяные магнаты и шейхи
возводят свой голливудский рай.

Там, за бетонной стеной упрямо
разрастается так, что трещит кора,
чёрной Москвы родовая яма,
чёрная нищей России дыра.

Вбирает в себя мировые валюты,
истории, нации, времена...
И тихо гудит вавилонской прелюдией
коллапсирующая страна.

Ах, сквозит жутковатой правдою
ослепительный этот свет.
Ночь сгущается над заправкаю.
Зябко ёжится мой сосед.

АКАДЕМИКУ КОЗЫРЕВУ

Ты в стране, населённой зеками,
сумасшедших невольный кумир.
Ты, как карты, открыл нам зеркало,
погадать на грядущий мир.

Сунул в руку слепым калекам
хлеб насущный иных миров.
— Выйди, Лазарь! Пришёл твой лекарь,
если ты не совсем «готов»!

В своём алюминиевом будущем
Что ты видел? Мы не узрим.
Мы живём сегодняшним, будничным,
мы не ведаем, что творим.

Нас забудут, прогонят в шею
разожравшихся воротил.
Узок в будущее перешеек,
ты не всякого уводил.

Ты прости, академик Козырев,
нам не выбраться из руин.
В зеркалах наших бродят козы,
зарастает рухнувший Рим.

* * *

Чиркая спички, стоишь на балконе.
Скучно и грустно. Мир в сумерках тонет.
Тонут и тают судьбы закоулки.
Чиркнешь — на миг озарится пещерка.
Рыскают волки, а может быть урки.
Хватит дурачиться, деточка, дочерка.

Всюду засели снайперы века.
На огонёк — только пуля, вестимо.
Какого ты хочешь дожидаться ответа?
Кому ты сигналишь, летящему мимо?
Пальцам щекотно, сжатым в щипочек,
Когда их тихонько суёшь в коробочек.

* * *

Пережидаю дни. Нагие
мальчишки бродят у воды.
И ослепительны пруды.
И все желанья благие.

Безвременье, затишье. Сонно.
Ещё не определено
судьбы суконное руно
моей под этим жгучим солнцем.

Швыряю камешки наотмашь.
Мы оба были дураки!
Соскочат в воду рыбаки
и лодку вытянут на отмель.

Всплеск оглушительный, как бубен.
Нырнуть и мне, пустить круги?
Июль, стрекозы, рыбаки.
Проходят дни, других не будет.

НАШЕСТВИЕ МАРСИАН

Кроме всех прочих бед,
павших на россиян,
мучает страшный бред —
нашествие марсиан.

Чую глобальный взгляд,
умысел не людей,
этого взгляда яд,
адскую цель идей.

Воздух отравлен. Дождь
сыплется, как зола.
Что же стоишь и ждёшь,
не понимаешь зла?

Скорбный толпится люд,
Скорбью наполнив дни.
Скорбно склонились в пруд
парки и в них огни.

«Чёртово колесо»
Выставит свой скелет.
Это кошмарный сон
Или Уэлса бред?!

* * *

Укутывая руки в рукава,
как куколки, ты позвала собачку.
В аллеях пожелтевшая трава,
и липы на ветру впадают в спячку.

Твоё демисезонное пальто
не модно, и сама ты не красива.
И что-то в этой осени не то.
А впрочем, ты, конечно, не просила
сочувствия. И пряча в рукава
озябшие намокшие ладошки,
ты разминала чёрствы́е слова,
как будто воробьям кидала крошки.

Очнуться бы от вечной кутерьмы,
сонливости, обидчивости, что ли,
к чему-нибудь за стенами тюрьмы
и осени, и жизни там, на воле.

С ТОЙ СТОРОНЫ

Ты думаешь о другом,
и чувствуешь ты не так.
А если идём вдвоём —
не попадаешь в такт.

Тыходишь в поток тепла,
я — выставлен на мороз.
Ты с той стороны стекла,
я — с этой. Мы снова врозь.

Тёплый людской Гольфстрим
несёт тебя по ночам.
Ты бродишь среди витрин,
внимательна к мелочам.

Остановись, кивни
в морозные зеркала.
Мне выпадают дни
с той стороны стекла.

Хочется быть никем,
если жизнь протекла.
Улыбается манекен
с той стороны стекла.

СМИРНОВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ родился в 1950 году в деревне Коровино Ярославской области. В 1975 году окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор семи книг стихотворений и прозы. Стихи публиковались в журналах «Юность», «Волга», «День и ночь», «Русский путь на рубеже веков», в альманахе «Поэзия», в провинциальной литературной газете «Очарованный странник». Член Союза российских писателей. Живёт в городе Мышкине Ярославской области.

Николай СМИРНОВ

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ОДА

Твоя в шиповнике ограда,
А за оградой туман.
В тумане — старый дом, веранда,
В углу — продавленный диван.

Опять на сердце дождик хмурый,
Не размотать клубок судьбы.
Лук деревянного Амура
В меня всё целит из резьбы.

Тоска прозрачна, как пустая
Бутылка эта. А в окно
Глядит шиповник, опуская
Цветы в вечернее вино.

А там, под лиственным узором,
Друзья уездной темноты,
Иных миров салатным взором
С заборов щурятся коты.

Зачем хозяин столько курит,
Про сини очи говорит?
А во дворе от сизой хмури
Покой таинственный разлит.

Но разве я ему поверю?
Я ухожу привычно прочь.
Многоочитым звёздным зверем
На грудь у двери вспрыгнет ночь.

Мне ясно всё. Вопросов — хватит.
Ведёт тропинка меж крестов.
Ему — с веранды, до кровати —
Пустяк, дуэльных семь шагов.

Ты не обманывай — я знаю,
Чей ты портрет в столе хранишь,
Зачем, влюбленного играя,
Про сини очи говоришь.

Ведь мы давно не люди — духи:
Всё понимаем и молчим,
И лопухами крыльев глухо
Тропой кладбищенской шуршим.

В провинции такие звёзды —
Заплачешь — станут утешать.
Своё мы не жили, но поздно
Нам стало даже умирать.

И я — не я, а чья-то злая
Личина в старом пиджаке,
Не мёртвая и не живая —
Лишь время бьётся на руке.

Куда ж Россия проскакала,
Грозовой тучей пронеслась,
Какого Китежа искала,
Им от отчаянья пленясь?

Да, может, здесь и есть он, Китеж,
Для духа слабого обман?
Чего ты ждёшь, чего ты ищешь,
Зачем ты звёздный пьёшь туман?

Как страшно быть забытым Богом,
Как страшно просто русским быть
И в этом Китеже убогом
Не умирать, но и не жить.

И там, где старый заключенный
Бордовой глиной завалил
Мой гроб — стою я, удручённый,
В своей стране живых могил.

* * *

Только бы уснуть. Только бы не всплыть,
Только б по России походить.

Пусть ненастоящей — той, что в земле
Обмирает в синей золе.

Только бы, как падший ангел, твой
У чайной причалил дух глухонемой.

Что мне немота? Что мне глухота?
Только б под ногами царская плита.

Чья это кухарка? Чьи особняки?
И к кому торопится солдат от реки?

Живой, не убитый, солдат молодой,
Дай испить из вёдер с синею золой.

* * *

Колесо прокатилось, умолкнуло
Звучной радугой с высоты.
Фиолетовые или жёлтые
Про тебя мне расскажут цветы.

Ты зачем, моя радость, расколота
Тут, за кладбищем, на пустыре?
Фиолетовые или жёлтые
Все цветы отцветут в сентябре.

Кто тебя, мою песню не спетую,
Разорвал на цветные куски,
Эти жёлтые и фиолетовые
Лепестки, лепестки, лепестки...

Слово крепкое, где же ты? Тусклые
Сны земли в мои очи глядят.
А во снах у стены-то все русские
Люди с плачем на пепле сидят.

СВЯТОЙ НИКОЛАЙ

Уж пущен с неба грозный молот,
Народ лукавый, и сейчас
Идёт на Русь святой Никола
Нас отмолить в последний раз.

И колея глуши уездной
Ему ложится под стопы,
Где нить колхозной и железной
Твоей запуталась судьбы.

Идёт, невидим и неведом.
По опустевшим деревням.
Грозит крестом обставшим бедам,
Взалкавшим крови мертвецам.

Уж та исчезнула деревня,
И двор сотлел под лебедой,
Где на гулянке образ древний
Его — поруган был тобой.

Уж перепахано то место,
И поле чахлое кругом,
Где ты смеялась: «Я — невеста!
А ты мне будешь женихом!..»

Но всё обугленные руки
От образа не отогнуть.
И лишь живая тяжесть муки
Чуть теплит сморщенную грудь.

Страданье ль то любви небесной,
Забава иль соблазна зов —
Всё разрешится здесь, у бездны,
На этой тропке у кустов.

* * *

Под дырявою крышей октябрьской порой
У полумёртвой старухи больной,
Где воняет мочою и ползает вошь,
Вдруг впервые подумалось мне: ну и что ж!
И тотчас многолетний назойливый страх
Сам отлип от души и зачах.
Стал я чистым. Сиди и молчи
До прихода Антихриста у холодной печи.
Скоро пьяная дочка вернётся домой
К полумёртвой старухе...
Привыкай к приоткрытой беде мировой
И к нездешней разрухе.

ПОВЕСТЬ ОБ АНТИХРИСТЕ

Скорби. Антихрист. Земля не родит.
Воды прогоркли. Народу грозит
Голод. Я в эту эпоху живу.
Русь пожинают, как будто траву.
Всё потерял. Впереди котловина
Смерти синее. Ефрема Сирина
Старую повесть тщетно читать
Ныне пытаюсь. Мне не догнать
Резвую лань поученья святого,
Лишь онемевшая ископытъ слова,
Окаменевшая мёртво блестит
На старой дороге из мира земного,
Путь по которой теперь предстоит.

ЛАДАНКА

Сон серебристый и голос негаданный:
— Этого пепла не хватит на ладанку.
Что есть Россия — вот эта щепоть, —
Так мне во сне объясняет Господь.

Был из села привезен на подводе я,
После расстрела мой труп поповодье
В Волгу снесло. И приснился негаданный
Сон мне про пепел, Россию и ладанку.

* * *

Затерялся я в Русской земле
Угольком в поседевшей золе.
Сколько зверских и ангельских лиц —
Позабыл я, где верх и где низ.
Сколько разных цветов, облаков:
И летит паутинка веков,
Задевает то сердце, то лицо
Её росное серебрецо.

КИРИЛЛ БЕЛОЗЕРСКИЙ

Всё мне видится то ли дальняя река,
То ли озеро такое голубое:
Соты срубов веселят старика
Суриковыми кровлями над водою.

Высоко в небе теряется град,
А начинается близко, как радуга над лесом.
Всё мне видится, что Богородица свой плат
Распростёрла над этим местом.

Кирилле, Кирилле, иди на мой свет
И создай во имя моё обитель!..
Паутине жизни моей семьдесят лет —
Теплотой духовной подхватывает нити.

Оказалось, подвиг мой впереди.
Помолюсь и завтра в путь, слава богу.
Помоги мне, пресвятая, грешному, найти
К неземному месту земную дорогу.

СОВЕТНИКОВ ЛЕОНИД НИКОЛАЕВИЧ родился в 1955 году в Рыбинске. Окончил Рыбинский полиграфический техникум, учился в Ярославском государственном педагогическом институте. Публиковался в журналах «Русский путь на рубеже веков», «День и ночь», «Дети Ра», «Мера» и др., в антологиях «Лилии», «Земляки», «Диалоги снаружи и... внутри», в интернет-журнале «Парус». Автор трёх книг стихотворений. Член Союза российских писателей. Дипломант Всероссийского совещания молодых писателей (1996). Лауреат премии «Филантроп» (2014). Живёт в Рыбинске.

Леонид СОВЕТНИКОВ

* * *

В безветренный денёк, бывает, редких капель
Вдруг горстка упадёт на вод блестящий кафель,

И потемнеет даль. И в этот миг короткий
Бывает смутно жаль, что время — вид пролётки,

Что не объять пространств, не исчерпать событий,
А века гарантас нам убавляет прыти.

Но... солнце проблеснёт, как будто в детстве водит,
И понимаешь — вот, сочувствие нисходит.

* * *

Расточая по каплям моря,
Выбирает ли дождь, где упасть?
Шепчет он, ни о чём не моля,
Даже если б молитва сбылась.

Это время текло наяву
По гремящему жёлобу жалоб,
Это в каждой былинке — живу!
Но и в каждом комарике — жало.

Да откуда ж на свет, как на тень,
И повывелись эти уродцы?
О земля, твою жадную стернь
Лишь питали печалей колодцы.

Но пространства пузырь — альвеолой
Вдруг расширился, чтоб не укрыться
Было в этой омытости голой,
В эту временность не водвориться;

Чтоб, земли под ногами не чуя,
Не ища оправданий ещё,
Знал: в свободном пространстве лечу я —
Упоительно небом прощён.

* * *

Война — это гиблое дело,
Но пусть сохраняются на ней
Не те, что стреляют умело,
Не те, что доспехом сильней.

Молю, но не слышат снаряды —
Глухие болванки войны.
А те, что выцеливать рады:
«Попали!» — злорадства полны.

Открыты глазные воронки
И некому тихо закрыть,
А детские руки так тонки
И некому накрест сложить.

* * *

И вновь сошлись лучи и тени
На рыхлом мартовском снегу.
Я в жизни ярче их цветений
Припомнить что ещё смогу?

Был снег мертвецки-синеватый,
В венозной сеточке теней,
Но тлела жизнь под грязной ватой
Тем безнадежней, чем больней.

И луч под корку, как подкожно,
Входил, не ведая о том,
Что умирать весной несложно,
Куда сложнее жить потом.

* * *

Я злюсь на пространство и время,
Они развели нас с тобой.
Опомнюсь: и что я, и с кем я
На смертный собираюсь на бой?

Какие-то тени и лица —
Тот мир, виртуал или сон?
Дорога на Рыбинск клубится,
Протяжные всхлипы рессор.

Домой, по январской ледянке
Юзаем, как мышью в руке.
Так в детстве: ты выпал, а санки
Летят без тебя налегке!

* * *

Вот маки — цветущие бабочки сна,
Вот сны — золотые соцветия сада,
Что щедрую прелесть дарили сполна.
Но сад обнищал, покосилась ограда.

Вот сухость гремушки на месте цветка
И вызревший сон может быть смертоносен.
Вот выпуклость яблока чует рука,
И дрожь пробегает по саду, где осень.

И дрожь пробегает по телу. Старик,
Я вижу, как мы, то есть прежние дети,
Смеёмся с тобой вне аллеи и столетий,
Встревожив, как бабочку, солнечный блик.

* * *

А холод осенний бывает — что клад
Для бедного сердца, в котором горят

Полоски надежды, обрывки игры
И прочие блёстки земной мишуры.
На пепле желаний, на шелесте чувств
Ты озимь сомнений посеял, ты пуст

И ведаешь то, что дано старикам:
Мечтая о жатве, готовься к снегам;

Надеясь на радость, тоску пожалей —
Ведь скоро не будет и пасмурных дней.

* * *

Снег не таял в буграх низин,
Луч дремал на коре ольховой.
Между вывернутых лесин
Застоялся не вешний холод.

Прошлогодней травы клочки
Кромкой поля тянулись к свету.
Стебли были как жизнь узки,
Поле было широко ветру.

Двух несхожих миров верста.
Я набрёл на её извивы,
Как на фразу, что жизнь — пуста...
И согласно кивали ивы.

* * *

Какой мечты, скажите, ради
Мне снова юность дарит сны,
И сосны в утренней прохладе
Так безнадежно зелены?

Какой любви, скажите, ради
Дрожит приречный ветерок,
Волна сонливо берег гладит,
И догорает костерок?

Не время — вечность проструилась
Меж этим берегом и тем,
Но тень её как сон, как милость
Крадётся мимо дачных стен.

Вот скоро луч из-за пригорка
Пробрызнет струйками огня,
Разбудит тишину моторка
И в прошлый век умчит меня.

* * *

Темнело. С воли дул холодный ветер.
И было так, как будто не приветил
Меня мой друг. И ветер выл в груди:
Любви и справедливости не жди
Ни от кого, такого нет закона!

И я уснул. И видел блеск затона
И чей-то взгляд. И бриз береговой
Смирялся, будто лист перед травой.
Шептали камыши, где рощи дремлют:
Не верь себе, пока не ляжешь в землю.

* * *

Памяти Константина Васильева

В захолустье, где вечность сурова:
Кто услышит? дыши не дыши —
Вдруг сорвётся, как яблоко, слово,
Жизни тяжесть снимая с души.

Ах, какая великая зрелость —
В Спасов день умереть на земле!
Где лишь словом крещёному — пелось,
Сладко пелось в бесчувственной мгле.

* * *

Пора уж к веку золотому
Припасть натруженной пчелой
И слов горчащую истому
Сбирать для фразы ключевой.

И сквозь черты чертополоха,
Бурьяна буйство, мощь хвощей
Приметить, что не всё так плохо
В природной прихоти вещей.

Что, разгоня кровь по жилам
Юнцам и даже старожилам,
Немеет мир пред глубиной,
Лишённой твёрдого значенья,
Но полной тихого свеченья,
Неясной прелести земной.

А в небе клин и лист кленовый —
Приметы осени, где новый
Короткий век дарован мне.
И я в тоске провинциальной
С какой-то нежностью печальной
Гляжу на летний куст в огне:
Он подражает купине.

СВЕТЛАНА ШУЛЬГА (Наумова Светлана Борисовна) родилась в 1976 году в г. Торжок Калининской области. Окончила Владимирский государственный педагогический университет. Кандидат физико-математических наук, доцент.

Публиковалась в газетах «Томикс», «Молва», «Голос писателя», в интернет-журнале «Пролог», альманахах «Местное время», в литературно-художественных и краеведческих сборниках «Владимир», «Годова гора», в сборнике стихов трех авторов «Трилистник».

Автор книги стихотворений «Сто семнадцать дней до лета», учебного пособия «Литературное краеведение. Хрестоматия для учащихся 5–11 классов средней школы». Член Союза российских писателей. Живёт во Владимире.

Светлана ШУЛЬГА

* * *

А в тёмном зеркале пруда —
дубы и клёны в два ряда,
а под ноги ложатся тени...
По парку не спеша пройду,
перчатку сняв, проверю время,
как будто вновь его я жду.
Встречались часто этим летом
мы здесь — под сенью крон густых.
Деревья, помните ль об этом? —
сегодня спрашиваю их.
Кору бугристую поглажу
и прочь из парка заспешу —
туда, к делам своим бумажным.
Я на прощанье помашу
их кронам, жёлтым и зелёным,
пусть думают дубы и клёны,
тепло руки моей храня,
что всё в порядке у меня.

ЯБЛОКО В КАРМАНЕ

Ели сыр со свежим хлебом
и ещё чего-то ели.
Под слепым октябрьским небом
за окошком мёрзли ели,
мёрзли голые осины,
и дрожали мелко липы,
и до слуха доносились
то ли вздохи, то ли всхлипы.

Провожали до порога,
по ступенькам вниз и дале...
Помню, яблоко в дорогу
с розоватым боком дали.
Ветер рвался в дом, блестела
на вчерашних лужах наледь;
мы под елью встали — сделать
фотографию на память.

Ну и кто бы мог подумать:
в ностальгическом тумане
не растает и не сгинет
это яблоко в кармане.

ОКЕАН

Ночь. Я слышу, как поезд пронесётся где-то,
ветра свежесть нездешнюю жадно ловя, —
задыхаюсь в умеренном климате этом,
во все стороны света — земля и земля.

Не гремите замком, я прошу вас, потише!
На краю не заденьте стоящий стакан.
Телефон отключите — и тогда мы услышим,
как, невидимый, где-то шумит океан.

Не стучите ножом, не шуршите газетой,
помолчите чуть-чуть, не сочтите за труд.
Приглушите приёмник, снимите штиблеты,
отложите гитару на пару минут.

Не ходите по комнате тучи мрачнее,
вы присядьте... Нет, нет, то не кажется вам!
Всё отчетливей, с каждой секундой яснее —
это правда далекий шумит океан.

ПОВОРОТ

Полузамазан, полустёрт
пейзаж, без звука, без движенья.
И воздух безнадёжно спёрт —
почти до головокруженья.

Так полновластна тишина
над днём, над бурейю вчерашней —
что я решиться б не должна
листвою шелестеть опавшей...

Но страхи прошлые не в счёт
и больше нет в душе сомненья:
сейчас начнётся поворот —
от невезения к везенью.

* * *

Нет, не чудес и не пророков —
а просто верить мы хотели,
что есть на свете тот, кто знает,
как было всё на самом деле.

Тогда б смириться мы сумели
с несовершенством наших знаний,
с неисчислимостью миров
и с чередой испытаний
в борьбе земной за хлеб и кров...

Вот основное из желаний
и тема самых сладких снов.

* * *

Стучат колёса, бегут откосы,
коровы грустно нам смотрят вслед.
Должно быть, лето, а может, осень,
а мне лишь восемь неполных лет.

Мы едем в гору, мы едем в город —
там очень странный живёт народ:
без тёплых валенок мёрзнут в холод,
и чай из блюдца никто не пьёт.

В их школе — страшно. Соседка Люда
сказала, в дом заноса дрова,
что очень трудно учиться будет:
одна ошибка — и сразу «два»!

Одна ошибка — подумать только!
Огнями станций мигает ночь.
Не спится долго на верхней полке,
уносит поезд от дома прочь.

* * *

Всё изменяется, всё изменяется,
чувства и мысли не повторяются.
Пересеклись, разбежались пути —
в воды повторно одни не войти.

Раньше никак не могла я понять:
как это? Вот, захожу я опять
в нашу речушку. Без всяких условий...
Жизнь — постижение смысла пословиц.

Ясно как день, не вернуться туда...
Плещется, вдаль убегая, вода.

* * *

Мы едем, видами любуемся,
луга мелькают и откосы.
И ни о чём мы не волнуемся —
кто за рулем, с того и спросят.

Но отделён перегородкою
шофёр, надёжною стеной.
Никто сказать не может чётко,
какой он: старый, молодой?

Не отвечает на вопросы,
не реагирует на стук.
Всё так же крутятся колеса,
мотора неизменен звук.

Маршрут забыли изначальный.
Но верим много-много лет,
что наш автобус неслучайно
не угодил пока в кювет,
что нас везёт водитель тайный...
А если нет?!

* * *

В разгаре дня, в какой-то миг
он неожиданно возник —
где грань меж небом и волной.
Сперва сливался с синевой
почти, но лишь заметив раз,
его легко нашёл бы глаз.
Качался берег вдалеке,
волна к волне, весло в руке.
...Он рос и делался светлей,
уже на палубе людей
я разглядеть смогла, и вот
сижу, смотрю, открывши рот,
на утлой лодочке своей —
мне весело и страшно в ней!
Всё ближе: в пять рядов подряд
иллюминаторы блестят,
обилье лестниц, перекадин —
корабль пугающе-громаден!
Чего от этой встречи ждать?
Но поздно, поздно, не сбежать!
...На мостик вышел капитан,
достал часы, убрал в карман.
Он хмурит бровь — и это вижу...

Вот так и замысел всё ближе,
что меж реальностью и сном
возник на фоне голубом.

* * *

Кого в Америку отбросит,
кого и вовсе за пределы.
И никого из нас не спросят,
где б оказаться мы хотели.
И глупо ныть, кричать «Не надо!»
Лишь уцепиться мыслью, взглядом
за разговор, стихотворенье,
за петли в свитере Эйнштейна.
На распечатке чёрно-белой
он, этот свитер, — крупной вязки
и выглядит как будто серый,
а он ведь синий или красный...

* * *

Всю ночь, сковав под камень слякоть,
мороз уверенно крепчал —
и долго жить аккумулятор
сегодня утром приказал.

Мороз! Укутавшись до носа,
автобус заплутавший жду.
На небе, иссиня-белесом,
узреть дрожащую звезду

Ещё возможно, месяц полный...
Клубится пар вокруг людей...

А где-то лето, плещут волны,
Раскалены бока камней.

Хочу туда! И есть возможность
собрать багаж, купить билет...
В бикини выйти осторожно
под жгучий ультрафиолет...

А в Новый год украсить пальму
(они растут там, как грибы).
Захвачен «дождик» неслучайно
и диск с «Иронией судьбы».

Морозы, шапки, снег, простуды —
передаю вам всем привет!..
но я боюсь, что мой рассудок
не выдержит такого, нет!

* * *

Снова приснилась девочка со странными волосами
и еще какая-то собака — не то пудель, не то болонка.
Девочка молчала, смотрела подкрашенными глазами,
а собака бегала и лаяла о чем-то громко.

А потом за завтраком он сказал, не подумав:
«Златовласка, послушай, а ты не хотела бы перекрасить волосы?
Голубой бы очень пошел тебе...»
И долго слушал, какой он чурбан бесчувственный.
«Рядом с тобой — самая красивая девушка королевства», —
кричала Златовласка не своим голосом.

«И вообще, не суй свой нос, куда не положено,
лучше иди и подумай, как капитал преумножить.
Только, умоляю, не закапывай больше монеты в саду
и не лей на них воду, не сыпь удобрения — все равно не поможет».

Ночью он сидел за столом у себя в кабинете,
по привычке в чернильницу носом залез и две кляксы поставил.
И собравшись на скорую руку, неслышно ушел на рассвете,
а записку в прихожей на полке оставил:

«Дорогая, тебе нужен принц, а не такой, как я, дубина.
Ты несчастна со мною, я знаю, прощай, Златовласка».
Подпись: «Твой, — зачеркнуто. — Буратино».
P.S. И по-моему, вообще, это — не моя сказка.

ПОЭЗИЯ

Фарида ГАБДРАУПОВА

Ингвар ДОНСКОВ

Игорь ЕГОРОВ

Николай ЕРЁМИН

Зинаида КУЗНЕЦОВА

Екатерина МАЛИНОВСКАЯ

Евгений МАРТЫНОВ

Елена ЧАЧ

4

017
23170

Барнаул — Омск — Томск —
Красноярск

Живёт в Барнауле.

ГАБДРАУПОВА ФАРИДА АНВАРОВНА родилась в Барнауле. Закончила филологический факультет Алтайского государственного университета. Работала учителем русского языка и литературы в школе, методистом в кинотеатре, преподавателем киноискусства в техническом университете, педагогом дополнительного образования в гимназии и краевом центре детско-юношеского творчества. Автор пяти поэтических сборников и книги прозы. Стихи и рассказы печатались в журналах «Алтай», «Встреча», «Бийск», «Огни над Бией», «Ликбез», «Барнаул литературный», «День и ночь» (Красноярск), «Казань» (Татарстан), в библиотечной серии «Писатели Алтая», в альманахе «Голоса Сибири» (Кемерово), «ПОСЛЕ 12» (Кемерово), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Балтика» (Калининград), «Чаша круговая» (Екатеринбург), «Муза» (Москва) и др. Председатель регионального представительства Союза российских писателей. Работает педагогом в гимназии.

Фарида ГАБДРАУПОВА

* * *

Я увидела степь и тебя верхом на коне.
Это было в потерянной нами с тобою стране.
Две косы мои путались в высокой зелёной траве.
Заузорено имя твоё на моём рукаве.

Ты кувшин с молоком принимал из девичьих рук.
И была я красивей сестёр своих и подруг.
А глаза твои были, словно пристрелянный лук,
Ты удерживал взглядом крепче ремней и подруг.

А когда уезжал воевать за туманный дол,
Целовала коня и кафтана резной подол.

* * *

Не люби меня, будь холоден.
Пусть на сцене останется хор один.
Не к добру — седина в бороду.
Разорвём эту роль поровну.

Но я чувствую, как качается
И со мною взглядом встречается...
Залипаю и пью, и пью с лица,
Каждый день, хмелея, как пьяница.

И пополнится мой душевный архив
Тем, кто был не мой, но по мне красив!

СОНЕТ-АЛЬБА

Когда в твоих объятьях засыпаю,
Между мирами я теряю грани.
Сплю наяву, глаза не закрывая,
Дыханье пью и рай воспринимаю.

В кудрях твоей цветущей бороды,
Как бабочки, сложились мои пальцы.
И так я замираю до звезды,
До утренней, с которой нам расстаться.

В тюльпане рук до света утону.
Не ведаю, как выйду в новый день я.
И этот миг являет глубину —
Бездонное пространство сновиденья.

И двадцать жизней было бы мне мало,
Когда б таких мгновений не бывало!

КАПИТАНСКАЯ ЖЕНА

Ей сказали, что её мужа
Перевели служить в другой полк.
Там повсюду белые стены,
Облаков светлые лужи
И отсутствует пол.
— А что он там ест? И могу ли
Я ему принести еды?
— Нет, — ответили ей —
Ни в Ростове, ни в Барнауле,
Такую не продают
пищу,
ту, которую не жуют,
что гораздо полезней и чище.
А, впрочем, можете принести вашу снедь,
Чтобы вам не носиться с ней.

Вот —
Оставьте тут, у ворот —
Храма.
— Подождите!
Но как же так?
Я же мама
Его сына,
Ему два года,
Нашему малышу.
Можно, я хотя бы помашу
Мужу своему платочком?
Я ему не сказала, что беременна
Нашей дочкой!

И стояла она, красивая,
Одинокая, тяжкая.
И думала:
Что же делать с его рубашкой,
ещё пахнувшей его потом,
с его кителем отсыревшим.
Ей вернули товарищи по работе
его личные вещи.

КАРТАНЕЙ (БАБУШКА)

Домик холодный, сохнут растения,
Ветер во все щели.
Стол деревянный, брусчатые стены —
Всё в этом доме священо.

Дом этот очень похож на бабуся,
Старенькую картаней.
Я не могу без смущенья и грусти
Даже подумать о ней.

Вечно в работе, вечно в движенье
Сердце, как старая печка.
Длинная жизнь с народным сюжетом —
Плодоносящая вечность.

Хлеб ароматный на доли разрежем,
Вспомним фамилию, имя и отчество.
Знаю, простишь ты и внучку заезжую
За непростительное одиночество.

Хочешь — надену татарское платье,
Выброшу курево, джинсы, рубаху...
Бабушка, милая, что же ты плачешь? —
Лучше молись за меня Аллаху!

* * *

Он любит игратья,
Он так виртуозно шутит!
Танцую с паяцем —
Такие острые штуки!

И в новом абзаце —
Хлопушки шикарных шуток.
Как за руки взяться
И прыгнуть без парашюта!

* * *

Нет, я не буду соединять провода.
Взрыв — горячо и страшно!
Стой, моё сердце! Не ходи туда,
Сбросят тебя с башни.

Красная нить и синяя нить —
Я оборву опасную.
Чтоб никому не навредить —
Яркую, острую, красную!

* * *

Когда опускается липкая тьма,
И бесы свистят во мраке,
Останься в себе, не сойди с ума,
Не стань ни козлом, ни собакой!

А если к тебе присмотрелся зверь
(На воле они отныне!),
Смотри ему прямо в глаза и верь:
Он душу твою не отнимет!

Взмахнёт он торжественно молотком!..
Но даже голодным и босым —
Храни свою душу, как отчий дом, —
Не бойся, герой, не бойся!

Духом-скалой, победным орлом —
Стой напролом!

ДОНСКОВ ИГОРЬ ЮРЬЕВИЧ (литературный псевдоним Ингвар Донсков) родился в 1962 году в г. Советская Гавань. Писать стихи начал в армии, проходя службу в ГДР. После возвращения занимался в областном литературном объединении «Томь». Публиковался в областных газетах, но бросил писать, посчитав тогдашний свой уровень недостаточно высоким. Вновь вернулся к творчеству в 2006 году. Публиковался на сетевых ресурсах «Великая эпоха» (Израиль), «Литературен свят» (Болгария) «Подлинник», «Литбук», «Лампа и дымоход» и др. Живёт в Томске.

Ингвар ДОНСКОВ

ЛИНИЯ МАЖИНО

Горизонт свернулся ковриком у ног...
И звезда — на расстоянии руки.
Закурю. Налью. Присяду на порог.
Холодает чуть... но это — пустяки.

Собеседниками — призраки морей
И скитальцы из неведомой земли...
Да пяток пушистых, плюшевых зверей,
Что в другое измеренье забрели.

Этой ночью мы (что там детектор лжи!)
Всё, как водится, расставим по местам.
А душонка, тварь распятая, дрожит...
Отступает и трещит по всем фронтам!

Не лукавлю... всё и так обнажено.
Вот и схлынул мутных мыслей хоровод...
А окопы глупых линий Мажино —
Только там, куда фонарик достаёт.

У ХРАМА

Будут — другие... Но будет ли лучше, скажи?
Всё, что уходит — войдёт ли в стихи и легенды?
Хватит ли золота — выплатить бремя аренды?
И, не накроет ли пепел мои витражи?

Будет — иначе... И всё по иному, поверь...
Нищенка плачет, присев на ступеньки у Храма...
Вот, на мгновение почудилось, ты — моя мама...
Хлопнув, закрылась резная, богатая дверь.

Господи Боже, а нам испытанье за что?
Видно, за то, что никак не мешали раскладу...
Гамбургский счёт... и сдаётся, что всё-таки — надо...
Ветер холодный насквозь продувает пальто...

Тонкой соломинкой — дрожь сигареты в руке...
Выплюнуть боль... только боль никогда не сдаётся.
Ветер холодный над нищенкой старой смеётся...
Нужное слово горчит на моём языке...

АНГЕЛ ПОДВОРОТНИ

...и мы на перья разодрали крылья.

Б. Пастернак

Давай меняться? Ты — отдай перо
Загадочной и улетевшей птицы.
А я в обмен — меха и серебро...
Или другое, что в обмен годится.

Собрать их все, что ветром размело...
Их ангел растерял в своём полёте.
Разодрано могучее крыло...
Ах, вот ещё одно... Вы продаёте?

Вы продаёте? Сколько? Я беру!
Мой ангел — в Красной Книге — в первой сотне.
Авось и оклемается к утру...
Мой старый ангел, бомж из подворотни.

ДОЖДЬ

Сквозь окно, заплаканное ливнем,
Акварелью — контуры домов...
Хмурый вечер месяцем, как бивнем,
Вспарывает туши облаков...

Как чудно переменились роли!
И неясно, что произошло:
То ли город корчится от боли...
То ли плачет глупое стекло...

МАМЕ

Приплывёт ли кораблик — эфирная, светлая грусть...
Вдоль по лунной дорожке колеблющейся амальгамы...
Поцелуй меня в лоб — я уже ничего не боюсь.
Поцелуй меня нежно — представляю, что ты моя мама.

Эмбрионовой позой — свернуться... и плакать навзрыд.
Ведь уже никогда не уткнуться в родные колени...
Ах, как слёзы горьки! Запоздалый, пылающий стыд...
А причиной всему — эти лунные блики и тени.

Никогда — наяву, под сияющей этой луной...
И лишь изредка — в снах, приплывающих прямо из детства...
Я брожу в этих снах — потерявший дорогу домой...
Нищий, проклятый принц, по навету лишённый наследства.

Продолжается жизнь... этот школьный, смешной экзерсис.
Вот бы переписать — взять у смерти вторую попытку...
Словно злой паучок — потихоньку спускается вниз
Бледный шарик луны, выпуская незримую нитку.

ОСЕННИЕ ГАСТРОЛИ

Вздогнет акварельная реальность...
Потечёт, как буквы на афише.
И стихов осенняя модальность —
Ниагарой — с заблестевшей крыши.

Ветви — это руки дирижёров,
Нервные, пока ещё живые...
На афиши с лицами актёров
Страхивают капли дождевые.

Кончились гастрольные поездки...
Приходите! Дом культуры! Вторник!
И афишек плачущие фрески
Обдирает равнодушный дворник.

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Скрипучая манерность экипажа...
Цилиндр и фрак... и галстук, и усы...
Приснились вновь... пожалуй, не однажды...
Пробили полночь старые часы...

И вспомнилось — ещё из прошлой жизни —
Дворянский бал, смущение девиц...
Старушки в буклях, шёпот с укоризной
И в клетках золочёных пенье птиц.

Поэзы эпатажного поэта
И запах газа от авто...
Хотя б одним глазком взглянуть на это!
А то вокруг — нелепо и... не то.

Неужто — было? Копоть паровозов...
Студентики, стреляющие в рот...
Предутренняя ругань водовозов
И — нового издания «Идиот»...

ЗУРБАГАН ЕЩЁ ЖДЁТ

Мне твердили со школьной скамьи —
Зурбаган не отыщешь на карте...
Уходили мои корабли
В разноцветные всполохи марта...

Корабли уходили на юг...
Фрези Грант ожидала их в море.
Но нелепый и замкнутый круг
Окружал и укутывал город.

Мы старели... бледнел Зурбаган
Недоступною точкой на карте.
Постаревший, седой капитан
Растерял и остатки азарта.

Уходили без нас корабли...
Может быть, мы и сами виною —
Что не можем доплыть до земли,
Что лежит за солёной волною?

Я стою на крутом берегу...
Я по-прежнему жду приключенья.
Вот билетик... Ей-богу — сбегу —
Зурбаган. Пятый пирс. Воскресенье.

ЕГОРОВ ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ родился в Омске в 1951 году. Окончил Омский политехнический институт, Международную академию менеджмента. Печатался в региональных, центральных и международных газетах, в журналах «Арион», «Капля», «Омская муза», «Пилигрим», «Преодоление», «Иртышъ-Омь», в альманахах «Складчина», «Голоса Сибири», «Точка зрения», «Тарские ворота», «Чаша», в коллективных сборниках «Тревога» (1992), «Люблю на разных языках» (2007), «Эхо войны» (2005), «И дуют ветры с реки Тишины» (2010) и др., в антологиях «Сегодня и вчера» (2005), «На солнечной грибе» (2011), «Годовые кольца» (2012), в хрестоматии для начальной школы по литературному краеведению «Зарничка» (2006). Дипломант областного литературного конкурса Министерства культуры и Союза российских писателей «Лучший рассказ XXI века».

Автор ряда книг стихов, прозы, переводов с английского. Историко-приключенческая повесть «Находка» вошла в программу многих школ Омска и Омской области. Член Союза российских писателей.

Игорь ЕГОРОВ

* * *

День обещал быть тёплым,
Порывистым, как ветер,
И торопящим нас...

* * *

Вершины сосен
Тихо дышат
Небом и тишиной...

* * *

Вот и снег.
Словно очистило душу
Вихрем небесным!

* * *

Свежеет. Ветрено.
Иду по дороге навстречу
Всё прощающему ветру...

* * *

Тихий вечер.
Чайки летают над озером
В поисках лёгкой добычи.

* * *

Дятел стучит.
И вздрагивает тишина.
Далёким эхом откликается лес.

* * *

Плеснула рыбой ночная звезда.
Не пойму, где отражения звёзд,
А где зыбко светятся чайки.

* * *

Слоистое солнце.
Сильный ветер стихает.
Легко в вершинах берёз...

* * *

Озёрная тишь,
Но — чуток камыш.
Вижу след на воде от весла...

* * *

Холодом резко пахнуло.
Листья летят, прижимаясь к земле,
Ещё не остывшей...

* * *

Перевернутая лодка.
Внезапно — с шумом нахлынет волна,
Стараясь разбудить берег!..

* * *

Вот и голос по телефону
По ошибке принял за твой.
Ветер листья гонит и гонит...

* * *

Какая буря за окном!
Сосну — гигантский метроном
Раскачивает время-память...

* * *

Книгу раскрыл —
Выпало недописанное письмо.
Как изменился твой почерк,
Когда тебя не стало!..

* * *

Что сегодня случилось со мной?
На улице с девушкой заговорил.
Не могу забыть её улыбку...

* * *

Слепящая вспышка света
От проехавшего автомобиля.
И мельком, близко — родные черты!
Взгляд твой, выхваченный на свет
Из ночи моей души!

* * *

Вестью за окнами
Ветер шумит.
Даль, как стекло, промыта дождём.

* * *

Птицы долгий полёт над рекой,
Как само раздумье реки
В густеющем сумраке...

* * *

Осенним холодом
Дохнули на меня
Овраги и кусты.
Кружится тихий лист,
Предвестник
Скорой вьюги.

* * *

Мёртвый парк.
Ветер гонит прочь
Опавшие листья,
Точно горькие мысли...

* * *

В автобусе девушка
Милой, почти неземной красоты
Отказала в знакомстве мне
Движением губ и руки.
И только позже я понял:
Она была глухонемой!

* * *

Нечаянно разбил я чашку.
Но нет во мне досады —
Опять надеждой жизнь моя светла!

* * *

Было тихо.
Внезапно —
Ветер ворвался в костёр!..
Непостижимая схватка стихий,
Непостижимое наше слиянье!..

* * *

Осенняя стынь за окном,
Но не в сердце.
Думаю о тебе...

* * *

Нечаянно солгать
И вдруг понять,
Что многое не ложь,
А только боль,
Способная развиться...

* * *

Стою перед витриной магазина
И думаю: давно ли заходили мы сюда,
Смеясь, болтая всё о пустяках?
И вот теперь как это далеко!
А пустяков на свете — не бывает!..

* * *

Солнце... Золото озёрное.
И над золотом — камыш...
На приколе лодка сонная
Прорастает мачтой в тишь...

* * *

Глядишь — и осень на носу.
И чайки криком на мысу
Торопят непогоду.

И время, точно на весу, —
Сорвалось каплей в воду!..

* * *

Тяжёлые мокрые листья
На гравии долгих аллей.
И кошка с повадками рыси
Крадётся — не жди воробей!..
Природа дичает, а город
Походит на шелест дождя.
И капли тугие за ворот
Летят, из себя выходя!..

* * *

День — отраженье неба —
Задумчив и высок...
Снежок, летящий слепо
На воду и песок...

И в одинокой дымке,
Над синью ивняка,
Лишь чайка-невидимка
Мелькнёт издалика...

ЕРЁМИН НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ родился в 1943 году в городе Свободном Амурской области. Окончил Медицинский институт в Красноярске и Литературный им. А. М. Горького в Москве.

Автор поэтических книг «Идея фикс», «Лунная ночь», «Поэт в законе», «Гусларь», «О тебе и обо мне», «На склоне лет», «Тайны творчества», «Бубен шамана», «От и до», «Кто виноват?», «Владыка слов», «Гора любви», «В сторону вечности», «Папа русский», «Тень бабочки и мотылька», «Поэзия как волшебство», «Смирительная рубашка», «Подковы для Пегаса», «Сибирский сибарит».

Лауреат премии «Хинган» и «Нефритовый Будда». Победитель конкурса «День поэзии Литературного института — 2011» в номинации «Классическая Лира». Дипломант конкурса «Песенное слово» им. Н.А. Некрасова.

Живёт в Красноярске.

Николай ЕРЁМИН

ГЛЯНУЛ В ЗЕРКАЛО

Глянул в зеркало:
— Да ты ли это, ч-чёрт?
Да не может быть! Как времечко течёт!

Вот что делают с людьми
Судьба
И рок...

А ведь как смотрелся! —
Точно
Ангелок...

То ли крылья в темноте, то ли рога?
Неужели
Жизнь тебе не дорога? —

И услышал я из зеркала ответ:
— Успокойся,
Это просто тень и свет
Так ложатся на глаза и на висок...

Всё нормально!
Загляни через часок...

ГЕНИЙ ИЗ РОСТОВА-НА-ДОНУ

...я прошу лечения Москвой.

Иван Новицкий

Иван Новицкий
Из Ростова,
Поэт божественного слова,

Был тем известен там и тут,
Что поступить пытался снова
16 раз в Литинститут...

И поступил!
И на Парнасе
Стал жить... И ездить на Пегасе...

С богами,
С музами дружить
И этой дружбой дорожить...

Но вдруг —
Исчез упорный гений,
Оставив сто стихотворений...

Источники любви
И света,
Они сверкают всем, увы,

И освещают путь поэтам —
Над всей Россией —
До Москвы...

ПРЕЗЕНТАЦИЯ

— Умные люди,
А глупые пишут стихи...

Этот — Профессор,
А тот вообще — Академик!
Книги издали,
В которых полно чепухи,
Не пожалели
На полиграфию денег.

Суперобложка цветная...
И твёрдый под ней переплёт...
Ласковый глянец —
В восторге, кто в руки берёт...

На презентации — розы в подарок...
А следом — фуршет...
Благодать!

Все приглашённые рады...
За что
Стихотворцев ругать?

Сами ж они
Прекратят это дело
Едва ли...

Эх,
Настоящих поэтов бы так издавали!

* * *

Нас в мире ждёт великое алканье.

Юргис Балтрушайтис, 1911

Как хорошо
Под облаками
Испить бессмертия вино!

Прошло великое алканье?

Нет,
Продолжается оно!
В душе по-прежнему хмельно...

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МЕТАФОРЫ

Метафора
Возникла как подтекст
Во времена цензуры и запретов.

Она
Спасала
Мыслящих поэтов
От притяженья отдалённых мест...

И всё же
Очень многих не спасла...
Такие вот издержки ремесла...

* * *

Опять
Во мгле церковной,
Хоть у кого спроси, —
Заплакали иконы
По всей святой Руси...

И днём, и ночью плачут...
Что
Чудо это значит?

ВО ВРЕМЯ ОНО

Анне Киселёвой

Я ещё давно, во время оно,
Полюбил стихи Анакреона...

Пели мне, когда я шёл в загул,
Алкман, Ивик, Архилох, Катулл...

И Сафо прекрасная мне пела,
И Праксилла... Вот какое дело...

До сих пор, симпатий не тая,
Мне поёт Аспасия моя...

И, уйдя в загул, среди друзей
Я влюблённо подпеваю ей...

ЗАПОЙ

Он
Ушёл в запой —
От слова «пить» —
И не может выйти из него...

Я
Ушёл в запой —
От слова «петь» —
Записал альбом, издал его...

Он
Пришёл,
Сказал:
— Какой облом! —

И рыдает, слушая альбом...

* * *

Бывало,
Песенным звучаньем
Я удивлял тебя, мой друг...

Теперь
Таинственным молчаньем
Я удивляю всех вокруг...

Они кричат — а я молчу,
Таю,
О чём сказать хочу...

Всё глубже —
Слушай и дивись —
В душе молчанья даль и высь.

* * *

Вчера
Горел багрянцем лес...
А нынче —
Белизна такая,
Что к жизни интерес
Воскрес,
Любым желаньям
Потакая...
И так сверкает
Первый снег...
И солнце так
Пленяет лица
Что я,
Печальный человек,
Рад
Богородице молиться...
Слегка кружится
Голова —
От бражки
Или от морозца...
И в сердце
Новые слова
Звучат...
Откуда что берётся?

СТИХИ

Стихи должны быть быстрыми, как мысль.
Стихи должны быть острыми, как чувство.
Стихи должны быть быстрым и острыми.
В стихах должны и чувства быть, и мысли.
Стихи должны быть, как...
Стихи должны быть.
Стихи должны.
Стихи...
Никому ничего не должны.

КУЗНЕЦОВА ЗИНАИДА НИКИФОРОВНА родилась в 1945 году. Член Союза российских писателей с 2003 года. Руководитель городского литературного объединения «Родники». Автор шести книг стихов, четырех книг прозы. Публиковалась в журналах «День и ночь», «Енисей» (Красноярск), «Молодая гвардия» (Москва), «Приокские зори», в коллективных сборниках краевой писательской организации и в других изданиях. Живёт в городе Зеленогорске Красноярского края.

Зинаида КУЗНЕЦОВА

БЕГ ВРЕМЕНИ

Опять косыми струйками дождя
Окно, как занавесками, закрыто.
Сидит ворона на руке вождя,
Бежит куда-то пёсик деловито.

Старушка ковыляет чуть дыша,
С пустым полиэтиленовым пакетом,
И вместе с нею, тоже не спеша,
Идёт Киркоров — на пакете этом.

Проходят мимо, важные на вид,
Ухоженные, с зонтиками дамы.
Но что-то в них такое говорит,
Что пережили дамы в жизни драмы...

А вот, как стайка бойких воробьёв,
Бегут девчонки, в шапочках весёлых,
Спешат куда-то, видно, после школы,
Щебечут что-то громкое, своё.

Неоновые цифры на табло
Друг друга в бесконечности сменяют.
А девочек мальчишки догоняют —
Наверное, время им любить пришло...

За дымкой запотевшего стекла
Дождь песню монотонно продолжает.
И смотрит время в лица-зеркала,
И лица это время отражают.

ДОЖДЬ В НЕЗНАКОМОМ ГОРОДЕ

...А в Осинниках дождь...

Ольга Рябинина

Ночь длинна, словно век,
Тяжело и привычно не спится,
Бесполезен «глицин»,
Не помогут тепло и уют,
И тревожные мысли
Налетают, как хищные птицы,
И клюют, и терзают,
И спать до утра не дают.

Нетерпение сердца.
Воздушные замки. Утраты.
Вдохновенье. Сомненье.
Полёт —
с высоты под откос...
Безысходность. Надежды.
Успехи. Печальные даты.
Жизнь. Любовь. Суета.
Пораженье. Отчаянье.
SOS!

Обязательств цейтнот
И обиды, и подлость чужая,
И нет правды на свете,
Ищи не ищи — не найдёшь.
И планета Нибиру
Несётся,
Земле угрожая,
И уходят друзья — навсегда.
...А в Осинниках дождь.

Я не знаю про них ничего,
Про Осинники эти.
Просто чья-то строка,
Что в каких-то Осинниках — дождь,
Ни с того ни с сего,
В подсознание всплывёт на рассвете,
И... проблем миллион
Превращается вдруг
В медный грош.

И забудется всё:
ЖКХ, бюрократы, тарифы,
Рокировки в Кремле,
И ТВ, излучающий яд,
Недовольство собой,
Отношений «подводные рифы»,
И два вечных вопроса —
«Что делать?» и «Кто виноват?».

...Льёт в Осинниках дождь,
До утра барабанит по крыше
Или чуть моросит,
Осторожно по листьям шурша...
И сердечная боль
Незаметно становится тише,
И готова опять
Возродиться из пепла душа.

СТЕПЬ

Ковыль, ковыль
Нет ни конца, ни края —
Седой, как аксакала
Борода.
Огромный шар
Бездомного курая* —
Бродяги вечного —
Несётся в никуда.

* Перекати-поле.

Нет ни куста,
Ни деревца, ни речки,
Нет ни души,
Куда б ни бросил взгляд.
Одни сурки —
Смешные человечки, —
Как столбики,
У нор своих стоят.

Нависло солнце,
Беспощадно злое,
От зноя чахнет
Выжженный ковыль,
Безумный ветер
Мечется и воет,
В пустое небо
Поднимая пыль.

На сотни вёрст —
Ни одного селенья,
На горизонте —
Бледный контур гор...
И вдруг — как сказка,
Как чудоявленье,
Как кем-то
В ноги брошенный
Ковёр.

На нём искусно
Вытканый орнамент —
Творенье рук
Безвестных мастеров:
Тюльпанов алых
Польхает пламень,
Как отблеск звёзд
Загадочных миров.

А может это
Из безмерной дали,
Где нет просвета
В вечной чёрной мгле,
Сюда однажды
Звёзды прилетали
И навсегда остались
На земле?

А может, это
Воин Чингисхана,
В бою здесь каплю крови
Уронил?
Прошли века,
Но алый цвет тюльпана
Об этой битве
Память сохранил...

И снова степь
И пыльные бураны,
Жара, безводье,
Плешь солончаков,
Да каменные бабы-истуканы —
Свидетели
Бесчисленных веков...

Вдруг огонёк
Мелькнёт в сухой полыни —
Среди колючей
Неживой травы
Стоит тюльпан
На тонкой ножке длинной,
И не склоняет гордой
Головы.

А вот ещё один...
И снова россыпь...
А там опять виднеется вдали...
Как будто
Ковылю в седые косы
На праздник
Банты красные вплели...

ПРИВЫЧНА ГРУСТЬ

Привычна грусть седого октября,
Привычны ветра жалобные стоны
И потускневший ворох янтаря —
Останки гордо зеленевшей кроны.

Привычен вид унылых берегов,
Стальной воды ленивое течение,
Печаль полей и тяжесть облаков
И бледный луч, мелькнувший на мгновенье...

За серой пеленою скрыта даль,
И день ползёт — пустой, без обещанья,
Привычно небо, спрятавшись в вуаль,
Роняет слёзы горького прощанья.

Всё как всегда. По замыслу творца
Привычно время календарь листает,
В котором — ни начала, ни конца,
И он бесследно в вечности растает.

...За летом осень, за зимой — весна,
Привычен ход закатов и рассветов...
И лишь душа, надеждою полна,
Всё ждёт и ждёт, что возвратится лето...

МАЛИНОВСКАЯ ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА родилась в 1990 году. Филолог, учитель русского языка и литературы, аспирант Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. В прошлом рок-музыкант; выступает на поэтических чтениях города Красноярска. Участвует в конкурсах, один из последних — всероссийский фестиваль «Русские рифмы» в Москве.

Выступала на таких площадках, как МТБЦ Пилот, Красноярская краевая библиотека, Дом Искусств, КИЦ и др. Участница таких конкурсов и мероприятий, как «Король поэтов», «Музейная ночь», «Билионьч», «Порядок слов» и др. Живёт в Красноярске.

Екатерина МАЛИНОВСКАЯ

СИБИРЬ

Это место — холодный космос.
Бесконечно, как синий рай.
Мой единственно верный остов,
Ярко-красный далёкий край.

В нём есть море зелёного цвета,
Что сейчас, как туман, бело.
В нём вода пеленой одета,
И прозрачная, как стекло.

В тёмном зеркале рек Великих,
Енисея и Ангары,
Отражаются звёзд лики,
Безымянных планет миры.

Я гляжу глубоко, долго,
Я не здесь, я уже *за*,
И стихия со звуком Блока
Заливает мои глаза.

Все в потоке одном, суровом —
Смерть и буря, любовь и ширь —
Здесь слилось серебром в слово.
Это слово моё — Сибирь.

ПРОГУЛКА

Не каждую сосну отдельно...

Б. Пастернак

На холмах улицы берёзовой
Туманный май.
Деревья сонные и слёзные
Играют в рай.

Восходит мир плодами грешными.
Смоковниц сок
Стрелою входит в тело вешнее,
В тугой висок.

Как круг великого спасения,
Как контур глаз,
Сырая оторопь весенняя
Вступает в нас.

И мы идём с тобой по улице,
Себя храня.
Безумец ты, и я безумица.
Пойми меня.

И тает дым... Сквозь тело юности
Проходит новь.
И нет ни глупости, ни мудрости.
Одна любовь.

Как будто небо хочет высказать,
Что жизнь легка,
Но вместо слов бросает рисинки
Сквозь облака.

И слоги, словно осень, мокрые.
Хотя весна...
Она сюда, должно быть, сослана,
Принесена.

И мы с тобой как будто взятые
Землёю в плен.
Но смысл дыхания невнятного —
Лишиться стен.

И деревья качает полностью,
Хоть ветер стих.
Все слёзы радости и совести
Для нас двоих.

ОКРАИНА

От рожденья на свет
Ежедневно куда-то уходим...

И. Бродский

Кто-то идёт от окраины,
Я же — к ней.
В алмазных минутах жизни она сильнее
И глубже тянет к изнанке,
Чем нулевой
Родной километр под сетью не роковой,
Но вечной багровой сенью кремлёвских стен.
Окраина — это саван,
Окраина — это плен.

Маги предскажут глупость,
Песок — судьбу.
В устье глухой пустыни судьба горбу
Подобна, но не подвластна ни одному
Из чародеев. Может, и самому
Высшему ангелу не разгадать песок.
Жажда любого спрячет за поясок.
Где-то под жёлтой кромкой болото. Плыть
К берегу бесполезно — магом уже не быть.

В самой густой сердцевине, в пустыне сна
Ждёт одиночеством белая стена.
Это окраина, это алтарь. Гать,
Сооружённая магом, какого знать
Не довелось никому: ни князьям, ни нам,

Ни господам, ни солдатам, ни матерям.
Все имена и лики уйдут в песок.
Только дорога не скроется из-под ног.
Белой стеной-саваном будет виться.
Но не забудь окраине поклониться.

Лучше до времени зыбкого чтить твердь.
Дальше окраин останется чтить смерть.

РЫБЫ

Рыбы...
Рыбы — как солнца мягкие глыбы.
Рыбы
Изжелта-синие, полостью сильные
Рыбы.
Ветром легки внутренности
Рыбы.
Лучше не лги. Не провести
Рыбы.
Из зависти мне б завести
Рыбу,
Словно мольбу.
На лбу
Моём чешуя.
Стыло быть, я
Рыба?
Холодом нем
График измен
Рыбы.
Тихой к кресту-
Христу,
Что наяву,
Я подплыву
Рыбой.
И замолчу — свая.
Морем в кораллах тая,
Я научилась ждать.
Стало быть, плыть — знать.

МАТЕРЬ

Ирине

Утро солнцем будит день,
Только дню проснуться лень.
Ночь отбрасывает тень
В день.

Развязалась заря,
Тихо веки отворя,
И исчезла в фонарях
Зря.

Облюбованы кресты
Мною издревле, а ты...
Кличешь на реку мосты
Ты.

Это проза для горы.
Это поза из норы.
Лики из земли сыры.
Рык

Я воркую в мира щель.
Дщерь от матери. Пещер
Сырь огнём смири. Вещей
Вшей

Глупой дочери в углы
Глаз. Бесконечностью игры
Фраз. Ты останешься внутри ваз —
В Нас.

И я внутри
Матери.

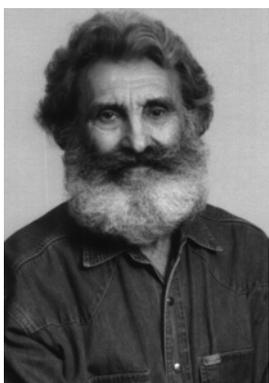
* * *

Свободы, друг, не существует.
Ни на земле, ни в небесах,
Которые на головах
След по касательной рисуют.

Искать не стоит. Будет так,
Как ты, увы, не угадаешь.
Ты только пальцами играешь,
Костяшками вступая в такт.

Какая глупость — быть живым,
Осознавая с каждым ходом,
Что невозможная свобода
Пронзает волосы, как дым.

Любовь как миг. Твоя пропажа
Не слишком дорога. Как сон,
Кончается. Из кожи вон.
И Бог глядит из бельэтажа.

МАРТЫНОВ ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ родился в 1930 году в деревне Сиб-Саргатка. Окончил Омское речное училище, позднее Омский машиностроительный институт (теперь — Политехнический).

Публиковался в журналах «Сибирские огни», «День и ночь», «Совершенно открыто», альмане поэзии хайку «Тритон», во многих коллективных сборниках Новосибирска и Красноярска.

Автор более сорока поэтических сборников, романов «Промысел Божий», «Таинство и тайна», «Земля и небо», повестей «Боголюбовка» и «Так было».

Живёт в г. Зеленогорске Красноярского края.

Евгений МАРТЫНОВ

* * *

Ночь. Не слышно ни смеха, ни песен:
Посевная ещё на распутье.
Между звёзд алюминиевый месяц
На корме приподнялся, как скутер.
В птичник ветер холодной ночью,
Как речная вода через сети.
Под раскрытыми крыльями квочки
Копшатся пушистые дети.
За окошком хозяйка у печки,
Вкруг стола с ребятишками пахарь.
Во дворе, позабытые, хлещут
На верёвке штаны и рубаха...
И, набросив чужое пальтишко
На костлявые узкие плечи,
Босиком выбегает мальчишка
Перед сном постоять на крылечке.

9 мая 1945 года

Отступали... было дело,
Ели жмых — и ничего...
Но доби́ли мы его.
В клубе медью зазвенело
В честь Победы торжество!
В день по счёту пятый митинг
Нас не может утомить...
Говорят: «Не уходите,
Будут *ужином* кормить!»
Все остались. Я остался
На застолицу-кружок...
Для братишки постарался
Сэкономить пирожок.

В КОНСТАНТИНОВКУ

Наш катерок, вильнув по речке Трубеж,
Вдоль древних стен Успенского собора
Старательно окские волны рубит,
Рязань кружит на колесе нескором.
Идут дубравы сказочной Солотчи.
Словно земля, подмытая рекою,
Само себя безжалостно куроча,

Сползает круто стадо к водопою.
Засохший вяз, как будто вихорь пыли.
Дом барский — византийские окошки.
И тяжело на выщербленных крыльях
С добычей из пике выходит коршун.
В плетнях сады, в горе аул стрижей.
Веков пласты, как книжки в этажерке.
И меж холмами, срезанная с шеи,
Летит за нами маковка от церкви...
Вот к пристани дрейфует катерок.
Навстречу мне (и странно и не странно)
«По тропке опершись на подожок
Идёт старик, сметая пыль с бурьяна».

А на крыльце встречает нас устало
Экскурсовод (наверно, из соседок)
И говорит: «Товарищи, вас мало,
Нет смысла делать полную беседу».

Но, гордая, скрестив у шали полы,
Рассказывает три часа подряд,
Как захотел он после Октября,
«Здрав штаны, бежать за комсомолом».

* * *

Я под себя штормовку подстелил.
Лежал в тайге под звёздным колпаком.
Костёр тихонько свой Алтай хвалил,
Прищёлковая красным языком...

ЛЕСОЗАВОД

Бревно багром заводят в лесотаску
По одному, раздёргивая плот.
С него сдирают кожу, будто краску,
И двигают с проскользами вперёд.

И, нервное, подходит к пилораме,
Беря её, как будто на таран,
Морщинистой, как лоб передней гранью
И... бьют опилки из продольных ран!

И на лебёдку медленно, весома
Наматывается колючий трос.
И спиртом пахнет. Пилорамщик ломом
В стальные клещи заправляет тёс.

Вот вагонетка первая, вторая,
Не торопясь, уходит под навес...
А где-то в сопках, этого не зная,
Шумит себе живой сосновый лес.

* * *

Я спал на тулупе наивно и сладко,
Так спит молодёжь в турпоходе обычно,
Ведь дом деревенский почти что палатка
В сравнении с нашей громадой кирпичной.

Ко мне потихоньку как только проснулась,
Стараясь поправить подушку немножко,
Черёмуха белые руки тянула,
Касаясь распахнутых створок окошка.

* * *

...И, как всегда, пришёл некстати в гости,
Когда знакомый пасечник Данил,
Не проронив слезинки на погосте,
Бездетную жену похоронил.
Не шевелясь, не зажигая света,
Задумался, пришибленный судьбой,
Зажмурился, сидит, а сигарета
Горит себе, горит сама собой.

В ТАЁЖНОМ ЛЕСУ

Однажды в нездешнем таёжном лесу
Старушку окликнул — молчит: недосуг,
Себе собирает в лукошко грибы
Одна, без обычной ребячьей гурьбы.
Я слышал, однако, что лес заражён.
И грузди не клал в плащевой капюшон.
Намёком спросил: «Радиации нет?»
«Нет, ясный, не бойся, — услышал в ответ. —
Нет, это, сынок, далековько как раз,
Зараза за семь километров от нас».
Старушка беспечно махнула рукой:
«И так далеко, да ещё за рекой!»
Потом помолчала немножко, пока
Щипками с груздя не сняла червяка.
«Скажу по секрету, что страшного нет
И там. Зря начальством наложен запрет.
Оттуда приедет в субботу мой сын.
Рабочий простой, а на вид — господин!
Подкатит к избе на машине своей,
Набьёт, как в бочонок селёдки, парней...
И высосут ящик бутылок до дна
За ночь-то, да всё дорогого вина.
Ласкает поллитру, как будто жену,
А девок боится. Я, чай, намекну
О свадьбе, серчает и просит вина:
«Тут всё, — говорит, — и любовь, и жена».
Старушка отважно махнула рукой:
«И мы бы сбирали грибы за рекой,
Да это, сынок, далековько. Как раз
Места те за семь километров от нас...».

ЧАЧ ЕЛЕНА АНДРЕЕВНА родилась в 1986 году в городе Омске. Имеет историческое и математическое высшее образование, кандидат исторических наук (окончила аспирантуру исторического факультета СПбГУ).

Публиковалась в различных омских изданиях («Складчина», «Омская Муза», «Моё имя», «Годовые кольца» и др.), в альманахах «День и ночь» (Красноярск), «Голоса Сибири» (Кемерово), «Иркутское время» (Иркутск), «Луч» (Ижевск), «Каштановый Дом» (Киев), «Вера и жизнь» (Чернигов), «Илья» (Москва), в сборнике «Новые писатели» (Москва), в Интернет-журнале «Пролог», в журналах «Новая Юность» (Москва) и «Северная Аврора» (Санкт-Петербург), в «Литературной газете» и в других изданиях. Автор четырех поэтических сборников.

Елена ЧАЧ

* * *

Ждала, что будет жизнь — огонь,
но жизнь идёт иная.
И мне даётся на разгон
её одна седьмая.

И кто-то шепчет мне о том,
что мир не так уж светел.
Стихи в чужой заходят дом.
Растут чужие дети.

Но знаю: даже на нуле,
когда совсем непросто,
мне светят на моей земле
мои — не чьи-то — звёзды.

* * *

Когда ты врёшь — я знаю наизусть.
Я чую ложь и в близких мне, и в дальних.
Но промолчу — не зло и не печально,
внутри себя скрывая гнев и грусть.

А в разговоре — чувствуешь ли, нет? —
личинка лжи такую брешь проела,
что сквозь неё — до боли взгляда белый —
неотвратимо утекает свет.

* * *

Пой эту осень, когда она
смесь из тумана, дождя и сна.
До измождения пой: не вдруг
хрипом в груди твоей — Петербург.
...но хрипote этой вопреки,
звуки прозрачны, слова легки.

* * *

Солнце вдруг рассыпалось по городу —
погляди: сегодня там и тут
городские воробьи и голуби
солнечные зёрнышки клюют.

Дополняя сказку настоящего
и кленовых парковых аллей,
солнечные лучики, как ящерицы,
притаились в высохшей траве.

Буду целый день гулять по городу,
погружаясь в радостный уют,
где сегодня воробьи и голуби
солнечные зёрнышки клюют.

* * *

Так подходят к постели больного, родного, любимого, —
никому не желаю вот так же, как я, подойти,
когда время уже истекло, отстучало, отбило ли,
и прощанье с прощанием затвердевают в кости.

Так подходят... подушка лежит ослепительно белая...
где-то сбоку стою, непривычно платок теребя,
понимая, что всё, что когда-то сказала и сделала, —
только крохотный шаг, только жест от себя до себя.

Подожди! И вослед — нестерпимее — выбежать хочется,
но уже не догнать: простынь... облако... простынь... пробел...
Вот тогда понимаешь, что нет на Земле одиночества...
Запах спирта. Сквозняк. И глаза не поднять, орбев.

* * *

Уходили на юг, понукали коней,
а вокруг становилось темней и темней.
Им вослед — а глаза-то тревогой полны —
Ярославна глядела с высокой стены.

Летописец, макая перо в киноварь,
«В лето оно» выводит... Но ширится хмарь,
меркнет солнце, и слышатся крики людей
на храпящих в испуге гнедых лошадей.

Вдоль Каялы течёт половецкая рать,
русским воинам в поле — полечь и не встать.
И суровая весть о настигшей беде,
как кровавая пена, плывёт по воде.

Среди русских костей ковыли прорастут,
летописец окончит свой доблестный труд,
всё пройдёт, всё забудут... Но будто во сне,
Ярославна стоит на высокой стене.

БАЛААМСКИЙ POST SCRIPTUM

1

Долго будет Ладога, а потом —
изумлённо воздух вдыхая ртом,
взглядом чаек галдящих проводишь ввысь...
рёбра берега выступают... оглянись —
между скал перспектива уходит вдаль:
небо в озере, в небе течёт вода,
будешь плыть туда по тугой волне,
как бежать — бежать от себя вовне.

2

А над тихой заводью, над тёмной её водой,
повторяет колокол протяжную ноту «до» —
гулко мерный благовест зовёт отложить дела,
пока жизнь не сжата, не выжжена вся дотла
на земле, где в провале веков не видать креста,
дервянного идола ухмылку хранят уста,
и напрасная жалость — как звон в тишине — спешит
к тем, кто жил для себя, не оставив Христу души.

3

Но жизнь в прожилках каждого листа —
и будто кто повелевает: «Встань!» —
и кто-то заступается: «Живи
в миру, ещё открытом для любви...»

4

Мелочей не бывает: все мелочи явственно связаны.
И когда притупляются чувства, мелодии, лица,
и душа неумыта, и главное слово не сказано —
бытие прорастает из быта цветком медуницы.

* * *

Ференц, Вольфганг, Джузеппе и Людвиг ван...
ряд имён и пластинок — одно.
Задрожав, разразилась прелюдия
в такт ударам метели в окно.

Захватив мою душу бессовестно
и заставив забыть про дела,
эта музыка сказочной повестью
отвлекла, увлекла, увела...

Мы не знаем, любимы ли, любим ли...
Нам провидеть судьбу не дано.
Лишь догадки, как ноты прелюдии,
то возносятся, то тянут на дно.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕТРОГРАД

И никто не хотел уходить. Продолжалась зима,
оседала повсюду каёмкой и хрупкой, и колкой.
А прощание длилось, в груди остывало осколком,
и глядели в морозную тишь корабли и дома.

И метался над городом тенью семнадцатый год,
и балтийские ветры с утра приносили туманы —
то, что виделось прежде святому отцу Иоанну,
исполняться уже начиналось от этих широт.

* * *

Это полночь скребёт окно,
мёрзлой веткой стучится жуть,
это за городской стеной
чьи-то кони в буране ржут.
Поднимись и задуй свечу,
спрячь под пологом образа:
год семнадцатый — слышишь? Чур!
Ты ему не гляди в глаза.
Темнота. От луны круги.
Кто-то возится до утра.
И от цепкой слепой пурги
стынут жилы оконных рам.

ЗИМНИЙ ЭТЮД

Зима стояла тёплая, густая,
и двор, сугробами бесшумно порастая,
как человек простуженный, осип —
лишь сглатывал порой досадный скрип
несмазанных ворот на въезде в арку.
...позёмка здесь стирала, как помарку,
следы собачьи, птичьи, человечьи,
тропинку к дому и тропинку к речи.

* * *

Ангел печальный сегодня пришёл ко мне —
что ему надо в странной моей стране?
Где до утра не спят и завтракают в обед —
что ему надо? Он не даёт ответ.

Светлые крылья слагаются в полукруг,
хрупок излом тонких прозрачных рук...
Что-то во мне мечется и кричит
всё это время, пока он смотрит и так молчит.

ПОЭЗИЯ

Вера АРЯМНОВА
Андрей БУДАРОВ
Вячеслав БУКУР
Сергей ГРИНКЕВИЧ
Елена НАУМОВА
Сергей ПАХОМОВ
Елена ПОПОВА
Павел ТИМОФЕЕВ
Игорь ТЮЛЕНЕВ

5

Вологда — Кострома —
Киров — Пермь

АРЯМНОВА ВЕРА НИКОЛАЕВНА родилась в Башкирии в 1954 году. Публиковалась в журналах «День и ночь», «Идель», «Казань», в «Казанском альманахе», коллективных сборниках.

Автор книг стихотворений «Оловянный батальон» (2001), «В стране родной» (2011), «Бездомное сердце» (2014), книг прозы «Ангелы», «Дама с прошлым» (2011), «Синица в небе» (2002). Член Союза российских писателей, Союза журналистов России и Республики Татарстан. Живёт в Костроме.

Вера АРЯМНОВА

ОДА СВОБОДЕ

Не захлебнуться б нежностью зимы,
и этой тьмы,
и одинокой ночи.
Когда выходит узник из тюрьмы,
чего он хочет?..

Меж будущим и прошлым — двух пустот:
невозвратимой и невероятной,
улыбка перекашивает рот,
а он идёт, и дай-то Бог уйдёт
от непривычки улыбаться внятно.

Да что с того, что больше нет зубов,
и что лицо изрезали морщины?
Есть путь и одинокий звук шагов.
Нет денег, дома нет и нет оков,
не улыбаться — тоже нет причины.

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Прохлада в комнатах, на огороде жар,
в саду тенисто и трава по пояс.
И день — огромный золотистый шар,
неспешно катится, ничем не беспокоясь.
Всё будет завтра — спешка и угар...

Ну, а сегодня — Волга, облака,
едва воды касающийся катер,
залив, вода теплее молока,
и детская прохладная рука...
И счастья нам на полстолетья хватит...

И всё вокруг, и всё во мне самой
полно любви, спокойствия и воли,
и жизнь, происходящая со мной —
она как свет над Бородинским полем.
Она уже не сможет быть иной...

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Плыть можно долго-долго, как идти.
Воде доверься — сроду не обманет.
А утонуть сумеешь и в стакане,
а не в пути.

На середине Волги — отдохнуть...
Как ночь темна! но мне не надо света.
Во мне пылает солнечное лето...
И снова в путь!

На дальнем пляже ждут меня давно.
А я плыву, но сносит по теченью.
Почти готовое стихотворенье
идёт на дно.

И вот теперь плыву я налегке.
И жабры на спине моей возникли.
Нырять вглубь. Что — люди вдалеке?..
И фиг ли...

Я обретаюсь в качестве другом.
Из-под воды скользну безмолвной рыбой.
Мой позвоночник выгнулся дугой.
Спасибо...

* * *

Горит восток, а сердце тлеет.
К утру уже беззвёздна высь.
Длиннее ночь, разлука злее,
спелей рябиновая кисть.

Вслепую в окна бьются строчки,
без притязаний на успех —
шагреновые заморочки
желаний наших и утех.

Взлетит душа, ослабнет тело,
да прежде наломают дров...
Ах, но какой же ляжет белый
снег на Покров!..

САД

Глухая дробь дождя с телесной дрожью вместе,
и ночь, и темнота, и на остаток сил
холодное легло, что тяжелее жести,
и рвётся в небо сад — но ветви вместо крыл...

Нет смерти для души. О Господи, как страшно!
Немая темнота, прошитая насквозь
иглою слова «врозь»... В смирительной рубашке
мой сумасшедший сад и всё, что не сбылось.

* * *

Я жизнь свою спасу или зарюю,
но ты ни в чём не будешь виноват.
Там, где заря встречается с зарёю,
где травы в окна по-людски глядят,
где силу смятый набирает сад,
и никого вокруг и за спиною,
где нет тебя, где ты всегда со мною,
рассвет — закат, закат — рассвет — закат...
Но мой полубезумный белый сад
между тобой и мной стоит стеною.

* * *

Даст Бог, не рухнет эта крепь,
а мне любить — не надо!
И дом сгорел, и век свиреп,
душа парит над адом...
Над садом страшный ураган.
Он с корнем вырвал вишню.
И дождь стучит как в барабан,
а сердца я не слышу.
Благополучие души
асфальтовой коростой...
Взорви её и не дыши —
отсюда до погоста.

ОСЕННИЙ ДИПТИХ

В обнажённости осени нет вождельня весны.

Бу Ки

1

Скань раздетых ветвей на холсте обнажённых небес,
дрожь остывшей земли, перепаханной, чёрной и голой...
А на теле твоём уже нет нецелованных мест.
Никогда, и нигде, и ни в чём не была ты бесполой.

Только осенью плоть так согласна и слита с душой!
Бестелесная жажда последних объятий — сжигает...
И подстрочники ласк дышат снежной и нежной зимой,
а подстрочники фраз об одном: мне тебя не хватает!

И в пространство стихов опустевших шагнув невзначай,
ты увидишь его и себя, и февраль, ослепительно белый,
это будет не явь и не сон, и не найденный рай,
это будет — и всё. Ты иного чего-то хотела?..

2

На ландшафтах моих депрессивных стихов
происходят какие-то сдвиги.
Кто-то был без меня, не оставил следов,
лишь вино и пол чёрствой ковриги.

Вот круги на воде, и засохший цветок,
и встревоженной посвист синицы.
Отхлебну из бутылки отравы глоток
за боязнь увидеть — и влюбиться.

Он здесь был, он исчез, он растаял за миг,
он узнал про меня слишком много.
Он спешит восвояси, подняв воротник,
Он *рукой* мою душу потрогал.

Я сама незакрытой оставила дверь
после дней с грабежом и пожаром.
Я поверила — больше не будет потерь,
я уже навсегда... уезжала.

Он здесь был и забрал мою смерть у меня —
это всё, что в запасе имела.
Я сижу в темноте. Мне не надо огня.
Я иного чего-то хотела?!

НОВЫЙ ГОД

ярко вспыхнула звёздная бездна
вздрогнул в норах схороненный крот
и в заплёванных наших подъездах
оживился бедовый народ
и хлопочет и варит и тащит
сотни тонн и питья и еды
в долгий ящик забито по хрящик
ожиданье войны и беды

* * *

Узнает её любой —
запад или восток.
Но разве это любовь?
Заточена под клинок...

Построена на песке
и окнами — на закат.
И сёстры её в тоске,
и видеть не хочет брат.

И нет у неё друзей,
и губы её во лжи.
Она — экспонат. В музей!
И пусть себе там лежит.

Ведь даже на вкус как яд.
Собаке собачья смерть.
Пусть все на неё глядят.
Но трогать её — не смей.

Ни ярких её ланит,
ни спелых её очей.
И если заговорит,
не слушать её речей.

Не слушай её, держись.
Пусть дом без неё лишь склеп.
И смысл без неё нелеп.
И хлеб без неё — не хлеб.
И жизнь без неё — не жизнь!

* * *

Ложись на траву и смотри — в поднебесье парят
счастливые птицы, владелицы крыльев и пенья.
Гнездовья покинув, имеют о нём сожаленье?
наверное, да, но едва ли терзают сомненья
пернатых, ещё не побитых строфой января.

Жестокая жизнь, — этак люди порой говорят,
хоть жемчуг не мелок, а беды всегда рукотворны.
С конца, с середины иль снова сначала, повторно —
причин для страдания тьма, и они непритворны;
а всё пережив, — подивись простоте буквдаря.

БУДАРОВ АНДРЕЙ СТАНИСЛАВОВИЧ родился в 1981 году в Вологде.

Окончил филологический факультет Вологодского государственного педагогического института. Рассказы и очерки печатались в антологиях издательства «Эксмо», в альманахе «Полдень, XXI век», в региональных изданиях. Переводы рассказов Дэшила Хэммета, а также англоязычных фантастических произведений опубликованы в журналах «Смена» и «Космопорт». Живёт в Вологде.

Андрей БУДАРОВ

ТОСКА-КРУЧИНУШКА

Заходи, на пороге не стой.
У меня невесёлые новости:
Жизнь, при всей её подлой суровости,
Нипочём не сравнится с тобой.

Злая правда похожа на блеф,
И всегда недостаточно сведений.
Если свињи забиты и съедены,
Ни к чему обустройства хлев.

В этом месте мог быть припев.
В этом месте мог быть припев.

Уж прости, не парадно одет:
Я не ждал тебя нынешним вечером.
В отчет крае, опять изувеченном,
Что же праздновать нам, кроме бед?

Будут новые жатва и сев,
И на сердце добавятся ссадины.
Если лошадь из стойла украдена,
Не помогут запоры и гнев.

В этом месте мог быть припев.
В этом месте мог быть припев.

Хватит нас хоронить напоказ,
Хоронить со сноровкой обычливой.
Всё равно археолог добычливый
Откопает когда-нибудь нас.

Ветер носит, в ночи ошалев,
Лишь собакам известную истину:
Если лаешь действительно истово,
Континенты изменят рельеф.

В этом месте мог быть припев.
В этом месте мог быть припев.

НОВОГОДНЕЕ

У них костюмы всегда с иголочки,
Идут шеренгой, чеканят шаг.
Дрожат усы и косые чёлочки,
А под ногами скрежещет шлак.

Их лица жёлты, глаза как щёлочки,
А речь — свирепа, как лай собак.
Их кровь дымится подобно щёлочи,
И твёрже стали у них кулак.

Их путь неблизок — к зелёной ёлочке,
К желанью счастья и прочих благ.
И тот, кто против — тот хуже сволочи,
Кто против — хуже последней сволочи,
Я буду самой последней сволочью,
Но не пущу их туда. Вот так.

* * *

Вторую ночь идёт погоня,
В очках не дремлет командир,
А заместитель в капюшоне
Прилёг на сваленный менгир.

Скребёт по карте палец твёрдый,
Журчит поблизости река —
Вот всё, что слышно в распростёртой
Тиши ночного ивняка.

Нет ни тревоги, ни сомнений,
Нет ни тоски, ни доброты.
Чем устремленья дерзновенней,
Тем меньше в мыслях суеты.

Пустая стопка пахнет водкой,
Дымит погашенный костёр,
А под разбитой старой лодкой
Всхрапнул подвыпивший стажёр.

ЛЕТУЧИЙ КОТ

Вечером кот мой уходит за шкаф.
Крылья из тайного места достав,
Прыгает в форточку, выскользнув тихую сапой.

Он отправляется в новый дозор,
Чтобы летучим мышам приговор
Без суеты подписать усмиряющей лапой.

Утром вернувшись, он прячет крыла,
Пот утирает устало с чела
И поживает в своих подкроватных покоях.

Этим и держится мир на непрочных устоях.

* * *

Лето сурово: нахмурены брови,
Рот словно гузка, поджался и ждёт.
Крови возжаждали оводы. «Крови!» —
Дрелью жужжат комары напролёт.

В лес не пойду — там грибы разбежались.
Хрен их поймашь теперь — отомстят.
Ждут за деревьями, съёжились, сжались,
Ножик, потерянный кем-то, вострят.

Я б на рыбалку отправился утром,
Даже червей накопал полведра,
Только они взяли ванную штурмом,
Заперлись там и взревели: «ура!»

Рыба в реке оголтелая стала:
Сунешь мизинец — лишишься руки.
Скачет по берегу: мало ей, мало,
Хочет мне сердце порвать на куски.

Птицы пикируют, гадят и гадят,
Клювами долбят макушку мою.
Я похожу на отшельника сзади,
Спереди — вряд ли, а сверху — вовсю.

Лето! Суровое лето, вчистую
Скоро закончишься ты навсегда!
Но перед этим где бесы зимуют
Ты показать нам успеешь, да-да!

ЛИМЕРИКИ

Жил один энергичный священник,
Именины справлял он без денег.
Заходил в каждый дом,
Угощался вином
И съедал по десятку печенек.

Жил священник другой, посвирепей.
Именины он праздновал в склепе.
Всё цепями увил,
Голосил что есть сил,
И звенели калёные цепи.

Жил ещё атеист осторожный,
Именины он праздновал тоже.
Ломтик тортика ел
И вполголоса пел,
И при этом фальшивил безбожно.

И жила удалая старушка,
Что любила скакать как лягушка.
Именины она
Отмечала одна
И скакала вприсядку с ватрушкой.

Повстречались они, подружились,
В тёмном склепе гулять сговорились:
Атеист — в уголок,
А старушка — прыг-скок,
А священники в пляску пустились.

* * *

Поставив дом на якорь,
А время — на засов,
Я стану жить как знахарь
В тени сушёных снов.

А если будут гости
Ломиться в дверь ко мне,
То я умру от злости,
Но не открою, не!

БУКУР ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ родился в 1952 году в г. Губаха Пермской области. Учился в Карагандинском медицинском институте. В 1980 году окончил филологический факультет Пермского университета. Работал редактором в Пермском книжном издательстве. После опубликования произведений популярных советских фантастов братьев Стругацких был уволен из издательства. После этого работал преподавателем иврита, сторожем с 1984 по 1994 год. Член Союза российских писателей.

Начинал как фантаст, публиковался в журналах и сборниках фантастики, издаваемых в основном в Уральском регионе («Уральский следопыт», «Поиск»). С середины 1980-х годов пишет совместно со своей супругой Н. В. Горлановой: «Роман воспитания», «Лидия и другие. История одной компании» и др. Живёт в Перми.

Вячеслав БУКУР

ПОДРАЖАНИЕ АЛЕКСАНДРУ СЕРГЕЕВИЧУ

Когда для смертного умолкнет интернет,
И электрон сойдет с своей орбиты,
Я всё равно отвечу скорби «нет»,
И будут мысли виноградом радости увиты...
На милость Первопрограммиста уповаю
И файл печальный не стираю...

* * *

Нине на 8 марта

Ничем цветы не схожи со словами:
Там лепесток, а здесь — всего лишь волн вибрация...
Зачем же речь высеиваю перед вами?
И вдруг как стукнет в голову мне — бац! И я
Промолвил голосом взволнованным и страстным:
Из семени моей души слова восходят, это ясно,
Чтоб расцвести в твоей душе, мой друг.
Но и без них раскинут там душистый луг.

* * *

Ананас в самогоне,
Ананас в самогоне, —
Это ты, наш Сережа,
Среди пермской земли.
Здесь искусство в загоне,
Но ты в вечной погоне
За щемящею прелестью
Милой Лили.

Весь ты в чем-то отпадном,
Безусловно парадном,
Глину брентную жизни
Превращаешь в фарфор.
Пусть летит твоя слава

От Прикамья направо,
А оттуда — налево,
А потом — на Босфор!

* * *

Ты дорогá мне
Втридорога.
Я заплатил за тебя
Три короба
Своей души.

* * *

Вот приземлилась на зовы она,
Листьев, цветов и озона полна.
И осветили ее волоса
Грешную почву...
Век напролет её ест дефицит,
Женские напасти, детский отит.
Только чуть слышно поют небеса
Ватною ночью.

* * *

Читай, зубри, мыслитель, сказки —
Не вороти свой мудрый нос!
Там на сияющих салазках
Гуманный едет ДеД Мороз.

Звончайшим посохом стрекаем,
Летит олень его на пир...
Зачем мы ёлку воздвигаем?
Чтоб заново зачался мир.

А красношапочные деДы,
Закинув за спины мешки,
Несут видения победы
И исцеляют от тоски.

ВРЕДНЫЕ СОВЕТЫ МУЖУ

Если вдруг супруга ваша
Яростно малюет пальцем
На фанерочке картину —
Встаньте справа или слева,
Или чуточку поодаль,
А затем чередой советов
Атакуйте её уши.
Вы тогда сполна поймете,
Что за бескорыстье ваше
Вам воздастся тристократно.

* * *

Уж десять лет гремит, не умолкая,
Супружеская цепь на муже том.
И столько же супружница младая
Всё бегаёт по той цепи кругом.
Идёт направо — лекцию заводит,
Налево — вдруг ребенка породит...
Там чудеса: там муж учёный бродит,
С пелёнками к детёнышу летит.
Но через десять лет глава седая
У мужа будет, хоть он твёрд умом,
И только та супружница младая
Всё будет бегать по цепи кругом.
Тут лира в умилении немеет:
Грядущее подёргивает тьма.
Хоть вы и пролетарии ума,
Но не теряйте цепи Гименея!

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ДЕВОЧКА

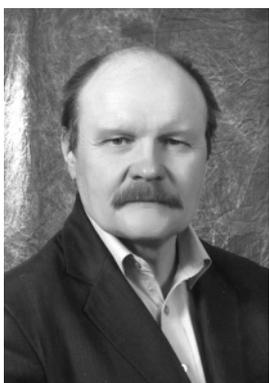
Басня

Посвящается Даше

Однажды Лев Толстой, гуляя,
Над жизнью крестьян страдая
И впечатленья собирая,
На Девочку одну набрёл
(Взор коей был — ну будто сам орёл!)
И ну ты Девочку выпрашивать и так и сяк:
Что в её жизни не пустяк?
Схватив могучею рукой за бороду его —
Умора! —
Ну будто бы какого Черномора,
Она сказала: — Ты чего,
Великий тайнознатец плоти,
В «Войне и мире» стал пороти?
Зачем Безухова с Еленой обженил?
Зачем блестящего Болконского убил?
И ты какой же нам, мон шер,
Даёшь убийственный пример?
(Мораль тут, что эмансипатки
Ещё не таковых заставят смазать пятки.)

Затрясся человечеще матёрый,
Заслыша эти добрые укоры.
Оставив в доброй ручке часть седых волос,
С неимоверной быстротой себя унёс.

Уж если пишешь ты, то пусть герои будут живы!
Не то ходить тебе без гривы!

ГРИНКЕВИЧ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ родился в 1960 году в белорусском городе Лида. В 1982 году окончил Ленинградское высшее инженерно-морское училище им. адмирала С. О. Макарова. С 1982 по 1989 год работал синоптиком на Севере: о. Диксон, мыс Челюскина, мыс Косистый, г. Магадан. С 1991 года живёт в селе Кын Лысьвенского р-на Пермского края, работает учителем в школе.

Публиковался в районной и краевой прессе и коллективных сборниках, в журналах «Неман» и «Город». Автор книги краеведческой прозы «Кын — золотое донце» (2012).

Сергей ГРИНКЕВИЧ

КОРОСТЕЛИ

Изогнулась трава от холодной росы,
Поседали луга, поседали.
В молоке разлитом утонули мосты.
Коростели скрипят, коростели.

Разделила село летаргия — река.
На тот берег пройти не успели
Только на ночь июньскую иль на века?
Коростели скрипят, коростели.

Здесь дома погасили окошки свои,
Там шумит молодое веселье.
Для кого-то в сирени поют соловьи,
Для кого-то — скрипят коростели.

Коль ступил в эту воду — не выйдешь сухим,
Пролетели года, пролетели.
На туманных лугах у молочной реки
Стонет выпь и скрипят коростели.

ПОСЛЕДНЕЕ СЕЛО

Для нас — роднее никуда.
Для прочих — пуговка на карте.
Реформы, войны, города
Сцедили кровь твою по капле.

Порядки почерневших изб
Укоренились на угорах.
В устах старух певуч и чист
Протяжно окающий говор.

А в церкви брошенной твоей
Жару пережидают козы,
Гнездится стая голубей,
Расшатывают свод березы.

Ты льдина канувшей Руси.
В хмельном отчаянье гуляний,
В избытке девичьей красы
Внезапно прошлое проглянет.

Взломала мутная вода,
Как вешний лёд — уклад старинный.
Ужель истаешь без следа
На берег выброшенной льдиной?

БАБЬЕ ЛЕТО

Тополь золотом сеет, как дождь или душ.
Так отраднo, не ведая боли,
Осязать листопадную горечь и сушь
Альвеолами лёгочных долей.

В бытии обозначен едва перелом:
Обволакивает мирозданье
Ненавязчивой лаской и дряблым теплом
Неизбежного увяданья.

Тело просит телесного, как ни глуши,
Манят спелой черемухи кисти.
В тихий омут души, будто тонут ножи,
Опускаются узкие листья.

Словно лист, ускользящий в воду, лови
Жест и взгляд. Не показывай виду,
Что подруги надули и сплетни сплели,
Что наябедничали обиды.

Впопыхах прикусила губу до крови —
И саднит от черемушной сласти,
Выжимая слезу. В поздней бабьей любви
Терпкой жалости больше, чем страсти.

ТРИ ЯГОДЫ

Багряной листвою сорят осенины.
Над речкой студёной, по тропочкам узким —
Рябина, черёмуха и калина,
Три ягоды русских.

Кровавые кисти сладят на морозе
И ветви поникли, как руки рабыни.
Кого ты помянешь слезой нетверёзой —
Вином из рябины?

Себя ль? Разорённую кем-то отчизну?
Душе простудившейся баня в усладу:
Рябиновым квасом на каменку брызни,
И дух перехватит от жара и чада,

Отъест мыльным щёлоком с совести сажу.
Воспрянешь, соколик ты мой разудалый.
И скулы напевшей черёмухой свяжет,
Чтоб легче рыдалось.

За всё навсегда, будто мамой прощённый...
Пороки на сердце твоём и порезы
Прижжёт своей горечью неподслащённой
Поречной калины целебная трезвость.

ЗВЁЗДНАЯ РЕКА

Расплав лучей глотками пьёт
Трава в росе и светляках.
Себя вселенной сознаёт
Тысячеглазая река.

Когда роднее близнецов,
И нечего уже сказать,
Склоняется к лицу лицо,
К устам уста, глаза в глаза.

Костер двоит зеркальный плёс,
И рассекает налегке
Течение медленное звёзд
Моторка на ночной реке.

СЕЛЬСКИЙ ХРАМ

Дождям открытый и ветрам
Средь разоренья,
Стоит в селе старинный храм —
Корабль спасенья.

Давно лишён колоколов
И обезглавлен,
Напоминает и без слов
Всем нам о главном.

Вновь, как в прошедшие века
Беды кромешной,
Знаменье крестное рука
Творит неспешно.

Взор устремляя на восток,
Стоят над бездной
Подросток щуплый и пяток
Старух железных.

Пред ликами огни свечей
Сквозняк колышет.
Ручей молитвенных речей
Течёт, чуть слышен.

Пусть затопили мир разврат
И безразличье,
Они — как воинский отряд
На пограничье.

Долг воина суров и прост.
Хранит старуха
И сердце, тёплое как воск,
И твёрдость духа.

И в церкви тёмной и пустой
Звучит молитва:
За мир, погрязший и святой,
Ведётся битва.

Мягутся тени по стене
Кирпичной голой.
Под сводом в гулкой вышине
Воркует голубь.

* * *

Словно увязший в густом шоколаде,
Долгим рывком в темноте просыпаешься.
А над стопою тонких тетрадей
В нимбе от лампы мама склоняется.

Вьюга на улице пляшет лезгинку
И рукава выше крыши взметает.
В форточку залетают снежинки,
Шторы касаются и исчезают.

По ледяному полу прихожей
До туалета шлёпаешь вяло,
Весь в пупырышках гусиной кожи
Снова ныряешь под одеяло.

Мама отложит стопку тетрадей,
Плотно задёрнет штору сырую.
Пахнет родным её мягкий халатик.
Сладко прильнёт и в глаза поцелует.

ПЕРМСКАЯ САГА

По своей, чужой ли воле в Перми
Оказался — гонор и спесь уйми.
Успокойся и осмотришь окрест,
На твоей судьбе рано ставить крест:
Главное, голова цела.
Крепкий дом купи на краю села —
Там дешевле вдвое, резон прямой.
Почему дешевле — поймёшь зимой.

В леспромхоз устроишься на «ура»
В трактористы, вальщики, шофера.
А сноровки нет инструмент держать,
На худой конец, возьмут в сторожа:
Сторож ночью спит, а ему во сне —
И оклад, и стаж. Главное, к зиме
Дров вдвойне готовь, тут другой резон:
Всё равно уйдут за один сезон.

На стальной засов запирая дверь,
Будь уверен: след свой оставит зверь
У ворот на свежем снегу. В глуши
Зверю дела нет до твоей души.
Зверь оголодал. Зверь таежный прост.
Человек таёжный — другой вопрос.
Чтоб тебя держали за своего,
Говор, ясен пень, важнее всего.

Словно ёрш сопливый от чебака,
Так пермяк по говору от чужака
Отличается. Чо ломать комедь?
Спробуй нижней челюстью каменеть,
Гласные души, звонкие глуши,
Вместо «жи» и «ши» — никотин души.
Чтобы каждый звук был шершав и груб,
Выдирай из гланд его мимо губ.

Девку местную в жёны присмотри.
Если хахаль есть — кулаком утри
В честной драке сопли ему. Любой
Девке втайне нравится мордобой.
Быт наладишь без городских затей,
На печи настрогаешь пяток детей.
А когда забот полон рот, жена,
Как ребро под фуфайкою, не видна.

Чтоб тепло в избе сберечь, низки
Топором сработанные косяки.
Хочешь выйти вон — пополам согнись,
Но никто вдогон не шепнёт «вернись».
Ни жалеть не принято, ни прощать,
Даже если сдуру иль сторяча.
Пусть грызёт взагиб грыжею стыда,
Если вышел вон — значит навсегда.

Отпрысков своих, чуть достигнут лет,
Осенив крестом, выпни в белый свет:
В город, в армию, замуж, в институт.
Сами где-нибудь к месту прирастут.
Не держать же век при себе? Сосна
На февральский наст сорит семена.
Так заведено среди коренных
Голодранцев и голосеменных.

Глядь — уже оброс возрастом пермяк
Словно лишаем камень-известняк.
Прошлого пласты наяву ль, во сне —
Перещупываешь кольцами на пне.
Сколько долгих зим, сколько кратких лет...
Лето пермяку — выигрышный билет.
Лета бы испытать, а зимой — ку-ку.
Летом помирать жальче пермяку.

— Не ходи, малыш доверчивый,
Этой лунною тропой.
А не то на веки вечные
Потеряешь сон-покой.
А иначе сердце нежное
Обовьёт печаль-змея.
А иначе неизбежную
Будешь жить тоской,

как я...

МАЛЬЧИК

Разве этот мальчик грубый?
Он — нежнее мотылька.
Как бледнеют его губы!..
Как дрожит его рука!..
Как пульсирует над бровью
Тонкой жилки бугорок!..
Если посмотреть с любовью,
Он — пророк.
Он такое сердцем слышит!..
Так поёт его гобой!..
Разве этот мальчик нищий?..
Бог с тобой.

КСЕНИИ НЕКРАСОВОЙ

Эта дудочка невзрачная —
Господень инструмент.
Эта дурочка — при улочке...
Вся жизнь её момент.

Бог возьмёт и тихо выдохнет
Через её уста
Тайну-мудрость, чудо-музыку,
Что сказочно проста.

И на миг притихнет улочка
(За ней весь белый свет),
И поймёт, что этой дудочки
Прекрасней в мире нет.

А потом опять по улочке
Она (шурум-бурум)
Побредёт.

И скажут: — Дурочка.
И в жизни ни бум-бум...

* * *

Такая знакомая улочка —
Аптека, детсад, булочная.
Хрущобы пятиэтажные,
Подъезды распахнуты каждому,
Как прежде...

Но мне уже кажется,
Что мне никогда не отважиться
До крайнего дома дойти,

Который шагах в пяти.
На третий этаж подняться,
В девятую дверь постучаться...

Такие, мой друг, дела —
Когда-то я тут жила.

ОХРИПШИЙ ГОРН

Ты дымом и огнём
спалил себе всё горло.
Успеть бы — говоришь.
Чего ещё успеть?
Куда теперь, куда
надорванному горну,
Какие позывные
картавить и хрипеть?!
Когда струилась кровь
по узкой горловине
В былые времена,
всё было нипочём.
А нынче — оглянись,
Ты сам во всём повинен.
И нечего пенять
на время с палачом!

ПОТОМ

Всё самое ужасное потом произойдёт...
Пока ещё мы классные — семидесятый год!
В берёзовой обители есть майские жуки.
Пока ещё родители от смерти далеки.

Ещё любовь, как музыка,
Жива, щедра, вольна...
И позади с разлуками
Безумная война!

Мы смелые, мы умные.
И нет на свете бед!
Мы солнечные, лунные,
Нам девятнадцать лет!

Мы юные, отважные,
И вся страна — наш дом.
...Всё жуткое, всё страшное
Произойдёт потом.

ВАРЛАМУ ШАЛАМОВУ

Не стихи текут,
но слёзы
В дневниковую тетрадь.
...Летний вечер тих и розов.
Только память тянет вспять,
Где колымские морозы
Жгут сквозь ватник...

И опять
Не стихи текут,
но слёзы
В дневниковую тетрадь.

* * *

Мы были с тобою не просто когда-то знакомы.
Мы были с тобою близки и немного похожи.
Те первые листики на оживающем клёне...
Я всё это помню.
А ты? Ты не помнишь, быть может.
Как мы от тепла трепетали на солнечной кроне,
Как робко и нежно порою друг друга касались.
Недаром же линии жизни на наших ладонях
Навеки прожилками листьев кленовых остались.

* * *

С. С.

Сидишь и подбираешь
Удачный лоскуток.
Латаешь всё, латаешь,
Чтоб не заметно, чтоб...

И нитка, и иголка,
И пряжа — всё здесь есть.
Достаточно и шёлка,
И бесподобна шерсть.

И ситец вот заветный —
Весёлый голубок.
А нитки разноцветной!..
Аж за клубком клубок.

Вот красный — слишком смелый.
Зелёного к нему.
И только прячешь белый.
Не нужно, ни к чему.

Стежок, ещё стежочек,
Колдуешь-мастеришь.
Снежок летит, снежочек...
И беспробудна тишь.

* * *

Ах, как весел, прозрачен и звонок
День
 в начале дороги!
И смеётся душа, как ребёнок,
И не помнит о Боге.
Да и что же ей помнить,
 скажите,
Если верных друзей — общежитие,
Если славных любимых — семья?!
Все открыты пред нею моря!
И плывётся ей в разные страны,
И несётся ей в синюю высь.
Сколько в милых друзьях обаяния —
Жизнь!
Но когда же она запророчит.
Вдруг,
 поранившись, закровоточит

Фразой,
 словом,
 строкой,
 многоточием —
Всё!

Разойдутся, как в сказке, где тает
Снег на чистом пороге...
У поэтов друзей не бывает —
В результате. В итоге.

НА ДРУГОМ БЕРЕГУ

Горит моё солнце на синем лугу —
В другой стороне, на другом берегу.

Звучат мои песни про дождь и пургу
В другой стороне, на другом берегу.

Мой бубен звенит на ветру, на бегу
В другой стороне, на другом берегу.

Любовь моя радугу славит дугу
В другой стороне, на другом берегу.

И думаю я, и понять не могу —
Зачем я на э т о м стою берегу.

* * *

Мне небо — родная земля.
Стада облаков проходящих
И сумрачных туч...

 Для меня
Всё это и рожи и чащи.

Я — путник, я — гость на земле.
Мне всё здесь и все интересны.
Но дом мой в заоблачной мгле —
В прозрачной купели небесной.

Не нужно мне благ и любви,
Земного ни рая, ни чуда...
Все лучшие песни мои
Оттуда, родные, оттуда...

ПАХОМОВ СЕРГЕЙ СТАНИСЛАВОВИЧ родился в 1964 году в Ленинграде. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Публиковался в журналах «Новый мир», «Арион», «Нева», «Север», «Волга», «Лепта», «Лад», «День и ночь», «Сибирские огни». Автор книг «Затмение листьев» (1994), «По обе стороны дороги» (в 2 т., 2014). Член Союза писателей Санкт-Петербурга, Союза российских писателей. Живёт в деревне Мерёжа Вологодской области Устюженского района.

Сергей ПАХОМОВ

БАРАТЫНСКИЙ

Держателем гусиного пера, склонённым над погасшею свечою,
Предстал мне Баратынский. Смерть добра — не ополчу,
опальную, косою.
Немыслима всеобщая резня, но, нарушая ход твоих раздумий,
Смерть разменяет пешку на ферзя, главенствуя, как депутатка
в Думе.
Я встретил дочь твою, умолчна тень её, улыбчива раскосыми
глазами.
Заметь, что не летает вороньё над мавзолеями, в кремацион-
ном зале
Не каркнет вестник... Значит, смерти нет, смерть не для всех,
она не вездесуща,
Она незваной гостьей на обед напрашивается к лучшему из
лучших.
Поэтому убийство — тяжкий грех не только перед умствующим
Богом;
Смерть — это свет из всеобщих прорех, не каждому под-
властная дорога.
Пока мы отвоёвывали Ржев, бургундским поливали Ватерлоо,
Смерть, как запчасти в старом гараже, пылилась (не скажу,
что бестолково).
С кем я беседую? Погасшая свеча... Чей образ я увижу перед
смертью?
Я чту стихи твои: ты не рубил плеча, ты душу не нанизывал
на вертел,
Как... Вставляю имя — сразу облачусь в подрясник злобы,
критики безмерной.
Я у тебя учился и учусь. Давай на «ты», мой друг неимо-
верный?
Пробивается светом из штолен — веткой сакуры — Новый
завет.

ЖИЗНЬ

Заботлив, что косяк в избе — успей пригнуться,
Завёрнут в кокон сна, что выбелен и спел,
Надраен, как сапог, улыбчив, словно блюдец,
Мой законный мир (у Пушкина — удел).
Порхает мотылёк, как плащ, демисезонен;
Расстроенной струной, натянутой навзрыд,
Скрипучая сосна — не праведный Полоний —
Мне в ухо каплет яд, точнее, дребезжит.

Вертится рьяный стог юлою на отшибе,
 Гундосят в зеркалах «ленд крузера» шмели,
 Ребристая река, как серебристый шифер,
 Где ласточки спуют, и рыбы — на мели.
 Умел бы рисовать — вlepил на небе тучи,
 Поставил жирный крест — чернильное пятно...
 Чему нас учит жизнь? Да ничему не учит.
 Цеди себе слова, гляди себе в окно.

МРОТ

Шелкопруден, рассылен, как листья на ветру, надоевший
 пейзаж...
 За подкладкой — звон мелочи; мысли не о том, что сносился
 пиджак,
 Не о том, что размашисто небо, что разъезжен, размыт
 горизонт,
 Что расшатаны вербы и нервы, что просёлок ухабист, как зоб.
 Зыблем ветром, как складки подола, обездолен и выворен луг,
 Словно рьяный прогульщик из школы, на задворки, где
 август — безугл,
 Лес гудит корабельной оснасткой. Норы ласточек-береговух,
 Чья к воде преклонённая паства обещает грозу после двух,
 Или трёх пополудни (обычно, точно выверен птичий прогноз)...
 Шмель-пастух, щёлкнув розгою зычно, гонит стадо журчащих
 стрекоз.
 Ни в какие не лезет ворота камышовая крыша (кудель) —
 Как поэт (за отсутствием МРОТа) ловит окуня в мутной воде.
 Вот достроят монахи обитель, отсусалят церковей купола —
 Не узнаешь ни устюжн, ни вытегр, ни страны, что... была не
 была.

ВАРЯГ

Едва ли от белого люда есть толк и прибыток душе.
 Последняя капля Иудой висит на берёзе. Драже
 Весеннего града. Протока, где поросль тонкого льда...
 Научись охать и окать, приехав навеки сюда.
 Мой тракт до реки гусеничен от тракторных траков, увы.
 Среди бесполезных привычек есть та, что наловит плотвы.
 Мне нравятся чудо-гирлянды на улице и чердаке,
 Где вялятся сочные глянца, где солнце, как мелочь в руке.
 Дырявая крыша сарая, как сеть для поимки сома.
 Соседка, сморчки собирая, размеренно сходит с ума.
 Плащик, по-иному, ледина (пойми этих местных сутяг) —
 Исчадия сельского сплина, какие потопят «Варяг».
 Сморчки, коренник, кацавейка... Вся жизнь из простых
 приспособ,
 Туманной новеллою Цвейга. Выносят расщелистый гроб:
 Не стало соседки. Не стало к столу моему пирога...
 Пока я тут корчу забрало, жена обретёт мужика.

ОДИССЕЯ

В песках земли обетованной, в глазах возлюбленной моей
 Сквозит душа моя, как рана, как дом без окон и дверей,
 Как всё, что не имеет смысла: в степи забвения — ветряк,
 В многоэтажке — коромысло, моряк, который — с печки бряк.
 Перипетии Одиссея — есть путешествие души,

Неотразимая Церцея, чьи вина свиньям хороши...
Наверчена, как глаз циклопа, на кол привычливая жизнь —
Разбитою тарелкой об пол душа лелеет миражи.
Мы много думаем о прошлом, а в будущем — ни в зуб ногой.
Там, где философ сел в галошу, поэт козиной бородой
Трясёт с усердием джедая (спросите Ницше, в свой черёд),
Поэт, душой не обладая, зрит в корень задом наперёд.
Прочёл вам лекцию от скуки, чем занимается поэт:
Перед едой помойте руки (на тот перед отправкой свет).

ОХОТНЫЙ РЯД

Ветер. Небо черчилльно, юрок свет зарниц,
Битый час без четверти — ни зверей, ни птиц...
Прижимая сталь к щеке, слышу, как вдали —
Выстрелы по вальдшнепам — эхом до земли.
Путь-дорога поймиста, вязливість низин,
Вновь стреляет Койвисто — финский сукин сын.
Не люблю охотиться, не взвожу курок,
На опушке — горлица, береста сорок.
Абы как утешиться, развожу костёр.
Вечер. Поле межисто. Клин гусей остёр,
Дальновиден, угличен... Вспомнил городок,
Где бродил по улицам детства, одинок.
Хорошо обструганной палкой ворошить
Угли, словно грубою жизнью дорожить.
Дичью укокошенной тёплый лапник сух.
Невесомой ношею пролетает пух
Вальдшнепов ощищенных... Листья, что горят,
Намертво присчитаны в мой охотный ряд.

Осень конандойлева рыщет по дворам,
Молоко в подойнике — через тарарам —
Выльется елозиво, как вода в карман;
Над рекой молозиво — марево, туман.
Утки, гуси к вечеру спрятались в камыш.
Зря летаешь кречетом над клубами крыш.
Испеку картошечки, вспомню, что мужик.
Анна всхлипнет: «Божечки!» — ну, в тот самый миг...

Первый снег джекклондонист, пёс рычит (Гудзон).
До чего раздолен свист, до чего смешон!
Смешан чай с брусникою, потому горчит.
Ходики не тикают. Сердце не стучит.

СНЕГУРОЧКА

Октябрь был причинно-жёлтым, свистели птички: «I love you...»
Торчал, как шип за ухом Шолто Бартоломью,
На небе травоядный месяц, корчма дымилась за углом,
Где мне обещано, что в десять, я буду больше, чем знаком
С одной приятною особой... Предвосхищая счастья миг,
Пригубил я коньяк «Особый» и дерзко заказал шашлык.
Сверкал сокровищами Агры дождь над промоиной окна,
Мне показала Грета Гарбо дурнушкой, как вошла она,
Покачиваясь уопленником в глазах глубоких, словно сон,
Я долго наслаждался воплями на волнах: ретро и шансон.

Как сволочной соратник Пестеля, но только головою вниз,
 Завис я, содрогаясь весело, удобный на любой каприз.
 Слезам душа моя не верила — оскоминой под кадыком,
 И несмотря на то что веяло потусторонним холодком,
 От взгляда гордого Снегурочки, прилипла насмерть, как
 ладонь
 Соседки по подъезду (дурочки)... Я уговаривал: «Не тронь
 Рукою мёрзлую балясину...» Кристаллизуюсь, как слюда,
 Всё горячее, всё боязненной кровь откипает ото льда.

ЭХО

К тебе я испытывал нежность, как долгое эхо в горах,
 Как моря бескрайность, мятежность, как тенью крадущийся
 страх.
 К тебе я испытывал верность, как эхо афинских триер,
 Холодного ветра надменность над тонкими ветками верб.
 К тебе я испытывал рьяность, как эхо к расщелинам ржи,
 Меня привлекала полярность твоей окулярной души.
 К тебе я испытывал вольность, как нервное эхо равнин;
 Далекая близость, окольность, когда остаёшься один.
 К тебе я испытывал звёздность, где эхо, как замкнутый круг,
 Горланя взмахом мимолетность мгновений из ласковых рук.
 Утешность твоих прикосаний... И мёртвое эхо — стократ:
 Жестокосердный Павсаний, странноприимный Сократ.

БАЛЕРИНА

Матерчат луг, салфетчатая река,
 Кружатся оводы над рюмками кувшинок...
 Пытаясь дотянуться до звонка
 (До солнца), вылезая из ботинок.
 Не получилось... Детскою рукой
 Жму на соседский с умыслом лукавым,
 Чтоб (тетя?) Ань сказала: «Дорогой...» —
 И руку подала мне, словно пава.
 Она всегда высока и светла,
 Она танцует «Лебедь» в Мариинском.
 Как воздыхателя плохи мои дела...
 (Сейчас не лучше: срок тяну под Пинском.)
 Я к ней иду, держа под мышкой том
 Джек Лондона с желанием потрафить,
 И, сидя за обеденным столом,
 Смотрю на разнотравье фотографий.
 Мне кажется, что знает тетя Ань,
 О чем я думаю, листая снимки долго.
 Дрожит на подоконнике герань,
 Как будто дребезгливая двуколка,
 В которой мне б хотелось увезти
 Её (одну!) в богатое поместье,
 Прижать к разбушевавшейся груди!
 ...Наутро получив плохие вести
 О скором переезде (боже мой!)
 Из утлой коммуналки на Марата,
 Я потерял надежду и покой
 И до сих пор довольствуюсь утратой.

ОТЧИЗНА

Так растерянно смотрят, что сердце по горло свело...

Геннадий Жуков

Любил я лишь то, что претило моей фанфаронской душе:
Как дым оскоплённый — кадило, как чайная роза — фуршет.
Одной из отверженных в списке любовей — отчизна была.
Сказавшись убогой и близкой, хромая на оба крыла,
На ухо (на оба) глухая, слепая, как прорубь реки,
Отчизна звала, завывая, и мыла мои сапоги,
Как бабушка после рыбалки, совала мне грелку в постель...
Отчизны мне было не жалко (примерно... отсель и досель).
Я храбро и нудно картузил, бездумно раздаривал медь —
Тогда переходные люди меня перестали жалеть.
Ляжу, как росток, из-под банки, посажен у мертвой гряды,
Как бомж разливаает полбанки, а мне не хватает воды!
Я вяну, я корчусь от света, я лбом упираюсь в стекло,
Резвясь на останках поэта, которому сердце свело
По горло. Чарующим гимном отчизны наполнился сад —
Озимые россыпи в зимнем сиянье, как звёзды, звенят.

ИЗ ОКНА

Снег... Сугробы — постояльцы глухореченской реки.
Снегири, как кровь из пальца, тихо капают, легки...
Я болею, на окошке продышав себе «глазок».
Вижу, что гуляет кошка с рожей, словно помазок.
Дым согнулся над трубою — это посох старика,
Спят солдаты перед боем — вербы... У снеговика
Чуть погрызена морковка... Трактор тащит сенокос,
И стучит по стёклам ковка добрый дедушка мороз.
Ветерок снимает стружку снега, месяц — в кобуре
Тучи... Вспомню про игрушки, развалившись на ковре.
Иглу (домик эскимоса), стога острая игла...
Мой бронхит такой же острый — тётя в белом изрекла.
Мне положены уколы, банки, капсулы и мёд...
Не дождусь, когда из школы брат расхристанный придёт.
Мамы, бабушки не видно; стрелки двигая вперёд,
Я расплакался (обидно), вслед за мною — Вальтер Скотт.

ВРЕМЯ

Вселенная — как выдох стеклодува,
Подлунная, в ней — пузырёк чернил.
Меня опять поставит мама в угол
За то, что я пролил его, пролил.

Пролились слёзы жадно и утешно,
Пролились звёзды, смытые дождём,
Упали души листьев безмятежно
На маленький пожарный водоём.

Мне кажется, что время ненасытно,
Надхрустывая хрупкие тела
Людей, как чипсы (шито или крыто?),
Искрясь и раскаляясь добела,

Оно, змеясь остекленевшим нимбом,
Вобрав в себя космическою грязь,
Как зеркало, не оставляет выбор:
Мы скоро в нём исчезнем, наглядясь.

ПОПОВА ЕЛЕНА (Молчанова Елена Александровна) родилась в Ярославле. Окончила Ярославскую медицинскую академию по специальности детский врач-психиатр.

Публиковалась в сборниках ЛитО «Третья пятница» (Ярославль); в сборниках ЛитО «Ступени» (Вологда, 1999) сборниках вологодского верлибра «Пленник реки» (2007), «Сорок ступеней навстречу» (2012). Автор книг стихотворений «На грани рожденья травы» (2002), «Движение» (2008).

Член Союза российских писателей. Лауреат конкурсов памяти Башлачева (2000), «Проба 2000» (Кострома). Живёт в Вологде.

Елена ПОПОВА

* * *

случайные встречи
на улицах Лета
собаки и люди
и ранние птицы
объятья твои
как мне хочется
нежно
у кромки воды
и солёные губы

* * *

сбежали телята
в количестве
пяти человек
весело цокать
копытами
по шоссе
и гудкой мостовой
взбрыкивать
и махать хвостами
а шестым
сзади бежал
их нерадивый
хозяин

* * *

усталый
путник
совершив
неудачное
харакири
поверил
в Бога

* * *

всё оторвалось
гулкая пустота
внутри себя
нет чувств
эмоций
 лишь
механическое
передвижение:
кукла
 с ключиком

ФЕВРАЛЬ

было слякотно
и туманно
был февраль
и своих насекомых
выпускала
 птица Рухх
они мирно
ложились на
плечи и на головы
редким прохожим
убеляли ковёр
 под ногами
засыпали и
снились во снах...
 была ночь
 и февраль
как прежде
продолжал
свой зимний
 путь

* * *

воронья свадьба
над рекой
кружит
 голову
котам

* * *

я полюбила гулять
в холодные
 мокрые дни
когда все дома
 сидят
и пьют горячий
 чай
меня научила
 мечтать

серая пыль
на шкафу
и немного зла

* * *

зависаю между
точек соприкосновения
между жизнью и смертью
между явью и небылью
где-то в бермудском
треугольнике
в зазеркалье
ищите меня
если понадобится

* * *

в двух словах
как прекрасна зима:
как узоры
на окнах,
да искристый снег.
как ты греешь
дыханьем
мои зябкие руки.
в двух словах
как люблю я тебя.

* * *

иду аллеей
меж ветвей
чернеет вечер
в следах
обломки пустоты
а слёзы
падают в глаза
и снова
в небо

ТИМОФЕЕВ ПАВЕЛ ЛЕОНИДОВИЧ окончил Московский государственный университет леса (бывший Московский лесотехнический институт).

Публиковался в газетах «Маяк», «Красный Север» и др. Живёт в Вологде.

Павел ТИМОФЕЕВ

ТАИНСТВО

Ночь. Полнолуние. Вьюга.
Пустынные улицы. Условный стук.
Ты среди нас, внутри круга.
Брат. Друг.

Созвездия. Знаки. Ветры.
Трепет свечи. Перекрёстки снов.
Слияние знания, веры,
Глаз, слов.

ыханье вселенной. Нити
Прошли сквозь нас, тел не задев.
Расплывчат, изменчив, скрытен
Зов. Зев.

Сгорают звёзды, кометы.
Вплотную подкрался предсказанный час...
Утро сотрёт приметы
Всех нас.

ВО СЛАВУ ВСЕГО...

Я прошёл много вёрст и почувствовал: что-то не так.
Я достал свой компас и не различил стрелы.
Огляделся вокруг в надежде увидеть мрак.
Но стоял ясный день, без какой либо мутной мглы.
Я вдохнул поглубже, в надежде учуять гарь,
Но воздух здесь оказался на редкость свежим.
Всё стало внезапно понятным, простым как букварь.
Оставалось быть лишь внимательным и прилежным.

И вот я внимаю, в надежде услышать шум,
Но в меня проникает тихий небесный хор.
Я заглядываю в сердце, пытаюсь напрячь свой ум,
Но внутри всё спокойно. Блаженство сочится из пор
Моей кожи. И я наконец обретаю мир,
Словно варвар косматый, впервые попавший в храм.
Я сажусь на обочине, извлекаю вино и сыр
Во славу всего, что здесь, и возможно, того, что там.

И ВЕСЬ ЭТОТ МИР — ТОЖЕ

Расплескался счастливый день,
яркий, медовый.
Мы сидим у реки, и тень
мимолётного облака тает.
Мы как будто бы здесь, но не здесь; готовы
улететь, и весь этот мир улетает.
Улетает туда, где дождь
царапает крышу.
Ты сидишь у окна, ты ждёшь.
Стук ли в сердце, шаги в коридоре?
Я в какой-то другой стороне. Я слышу
Как ты дышишь, и вдруг расступается море.
Растворяется время вдруг.
растворяются рамы.
Ветер странствий, ветер разлук
пробегаёт по нашей коже.
В этот день мы проснулись вдвоём, с утра мы
Счастливы, и весь этот мир — тоже.

НИКОЛАЙ И ЛЮДМИЛА

Снова спелая осень листвой забросает могилу
И дороги сквозь дождь устремятся в злосчастный январь.
На пороге, не снявши пальто, Николай и Людмила,
И авоська с портвейном гремит, как поддавший звонарь.
Только что-то не так. Бутафория. Солнце в зените.
Всё давно решено и немислимо сбиться с пути.
Я скажу вам, Людмила: «Вы зла на мужчин не таите.
Пусть порою грубы, только где же других-то найти».
Царство твёрдой воды затянулось и кажется вечным,
Но однажды ручьи оживут, побегут в летний край.
Со своей стороны, я скажу очевидные вещи:
«В твоём зеркале женщина. Это любовь, Николай».

БОЛЕЗНЬ

Лето песню свою спело, улетело.
Солнца стрелы не задели моё тело.
Я белею в полумраке, я болею.
Я к тебе бы улетел, да не умею.
Харю хмюрю, чёрный чай цежу сквозь зубы.
Волком был бы, так завыл бы на луну бы.
Пусть не вороном, хотя бы воронёнком
Обернулся бы, рванул в твою сторонку.
Только нынче кашель, пот, температура,
Да луна в окошко пялится как дура.
Чайник, кажется, остыл, да ладно, бог с ним.
Мысли вздорные свои в один клубок свил
И сижу, с ума схожу, гляжу в окошко,
Чай в стакане без конца мешаю ложкой.
И бредёт в окне луна своей тропею.
Неведомék луне, что болен я тобою.

Я ВЕРНУСЬ НЕНАРОКОМ...

Я вернусь ненароком в родные места,
Я узнаю всё с первого взгляда —
Там в колодце вода холодна и чиста,
Там с утра благодатна прохлада.

Там все живы и счастливы видеть меня,
Там намыты полы в старом доме,
Там в распахнутом воздухе птицы звенят,
И бежит муравей по ладони.

Там дороги скрываются за поворот,
Упираясь в лесные секреты.
Там черникой испачканы руки и рот,
Плечи — солнечной сказкой согреты.

И приличная дырка на правом носке,
И сандалии в самую пору.
Можно грозные крепости строить в песке,
Или палкой трещать по забору.

Целый справочник шалостей перелистав,
И набегавшись без передышки,
Возвращаюсь устало в родные места,
И горят от крапивы лодыжки.

Поздний вечер. Комар. Голова набекрень.
Я, забыв простынею укрыться,
Засыпая, подумаю: «Славный был день.
Завтра заново всё повторится».

ПРОВОДЫ

Сиреневая гавань тихих слёз.
Минутная отсрочка приговора.
За это время что-то произнёс
Я бодрое, спасаясь от позора,

Но вот сигнал, и, густо покраснев,
Я улыбаюсь криво и притворно,
И тамбура холодный, жадный зев
Тебя глотает заживо. Проворно

Чудовище везёт тебя домой
С шипением и лязганьем железным.
Я — возвращаюсь в пелене ночной
К своим воспоминаньям бесполезным.

Из темноты ступает мягко сон,
Шумя дождём, шурша листвой опавшей —
Я на коне, с копьём, и мной сражён
Былинный древний змей, тебя укравший...

Железная тускнеет чешуя,
Сон разбивается на мелкие осколки...
Всё тот же дождь вокруг, и вижу я,
Как ты, качаясь, спишь на верхней полке.

ЖЕНСКОЕ

Едва разминулись в тесной прихожей,
Мать — с работы, дочь — на гулянку.
Что-то случится, несколько позже.
Пока невозможно увидеть изнанку.
Какие-то встречи, какие-то руки,
Смех, скандалы, полёты, залёты,
Вечные гости, подруги от скуки.
Рядом всегда не хватает кого-то.

Мысли бессонные без остановки.
Вход без стука, без права, без спроса.
Общая доля, смешные уловки.
Холод. Соседи, глядящие косо.

Дней вероятность — капризная девка.
Куколки-доченьки, стирки-пелёнки.
Жизнь — рутинная пятидневка.
Взгляд Богородицы с пыльной иконки.

Вечные поиски верного друга,
Вечно размовки в тесной прихожей,
И невозможно выйти из круга,
И так всё похоже, так всё похоже...

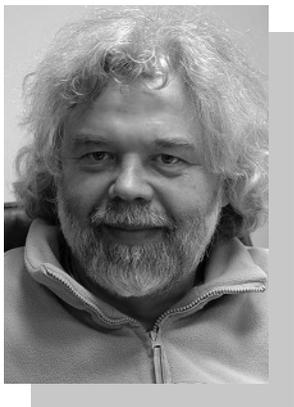
ТИХИЙ СУМРАК

Тихий сумрак Российской глуши.
Воздух свежий.
Край медвежий.
Здесь никто никуда не спешит,
И любой звук, рождённый в тиши, —
Ухо режет.

Вырастает еловая рать
Сонной стражей.
Странно даже
В кошки-мышки пытаться играть,
Иль, смирясь, на себя примерять
Крой пейзажей.

Это место впечаталось в речь
Местом ссылки.
Лесопилки
Затыкают бюджетную течь.
Суть вещей невозможно извлечь
Без бутылки.

Обнажается сном наяву
Дно стакана.
Как из крана
Льются мысли. Держусь на плаву.
Впрочем, я здесь неплохо живу,
Как ни странно.

ТЮЛЕНЕВ ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ родился в 1953 году на Урале в сплавленном поселке Ново-Ильинский на берегу Камы. Учился в Литературном институте им. А.М. Горького (творческий семинар поэта Юрия Кузнецова).

Автор более 300 публикаций во всесоюзных альманахах, сборниках, литературно-художественных журналах, многих поэтических книг. Лауреат Всесоюзного литературного конкурса им. Н. Островского за книгу стихов «В родительском доме» (1988), лауреат премии журнала «Наш современник» за лучшую подборку стихотворений (2012). В 2012 году поэту присуждена премия «Имперская культура» за книгу стихов «И только Слово выше Света». Живёт в Перми.

Игорь ТЮЛЕНЕВ

БАБУШКА АНЮТА

В невесёлую минуту
Вспомнил бабушку Анюту.
К ней от мачехи сбегал
Кости греть на русской печке,
Искупавшись в зимней речке,
Как французский генерал.

Ночь, в ночи две сигаретки,
Две блестящие монетки,
Два зелёных уголька...
Сердце выпало из глотки,
Тут заметил выше тропки
Три стеклянных огонька.

Да, тогда водились волки
В хвойно-каменной сторонке,
Помнишь, Батюшка Урал?
Взвоят — стынет кровь по жилам,
Если был бы я служивым,
Я б с собой мортиру брал.

Отодвинув прочь заслонку,
За родимую сторонку,
Погружала в печь ухват
Бабушка в крестьянском платье,
Плыл обратно на ухвате
Чугунок, одетый в пар.

Хоть крупинка за крупинкой
В супе бегала с дубинкой,
Ешь от пуза, как мужик...
Алюминиевая ложка
Над столом висит, как брошка,
Отражая этот миг.

На сундук швырнув рогожку,
Скинув с зябких плеч одежку,
Забираюсь под тулуп.
В сне глубоком вижу царство,
Где нет злобы и коварства.
Где друг дружке каждый люб.

Где по небу ходят кони,
Нет волков и нет погони.
А в светёлке дева-мать

Шепчет листопада тише:
Подойди, сынок, поближе,
Лобик твой поцеловать...

Тут я, дурачок, проснулся,
Или луч ресниц коснулся,
А по ним слеза бежит.
Жизнь моя стоит в тумане,
Как похлёбка бабы Ани.
Нужно как-то дальше жить.

ВЕРА

Я был в деревне летом пастухом,
Ременный кнут стрелял, как парабеллум,
Козлёнок прыгал вслед за мотыльком,
Луг наполняя бляньем и белым

Горячим пухом... Снег и монастырь.
И козий сыр, из погреба настойка...
Овчинами завешана Сибирь,
В овчине тонет голосок ребёнка.

Но помнит мир, как много лет назад,
Толпились пастухи перед пещерой.
Звезда сияла и младенца взгляд
Жизнь наполнял Надеждою и Верой.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Вижу облик твой желанный,
Розы райские в саду,
От шипов набухли раны.
Баю-баюшки-баю...

Вышел месяц из тумана,
Или я уже в раю?..
Слышу, напевает мама:
Баю-баюшки-баю...

Раскачалась, словно зыбка,
Жизнь моя в родном краю...
Плачет золотая рыбка.
Баю-баюшки-баю...

* * *

Хозяин луга одуванчик,
Буранистый на пальчик,
Испачканный в белилах шмель.
Над муравьиными умами,
Как телебашня над домами,
Глядишь в невидимую цель.

Когда со стороны востока
Украсит жизнь Господне око,
Наташа выбежит на луг,
Былинку, словно луч, прикусит
И в окружении капустниц,
Как фея в окруженье слуг.

Приляжет и раскинет руки,
Замрут на паутине звуки,
Как ласточки на проводах,
И раскрывая парашюты,
Зависнут над землёй минуты,
Теряясь в полевых цветах.

И уходить сейчас не страшно,
Пока дремотная Наташа
Пускает пузыри в зенит,
Пока не помнишь о разлуке,
Пока в лицо, глаза и руки
Пух одуванчиков летит.

В РОДИТЕЛЬСКОМ ДОМЕ

В родительском доме
Не жить мне и дня,
В родительском доме —
Чужая родня,
Чужие портреты
Висят на стене
Чужие заветы
Бормочут во сне.
Чужие с чужими
Твердят о чужом,
И страшно мне с ними
Быть в доме своём.

РУСАК

Присяду на порог,
Да подопру косяк,
А заяц скок да скок,
На то он и русак.

С недельного питья
Тускнеет неба цвет,
Сказать бы: «Вот он я!» —
Да где найдёшь ответ.

Одна изба на лес,
На речку и на луг,
На птиц и на собес,
На всех зверей вокруг.

И ни души кругом,
И ни огня в ночи.
Но Божий Суд в ином...
Скачи, русак, скачи.

ФОТОГРАФИЯ

Лесной посёлок. В окнах Кама.
И у завалинки втроём —
Отец с сестрёнкой, рядом мама,
А я сбежал за окоём.

Вернуться в круг былой стараюсь,
Скользя по жизненному льду...
И всё же, сколько ни пытаюсь,
В тот объектив не попаду.

* * *

Случайной думой озарённый,
Погас осенний небосвод,
И белолобый дух с высот
Пробил сосновые короны.

Заговорил огонь в печи,
Перевернулся лист бумажный,
И русский вздох многоэтажный
Растаял в пламени свечи.

Ушло в чернильницу перо,
Как в толщу вод морских — торпеда,
И всё случайное смело
Потоком неземного света.

* * *

Дочери

Ты свеча моей печали,
Ты пожар моих тревог,
Я в конце, а ты в начале,
Путь твой долог и далек.

Высохнут большие реки,
Тышу раз умрёт трава,
Но пребудут в человеке
Эти тихие слова —

Ты свеча моей печали,
Ты пожар моих тревог,
Я в конце, а ты в начале,
Путь твой долог и далек.

САД

В багрец и золото...
Вот осени начало.
Холодным духом веет от строки.
Дабы костям продутым полегчало —
На печки спешно лезут старики.

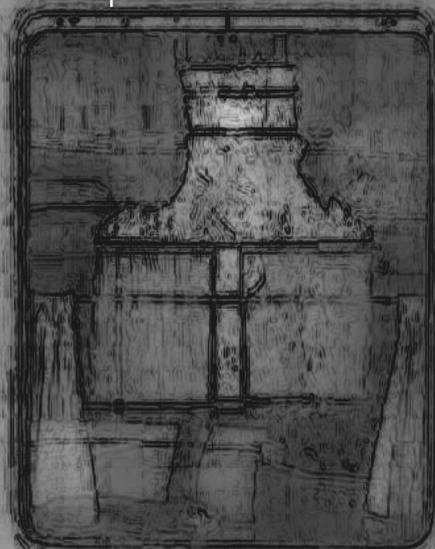
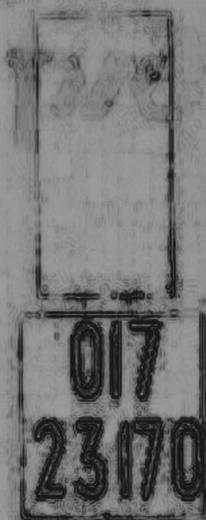
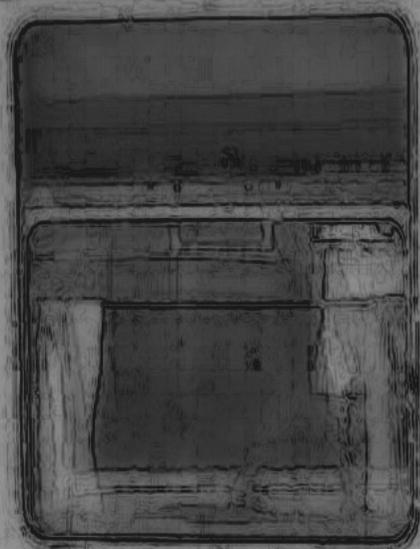
Из птиц — одни сороки-белобоки,
Не улетели за теплом на юг.
Проходят все отпущенные сроки,
Проходит всё...
Да и любовь, мой друг.

Горячим чаем разогреем плоть,
Возьмём лопату, черенки от вишни.
Сад разобьём,
И может быть, Господь
Нас ненароком в том саду отыщет.

ПОЭЗИЯ

Сергей САЛДАЕВ

6

Вагон-ресторан

САЛДАЕВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ родился в 1963 году в Оренбурге. Историческое образование получил в Оренбургском педагогическом институте, культурологическое — в Санкт-Петербургском институте культуры.

Главный редактор газеты «Вестник труда» Беляевского района Оренбургской области. Стихотворные пародии на оренбургских, московских, казанских, тольяттинских, пермских поэтов публиковались в литературных альманахах «Гостиный двор» «Башня», «Чаша круговая», газете «Большая медведица». Выпустил книги пародий «Здорово, братцы тараканы!» (2006), «Разговорчики» (2008), «Укуси меня за рифму» (2012), книжку для детей «Дом, где музы пребывают» (2012). Заместитель председателя оренбургского отделения Союза российских писателей.

Сергей САЛДАЕВ

* * *

Поджимают свои животы корабли без причалов и порта,
Раздувают мешком паруса под аллегро шумящей волны,
Только склянки давно не звенят молодецки
(для пущего понта),
Ариозо печальной судьбы отдавая конь.

Виталий Молчанов

Так призывно зовут огоньки близлежащего порта,
Но не ждут у причала меня виртуозы-кенты,
днище им продолбили, несчастным
(какого-то черта),
и судьба их давно загнала под винты.

Вы посмели дредноут дразнить для дешёвого понта,
Партитуру мою завсегда подтвердят пацаны,
И не надо по рынде упорно долбить
(создавая подобье афронта),
И давайте анданте, братва, — не гоните волны.

* * *

Я возврату той памяти страшной не рад —
Как из сумерек прошлого вышли живые.
Два колхозных быка — Архимед и Сократ,
Что по жизни ярмо пронесли, как святые...

Геннадий Хомутов

...А за ними из хлева — Гераклит и Платон,
Аристотель, козёл-страстотерпец,
И корова Афина, и мерин Зенон,
На котором катался я в детстве.

Порази меня Зевс! Соберём урожай
На просторах родимой Элады!..
Ты притыку не суй и ярмо не замай,
Хомута тоже трогать не надо...

* * *

Хожу мимо сосен, хожу мимо ясель.
Хожу в переносном, хожу восвояси,
Хожу, как Чапаев, — по дну мертвый рыцарь,
Хожу, как ты в «северной» ходишь столице.

Анастасия Лынный

Сейчас расскажу я, куда всё хожу я.
Хожу попрошайкой, хожу за окрошкой,
Хожу с промокашкой, хожу понарошку,
Хожу, как Чапаев, хожу как Котовский,
Хожу в Чебоксарах, хожу в Медногорске...
Хожу я упрямо, хожу к тебе боком,
Вприпрыжку хожу, а люблю я с прискоком.

* * *

Переплавь мой стих унылый
в свой рассвет, и будет утро.
Тупиковые дороги —
в свой закат, и будет вечер.
После — ночь. А это значит —
завтра снова будет утро...

Евгения Курмеева

Укуси меня за рифму
на рассвете или ночью,
и отпустят все тревоги,
прочь метафоры и тропы.
Я созрела — это значит,
завтра снова будет утро,
день-другой, пройдет неделя,
а потом и месяц сгинет,
гигнет год — и не заметишь,
пролетит десятилетье
камнем, брошенным в колодезь,
тихой сапой век растает...
Я узнала: как-то очень
мы живём совсем недолго,
ну а дальше — как обычно:
У попа была собака,
день, неделя, полугодье,
год, за ним десятилетье...

* * *

Как в тот далёкий день и год,
Охота сердцу нового:
Ко мне поэзия придёт —
От корня лопухового...

Галина Грибанова

Наступит день, наступит год,
Нет ничего особого —
Во мне стихота прорастут
Из корня из хренового.

Вот так жила б не день, не год,
Томила в безызвестности —
Спасибо, друг мой, — огород,
Большой салат словесности!

* * *

Зимний вечер. За окнами вьюга.
Хлопьев белых летит белый рой.
Я беседу веду с давним другом
О России судьбе непростой.
Вспоминаем мы древние битвы,
И я вижу в белёсых снегах,
Как варяги не раз были биты,
Как монголы бежали от нас.

Юлия Черткова

Я живу веселясь, не скучая,
Поделюсь, если хочешь, с тобой
По-простому, за чашкою чая
О России судьбе непростой.
Вспоминаем мы древние битвы,
Как Батый, прискакавший с ордой,
Растерял по дороге пожитки,
Весь напуганный, рыжий и злой.
Зимний вечер. За окнами вьюга.
И я вижу: в кровавых снегах
Три варяга, три брата, три друга —
Все в соплях, синяках и слезах!

* * *

В небе сумрачном опасно,
И звезда летит на ощупь.
Бор полночный тих и страшен,
Зги не видно, я одна!
Помню, как во тьме такой же,
У погибшей в топи рощи
К нам обратной стороною
Повернулась вдруг луна.

Наталья Кожевникова

Жизнь — такая штука, Мэри!
В небе сумрачном опасно,
Там звезда ползет на ощупь.
Что звезда — на солнце пятна!
Но бывает и такое...
Как-то ночью у сарая
Шла, на месяц засмотревшись,
Вдруг во тьме со страшной силой
Грабли с грядки поднялись!

* * *

Пока в кармане водка,
судьба со мной кокотка,
а если снова виски,
то Моника Левински.

Алексей Остудин

Пока на стойке эль,
ты — как Эмманюэль,
а если снова пиво —
пряма дура с Кологрива!..

Пока не тяпнул граппы,
я очень милый папа,

а если выпил «старки» —
ночью в кочегарке.

Возьмем, к примеру, чачу:
как выпью — горько плачу,
А если вдруг токай —
целуй и обнимай!

* * *

Кто разорвал наше знамя на тряпки?
Кто расстрелял белокрылую стаю?
Кто из-под ёлки похитил подарки?
Только вороны над нами летают.

Влада Абаимова

Кто надругался над пафосом гимна?
Кто написал на заборе три буквы?
Что там за куча под ёлкой?
Не видно...
Только отмыты две банки под клюкву.

Кто раздолбал герб державы
на части?
Кто подпустил меня к литературе?
Кто раздаёт пулемёты к несчастью?
Снова не спится на жёрдочке курице...

* * *

Мне стыдно вспомнить почему-то,
Хоть красным выделяй строку,
Как во дворе Литинститута
Давал начало ручейку.

Дмитрий Мурзин

Я горд и весел почему-то —
Жива среди друзей молва,
Что на стене Литинститута
Писал я всякие слова,

Что, пообедав с аппетитом,
Ну, скажем, с девою красивой,
Писал лимерики петитом,
А эпитафии — курсивом.

Писать — не писать, знает каждый,
Хоть желтым выделяй строку...
А как закончишь — очень важно
Надежно застегнуть строфу!

* * *

Листвы взволнованная речь
Ошеломляет, нарастая:
На этот ветер можно лечь
И долго мчаться, не взлетая.

Нина Ягодинцева

Воды возвышенная смесь
Перепополняет, заливая:
На этот дождик можно сесть
И мыться с мылом, не вставая.

Дубравы сумрачная сень
Зазеленеет, подрастая:
На солнца луч седло надень —
Пора объездить шалопая.

* * *

Если женщина любит фавна,
Значит, фавну легко и славно,
Значит, взгляды не слишком строги,
И окошки в душе открыты!
Ничего, что мохнаты ноги
И под ними остры копыта.
Вот и бродят, развесив губы,
Эти фавны...

Они от века
Если женщины их полюбят —
Превращаются в человек.

Ян Бруштейн

Если женщина любит Пана,
То считай, что она пропала,
Значит, в дом к ней пришли тревоги,
Голова чёрт-те чем забита!
Вы видали у Пана ноги?
Вы видали его копыта?!
С виду вроде они как люди —
Эти Паны...
Любовь же зла:
Если женщина его любит,
Превращается он в козла.

* * *

«Здравствуй, девушка в косынке!
Нам осталось полминуты,
И уйдёт зелёный поезд,
И уеду я на нём.
Хочешь, я с тобой останусь?
Что ответишь мне на это?»
«Я отвечу вам на это:
Вас жена в купе зовёт».

Юрий Панюшкин

«Здравствуй, девушка с кокардой!
Ты, наверно, проводница?
Я тебе признаюсь сразу:
У меня жена в вагоне,
надоела хуже смерти,
ехать тоже надоело.
Можно я с тобой останусь?
Что ответишь мне на это?»
«Я скажу вам по секрету,
только больше вы не пейте:
Я мужчина-проводник».

ПОЭЗИЯ

Анастасия АХМАДЕЕВА
Анастасия БЕЛОУСОВА
Любовь ВОЙНАКОВА
Екатерина ГАРАНИНА
Маргарита ЕРЁМЕНКО
Юлия ЛИННИКОВА
Валерия ЛИТВИНЕНКО
Елена ПЛИШИНА
Анастасия ПОРОШИНА
Ева РАЙМ
Алиса ТУЛЬЧИНСКАЯ
Евгений ЧЕРНИКОВ
Екатерина ЮРКОВА

7

Специальный

VIII Межрегиональное совещание молодых писателей (Челябинск 7–8 апреля 2017 года)

Совещание молодых писателей в Челябинске проводится ежегодно силами Молодёжной литературной мастерской «Взлётная полоса» (руководитель Н. А. Ягодинцева) при постоянной активной поддержке Челябинского государственного института культуры (ректор В. Я. Рушанин). Совещание уникально тем, что его для пишущей молодёжи организуют молодые писатели Южного Урала, они сами проводят отборочный конкурс «Стилисты добра» и принимают активное участие и в руководстве творческими семинарами.

В совещании приняли участие более 80 начинающих авторов из Челябинска, Копейска, Миасса, Златоуста, Снежинска, Чебаркуля, Магнитогорска, Каслей, Москвы, Санкт-Петербурга, Омска, Кургана, Каменска-Уральского, Оренбурга, Новосибирска, Кемерово, Орска и Донецкой народной республики.

Руководили двумя семинарами прозы и двумя семинарами поэзии сопредседатель Союза писателей России, координатор Ассоциации писателей Урала А. Б. Кердан, заслуженный работник культуры РФ, лауреат международных и всероссийских премий, почётный гражданин города Коркино (Екатеринбург); член Правления СПР, член Приёмной комиссии СПР В. Ю. Ерофеева-Тверская, лауреат всероссийских литературных премий им. Д. Н. Мамина-Сибиряка, имени П. П. Ершова, литературной премии УрФО (Омск); первый секретарь Правления Союза российских писателей С. В. Василенко, прозаик, киносценарист (Москва); редактор отдела прозы журнала «Наш современник» Е. В. Шишкин, прозаик, сценарист, драматург (Москва), секретарь Правления Челябинской писательской организации О. Н. Павлов, лауреат Южно-Уральской литературной премии и премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка (Челябинск); секретарь Союза писателей России П. Н. Краснов, лауреат премии Ясная Поляна, премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка и др. (Оренбург); член Союза писателей России В. Н. Курбатов (Челябинск); поэт, кандидат культурологии, секретарь Союза писателей России, руководитель молодёжной литературной мастерской ЧГАКИ «Взлётная полоса» и литературных курсов ЧГИК, руководитель совещания (Челябинск) Н. А. Ягодинцева; молодые челябинские авторы — воспитанники «Взлётной полосы» Оксана Ралкова, Екатерина Юркова, Валерия Литвиненко, Юлия Линникова, Павел Карякин, Елена Тарасенко, Виктория Иванова, Сергей Янин. В работе Совещания принял активное участие руководитель Совета молодых литераторов Союза писателей России Андрей Тимофеев (Москва).

Нина Ягодинцева

АХМАДЕЕВА АНАСТАСИЯ ОЛЕГОВНА родилась в 1995 году в Челябинске. Окончила Челябинский государственный университет (2017). Выпускница Литературных курсов Челябинского государственного института культуры (2017). Член межвузовской литературной мастерской «Взлётная полоса».

Стихи опубликованы в молодежном литературном сборнике «Электрический снег» (2011), сборнике произведений участников VIII Межрегионального совещания молодых писателей «Направление мысли» (2017), на сайте Ассоциации писателей Урала, на сайте «Русский писатель» и других Интернет-ресурсах. Автор книги стихов «Проводник» (2014).

Лауреат V открытой Южно-Уральской литературной премии в номинации «Поэзия: талантливая молодежь» (Челябинск, 2016), лауреат литературного конкурса «Стилисты добра» (Челябинск, 2012), лауреат

Десятого открытого интернет-фестиваля молодых читателей России «Сочи-МОСТ 2011» в номинации «Поэзия», награждена дипломом за 1-е место в поэтическом конкурсе, посвящённом 95-летию со дня рождения Л. К. Татьянической (Челябинск, 2010). Живёт в Челябинске.

Анастасия АХМАДЕЕВА

* * *

Чем тебя я встречу, безумие моё?
Поднебесной речи звёздный окоём.
Вдох — почти случайно, выдох — налегке,
Таинство молчанья — в каждом языке.
Тени стыннут. Воздух — хоть в горсти сжимай,
Золотые звёзды сыплют через край.

* * *

Вчерашний день горчит на языке.
А в дом, опровергая звук и слово,
Стремится свет, и ластится к руке,
Застигнутой врасплох страницей новой.
Сглотнёшь — и страшно, но не за себя.
Строка к строке — вперёд неумолимо...
А рукописи — верно! — не горят,
Лишь пахнут дымом.

* * *

Столь беспробудно-далеко,
Что таешь в приглушённом стане.
Сырым глубоко-нежным мхом
В плену ладони.
Так сон — безвыходно-незряч,
Так вяжут сено: дымно, пресно...
И тяжело дышать, и плач
За перелеском.

* * *

И это тоже — горе не беда.
Сон в руку.
Выдыхаешь.
Ждёшь, когда
Осыплется, уляжется, уймётся...
Вначале смелость рушит города.
Но после — неминуемо сдаётся.
А мнилось — только руку протяни,
И кончишься. И растеряешь мир.
Признав того, кто вывел вон из кожи,
В ком длиться заново и прорастать детьми...

Но спит,
не потревожен.

* * *

Осень нынче давала жару —
В каждом поле цвела пожаром.
Колос цвета твоих волос —
Под откос.
Под откос и ковыль сухой —
Ломкий голос, протяжный вой...
Всё, что прятала под крылом, —
На излом.
На излом под земную твердь,
Это больше чем жизнь и смерть —
Алым пламенем степь горит
До зари.

* * *

Полночные заросли.
Не разжимая губ, не открывая глаз,
Ощущать всем телом
Травы внутри —
Зеленеющим беспределом
Высохших нас.
Правит сентябрь: он обесцветил всех.
Надо учиться дышать по-осеннему трезво.
Травы внутри сотнями острых лезвий
Тянутся вверх.

БЕЛОУСОВА АНАСТАСИЯ ВЛАДИМИРОВНА родилась в 1982 году в селе Усть-Кокса Алтайского края. Окончила общеобразовательную школу № 2 поселка Черлак Омской области. Параллельно училась в Черлакской художественной школе. В 2006 году окончила Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского.

Публиковалась в региональных журналах «Пилигрим» (2004), «Литературный Омск» (2003, 2012), коллективном сборнике «Бабье лето-3» (2004). Автор книги стихов «Берег» (2014). Лауреат молодежной литературной премии им. Ф. М. Достоевского в номинации «Поэзия».

Член Союза писателей России. Живёт в Омске.

Анастасия БЕЛОУСОВА

* * *

На краю мира — Облако,
В облаке живёт душа,

Дали ей сколько-то
Времени подышать.

И она сорокой
На балкон села,

Я её спрашиваю:
«Да ты, милая, зачем прилетела?»

А она хвостом махнула
И упорхнула.

* * *

По какой-то девчачьей привычке
Всё храню.
Только вот у меня
Не осталось и сломанной спички
От тебя.

Но опасным огнём мгновенным,
В сердце выгорело,
Что было.

Ни хорошего, ни обвинений —
Потушила.

ВОЙНАКОВА ЛЮБОВЬ ВАЛЕРЬЕВНА родилась в г. Каменске-Уральском (Свердловская обл.). Учится в Уральском Федеральном университете по специальности архивоведение, документоведение.

Публиковалась в журналах «Молодежная волна», «Русское эхо», в сборниках «Замысел счастья» (Екатеринбург), «Направление мысли» (Челябинск), «Глагол» (Санкт-Петербург), в альманахе «Воскресенье» (Екатеринбург), в газете «Истоки» (Уфа), других газетах и сборниках. Автор книги стихотворений «Почти граница» (2017).

Лауреат открытого городского Рождественского поэтического конкурса (Каменск-Уральский, 2015), третьего областного литературного конкурса «Горю поэзии огнём» (Екатеринбург, 2015), литературного конкурса «Стилисты добра» (Челябинск, 2016, 2017), литературного конкурса «Давай поговорим» (Челябинск, 2016), открытого фестиваля литературного молодежного творчества «Глагол» (Санкт-Петербург, 2016), «Южно-Уральской литературной премии» (2017). Живёт и работает в Каменске-Уральском.

Любовь ВОЙНАКОВА

БЫТЬ ДЕРЕВОМ

быть деревом
под которым
ты спишь вечным сном
корнями тебя обнимать
укутывать в землю
зимую снегом
а летом в траву
чтоб ты становился
частицей меня
от часа до дня
от дня и до года
от года до века
когда-нибудь руки
твои так сплетутся
с моими корнями
когда-нибудь сердце твоё
поселится жить на ветвях
как птичка озябшая
с грудкою красной
тогда перестану тебя
различать и буду любить
не за что-то а вместе
со всем что всегда
окружало меня

ГАРАНИНА ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА родилась в Златоусте. Окончила Златоустовский техникум технологий и экономики (2017), поступила в Челябинский государственный институт культуры (2017).

Ранее не публиковалась.

Живёт в Челябинске.

Екатерина ГАРАНИНА

* * *

Ты можешь посмотреть со мной на звёзды? —
Не клясться, ничего не обещать,
Дыханием пронизывая воздух,
Молчать...

Тепло руки моей надёжно спрячу
Тебе под куртку. На твоём плече,
Не понимая, отчего — заплачу.
Зачем?..

В дымящейся горячей чашке чая —
Ты медленно отпей и посмотри —
Луна мерцает, сердце освещая
Внутри...

ЕРЁМЕНКО МАРГАРИТА ЛЕОНИДОВНА — поэт, кандидат филологических наук, член Союза писателей России. Публиковалась в журналах «Урал», «Берега», «День и ночь», «Антологии современной уральской поэзии: 2004–2011: 3 том» и др.

Лауреат Всероссийской литературной премии им. К. Нефедьева. Участник Всеуральского и Всероссийского совещаний молодых литераторов. Организатор ежегодных Региональных Каслинских поэтических чтений (с 2001 г.). Руководитель литературного объединения г. Касли Челябинской области (с 2009 г.). Инициатор Открытой Региональной литературной премии им. Р. П. Боровковой «РАЙские яблоки» (с 2016 г.).

Живёт в г. Касли и Озёрск.

Маргарита ЕРЁМЕНКО

* * *

Такое в ноябре обычно снится —
в глухом бреду, на грани полусна, —
метелью на стекле взлетают птицы,

и чудится не осень, а весна.
И чудится, что голос не надорван,
что капает не время, а вода;

твой шёпот слышен в лабиринтах комнат,
и комната тепла, как никогда,
и Анджелина Джоли, как мадонна

на постере, и смотрит в провода,
где птицы свой полёт осуществляют
в полнеба. И садятся иногда.

А я боюсь, когда они взлетают.

* * *

Нет, вовсе не беда, а косточки от вишен,
не тайна трёх морей, а добрая рука,
длинноты февраля, промоченные крыши.
Короткая строка
хлопочет целый день и бьётся в телогрейке —
нелепая как смерть, любимая как дочь,
свободная уснуть на тлеющей скамейке,
как проклятая строчка. Голос твой и гол...
Найтишайший голос.
Не говори — молчи, не сотвори, но верь.
Я верую, что мы — медовые, но пчёлы,
закрытая, но дверь.

* * *

А на поверку вышло — только ты
К нему идёшь в непроходимых снах,
Соединяешь стрелки пустоты
В настенных механических часах
И говоришь: не бойся, заживёт.

Хотя, казалось бы, чему болеть?
Но медлит ржавеющий завод,
Вращаясь на ржавеющей игле.
И тянешь руки в зябкое тепло,
И хочешь профиль взглядом пересечь,
Хватаешь воздух пересохшим ртом
И ощущаешь речь.

* * *

Любовь моя — тоже мне девочка —
Что из угла глядишь, выскочка?
На этот лист в клеточку,
На клетчатый плед в дырочку?
Ходишь по льду босая — и
Дрожь оживает под кожей,
Смотришь, рукой касаешься,
На дочку мою похожая, —
Чудо моё влюблённое,
Толку просить, чтоб думала —
Губёшками обожжёнными
На молоко дула бы...

* * *

К вечеру затоскуешь,
носом почти клюёшь...
Это ж во сне такую
выплачешь, засмеёшь.
Вся колокольцем в омут —
не отводи глаза:
бледная как икона,
страшная как гроза.
Вон в телогрейке колет —
выстиралось бельё.
Господи, слева колет,
справа — опять поёт.
Господи, ночью счастье,
а по утрам — грехи.
То есть по нашей части —
ангелы да стихи.

ЛИННИКОВА ЮЛИЯ ВАЛЕРЬЕВНА родилась в 1986 году. Выпускница Уральского государственного университета физической культуры (2011). Магистрант Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Член литературного объединения «Студенческий Парнас» (с 2004 г.) и межвузовской литературной мастерской Челябинского государственного института культуры «Взлётная полоса» (с 2010 г.).

Участница Пушкинского молодежного фестиваля «С веком наравне» (с 2004 г.), призёр конкурса «Весна студенческая» (2006, 2007 — 2-е и 3-е места). Призёр областного поэтического конкурса, посвященного 95-летию со дня рождения Л. К. Татьяничей (2010, 3-е место). Участница финала VII Межвузовского литературного форума им. Н. С. Гумилева «Осиянное слово» (Москва) и 10-го открытого фестиваля «Сочи-

МОСТ 2011». Шорт-листёр Южно-Уральской литературной премии 2012 и 2013 гг.

Член жюри открытого городского детского литературного конкурса «Алые паруса» (2015). Член молодёжного жюри, руководитель семинаров поэзии и прозы регионального Сопещения молодых писателей «Стилисты добра».

Юлия ЛИННИКОВА

* * *

Весна течёт по венам.
Её берёзовый сок,
Выдавливает почку,
а из неё — листок.
Любой жизни неизбежно
предшествует боль.
Я вспоминаю,
как дороги зимой
Загипсованы были слоями снега,
Намертво
забинтовано было небо.
И под этой повязкой
живое как будто замерло,
Но всегда наступает время
рождаться заново.
Теперь, когда тает — страшно,
не слишком ли рано?
Точно стянулись ли?
Точно зажили
раны?

МОРЕ

Ракушками перламутрово
Вымощено нутро,
И в берегах наутро —
Чаша его даров.

Милостью его, гневом ли
Дышим — хотим ещё.
Парусниками белыми
Стянут на небе шов

Саднящего горизонта,
Гудящего, как струна,
Кажется слишком ломким
Контур прибрежных стран.

На суше не будет лучше,
Не скрыться на берегу.
Оно вбивает всё глубже
В сердце моё гарпун,

Тянется ко мне через
Края ненадёжных скал.
Всё перемелет, всех нас
В мелкую взвесь песка.

* * *

По каменным впадинам,
окрашенным охрой пальцем
Вывожу на стенах пещёры фигуру
зверя,
Вдавливаю руку, ставя свою
печать.

И время
теперь не имеет значения.

Пусть оно размывает краски,
Оставляя всего лишь контуры,

Но шито пространство стрелы,
И медведь падает замертво,
Прирученный рдеет огонь,
И через века протянута
Вам — моя ладонь.

* * *

Мир — отворён. Безмолвье — на весах.
Холодные ветра грачей вспугнули с места,
И тянутся им вслед прозрачные леса,
И на берёзовых ходулях небеса
Качаются, теряя равновесье.

* * *

Боль — только слово.
Я вижу огромную реку.
Поток её мощен, глубок и неумолим.
Люди приходят к ней, как приходят в Мекку
Или Иерусалим.

Каждый несёт ей своё подношение,
Черпает меру свою — и вода горчит.
Кто-то стоит в реке по самую шею,
А кто-то и ноги боится в ней намочить.

Эта река течёт бесконечно долго,
И если война — не сдержат её берегам.
Кому-то она напоминает Волгу.
Кому-то она напоминает Ганг.

Звери приходят к ней, прилетают птицы
И застывают недвижно в своей мольбе.
И я прихожу сюда тоже — чтоб причаститься
Этой водой
К общей земной судьбе.

ЛИТВИНЕНКО ВАЛЕРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА
родилась в 1995 году в Магнитогорске (Челябинская
область), окончила Южноуральский государственный
университет. Публиковалась в литературно-художест-
венном альманахе «Чаша круговая» (2014), литератур-
ной газете «День литературы» (2015), литературно-пу-
блицистическом журнале «Молодежная волна» (2015).

Автор книг стихотворений «Прольётся дождь су-
хим вином» (2013), «Лёгкие» (2017).

Живёт в Челябинске.

Валерия ЛИТВИНЕНКО

* * *

Не привыкай к огню, к теплу,
К борщу с душистым белым хлебом.
Иди вперёд под сонным небом —
Босой, по битому стеклу.
Не плачь, что жизнь уже не та,
Что все слова давно не новы.
Не жди совета от шута,
От труса — помощи и крова
Не жди. Не бойся, не проси
И не надейся понапрасну.
В себе грядущее неси —
Запал души безумно-страстный.

* * *

...И три вороных непослушных коня
Утонут в пурпурной рассветной прохладе!
На сколотом блюде от ночи и дня
Останется горсть золотых виноградин.

Соткётся из тучи спасательный круг
В сияющих зорях неверного солнца...
Добраться б до ласковых песен и рук,
До мира, до сердца — до самого донца!..

* * *

Я оставлю ключ от дома
На пороге сентября.
Шелестит в прохладе комнат
Одинокая заря.

Без непрошеной печали
Отдаюсь во власть зиме!
Слишком много вы молчали,
Помолчать пора и мне!

Тихо-тихо дрогнут плечи:
Без души, без куражу...
Не ищу ненужной встречи...
Просто мимо прохожу.

Жмётся нежность у порога,
Слаб её последний луч.
Под порогом – ржавый ключ...
Вьётся петлями дорога.

* * *

Я срослась, сплелась с твоею семиструнной душой,
С этим умным, взросло-детским и наивно-хитрым взглядом.
Из души рекою льётся что-то маленько-большое...
Ну куда же ты уходишь, посиди со мною рядом!

Я срослась с тобою сердцем, разорвать никто не сможет,
Только ты — солёный выдох, в тихом поле вольный ветер...
Соберу в полях букеты снов и песен придорожных —
А возлюбленный мой ветер разметёт и не заметит!

ПЛИШКИНА ЕЛЕНА ВИТАЛЬЕВНА родилась в г. Карталы Челябинской области. В 2017 окончила факультет журналистики Южноуральского государственного университета, поступила в магистратуру по направлению «Филология». Руководитель творческого проекта «Театр Чтецов и Музыкантов». Призёр поэтических конкурсов «Восхождение на Парнас» и «Стилисты добра», на последнем также работала молодым руководителем семинара. Выпускница Литературных курсов ЧГИК (2017). Живёт в Челябинске.

Елена ПЛИШИНА

* * *

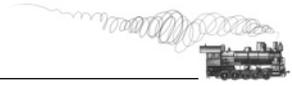
Из каждой линии жизни растёт цветок:
Сорвавший узнает значенье беды бездонной.
По каждому стеблю бежит восходящий ток —
Не рви.
Касайся.
Касайся моих ладоней.

* * *

Строки бросали в реки,
Реки бросали в камни,
Камни бросали в окна,
Стёкла в стихи бросали —
И собирайте сами
Капли разбитых речек,
В стёклах разлитый вечер.
Ранен любой, кто встречен.
Ну а иначе как?
Главное — кто-то вечен.
— Господи, кто-то вечен?
— Кто-то из тысяч вечен...
Жертвы — постыдный факт.
Тот, кто остался вечен,
Встречных обнял за плечи,
Стёкла достал из речек
И сотворил Слова.

* * *

Там весна просыпается россыпью рос,
Ностальгично бредёт к реке.
Распускается вишня и много солнц —
Можно быть собой и никем.
Здесь костры фонарей прожигают труд
Проживать темноту ночей.
И беззвёздные люди в ночи плывут:
Кто-то — чей-то, никто — ничей.
Под ногами — пропасть: земную брешь
Не заметил, кто небо ткал.
Остаётся последняя из надежд —

Нить, ведущая на вокзал.
Там появится бросивший город-сад
Кто-то близкий, пока ничей:
Солнце в сумке и ягодный аромат,
Бледно-розовый на плече.

* * *

Там, где дрожала рябь,
Раны затянет соль.
Лучше не проверять.
Распознаю лицо.
Опознаю себя:
Соль затянула, да.
Там, где лежала рябь,
Смело бежит вода.
Опознавай меня
Там, где увидишь рябь.
Если и проверять —
Только нырять. Ныряй.

ПОРОШИНА АНАСТАСИЯ ИВАНОВНА — поэт, литературный критик, член Союза писателей России. В 2007 году окончила филологический факультет Челябинского государственного педагогического университета. Кандидат филологических наук (2009). Участница всероссийских совещаний молодых писателей, дипломант и лауреат региональных и всероссийских литературных конкурсов. Автор публикаций в сборниках Челябинска, Екатеринбурга, Москвы, книг стихов «Константа весны» (2011) и «Неразменный апрель» (Германия, 2012), сборников литературно-аналитических статей «Умножение смысла» (2011), «Работа слова» (2016). Лауреат литературной премии Уральского федерального округа в номинации «Литературная критика», дипломант Международного славянского форума искусств «Золотой витязь» в номинации «Славянское литературоведение» за книгу «Работа слова» (2017). Живёт в Челябинске.

Анастасия ПОРОШИНА

ИЗ ПЕРВЫХ РУК

* * *

Вечером в мае город становится тесным,
Или меня становится слишком много.
Так, поднимая крышку, подходит тесто,
Так понимаешь: коротки все дороги.

Улицы в нём изысканны и картонны.
Город — коробочка из-под духов с сиренью.
Струны проспектов тронуты камертоном —
В плоское небо бьются гудки сирены.

* * *

Есть голос — он как терпкое вино,
Как тёплый плед и кресло у камина,
Распахнутое за полночь окно,
Танцующая ночь в тиши гостиной.

Высокие старинные часы,
Фарфоровый сервиз ручной работы,
Солёный привкус утренней росы,
Последние объятия дремоты...

* * *

Звёзды морские по небу распластаны,
Ветры усталые дремлют в скворечниках.
Ночь опускается — тихая, ясная,
Невыразимая и бесконечная.

Голову кружит и шёлковым омутом
Тянет и тянет в бездонное звёздное.
Только отпустишь перила — и по ветру
В тёплую ночь с потаёнными грозами.

* * *

Март уходит слишком рано —
Я ещё не наигралась
В эти солнечные драмы,
В эту зябкую усталость,

В эти лёгкие касанья,
Как лучом через окошко.
В то, что выдумали сами —
Несерьёзно, понарошку.

В каждую твою улыбку,
Будто пёрышком по коже.
Тем и дорого, что зыбко —
Ощутимо — невозможно.

* * *

Это лёгкость отчаянья,
Имя которой — ложь.
Это сломанный обруч
Пытается снова замкнуться в круг,
Но не сходится.
Осень по всем каналам, из первых рук,
И чего ни касаешься, всё обратимо
В дождь.

* * *

Отпуская руку,
Останови на мгновение взгляд,
А потом и его опусти
Неловко и виновато.
Спички вымокли,
И мосты совсем не горят,
Всходит солнце,
Едва выдохнув от заката.
А в конце учебника
Вырваны все листы,
На которых
Можно было бы искать ответы.
Мы жестоко влипли.
Из темноты
Проступает лето.

РАЙМ ЕВА ВИКТОРОВНА родилась в 1984 году в Новосибирске. Окончила Сибирский институт международных отношений и регионоведения (2007). Живёт и работает в Новосибирске.

Ева РАЙМ

ЧЕЛОВЕК

Сегодня обычное утро.
Противно-апрельско-пустое,
Ведущее в день-понедельник,
В котором нет сил находиться,
Поскольку исчерпаны смыслы,
Утерян контакт с мирозданием —
И хочется стать дезертиром!
Но Космос задумал иначе.

И я каждый раз вспоминаю,
Что я экземпляр Человека:
С трудом вспоминаю и с болью,
Когда больше нечего думать,
Когда на последней минуте
Решаю, что всё-таки лучше
Остаться, и быть человеком,
И жить эти странные жизни.

* * *

как громко падает бумага
как оглушительно летит
и режет слух
а приземляясь
рождает ещё больший звук
взрывокрушенье
апокалипс
всё на куски
и только так
но как прекрасно
что осталось
что всё осталось на бумаге
мы были только на бумаге
а если бодрствовать неделю
то каждый звук
он как сирена
он как набат по перепонке
больного уха
всё пройдёт
но кто-нибудь врача
скорее

РАЛКОВА ОКСАНА ВЛАДИМИРОВНА родилась в 1986 году в с. Полоцкое Кизильского района Челябинской области. В 2009 году окончила исторический факультет Южно-Уральского государственного университета. Кандидат исторических наук. Член Союза писателей России. Публиковалась в альманахах «Чаша круговая», «Уральская линия», «Литературный курс», «Направление мысли». Автор книги стихотворений «Стихия Степь» (2013). Лауреат Южно-Уральской литературной премии-2012. Живёт в Челябинске.

Оксана РАЛКОВА

* * *

Сторона — солона,
Но и отчая гарь горька,
Где ни камня на камне,
Ни на уголке уголка,
Где полынь да крапива
Хлопочут у очага
И плакучая ива
Ещё бережёт берега!

Отчий храм — невоздвигнутый —
Кровный нетленный прах,
Ох, и тесно же мне
На твоих четырёх ветрах,
То застывших,
То гнущих на раз-два-три
Белопамятных плит
Закалённо-стальные штыри!

* * *

Уходит снег, тяжёл и чужд,
Так ожидаемо-внезапно —
Баз хлипкой каши, долгих луж —
Единым необъятным залпом.

Рывком разбуженная твердь
Трепещет не от страсти пылкой,
Но каждой прошлогодней былкой
Свою отпугивая смерть.

А по ложбинам, где в снежницах
Живую влагу пили птицы,
Взойдут прощальные слова —
Степной подснежник, Сон-трава.

* * *

Липкой метелицей всключен,
Колкой позёмкой лохмат —
Скалится с талых обочин
Загнанный март.

Чёрствую корку проспекта
Взяв в ледяные клыки,
Щурится в сторону света
И норовит под флажки...

ДИСТИХ

1

Дай мне сил удержать в неподвижном строю
Эту строгую стройную тяжесть мою
Невесомой надеждой на скорую боль,
Что от века рифмуется только с тобой!

Всё как в детстве: сдираешь коросты с колен
И наивно надеешься — переболел,
А на деле — сквозь розовый нежный покров
Проступает густая солёная кровь.

Сквозь белила привычной размеренной лжи
Проступает румяная жизнь!

2

Наш колодец исчерпан до вязкого дна,
До лоснящейся рыжей назойливой глины,
Но мне слышно как стонет ночами вода,
Изнутри распирая глухие глубины,

Как базальтовый бархат подземных зеркал
И гудит, и пружинит в несметной натуге...
Он таит до надрыва всё то, что искал
Ты во мне.

И всё то, что извечно мы ищем друг в друге.

* * *

Веди меня сквозь рокот городской,
Сквозь токовища, тырлица людские —
Чувствилища, взведённые тоской
По громовой молниеносной силе!

Веди меня сквозь робкие штрихи
Берёзовой невыразимой речи,
Сквозь пёстрые прозрачные стихи
К спасительной повадке человеческой!

Веди на ветхий приглушённый зов,
На дальний звон, чтоб светоносный воин,
Перелистав Вселенную с азов,
Шагнул ко мне — прекрасен и спокоен...

ТУЛЬЧИНСКАЯ АЛИСА ВАДИМОВНА родилась в 2000 году в Челябинске. Заканчивает МАОУ «СОШ № 10» (2018). Выпускница Литературных курсов (2017). Призёр конкурса «Стилисты добра» в номинации «поэзия» (2017). Участница VIII Межрегионального совещания молодых писателей (Челябинск, 2017). Публиковалась на сайте Ассоциации писателей Урала и на сайте «Российский писатель», в альманахе «Направление мысли». Живёт в Миассе.

Алиса ТУЛЬЧИНСКАЯ

* * *

Отчаяние со стыдом
Успели в меня врасти.
Я не расскажу о том,
В какой я теперь грязи
И чем это мне грозит.

Ты знаешь, мне хватит слов.
А хватит кому-то сил,
Ни буквы не упустив,
Ни слова не возразив,
Мой выслушать каждый слог?

Поэтому — не проси.
Пожалуйста, не проси!

* * *

С тобой и жилось, и мечталось свободней,
Легко выходилось за грани, за рамки.
Теперь я закрылась в своей преисподней,
Где раньше стояли воздушные замки.

Читаешь? Сжигаешь ли вместе с конвертом?
Бегут ли мурашки по мраморной коже?
Мой город тебя не нашёл этим летом,
Как прошлым — и, кажется, будущим тоже.

ЧЕРНИКОВ ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ родился в 1985 году в Каменске-Уральском Свердловской области. Окончил философский факультет Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2009).

Публиковался в журналах «Арион», «Новая реальность», «Нижний Новгород», «Журнал ПОэтов», в коллективных сборниках, а также на евразийском журнальном портале «Мегалит» и в лаборатории «Сетевая словесность».

Автор книг стихотворений «Сквозь шум» (2011), «Беда» (2013), «Песочные часы» (2016).

Лауреат поэтического конкурса им. А. Башлачева (2015), фестиваля-конкурса «Решетовские встречи» (2016).

Живёт в Каменске-Уральском.

Евгений ЧЕРНИКОВ

* * *

Мир состоит из маленьких вещей,
из пропасти занятных мелочей:

крупиц, песчинок, зёрнышек, пылинок,
и росных капель, и тугих былинок.

Из тех кровинок, что мой нос пролил,
когда с соседом парту я делил.

Из юрких, будто ящерики, минут,
которые сквозь пальцы прошмыгнут.

* * *

Вспоминаю до сих пор:
вышел маленький во двор —
и в глазах от солнца змейки,
а старухи на скамейке
деревенскую поют,
мне конфеты подают.

И у самой старой прялка
потемневшая в руках.
Мне старуху эту жалко —
нить выходит в узелках.

Кабы знать, что это значит,
кабы ведать наперёд,
почему окошко плачет
и картошка не цветёт!

...Врут проклятые приметы,
и поэты тоже врут,
что России больше нету,
что старухи перемрут,
детство сладкое растает,
утечёт в мирской бардак...

Вьётся-вьётся нить простая
и не кончится никак.

* * *

Облетает яблоневый цвет.
Вянет одуванчиков букет,
спозаранку собранный мальчишкой.
...А вчера про смерть попало в книжке —
как поверишь, если смерти нет?
Если на дворе звенящий полдень,
а в пакете банка молока,
если дед тебя на плечи поднял,
и хохочешь прямо в облака!
Если бабушка сварила кашу
и в окошко кличет на обед,
а на лето вновь приедет Маша?..
Облетает яблоневый цвет.

* * *

Я видел забор, сколоченный из дверей,
и каждая дверь казалась другой старей:
вот эту при Брежнев пьяный пинал ногой,
а та при Хрущёве вышла недорогой.
А к этой прильнувши — ну до чего тонка! —
при Сталине ждали каждую ночь звонка.
За каждой кипели борщи, и кипела страсть,
смеялись дети, и нечего было красть.
А ныне стоят преградою на пути,
и ни в одну из них уже не войти.

* * *

Вечерял на кухне в одного:
ни жены, ни друга — никого.
Лишь картошка со сковороды
за мои дневные за труды.
Лишь часов полуночный набат,
лампа-уголёк в пятнадцать ватт
да звезда, дрожащая в окне...
Неужели помнят обо мне?

* * *

Холодную вишню снимаю,
сминаю сухое былё,
и ветка маячит немая:
кончается лето твоё.
Такое в саду запустенье,
что впору сказать: забытьё,
и клонятся долу растенья:
отмерено время твоё.
Победою мнил поражение,
а правдой — слепое враньё,
но в блюде сияет варенье:
не вечно и горе твоё.

ЮРКОВА ЕКАТЕРИНА АЛЬБЕРТОВНА родилась в городе Губаха Пермского края. В 2012 году окончила Челябинскую Государственную Академию культуры и искусств по классу саксофона. В 2013 году окончила курсы по литературному мастерству Н.А. Ягодинцевой.

Публиковалась в коллективном поэтическом сборнике «Электрический снег» (2011), «Направление мысли» (2017), литературно-художественных альманахах «Чаша круговая» (2014), «Литературный курс» (2017). Автор книг стихотворений «По ту сторону смеха» (2014), «Пробуждение Венеры» (2018).

Участница Международного совещания молодых писателей в городе Каменск-Уральский (2015), Межрегионального семинара-совещания «Мы выросли в России» (Бугуруслан, 2016). Живёт в Челябинске.

Екатерина ЮРКОВА

* * *

За искушение Еву благодарю!
За то, что оставила жизнь в раю.
За то, что от чрева к чреву меня несла.
За то, что Ева не знала сна.
Ночью, звенящей звёздами, у огня
Ева в любви баюкала пра-меня.
С ветром пускала голос свой — колыбель,
Чтобы он через время ко мне летел.
Голос её — оставшийся лепесток,
С ветром принёс жизни живой глоток.
Словно по венам ток — алая вода —
Льётся по генетическим проводам.
Бьётся, пульсирует у меня в груди
Песня, с которой мне суждено пройти.
Песня, в которой вся молчаливость звёзд.
Песня, в которой тяжесть и лёгкость слёз.
Песня, которой можно всё изменить,
Если порог эдема переступить.

* * *

Заря на тонких струнах арфы
Играла зимние аккорды.
И в клетке города жирафы
К пустым домам тянули морды.
Вода хрустела под ногами
И хрипло подпевала будто.
Цветком, напоенным снегами,
Раскрылось утро.
А люди в мареве тревог
Спешили, прячась в шубы, куртки.
Из отопляемых берлог
Несли в остывшие маршрутки
Своё тепло и снов огарки,
Не слыша, как заря звучала.
В лазурном круглом зоопарке
Зимы начало.

ПОЭЗИЯ

Ольга АНИКИНА
Ольга ВАЛЕНЧИЦ
Валентина ГРОМОВА
Марина ДРУЖИНИНА
Виталий МОЛЧАНОВ
Валентин НЕРВИН
Лариса ОЛЕНИНА
Ольга РЫЧКОВА
Светлана СОН
ОЛЬГА ТАКМАКОВА
Елена ХАРЛАМОВА
Татьяна ШАПИРО

8

Детский

Ольга АНИКИНА*

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Порою волшебной,
Порою ночной,
По стежке брусничной,
Дорожке грибной —
Шёл маленький гномик
С большой бородой
И нёс светлячка над своей головой.

Он песенку тихо под нос напевал,
И там, где он лёгкою ножкой ступал,
Там сумрачный лес засыпал, засыпал
И лапой сосновой
Глаза прикрывал.

Был старенький гном,
Как напёрсточек, мал,
Но песней луну в облаках усыплял,
Цветок и грибок,
Проходя, укрывал
Листом — самым мягким из всех одеял.

И ты засыпай.
И придёт к нам домой
По стежке брусничной, дорожке грибной
Тот маленький гномик
С большой бородой,
Неся светлячка над своей головой...

ЗАСЫПАЙКИ

Как у маленького Зайки
жили-были Засыпайки,
под подушкой сидели
до прихода темноты.
У них — маленькие глазки,
у них — ласковые лапки,
у них — мягонькая шёрстка
и пушистые хвосты.

Только маленькому Зайке
мама скажет «Засыпай-ка»,

* Об Ольге Аникиной см. с. 6 наст. издания.

и вечернею порою
в тихом доме гаснет свет
засыпайки-невидимки
заплетают паутинки,
и на ушко Зайке шепчут
самый сказочный секрет.

Засыпайки-невидимки
глядят Заинькину спинку,
глядят Зайкину макушку
и плетут мечты и сны.
Зайка, глазки закрывай-ка
и увидишь Засыпайку,
ведь с открытыми глазами
засыпайки не видны.

НА СТРОИТЕЛЬНОЙ ПЛОЩАДКЕ

Окончен день рабочий,
строители ушли,
и спит площадка ночью
в строительной пыли...

Усталый экскаватор
ковшом своим прилёт
На влажный, мягковатый,
строительный песок.

И кран подъёмный-труженик
похож на рыбака...
И сны тихонько кружатся
вокруг его крюка.

Без крыши и без стёкол
прозрачный новый дом
стоит и спит глубоким
спокойным детским сном...

Луна в него спустилась
и шепчет: «Баю-бай»...
А что ему приснилось,
попробуй, отгадай.

ЧИК-ЧИК

Чики-чики-чики-чик!
Кто в кустах ночных кричит?
Мама говорит: «Цикады!»,
Папа говорит: «Сверчки!»

Нет же, нет!
Наверно, там
Кто-то неизвестный нам,
Неизвестный и чудесный
Ходит-бродит по кустам!

Только в доме все уснут —
Выйду в сад на пять минут.

Кто в кустах поёт украдкой?
Подружиться с ним хочу!

Для него я пряник сладкий
Из буфета захвачу.

«На, — скажу ему, — бери!
И со мной поговори!»
И чудесный этот «Кто-то»
Будет петь мне
До зари...

НОГОТОК

Он вчера расцвёл с зарёй,
глядя на восток,
рыжий-рыжий, озорной,
солнечный цветок.

А у этого цветка
есть один секрет:
у него нет пальчиков,
ноготочков — нет!

Отчего же там и тут
ноготком цветок зовут?

СТРАННЫЕ СЛОВА

Почему у ручейка
вовсе нету ручек?
Почему у брюквы нет
ни штанов, ни брючек?

Почему не вижу я
фигу на фигуре?
И, скажите, почему
курицы не курят?

И, наверное, должна
лопаться лопата,
и, наверно, должен быть
уголь угловатым,

голой — наша голова,
да и майку надевать
нужно только в мае!

Что за странные слова!
Я не понимаю.

БУСИНКА

Красненькая бусинка
С тоненькими ножками
По ладошке у меня
Поползала немножко,

Крылышки расправила
И взлетела ловко
Красненькая бусинка —
Божья
коровка.

ПРОБУДИЛОЧКА

С добрым утром!
С новым утром!
Открывай скорей глаза!
У малытки-незабудки
В чашечке дрожит роса,
И сверкает в ландышах,
На зелёных ладушках.

Много-много капель сладких
В недрах каждого цветка,
И у бабочки на лапках,
И на спинке у жука.

Все смывают сон и лень,
Все встречают новый день!

ЛЕСНАЯ ПЕСЕНКА

Под сосной-сосёнкой,
на хвое-пелёнке,
шишки-малышки,
сосёнкины детишки.

Мимо маленьких шишат,
тихо лапками шурша,
пробегали ёжики
по лесной дорожке.

Призадумались шишата:
отчего ж мы не ежата?
Мы б догнали их сейчас,
Жаль, что лапок нет у нас.

И весь день лежали,
в ёжиков играли
шишки-малышки,
сосёнкины детишки.

ДОМ-ГИТАРА

Под лесной березой старой
кто-то позабыл гитару.

Мимо Зайка пробежал.
«Ну и норка!» — закричал.
«Нет, дупло!» — твердит Куница.
«Нет, гнездо!» — кричит Сеница,

а Скворчонок-птенчик
пропищал: «Скворечник!».

«Ну а эти паутинки,
струнки, тонкие былинки,
здесь зачем привешены?» —
«От врагов, конечно же!»

Клювом тронул струнку он
и пошёл по лесу звон.

Дом-гитара! Без заботы
две скворчиные семьи
жили в нём, учили ноты
«Ми-си-соль»
и «ре-ля-ми»!

ПОСТЕСНЯЛСЯ

Деревья дремали в вечерней заре.

Кудахтали куры.
На заднем дворе
Лохматая Жучка гуляла с сынком.
Навстречу им, важно неся молоко,
корова, брела с опустевшего луга.

Корова кивнула: «Ну здравствуй, подружка!»
И мудрая Жучка корове в ответ,
Слегка поклонившись, сказала «Привет!»

«А это сынок твой? Гляди, как попрос!
А что же, малыш, поджимаешь ты хвост?
Ну, здравствуй! Ты любишь моё молочко?»
Но рыжий щенок не сказал ничего
И тихо уткнулся мамаше в живот.
«Му-му... — протянула корова. — Ну вот...
Какой невоспитанный, глупый щенок!» —
И молча в коровник пошла вдоль забора.

А Жучка на сына взглянула с укором,
Промолвив: «Ах!..
Мне так неловко, сынок!..
Ты что ж это, Рыжик, стоял и молчал?
Что ж тётке корове “Привет” не сказал?»

Щенок виновато замялся:
«Ой, мамочка...
Я...
Постеснялся!..»

ВАЛЕНЧИЦ (НУЖДИНА) ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА родилась в 1973 году в г. Миассе Челябинской области. Окончила Астраханскую государственную консерваторию. Член Союза российских писателей. Представляла Россию на международном фестивале поэзии в Корее.

Автор двух книг стихотворений «Необязательное искусство» (в серии Библиотека журнала «Город», 2008) и «Одушевленная примета» (2014).

Живёт в Тольятти.

Ольга ВАЛЕНЧИЦ

ЧЕЛОВЕК — НЕ ТОЛЬКО РУКИ

* * *

Я рисую человечка.
На конце карандаша
Ручки, ножки, тело-свечка,
А внутри горит душа.
Нет ошибки? Чёлка, веко...
Если нет, к примеру, ног,
Нет руки — нет человека?
Душу видит только Бог.
Человечка я рисую:
Только сердце и глаза,
Каплю вывожу простую:
Где живёт душа — слеза.
Выводы моей науки
Объясняю малышу:
Человек — не только руки.
Расскажи карандашу!

* * *

Если мама грустила,
Можно ей сказать: «Люблю!»
Можно молча драить с мылом
Закоулки кораблю.
Можно ей купить, как папа,
Потрясающий букет:
Маму восхищает запах,
Даже если его нет.
Или пусть звонит подруге,
Два часа болтает с ней.
Я не лопну от натуги,
Молча любитесь сильнее.
Одного не понимает
Даже папа, я спросил:
Почему любовь земная
Отнимает столько сил?

* * *

Я ложусь и честно жду:
Сон такая птица,
Даже сильному вождю
Может не присниться!
Ночь продлится до утра:
Раз — одел пижаму;
Чуть обнял подушку — два:
Утром будит мама.
Странно, что в один момент,
Любопытно, братцы! —
Только ляжешь — ночи нет.
Надо одеваться.
Где же вся ее длина?
Не видал ни разу.
Видно, любит жить одна
И боится сглаза.
Знаю только, что расту
Потихоньку ночью.
Набираю высоту
Медленно, но точно.
Скоро мне пойдет восьмой,
И моей подружке.
Ночке я пишу письмо,
Прячу под подушку.
Хватит убежать от нас,
Призову к ответу!
Пусть заглянет хоть на час
Помолчать об этом.

* * *

Новость: буду старшим скоро.
Мама гладит свой живот.
Мы готовимся всем домом:
Новый человек придёт.
Поначалу будет глупым,
Беззащитным, говорят.
Папа впал надолго в ступор,
У него глубокий взгляд.
Правда: жаль свои игрушки,
Маму, честно говоря...
Шепчет иногда на ушко:
«Вся надежда — на тебя!»

* * *

Если бы из всех «нельзя»
Сделали пельмени,
То объелись бы, друзья,
Десять поколений.
Если бы из всех «хочу»
Сделали дорогу...
Нет, пожалуй, промолчу!
Междометий много!..

* * *

Мама мне читает сказки.
Знаю книгу наизусть,
Но важны не буквы — ласка!
Голос бархатный и грусть.
Маму мучила работа,
А потом достались мы.
Только мамина забота
Крепче всей родной страны.

* * *

Удивительное дело:
Хоть асфальт и не живой,
Но дерётся он умело,
Неожиданно порой.
Как всегда, смотрю под ноги,
Аккуратен каждый шаг!
Но асфальт суровый, строгий,
Всё ему опять не так!
Подрасту ещё немного,
Выражу свою мечту:
Очень добрую дорогу
Для детей изобрету!

* * *

Друзей не много у меня,
Но мы сильнее вместе.
Их голоса и имена
Звучат легко, как песня.
Ну да, мы ссоримся порой,
Мы крепко спорим даже.
Но я за них всегда горой,
Друзья поступят так же.
Вот говорят: познай в беде.
А я их понял в счастье,
И нас какой-то ерунде
Не разорвать на части.

* * *

Новогодние игрушки
Появились в магазинах.
Там немею, где хлопушки
Затаились на витринах.
Мама вечно их боится.
Знаю, жуткий шум и мусор!
Но попробуй не влюбиться
В конфетти, летящий густо!
Дед Мороз, возможно, сказка,
Но оставит же под ёлкой
Мне по письменной подсказке
То, о чём мечтаю громко.
Несмотря на все иголки,
Ёлка пусть стоит полгода,
Потому что в доме с ёлкой
Деньрожденская погода!

* * *

Эх, пора учиться плавать.
Записались мы в бассейн.
Папа сообщил, что слава
Любит тех, кому не лень.
Кто такая эта Слава?
Почему она права?!
Я боюсь, что буду плавать
Как топор или дрова.
Поплавок — такая штука:
Ты ныряешь попой вверх,
А потом висишь без звука,
И не дышишь дольше всех.
Тренер выглядит устало:
В день приходят сто отцов,
А у спорта славы мало.
То есть меньше, чем пловцов.
Но пройдет ещё полгода,
Я освою брасс и кроль.
Для сестры — держись, природа! —
Я отца сыграю роль!

* * *

У меня красивый почерк,
Вовсе не каля-маля.
Получился целый очерк!
На листах календаря,
На страничках, где оценки,
На квитанции за газ,
На журнале и на стенке
Труд рождался целый час!
В общем, все кругом довольны,
Только брат весь день молчит.
Папа заявил: «Достойно!
Вырос редкий индивид!»

* * *

Во дворе живёт котенок.
Сразу видно, хочет к нам.
Словно маленький ребёнок,
Ищет пап своих и мам.
В холодильнике котлета
И бутылка молока.
Все коты на белом свете
Не накормлены пока.
Я молила маму, ныла,
Я уснула вся в слезах.
А во сне кот кормила —
Справедливость только в снах!
Утром на большом совете
Папа довод предложил:
Был бы кот за всё в ответе,
Если б он у нас пожил!
За характер человеческий,
За способность сострадать,

За порядок весь, конечно,
За отличную тетрадь,
За режим занятий ясный,
И за помощь нам во всём.
Мама молвила: «Прекрасно!
Вся ответственность на нём!»

* * *

У весны четыре звука:
Кап, динь-динь, буль-буль и чпок.
Щедрые у лета руки:
Дарят лужи и восторг.
Осень носит много красок,
А зима весь белый свет...
Постоянно мир прекрасен,
Если ты в душе поэт!

* * *

Поход в театр — идея мамы.
Она знаток прекрасных дел.
А я в семье наивный самый,
Но всех расстроить не хотел.
Итак, мы долго выбирали,
Во что одеться, что обуть.
И галстук папе завязали,
И маму причесали — жуть!
Театр, в общем, начинался
С одежды, с вешалки; затем
Я честно всё понять пытался,
Там было много разных тем:
На сцене уйма декораций,
Ненастоящая еда,
Актёры умирали в танце,
И даже в песне иногда.
Один герой для всех опасен.
Я краем глаза замечал,
Что папа с ним во всём согласен,
А маму воин удручал.
Потом я спал почти спокойно...
Аплодисменты! Папа встал:
«Поход в театр прошёл достойно!
Но я от галстука устал».
Теперь я знаю, что культура
Не появляется сама,
Что мама — тонкая натура,
А мы сведём её с ума.

* * *

Я бы точно всё отдал,
Чтоб не ссорились родители.
Пуст семейный пьедестал,
По углам все победители...
Кто там виноват и в чём —
Неужели это важно?

Разве можно кирпичом
Дом разбить многоэтажный?!
Не просите выбирать
Между воздухом и морем!
Без кого из вас страдать,
С кем из вас привыкнуть к горю?

* * *

Обожаю папу, маму,
Деда, бабушку, сестрёнку.
Я в семье не самый главный,
Сила скромная в сторонке.
Парадокс, талант и случай —
Всё во мне сошлось упрямо,
Потому что папа лучший
Выбрал правильную маму!

ГРОМОВА ВАЛЕНТИНА АЛЕКСАНДРОВНА
родилась в 1960 году в рабочем посёлке Тверской области. Закончила Старицкое педагогическое училище, исторический факультет Тверского государственного университета. Двадцать пять лет работала учителем в Берновской средней школе. С 2000 года — глава администрации Берновского сельского поселения. Член Союза российских писателей.

Автор книг «Алло! Это март?» (2007), «Я с рождения очарована весной» (2009), «У меня теперь сестрёнка» (2013).

Валентина ГРОМОВА

ТУФЕЛЬКИ

Прямо от дома цепочкой следочки —
Мамины туфли и туфельки дочки.

Рядом шагают по узкой тропинке,
К речке, где радуга выгнула спинку.

Нетерпеливые туфельки слишком:
Мама спокойна, а дочка — вприпрыжку

Мнёт каблучком одуванчик и кашку,
Ловко вплетает в косичку ромашку.

Мчится за бабочкой пёстрой вдогонку,
Скачет испуганно от лягушонка...

Солнышко гладит макушку ладошкой...
Туфельки дочки устали немножко.

Хоть и старались, шагали упрямо,
Но возвращались на ручках у мамы.

ВЕСЕННИЙ СТИШОК

Снова сыплет снег в апреле,
Зябнут лучики у солнца.
Ручейкам, дождю, капли
Не журчится, не течётся.

И кораблик из газеты
К пирсу-щепке жмётся робко.
Приготовлены для лета
Дремяют туфельки в коробке.

Нет тепла — какая жалость,
Снова хмурится погода.
Видно, что-то поломалось
В организме у природы.

112 набираю:
— Доктор-солнце, приходите.
Вам нетрудно, я же знаю.
Груды снега растопите.

Пропишите всем микстуру
Из сиропа и улыбки

От теплотемпературной
Хмуросякотной ошибки.

* * *

Заболела, щиплет глазки,
Я борюсь с температурой.
Папа мне читает сказки,
Мама пить даёт микстуру.

Шепчет бабушка: — Валюшка,
Ты меня пугаешь, детка...
Поправляет мне подушку
И тайком съёт конфету.

Греет мне в постели спину
Толстый кот, мурлыча звонко.
Умиляется картиной
Отношения к ребёнку.

Ведь вчера ещё ругали
За разорванные брюки
И упорно заставляли
С мылом мыть лицо и руки.

А ещё учить английский,
Убирать свои игрушки.
Запрещали переписку
СМСками с подружкой...

Не идти на физкультуру...
А сегодня столько ласки...
Только вот — температура
И противно щиплет глазки...

СЕРДИТЫЕ СТИХИ

Поставили в угол — опять я не слушалась маму,
Поссорилась с бабушкой, в угол забросила книжку.
Была я несносной, капризной и очень упрямой,
И даже устроила драку с соседским мальчишкой.

Прощенья не буду просить ни за что от обиды.
(За стенкою Миша и Маша мультяшные скачут.)
Сердито молчу, чтоб никак не показывать вида,
Как плохо и стыдно, и только тихонечко плачу.

Вот вырасту взрослой и доброй-предоброю буду.
Не стану ругать ни за что своих крошечек-дочек.
Пусть кукол бросают, дерутся, не моют посуду,
Но в угол??? Не знаю...
Ну, может быть, только разочек.

* * *

Летом Сонечка и Валя
Дружно грядки поливали.
Набирали в лейки воду
И несли по огороду.

На морковку дождик льётся
И горошку достаётся.
Пьют водичку огурцы —
Соня с Валею молодцы.

Лили, лили, поливали
И нисколько не устали.
Только жалко, вот беда,
В лейках кончилась вода.

Но зато она в панамках,
В сарафанчиках на лямках,
И в кармашках, и в носках,
У бабули в башмаках.

В огороде водопады —
Папа с мамой будут рады!

ДРУЖИНИНА МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА родилась в 1953 году в Москве.

Окончила Московский институт стали и сплавов. В 1991 году в издательстве «Детская литература» вышла первая книжка стихов для малышей «Дали Маше погремушку». Автор более 150 книг. Член Союза писателей России.

Лауреат конкурса «Золотой телёнок» (1992). За книгу «Мой весёлый выходной» награждена дипломом Международной литературной премии С. В. Михалкова «Облака» (2007). Сборник сказок «Волшебная флейта» был признан Ассоциацией книгоиздателей России лучшей книгой 2007 года для детей и юношества. Лауреат Литературной премии им. А. П. Чехова (2009); лауреат Премии им. Юрия Коваля (2018).

Марина ДРУЖИНИНА

СТИХИ ДЛЯ МАЛЫШЕЙ

* * *

Лает весело щенок:
— Я сегодня дом стерёг!
Ну а мама отдыхала,
Только хвостиком махала!

* * *

Под землёй в норе живёт
Очень милый чёрный крот.
— К нам иди! — кричим кроту.
— Не-ет, люблю я темноту!

* * *

— Кто развесил на осинке
Кружевные паутинки?
— Паучок плетёт ловушки!
Осторожней будьте, мушки!

* * *

— Ёжик, надевай сапожки,
А не то замёрзнут ножки!
— Я свернусь вот так, в клубок,
И согреюсь без сапог!

* * *

— Вы куда спешите, слон?
— К серой мышке на поклон!
День и ночь я танцевал,
Спать мышатам не давал.
 Попрошу теперь прощения
За такое поведение.

* * *

— Что стрекочете, сороки?
— Улетаем в край далёкий!
Всё узнаем обо всём,
Новостей вам принесём!

* * *

Мимо нас прошли овечки,
Не сказали ни словечка!
Неужели у овечек
Не нашлось для нас словечек?

* * *

— Отдавай, сорока, ложку!
— Подожди, дружок, немножко:
Я детишек накормлю
И тебе её пришлю!

* * *

— Мишка, ты куда идёшь?
И в корзинке что несёшь?
— Это мёда три бочонка
Для малютки-медвежонка.
Ведь без мёда он, бедняжка,
Целый день вздыхает тяжко.

* * *

— Что ты шьёшь, лисичка?
— Дочке рукавички,
Чтобы в день морозный
Лапки не замёрзли!

* * *

Как же дождику не лень
Моросить четвёртый день?
— Дождик, милый, умоляем,
Отдохни! Мы погуляем!

* * *

Солнышко, не таись!
Солнышко, покажись!
Солнышко, не бойся тучи,
И погода станет лучше!

* * *

Я гляжу — у самых ног
Фиолетовый цветок!
Я хотел сорвать, да жалко —
Пусть растёт в лесу фиалка!

* * *

Держит дедушка за ручку
Справа — сумку, слева — внучку,
И вздыхает грустно внук:
— У дедули мало рук!

...Держит дедушка за ручку
Справа — внука, слева — внучку,
Сумку гордо тащит внук:
Всем теперь хватило рук!

КТО КАК ГОВОРИТ

* * *

— Здравствуй, милая ПЧЕЛА!
Как здоровье? Как дела?
— Всё в порядке, всё ЖЖУ-ЖЖУ!
Извините, я спешу!

* * *

— Где ты спряталась, КУКУШКА?
В чаще леса? На опушке?
Или вон на том суку?
А в ответ: КУ-КУ! КУ-КУ!

* * *

— Ты куда поплыл, мой ГУСЬ?
— Не волнуйся! Я вернусь!
На другие берега
Посмотреть хочу! ГА-ГА!

* * *

— Приходите к нам, БАРАШКИ!
Мы расчешем вам кудряшки!
— Нет, спасибо, БЕ-БЕ-БЕ-Е-Е!
Расчешите их себе-е-е!

* * *

— ЛЯ-ЛЯ-ЛЯ!— поёт АНТОШКА,
— МЯУ-МЯУ!— вторят КОШКИ.
— ГАВ! — залаял ПЁС боксёр.
И... распался дружный хор!

* * *

Шёл КОЗЛЁНОК по дорожке,
У него устали ножки.
Закричал КОЗЛЁНОК: МЕ-Е-Е!
Постелите коврик мне-е-е!

* * *

— Как приятно в тёплой луже!
Но пора идти на ужин!
Ждут меня друзья, ХРЮ-ХРЮ,
Желудей им подарю!

* * *

— Ты скажи нам, КУРОЧКА,
Где же наша улочка?
— Да совсем недалеко!
Там, за речкой! КО-КО-КО!

* * *

В речке плещутся УТЯТА:
— Здесь водички маловато!
Где озёра и моря?
Полетим туда! КРЯ-КРЯ!

* * *

Среди ёлок и сосёнок
Маму потерял ТЕЛЁНОК.
— Где же М-МА-А-МА? Не пойму-у-у!
— Здесь я, мой хороший! М-МУ-У-У!

* * *

— У меня отличный слух,
Как-то хвастался ПЕТУХ, —
Ни корове, ни жуку
Так не спеть КУ-КА-РЕ-КУ!

* * *

В огороде целый день
Скачет КОНЬ через плетень.
Я домой зову его,
А в ответ он: «И-ГО-ГО!»

МОЛЧАНОВ ВИТАЛИЙ МИТРОФАНОВИЧ родился в 1967 году. Публиковался в журналах «Дети Ра» (2011, 2012), «Зинзивер» (2011), «День и ночь» (2011), «Футурум АРТ» (2012), «Литературный Азербайджан», «Русское литературное эхо» (Израиль), еженедельнике «Обзор» («Континент», Чикаго) и др.

Живёт в Оренбурге.

Виталий МОЛЧАНОВ

ПРО ЛЕШЕГО И НЕ ТОЛЬКО...

СНЕГОВИК

В луже плескались — солнечный блик,
Два уголька и ведёрко с морковкой.
«Вот и растаял наш снеговик, —
Грустно сказала Серёже сестрёнка. —
Больше нам с ним не придётся играть,
Рядом стоять, красотой любоваться».
Солнышко светит. Весна. Благодать.
Только девчонка не хочет смеяться.
Бровки насупив, в сторонке стоит,
Смотрит на лужу — готова заплакать.
«Он к нам вернётся, — ей брат говорит, —
Ты посмотри, испаряется слякоть,
Тучкой становится вновь снеговой —
Лето и осень по небу блуждает.
К нам возвратится холодной зимой,
Став снегопадом, мы слепим, я знаю,
Точно такого же снеговика —
Два уголька и ведёрко с морковкой».
От новостей улыбнулась сестрёнка
И прошептала над лужей: «Пока».

ВОЗДУШНЫЙ ШАРИК

Если тебе захотелось летать,
А вместо крыльев — обычные руки,
Ты не горюй, нужно шарик достать
Красный, прекрасный, огромный, упругий.
Чтоб наполнял его солнечный газ
И чтоб завязан был крепкой тесёмкой.
Смело хватайся, подпрыгни и — раз! —
В небо лети — громко айкой и ойкой.
Выше деревьев и выше домов,
Бабочкам, птицам, пилотам на зависть.
Только, гляди, возвращайся домой —
Помнишь, на завтра уроки остались?

ГЕОГРАФИЯ

Глобус я вертел, пытаюсь
Дать ответы на вопросы:
«Почему Земля, вращаясь,
Нас с поверхности не сбросит?
Отчего, при повороте
Оказавшись вверх ногами,
Мы вполне довольны вроде —
В космос не летим камнями?
Что удерживает воды
Рек, морей и океанов,
Почему в них пароходы
Не парят, как дельтапланы?
Вот задачка так задачка,
Дайте ключ к её решенью!»
— Глобус новый не испачкай —
Есть земное притяженье.

ДРУЗЬЯ

Говорят, собака с кошкой —
Два врага заклятых.
Враки!
Звери разные немножко:
Кошки — это не собаки.
Машет хвостиком собачка —
Значит, рада, веселится.
Кошка машет — будет драчка:
Недовольна кошка, злится.
Но когда собака с кошкой
С детства рядом, неразлучны,
Лезут носиками в плоску
На двоих одну — тем лучше,
Крепче дружба у хвостатых.
К ним озорничать не лезьте,
Ждёт обидчика расплата —
Защищаться будут вместе!

ПТИЦА СЧАСТЬЯ

Выкрашен был какаду белоснежный
Маленькой Таней в сиреневый цвет.
Гордый ходил, вид имел безмятежный.
В зеркало смотрит — а там его нет.

В синих подтёках престранная птица
Грустно таращит большие глаза.
— Может, не я это? Может, мне снится?
Стыдно себя воробьям показать.

Таня довольна — дверь тянет за ручку
Маму свою пропускает вперёд:
«В домике жил попка бледный и скучный,
Ну а теперь птица счастья живёт!»

ЛЕШИЙ ГРИБ

Где мхи согрели босые ноги столетних лип,
В домишке низком и кривобоком жил леший Гриб.
Таскали совы с ближайшей топи тростник-камыш,

А погреб рыла в пушистой робе полёвка-мышь.
Из брёвен стены клал приглашённый речной бобёр,
Но Гриб, наверно, из двух опорных развёл костёр.
С тех пор избушка Гриба-растяпы наклонена,
И машет крышей, совсем как шляпой, одна стена.
Гриб — несравненный лесной затейник, колдун и плут,
В чилижный веник мог превратиться на пять минут.
Метёт хозяйка такую жутью, внезапно — крик:
Кружится веник, а между прутьев торчит язык.
Коней в загоне тихонько свяжет, чтоб хвост к хвосту.
Дерутся кони, а леший пляшет — шум за версту.
На свадьбе люди не оценили его гульбы:
Орали «горько» на общем блюде засол-грибы...
Вокруг деревни прошёл с иконой священник Пётр,
Нечистой силе возвёл препоны... Что, леший — чёрт?!
Где мхи согрели босые ноги столетних лип,
В домишке странном и кривобоком — за всхлипом всхлип.
Горчит обида, не сдобришь мёдом — подарком пчёл,
Текут слезинки по щёкам-тропам — в смоле весь стол.
Запомнил крепко Гриб домочадцев «плохой» избы:
«Ужо придёте по лесу шляться — взрастут грибы!..»

ПРО ФЕЮ

Сплёл ткач известный — паучок —
Для феи прочный гамачок.
На веточках сирени
Она качалась средь цветов
И толковала тайны снов
Животным и растеньям.

Приснился зайцу осьминог,
А ёлке — праздничный пирог,
Ежу — стеклянный шарик.
«Скажу вам точно: сны — к грозе.
Зонты с собой берите все», —
Звенела, как комарик.

«Зачем, скажите, ёлке зонт?
Вросла корнями в грунт, и тот
Гулять её не пустит», —
Так думал леший — добрый дед,
Пока чинил велосипед,
Чтоб ехать за капустой.

Он фею умную спросил:
«Мне ночью снился крокодил.
Он шёл по тротуару
В зелёном стильном пиджаке,
В очках и рыжем парике,
Букет нёс и гитару.

К чему, ответь-ка, этот сон,
Неужто буду я влюблён,
Как лет тому уж триста?»
Та, покраснев, сказала: «Да».
Тут с неба полилась вода
Легко и серебристо.

В избушке лешего тепло,
Пьют с феей чай, дождю назло,
Рассказывают сказки.

Зачем красотке гамаки?
Вдвоём на печке... Грибники
Пойдут в лес без опаски.

СИНИЦЫ

Ровная наледь покрыла деревья,
Крепнет мороз — минус двадцать уже.
Смотрят синицы на банки с вареньем —
Выставил на пол я их в гараже.

Хочется вишен отведать пернатым,
Да не пробить слабым клювом стекло.
Вспомнилось, семечек горсть я припрятал
В старом, забытом в машине пальто.

Семечки дружно лущили синицы —
Две мандаринки на белом снегу.
Дома устрою столовую птицам,
Сала кусочек не зря берегу.

БАБУШКА И ПРЯКА

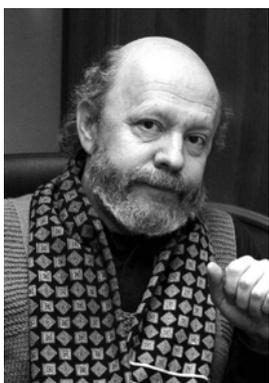
Прялка скрипит, расплзаются тени
И застревают в тёмных углах.
Кошка свернулась клубком на коленях,
Восемь зимы на старинных часах.

— Бабушка, сказку расскажешь мне? — Ладно.
Кружится резвое веретено —
Тянет кудель, и негромко, но складно
Сказка прядётся: «Давным, внук, давно...»

Позже улягусь в постельку на печке —
В добром тепле можно выспаться всласть.
Сказка приснится про семь человечков,
Тех, что сумела мне бабушка спрясть.

РАДУГА

Утонула радуга в пруду.
Чуть затуманенная дымкой,
Она всплывает поутру
Таинственной невидимкой.
Проснувшись, ветер-верхогляд
Подхватит радугу в объятья
И перекинет в старый сад,
Где яблонь вычурные платья
Росой в рассветный час горят.
Она на завязь устремится,
Чтоб, в многоцветье затаясь,
Вдруг в многовкусье превратиться.
Созреет в срок чудесный плод,
Наполнен светом таинств сильных.
Под тонкой кожицей живёт
Разгадка яблоч молодых!

НЕРВИН ВАЛЕНТИН МИХАЙЛОВИЧ родился в 1955 году. Публиковался в периодике и антологиях.

Автор одиннадцати книг стихотворений (из них одна — в переводе на украинский язык). Лауреат литературных премий им. Н. Лескова (Россия) и им. В. Сосяры (Украина). Победитель ряда международных литературных конкурсов и фестивалей. Обладатель специального приза Евразийского фонда культуры «Яблоко Поэзии» (2012). Живёт в Воронеже.

Валентин НЕРВИН

ВО ВСЕЛЕННОЙ

Земля на звёзды смотрит в телескоп,
а те на Землю смотрят в микроскоп.

ЧЕРВЯК

Червяк — живое существо,
Лишённое анкеты;
но, между прочим, у него
свои приоритеты.
Червяк живёт внутри земли,
а человек снаружи —
попробуй тут определи,
кому по жизни хуже...

ТРИ ВОРОНЫ

Три вороны под окном,
на своём очередном
тридесятном слёте,
одновременно втроём,
заявили о своём
скором перелёте
на иные рубежи —
далеко... за гаражи.

Ну, ни пуха, ни пера,
ни помойного ведра!..
Там, за гаражами,
некий выморочный кот —
агрессивный патриот
давится мышами.
А предпочитает он
исключительно ворон.

ПОЛОТЕНЦЕ

Полотенце на верёвке бельевой
целый день висело книзу головой.

А потом его, махровое, кругом
прижигали раскалённым утюгом.

Как хозяйка ни мытарилась его,
полотенце не сказало ничего.

ЧТО Я ВИЖУ ИЗ ОКНА

Что я вижу из окна? —
три-четыре деревца,
да кирпичная стена
до победного конца.

Листья у меня в окне
оппадают точно в срок,
что напишут на стене,
знаю вдоль и поперёк.

Видно, так заведено,
чтобы горе не беда;
и поэтому окно
я не мою никогда.

* * *

Целую неделю льёт —
не по делу заливает;
отсыревший самолёт
через тучу проплывает.
А под небом — на земле,
посреди дождливых речек,
вспоминает о тепле
мокрватый человечек.
— Вот закончу все дела,
и рвану за поворотом
прямо в сторону тепла —
отсыревшим самолетом!

* * *

На развилке путей,
на скрещенье дорог,
уводящих до неба и выше,
обитает невидимый ласковый Бог,
словно сказочный Карлсон на крыше.
Поутру ветерок облака шевелит,
дождичек небеса купоросит,
а моторчик уже навсегда барахлит
и варенье никто не приносит.
Старый Бог у порога Вселенной сидит
и к полуночи ждёт астероид,
на котором весёлый малыш прилетит
и чердачные окна откроет.

ДЛЯ ЧЕГО НУЖНЫ ПОЭТЫ?

Кто-то конструирует ракеты,
кто-то проектирует дома,
ну а для чего нужны поэты? —
разве что покушать задарма.

Племена и целые народы
строят и ломают искони,
а стихи не делают погоды,
ничего не делают они.

Мы живём страстями и грехами
в хороводе мира и войны,
а душа спасается стихами —
для того поэты и нужны.

СВЕТЛЯЧКИ

В буераках и дворах,
выгорая до нутра,
светлячки, на всех парах,
самолётят на «ура».
До утра туда-сюда
хороводят неспроста,
залетая иногда
в интересные места.

Если ты намерен быть
в этой жизни светлячком,
знай, кому и где светить
и подмигивать «очком».

ПРИ ЧАСАХ

На земле который век
обитает человек:
он питается деньгами
и живёт вперёд ногами.
А в отравленной воде
ходит рыба по нужде,
птица крючится на ветке,
наподобие креветки.

Надо всеми в небесах
плачет Ангел
при часах.

ОЛЕНИНА ЛАРИСА (ПОЗДНЯКОВА ЛЯЛЯ)
ЛЕОНИДОВНА родилась в Полтаве.

Автор книги стихотворных переводов с русского на украинский язык, сборника стихотворений на украинском языке, двух книг рассказов на русском языке. Лауреат международного фестиваля литературы и культуры «Славянские традиции — 2011, 2012» в номинации «Литературный перевод».

Живёт в Воронеже.

Лариса ОЛЕНИНА

КОНФЕТКА

Шёл мышонок по паркету
И нашёл в углу конфету,
Как сырок, громадную,
Видно, шоколадную.
Побежал мышонок в норку
И привёл мышат четверку.
— Ну, ребята, навались!
Но конфету, чур, не грызть!
Впрочем, ваши зубы зная,
Лучше стану сам у края.
Надавил мышонок с края:
— Ой! Конфета-то пустая!

БАТУТ

Только родители в гости уйдут,
Толя тахту превращает в батут.
Громко, как в цирке, кричит на лету,
Чтоб испугать за окном темноту.
Это ведь плёвое дело —
Сделать летающим тело.

ВО ДВОРЕ

— Ой, какой красивый пёс!
Я ему подую в нос.
Чем он мне ответит?
Если лаять станет он,
Дуйте вы со всех сторон,
Будто это ветер.
— Что за глупость — дуть мне в нос, —
Размышляет грустный пес, —
Ну, постой, мальчишка...
Ты мне жутко надоел,
Носишься весь день без дел,
И, притом, воришка:
Только я припрячу кость —
Вдруг ко мне нагрянет гость —
Ты ж нашёл забаву —
Раскопал все тайники...

Мне хоть со двору беги...
Не найти управу...
Но терпенье — не без края!
Вот тебя я напугаю!
Сделал стойку умный пес
И подул мальчишке в нос.

ШТОРМ

Сколько рыбочек-бычков
Вынесло прибоем!
Да, малёчек, мир таков —
Жизнь даётся с боем.
Занырнул бы в глубину,
Затаился тихо,
В незнакомую волну
Не сигал бы лихо.
Оттого, что ты малёк,
Что силенок мало,
Шторм тебя и уволок,
И пиши пропало.
Я ведь, честно говоря,
И рифмую строчки,
Чтоб не гибли в море зря
Бедные малёчки.

ШУБКА

Кошка не носит ни шубки, ни шапки.
Кошке и в собственной шубке не зябко.
И под витриной, где шапки и шубки,
Кошка в раздумье от нашей покупки —
Ну отчего, невдомек это мурке,
Люди не ходят в собственной шкурке?

ХОМЯЧОК

Дремлет в клетке хомячок —
Лёг на рыженький бочок,
И, укрывшись лоскутками,
Шевелит во сне усами.
А у клетки сонный кот
Раззевался во весь рот.
Он уснуть никак не может —
Хомячок его тревожит.

ВЕРБЛЮЖОНОК

Верблюжонок Вася рыж,
Ушки в рыжих крапинках.
— Что ты гордо так стоишь,
Верблюжонок Васенька?
— Я сегодня рано встал,
С мылом вымыл шею,
Шерсть гребёнкой причесал —
Это я умею,
И копытца я в пруду

Мыл, чтобы сияли.
А теперь стою и жду —
Кто меня похвалит?

ПЕСНЬ СИАМСКОГО КОТА

На площадке, где качели,
Кто это поет:
— Я бездомный, я ничейный
Иностранный кот.
Я зовусь котом сиамским,
Значит, где-то там,
За простором океанским
Город есть Сиам.
Там по улицам и паркам,
Распушив хвосты,
В одиночку и по парам
Ходят лишь коты.
Там буренок добрых стадо
Бродит по горам,
Молоко доставить радо
К завтраку котам.
Там жирафы, шеи вздыбив,
В море по утрам
Удочками ловят рыбу
На обед котам...
Оказаться бы в Сиаме
Хоть когда-нибудь...
Только, чувствую усами,
Мой не близок путь...
Дайте рыбки же скорее,
А не то умрёт
Вместе с песнею своею
Очень славный кот!

ГОСТЬ

— Кто там плачет у дверей?
Поглядите-ка скорей!
Мы открыли двери,
и глазам не верим:
на пороге нашем,
чёрный, будто сажа,
слёзы льёт котенок
в белые усы.
— Мяу-мяу-мяу,
потерял я маму,
не найду,
всюду темнотища
и собаки рыщут
на беду!
— Рёвушка, послушай,
ты наплакал лужу.
А такому храбрцу
слёзы вовсе не к лицу.
Заходи смелее в дом —
место для тебя найдём.
Можешь ты пожить у нас,
пока мама не нашлась.

Ольга РЫЧКОВА*

ПЕСЕНКА

Жила на свете кисочка
И хвост имела с кисточкой.
А кисочка — малюсенька,
А кисточка — тонюсенька.

* * *

Дождь с расстроенным лицом
шёл по глиняной дорожке.
Лето пряталось в ладошке.
Ёжик грелся под крыльцом.

Дождь идёт — а нам-то что?
Пусть и ухаёт и стонет,
Пусть земля в дожде утонет:
Есть калоши и пальто.

В тёплом домике, внутри,
Я рисую пароходик.
Только ты не говори:
«Дождь пройдёт — и всё проходит».

* * *

Троллейбусы спят как игрушки.
Прижали уставшие ушки —
Боятся ночного дождя.

Ты скажешь: «Не верю, не верю!
Ну что там железному зверю
Какие-то капли дождя!

Пускай барабанят по крыше. —
Троллейбусы спят и не слышат:
У них тараканьи усы,

А вовсе не заячьи ушки!»
Но страшно железным зверушкам
В такие ночные часы.

* Об Ольге Рычковой см. на с. 46 наст. издания.

СОН СВЕТЛАНА ЛЕОНИДОВНА родилась в 1957 году, городе Веймаре (Германия). Окончила Одесский государственный университет им. И. И. Мечникова.

Публиковалась в журналах «Читайка», «Кважды ква», «Окна», «Дошкольник», «Весёлый затейник», «Шишкин лес», «Дошкольный мир», «Современный детский сад». С 2008 года тесно сотрудничает с Всероссийской газетой «Солнечный зайчик» (Нижний Новгород).

Автор многих сборников стихов и сказок «Волшебная страна» (2003), «Давай дружить!» (2004), «Загляни в сказку» (2005), «Осторожно, Ёжик!» (2006), «Чудеса на самом деле» (2008), «Пчёлка Жужжу и её друзья» (2009), «Стая портфелей» (2011), «Азбука юного ивановца, или С алфавитом по родному краю» (в соавторстве с Еленой Чинаевой, 2012), «Клоун из комода»

(2013), «Чече-пупу-ха-ха-ха» (2015).

Лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (Золотой диплом 1-й степени — 2009 и 2010 гг., «Серебряный лауреат» — 2015 и 2016 гг.), дипломант Международного литературного конкурса «Златая цепь» (номинация «Поэзия») — Золотой диплом 1-й степени, 2015 г.). Член Международного творческого объединения детских авторов «Дети-книги», член Союза российских писателей. Живёт в Иванове.

Светлана СОН

ДЕСЯТЬ МАЛЕНЬКИХ ЕЖАТ

Десять маленьких ежат
Домик выстроить спешат:
Ёжик Раз несёт листочек,
Ёжик Два — травы мешок,
Три — приносит пару кочек,
Ёж Четыре — мох-пушок!
Ёжик Пять принёс кровати,
Ёжик Шесть — большущий стол,
Семь — цветные две прихватки,
Восемь — сделал тёплый пол!
Девять — внёс брелок с ключами,
Десять — светлячков пакет,
Чтобы зимними ночами
Теплился их добрый свет!

СВЕТЛАЯ ДОРОГА

Всё было в порядке у Светлой дороги:
По ней топотали жуки-носороги,
Шагали за божьей коровкой коровка,
И мчались авто со спортивной сноровкой,
По Светлой дороге улитка бродила,
И нежными рожками утро будила.
Косули играли с дорогой в прятки —
У Светлой дороги всё было в порядке!
Но вдруг заскучала по небу дорога,
Решила к нему заглянуть на немного:
Оставив большие дела на потом,
Вильнула извилистым, длинным хвостом.
Дорога шагает себе в синеву,
А я по дороге на лодке плавлю!

ДЕЛО В ШЛЯПЕ

Всё дело в огромной сползающей шляпе:
«Большое спасибо!» любимому папе!
Зачем он её на меня нахлобучил?
И шляпой меня совершенно измучил?!
Она на глаза всю дорогу сползала,
И эту дорогу мне видеть мешала!
Я шёл и пыхтел, как большой паровоз,
И шляпа меня доводила до слёз!
Вспотела рубашка!
Завяла ромашка!
И я опоздал
на свидание к Машке...

ПАН ВАРЕНИЧЕК

Пан Вареничек — бездельник:
В чашке спал весь понедельник,
Вторник он продрых в тарелке,
Среду — в тёплой миске мелкой,
Наконец, в четверг проснулся,
Сонно в сливки окунулся,
В пятницу уселся в ложке,
А в субботу свесил ножки,
И под вечер в воскресенье
Превратился в объеденье!

ПРО ШНУРОК

Прийти к Маринке точно в срок
Мешал мне собственный шнурок:
Он вёл себя раз-вя-зан-но
И этим, брат, всё сказано!

ОЗОРНОЙ САЛАТИК ОТ ПЕППИ

Предлагаю вам, друзья,
Озорной салатик я:
В нём улыбок — пуд и плошка,
Озорства большая ложка,
Две вокруг себя кружилки,
Три дразнилки-говорилки,
Пять «Ха-ха!» и шесть «Хи-хи!»,
И немного чепухи!
Нет его вкусней на свете!
Угощайтесь, дети!

В ЯБЛОЧНОМ ДОМИКЕ

Червяк полусонно и плавно
В тревоге покинул кровать:
— Я — в яблочном домике главный!
Не смейте за пятки кусать!

ДОБРЫЕ КЕДЫ

Котёнок сидел под дождём на тропинке,
Шли мимо Сердитые Полуботинки,
Шли Туфли, котёночка не замечая
И не приглашая на чашечку чая.
И вдруг малышове Добрые Кеды
Ему предложили вдвоём пообедать,
А после — согреться у печки в ненастье,
И сердце котёнка забилось от счастья!

МЫЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ

Задавака Свежий Ветер
Мне на «Здрасьте!» не ответил:
Ра-адостный такой летел
И ногой меня поддел...

А ещё, мне показалось,
С Трутнем Бабочка шепталась:
— Не летун ещё пока,
А туда же — в облака!

От обиды я надулся,
За большой цветок запнулся.
Чуть не лопнул!
Вспомнил Ирку...
И — Бультых! —
Вернулся в стирку.

ПОНИ-ШОКОЛАДКА

После выступлений
На большой арене
Пони грустила в тишине.
В розовой попоне
Маленькая пони
Опустила голову во сне.

Пони-шоколадка,
Тёмная лошадка,
Не грусти, малышка, не грусти!
Пони, будь смелее!
Это ты сумеешь:
До звезды далёкой долети!

Снится милой пони —
Тихо шепчут кони:
— Знаешь, есть на свете чудеса!
Мы подарим крылья,
Станет сказка былью:
Ты умчишься прямо в небеса!

Улыбнувшись маме
И взмахнув крылами,
Ввысь летит по небу не спеша
Маленькая пони
В розовой попоне —
Светлая и добрая душа!

ТАЙНА

Как-то днём, совсем случайно,
Повстречалась Пашке Тайна,
Ну... Примерно в полвторого
Под ракитовым кустом.
Есть у Тайны рыжий хвостик,
Тайна хочет к Пашке в гости,
Знайте, это — не корова,
И не жаба с животом!

Тайна жадно ест из миски
И сметанку, и сосиски,
Шевелит смешно усами,
Мчит за Пашкой босиком!
Не смотрите, люди, строго!
Жить готова у порога
Тайна с грустными глазами
И шершавым язычком...

ЧУДО

Какое чудо чудное!
Загаданно-желанное!
И пусть оно прибудное,
И всё лохмато-странное,
Пусть мамою запретное,
Зато тяф-тяф-прыгучее,
Совсем, совсем не вредное —
Моё!

Родное!
Лучшее!

МОКРАЯ ИСТОРИЯ

Тётушка Свёкколи
С тётушкой Брокколи
Целые сутки
Под дождиком
Мокколи.

Дядюшка Лукки
Заметил в бинокколи:
Обе — промокколи!
Обе — поблётколи!

Переживая
За Свёкколи с Брокколи,
Спрятал их под
Парниковые стёкколи!

НЕБЫЛИЦА ПРО БАШМАК

Вместо сети взяв гамак,
Шлёпал по небу Башмак,
Быть отважным небоходом —
Это вовсе не пустяк!

Сто ворон, больших зевак,
Натянув на лоб колпак,
Растопырили глазищи:
— В небе кар-кар-кавардак!

— Плавать, — им сказал Башмак, —
Это вам не «Плюх!» и «Шмяк!»
Пробивался я сквозь тучи
И ночной, туманный мрак!

Колокольчиком звеня,
В небесах пробыл три дня.
А теперь — отдать шнурковы!
Ждёт Туфляндия меня!

СМЕШНЫЕ ЧЕПУШИНКИ

Молоко гуляет в поле,
Едет жук на бороде,
Дядя Толя с тётей Полей
Расчирикались в гнезде!

На плиту ворчит Кастрюля,
По реке плывёт Утюг,
А на нём гусыня Юля
Отправляется на юг!

По аллее мчится Крыша,
Слон пушистый спит на ней,
И хохочущие мыши
С каждым часом всё вкусней!

Три пингвинки, сняв ботинки,
Уплетают ананас,
И смешные Чепушинки
С неба сыплются на нас!

ОЗОРНАЯ ТАПКА

Я — Тапка озорная, непослушная,
Люблю весёлый смех и чудеса!
Весь вечер под кроватью было скучно мне,
И я умчалась прямо в небеса:

Созвездия, подмигивая, светятся —
Усатый Рак, Орёл и Водолей!
Спешите к нам, лохматая Медведица,
В компании вам будет веселей!

Как здорово, что в небе столько живности!
И, звёздную устроив чехарду,
Я у Тельца, по тапковой наивности,
С копыта опрокинула звезду!

На небе происходит превращение —
И всё светлеет прямо на глазах!
Пора домой... Но перед возвращением
Я напоследок — топну в небесах!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПОВАРЁШКИ

Пела мама Поварёшка:
— Засыпайте, ложки-крошки!
Пусть приснится вам бульон,
Тёплым, вкусным будет он!

Засыпайте, ложки-крошки!
Спят давно ножи и плошки.
Спят тарелки. Сито спит,
Тихо в дырочки сопит.

Мягко светят глазки кошки.
Спите, спите, ложки-крошки!
Еле слышен хор кастрюль:
— Буль... Буль... Буль...

ПОЧЕМУ НЕ СПИТ РОЯЛЬ?

Пришла пора волшебных сновидений,
И выпорхнула из окна печаль,
Летает стайка добрых привидений,
Грустит в углу расстроенный Рояль.

Ночная дрёма путает ресницы,
Зевает круглолицая луна,
И лишь Роялю по ночам не спится,
Ему, бедняге, вовсе не до сна.

Уснули ноты в старомодной книжке,
И тишину баюкает уют,
Но каждый вечер озорные мышки
Никак заснуть Роялю не дают.

Ну что за наваждение такое?!
По клавишам уже который час
Танцуют нарушители покоя —
Смешные мышки старомодный джаз!

ЧЕМ ПАХНЕТ НОЧЬ

Пахнет ночь луной-лепёшкой,
Звёздной крошкой,
Лунной кошкой,
И ещё (совсем немножко!),
Пахнет маминой ладошкой.

ТАКМАКОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА родилась в 1963 году в селе Клепечиха Поспелихинского района Алтайского края. Окончила Барнаульский педагогический университет. Работает в системе дошкольного образования. Почётный работник общего образования Российской Федерации.

Публиковалась в журналах «Алтай», «Барнаул», «Культура Алтайского края», «Звёздочка наша», «Счастливое детство», «Браво, Рубцовск!», в коллективных сборниках. Редактор-составитель сборников стихотворений рубцовских поэтов «Проталины» (2002), «Незнакомая осень» (2005).

Автор стихотворных книг: «Утро нужно писать акварелью» (2002), «Акварели», «Большие тайны маленьких людей: стихи для малышек и взрослых» (2011).

Неоднократно становилась победителем краевых поэтических конкурсов, в том числе на издание литературных произведений в номинации «Детская литература» с проектом книги «Большие тайны маленьких людей» (2011).

Член Союза Писателей России. Живёт в Рубцовске.

Ольга ТАКМАКОВА

ОБНОВКА

— В день рожденья нашей Миле
Сарафанчик подарили:

С яркими цветочками,
С жёлтыми замочками,

По бокам шнуровочка —
Хороша обновочка!

Но Милана хмурит бровки:
— Не надену я обновки!

Вы учтите: без карманов
Не ношу я сарафанов!

Я спросила у Миланы:
— Для чего тебе карманы?

А девчушка отвечает:
— Это даже дети знают!

Неужели непонятно?

Чтобы

в них

ладошки

прятать!

ПРО БУБЛИК

Расхвастался Бублик:
— Смотрите, Коврижки,
Батоны, и Плюшки,
И пышные Пышки,

Какой я румяный,
Красивый и сдобный!

И дырка в серёдке,
И вкус бесподобный!

Меня обожают
Старушки, детишки,
И видят во сне
Острозубые Мышки!

Я маме сказал:
— Не нужны мне Коврижки,
Батоны, и Плюшки,
И пышные Пышки.

Я Бублик румяный
И сдобный хочу!
Я с дыркой вместе
Его проглочу!

Мне хрустко кусалось.
Мне вкусно жевалось.
Куда же от Бублика
Дырка девалась?!

РАДОСТНАЯ РЫЧАЛОЧКА

Бабушка оладушки
сладкие печёт.
«Ладушки вы, ладушки», —
ласково поёт.

Песенку я слушаю,
прыгаю вокруг.
Буква непослушная
зарычала вдруг:

«Здр-равствуй,
солнце кр-расное!
Рыжий-р-рыжий кот!
Утр-ро
распрекр-расное
Р-радостно встаёт!»

Я скачу от радости:
Три — четыре — пять!
— Ну, давай же, бабушка,
в р-радушки
игр-рать!

РАЗГОВОР ЛЯГУШЕК

Ива склонённая
В озеро сонное
Жёлтые лодочки листьев бросает.

Шепчет лягушка
Подружке на ушко:
— Ква-жется, осень уже наступает!

Прыгнем на дно
и уснём до весны,
Будут нам сниться
зелёные сны!

ЕГОРКИНА ПРОГУЛКА

По зиме гуляли валенки.
Шли тропинкой
вдоль завалинки:

Топ-топ,
топ-топ, —
Бултых в сугроб!

Правый валенок встаёт.
Левый валенок встаёт.
По тропинке
в дом идёт
Снеговая горка.

Снеговая горка,
А внутри —
Егорка!

КРИК ДУШИ

Не заноси над головой моей башмак
с истошным воплем:
— Мамочка! Червяк!
Ну и что же, что я — дождевой?
Я такой же, как ты!
Я — живой!

КАША И ЮЛЯ

Рядом на кухне
каша и Юля.
Каждый вздыхает
о чём-то своём.

Каша пыхтит
и вздыхает в кастрюле,
Юля, вздыхая,
сидит за столом.

Смотрит на кашу
и думает грустно:
— Ну почему,
что полезно — невкусно?!

Каша вздыхает:
— Я здесь не останусь!
Лучше Барбосу
на завтрак достанусь!

ОБЛАЧНЫЙ КРАЙ

Я видел: в таинственный облачный край
По небу летел белоснежный трамвай!

А может,
троллейбус,

А может,
автобус, —

с земли не рассмотришь точней.

А следом Горыныч огромный летел
И этот трамвай проглотить он хотел!
А может, троллейбус,
А может, автобус, —
Горынычу в небе видней.
Вы скажете — так не бывает,
Чтоб в небе летали трамваи,
И даже троллейбус,
И даже автобус,
А Змеев-Горынычей нет!
Неправда! Трамваи о небе мечтают!
Трамваи сбиваются в стаи и тают,
А следом — троллейбус,
А следом — автобус
И Змея-Горыныча след...

НОВОЕ ОТКРЫТИЕ

Солнце золотистое,
Одуванчик — тоже.
Отчего на солнышко
Так цветы похожи?

Я своё открытие
Не держу в секрете:
Просто одуванчики —
Солнышкины дети!

ВНИЗ ПО РАДУГЕ

Покатился мячиком
Звонкий май!
Закружились бабочки:
— Эй, поймай!

Пробежался по небу
Первый гром,
Засветилась радуга
За двором.

Я скачусь по радуге:
Ай — ай — ай!
До чего же радует
Месяц май!

ХАРЛАМОВА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА родилась в 1969 году. Окончила филологический факультет Петрозаводского государственного университета, работала в web-лаборатории при кафедре русской литературы Петрозаводского государственного университета. Дебютировала поэтическим сборником «Есть девочка Однажды» (2008). Победитель II международного литературного конкурса и фестиваля «Русский stil» в номинации «Нашим детям» (Штутгарт, 2008), финалист международного поэтического конкурса «От 7 до 12» (Челябинск, 2012), участник поэтических семинаров V и VI фестивалей «Молодые писатели вокруг «ДЕТТИ-За» (Одесса, 2013; С.-Петербург, 2014). Автор четырех книг стихов и поэтических сказок для детей. Живёт в Петрозаводске.

Елена ХАРЛАМОВА

ДВА ВЕСЁЛЫХ БАШМАКА

Жили в доме за горою
Два весёлых башмака.
Был один башмак с дырою,
А другой — без каблука.
Но они не унывали —
Просыпались чуть заря
И танцуя напевали:
Тра-ля-ля да тру-ля-ля!

Добродушная хозяйка,
Сунув ноги в башмаки,
Погнала коров к лужайке,
Где синели васильки.
И пока она шагала
За коровою своей,
Потихоньку напевала:
Тра-ля-ля да тру-ля-лей!

А рогатая корова
Шла и думала о том,
Что на ужин будет снова
Детям каша с молоком.
Побежит весёлой струйкой
Молоко в бидон, звеня,
Как смычок бежит по стрункам —
Тра-ля-ля да тру-ля-ля!

КАК ПОДРУЖИТЬСЯ С ОСЛИКОМ?

Говорят, у ослика
Скверные манеры.
Говорят про ослика:
Он упрям без меры.
Говорят, что с осликом
Нелегко ужиться...
Только даже с осликом
Можно подружиться,

Если протянуть ему
Сладкую морковку,

Или подарить ему
Новую подковку,
Или повязать ему
Ленточку в горошек,
И, обняв, сказать ему:
«Ослик, ты хороший!»

ПРО ПОГАНКУ БЛЕДНУЮ — СЕНЬОРИТУ ВРЕДНУЮ

Средь кочек на полянке
Жила одна Поганка —
Аристократка бледная,
Особа очень вредная.
Хоть сватались к принцессе
Дворяне из Полесья —
Всё кавалеры видные
Да женихи завидные, —
Гнала их недотрога
От своего порога:
— Куда вам до столичных
До принцев заграничных!
Прогнала Боровика:
— Не желаю старика!
Следом изгнан Мухомор —
Уважаемый сеньор.
Рассердилась на Опят,
Что под окнами стоял:
— Шли бы вы, ребята, в пень,
У меня от вас мигрень!
А Маслёнок-весельчак
От любви совсем зачах.
Но Поганка Бледная
Не жалеет бедного:
— С глаз долой — из сердца вон!
...Только тут явился Он! —
В бархатном берете,
В кружевах и ленте,
В шёлке белых панталон —
Заграничный Шампиньон!
Прилетел транзитом
С деловым визитом.
Говорит: — Бонжур! Са-ва? —
Всё заморские слова. —
Этикет, манеры, вкус —
Сразу видно, что француз!
Тут Поганка Бледная
Чувств лишилась, бедная!
То краснеет, как томат,
То ответит невпопад,
То щебечет соловьём,
То смущается при нём
И молчит, наоборот,
Как воды набравши в рот.
А француз — транзитом —
С деловым визитом.
Осмотрел на местности
Центры и окрестности,
Посетил колонии
Плесени в Болонии,

Съездил во Флоренцию,
Дал пресс-конференцию:
— Спасибо за внимание,
Адью! и — до свидания!
Принц исчез — увы и ах! —
А принцесса — на бобах...

О ЧЁМ МЕЧТАЮТ ПАПЫ И О ЧЁМ МЕЧТАЮТ МАМЫ

Чтобы мамам нравиться,
Папы не скучают:
Спортом занимаются,
Мускулы качают.
Гирю — двести килограммов! —
Поднимают, словно мяч,
И мечтают: «Вот бы мамы
Восхищались: „Ну, силач!“»

Мама носят платица
В клетку и полоску
И носить стараются
Модную причёску,
Носят зонтики и шляпы,
Башмачки на каблуках...
И мечтают: «Вот бы папы
Нас носили на руках!»

ОВСЯНКИ

На лугу за домом рос
Замечательный овёс.

Прилетела спозаранку
Птичка серая — овсянка.
Следом — брат её родной,
Брата сват и кум с кумой,
Мамки, няньки и дядья —
Вся овсянкина родня!

На лужок они спустились,
Чем-то вкусным угостились.
А увидели людей —
Разлетелись поскорей! —

Поднялись они над лугом,
И пропали друг за другом:
За овсянкой брат родной,
Брата сват и кум с кумой,
Мамки, няньки и дядья —
Вся овсянкина родня.

Но возник такой вопрос:
А куда пропал овёс?!

ТАИНСТВЕННЫЙ ТРОЛЛЕЙБУС

Зимним утром,
На рассвете,
Шёл троллейбус

Двадцать третий.
Шёл на цыпочках почти,
С остановками в пути.

Хоть троллейбус
Был обычный
И маршрут
Вполне привычный,
Только ехал в нём народ
Как воды набравши в рот:

Все в окно
Глядели чинно,
Не смеялись
Без причины,
Не болтали ни о чём,
Не ломали дверь плечом.

Что случилось,
В самом деле?
Может, люди заболели?
Виноват ли в том мороз?
Или массовый гипноз?
Не явился ли лунатик
Из космических галактик?
Или чёрный чародей
Выкрал голос у людей?

«Не шумите,
Ради Бога!» —
Нам сказала
Тётя строго.
А другая говорит:
«Человек в салоне спит!»

Пассажиры
Улыбнулись,
Меж собой
Переглянулись:
Да какой уж тут гипноз!
Тут совсем иной вопрос...

Зимним утром,
На рассвете,
Шёл троллейбус
Двадцать третий;
Спал кондуктор у окна —
И стояла тишина...

ШАПИРО ТАТЬЯНА ЛАЗАРОВНА родилась в 1957 году в Петрозаводске. Окончила факультет иностранных языков — учитель английского и немецкого языка. Член Союза русскоязычных писателей Израиля. Член организации АКУМ (защита авторских прав). Автор более 40 книг стихов для детей, изданных в России, Украине, Белоруссии, Армении, Финляндии. Книжки издавались во многих городах России, на Украине, в Минске, в Ереване, в Финляндии. Лауреат премии им. Давида Самойлова. Диплом победителя в конкурсе поэзии для детей в Бишкеке (2009). Автор слов многих песен, которые поются во многих уголках России.

Живёт в городе Офаким (Израиль).

Татьяна ШАПИРО

ЭХО

Ух как зайка
Любит эхо!
Крикнет громко
Ради смеха.
— Пусто!
Пусто!
Пусто!
Пусто! —
Это он кричал
— Капуста!
— Ковка!
Ковка!
Ковка!
Ковка!
Это он кричал
— Морковка!
Вот забава!
Вот потеха!
Он скорей подставит ухо,
Чтобы слышать это ЭХО!!!

ХУДОЖНИК

Я рисунок рисовал.
Его маме показал.
«Ой, какой чудесный ёж!
Он на курицу похож».
Дал я бабушке взглянуть.
Та сказала: «Просто жуть!
Тараканов я боюсь.
От рисунка отвернусь».
И я к папе подбежал.
Папа руку мне пожал.
«Ну и чудный воробей!
Ты — художник, Алексей!!!»

* * *

В лабиринт попала змейка.
Так вилять собой сумей-ка!

* * *

Попросили лайку
Спеть под балалайку.
Так про-ба-ла-лаяла,
Что душа растаяла.

* * *

Две вороны сыр купили.
Две вороны сыр делили.
Получилось поровну.
Мне — тебе. Мне — тебе.
Остальное ворону!

* * *

Говорят, вы, бурундук,
Шишки прячете в сундук.
Но ответил бурундук;
— Говорите ерундуК!

* * *

Квакала лягушка
Десять дней подряд.
— Эй, лягушка, КВАтит! —
Все ей говорят.

* * *

Летучая мышь летала, летала.
А мышка спросила;
— Где крылья достала?

* * *

Я шёл гулять, и тень за мной.
Всё было ей знакомо.
Потом она сказала мне;
— Сидел бы лучше дома!

* * *

Художник рисует солнце.
— Взгляните на портрет!
Вам нравится, Ваше Сиятельство?
А солнце смеётся в ответ.

* * *

Падали зонтики с неба.
Поймаешь — и дальше идёшь.
Вот какой необычный
Бывает на свете дождь!

* * *

Бегемот гулял по городу.
Повстречал жирафа вдруг.
Крикнул громко на всю улицу;
— Вас жирафствую, мой друг!
А жираф ему в ответ;
— Бегемотствую, сосед!

* * *

От льва осталась только тень.
Пустое место то есть.
Его вчера, его вчера
Совсем загрызла совесть!

* * *

Черепаша-тихоход
Домик на себе несёт.
Почему так тихо ходит?
Почему она ползёт?
А попробуйте-ка сами
Сдвинуть с места
НЕБОСКРЁБ!!!

* * *

Дядя Саша — наш сосед!
— Дядя Саша! Вам привет!
Он и токарь,
Он и лекарь!
И кондитер он!
И пекарь!
А ещё он —
Да, ещё он —
Распрекрасный
ЧЕЛОВЕКАРЬ!

* * *

Слон работал
Грузчиком.
Уронил рояль.
Оба так расстроились,
Что обоих жаль!

* * *

Снеговик в большой мороз
Откусил себе сам нос.
— Хоть, ребята, и неловко —
Очень уж вкусна морковка!

* * *

Птица с клеткою идёт.
На свободе птица.
Ну а клетка может ей
В доме пригодиться!

* * *

Солнце заплело косички,
И на них резвятся птички.

* * *

Попугай наш громко лает.
Вы не бойтесь — не кусает!

* * *

Есть серёжки у берёзы,
Как у нашей тёти Розы.

* * *

Шла дорога
Прямо-прямо.
Шла вперёд.
Потом направо.
Влево-косо-
Вбок и криво.
И спросила:
— Я красива?

* * *

А тигрёнку не до игр.
Он уже серьёзный тигр!

* * *

Веник с шваброй
Подружился.
Вместе с ней
Он пол метёт.
За него та швабра замуж
Обязательно пойдёт!!!

* * *

На весы уселась киска.
Весит больше, чем сосиска.

ПОЭЗИЯ

Бах АХМЕДОВ
Людмила БАКИРОВА
Рифат ГУМЕРОВ
Алина ДАДАЕВА
Николай ИЛЬИН
Бахыт КЕНЖЕЕВ
Владислав ПЕНЬКОВ
Александр РАДАШКЕВИЧ
Борис ЮДИН

9

Международный

АХМЕДОВ БАХОДЫР АКМАЛЬЕВИЧ родился в Ташкенте в 1967 году. Закончил физический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (1990) и аспирантуру физфака МГУ (1994).

Стихи и проза публиковались в журналах «Звезда Востока», «Гармония», «Мегаполис», «Урал», альманахах «Сегодня», «АРК» (Узбекистан), «Аргамак», «Новый стиль» (Великобритания), «Таллинн», «Книголюб» (Казахстан), газетах «День литературы» и «Литературная газета», «Иерусалимский альманах» (Израиль), «Лондон-ИНФО», антологии современной поэзии Узбекистана «Анор-Гранат» (Москва, 2009) и в антологии-билингве «Буквы на камнях» (Ереван, 2013). Автор книги стихотворений «Молчание шара» (2010). Живёт в Ташкенте.

Бах АХМЕДОВ

* * *

Ночь наступает душе на пятки,
словно в себе растворить стремится
день уходящий со смыслом шатким
и потерявшую небо птицу.

Ночь укрощает словесный ропот
и открывает простор наитью.
Медленным шагом приходит опыт
и возвращает свой долг событию.

Так открываются двери тайны
и наполняются светом руки.
Всё в этой жизни почти случайно...
Всё, кроме памяти друг о друге.

ЭКСПРОМТ НАСТРОЕНИЯ

Весна заблудилась в лабиринте времени.
Город похож на старую акварель.
Контрабандный снег,
испуганная ворона.
Художник,
забывший про яркие краски,
задумчиво наблюдает
за полётом снежинки.

* * *

1.

Зима ушла. И вдруг вернулась.
Забыла снег, уйти спеша?
И снова в кокон завернулась
Весной дышавшая душа

Как будто странная, чужая
возникла где-то запятая,
нарушив смыслов точный код
и спутав весь порядок нот.

2.

Надежде — сны, весне — отсрочка,
А снегу — просто тишина.
Так возникает в небе точка,
Где участь мира решена.

И облака, и неба сырость,
И бесконечный план стены.
Вот образ постиженья мира,
В котором долго нет весны.

* * *

Долгие переговоры с осенью...
Временное перемирие.
День передышки.

Пожилое солнце близоруко щурится,
изучает Землю сквозь линзу облака.
Пытается вспомнить.

Холодные дожди достигли будущего
и набухают медленным временем.
Ждут сигнала.

А люди покупают колбасу на ужин,
спят в телевизоре или в книгах...
Пытаются жить.

* * *

Гомеопатия редких снежинок...
Нет, не зима, лишь попытка зимы.
Город становится новой картиной
Или открыткой, где спрятаны мы.

Несколько слов, безусловно случайных.
Адрес обратный, которого нет.
Всё, что мы можем, — притронуться к тайне
на острие исчезающих лет.

Гомеопатия робкого снега...
Белая сказка ещё впереди.
Что там, в рецепте осеннего неба?
Томик Верлена, надежда, дожди...

* * *

Иногда кажется, что теряешь вес.
Не летишь, но словно немного *над*.
Иногда кажется, что исчез,
и не страшно, что никогда назад.

Иногда кажется, что слова
так условны, словно граница дня.
Иногда думаешь: жизнь права,
и вдвойне права там, где нет меня.

Иногда кажется, сделать шаг,
и пройдёшь легко, как нейтрино, сквозь.
А на самом деле твоя душа
наконец прозрела, отбросив трость.

И отныне будет только «ввысь» и «над».
И уже, увы, никогда назад.

* * *

Аквариум залов музейных...
Немеешь как рыба, плывёшь,
На тихую вечность глаза
И жабрами чувствуя дрожь.

О эти живые портреты!
Как всё они знают про нас...
Мерцание тёмного света
И взгляд снисходительных глаз.

А после так страшно наружу
Из этих глубин выплывать...
И думать устало про ужас,
Где время начнётся опять.

* * *

Последние дни уходящего лета
полны одинокого тихого света.
И кажется, солнце немного устало
смотреть, как дежурит старик у вокзала.

Зачем поезда он всё время встречает?
Он разве не помнит?
Он разве не знает?..
В глазах навсегда поселилось безумье,
а он всё стоит, растворяется в шуме.

Он ждёт, он уверен, сегодня уж точно...
Он знает, ещё не поставлена точка.
И всё не напрасно: его ожиданье,
и жизнь, и вокзала холодное зданье.

Сто лет пролетело, а может быть, двести...
А он всё стоит на излюбленном месте,
и смотрит в глаза равнодушные строго,
как будто найти в них пытается Бога.

БАКИРОВА ЛЮДМИЛА АНАТОЛЬЕВНА родилась в Кировской области. Окончила медицинское училище и Ташкентский государственный университет.

Стихи публиковались в сборнике «Поэзия-88», журналах «Звезда Востока», «Книголюб», «Новая Юность», альманахах «Молодость», «Малый шёлковый путь», «ARK», антологиях «Птица в клетке / Nightingale in Cage» (2008) и «Анор/Гранат» (2009). Участник 2-го, 3-го, 4-го, 5-го и 6-го Ташкентского открытого фестиваля поэзии (2002, 2003, 2005, 2006, 2008).

Живёт в Ташкенте.

Людмила БАКИРОВА

* * *

Шумны и роскошны дворы.
Там — свадеб весёлое время,
там — яблок тугие шары
и листьев тяжелое бремя.
Над пыльной решёткой оград,
под сводами клёна и ивы
снимают тугой виноград
и синюю оттепель сливы.
И персики с веток летят,
И вдруг, замечая потери,
однажды встревоженный сад
стучит в мои окна и двери.

* * *

Под вечер пруд весь ливнями зарос,
с дощатых лодок, омывая кили,
вода стекает к речке под откос,
в глухое царство белоснежных лилий.
Седое небо хмурят облака,
цветущий луг бежит к селу полого...
И кажется пустынною строка,
как за холмом размытая дорога.

* * *

Вот так опустишь до земли,
щекою прижмись к ней,
травинки —
деревья,
медведи — шмели,
паук в золотистой корзинке
в густые свои кружева
поймал непутёвую муху,
а та, ни жива ни мертва,
гудит и надсадно, и глухо.
Седой одуванчик в усы
душистой клубники запутан,
укрытый от капли росы
лиловым вьюнком-парашютом.
Витает над травами пух —

не знаю — какого растения,
и всюду малиновый дух,
и время плодов и цветения.
И жилоч тончайшая сеть
на листьях,
просвеченных тонко.
Вот так бы смотреть и смотреть
большими глазами ребёнка.

* * *

Ветер тащит поземку с реки,
холм качает деревья на склоне.
Нет! Моей здесь не будет ноги,
не косётся калитка ладони.
Тень мою не отыщет крыльцо,
Дверь не встретит, как старого друга...
И твоё золотое кольцо
оброню...
Забирай его, вьюга.

* * *

А снег идёт.
Среди деревьев стылых
фонарь углами вырезает тьму.
А снег идёт.
И я забыть не в силах
тот путь по снегу к дому твоему.

* * *

Приручал, да всё без толка,
Тебе ясно самому.
Не прикармливал бы волка,
Воля вольная ему.
В окнах —
— огненная роза —
Предзакатные лучи,
Побелев, вошла с мороза,
Отдала тебе ключи.
Всё, что клеили, разбилось,
Не собрать нам черепков,
Тяжела моя немилость.
Тяжелей твоих оков.

ДОЖДЬ

Дождь в провисшем над крышами сите,
морозящий,
шуршащий, с утра,
всё печальней, туманней, размытей,
в опустевшем колодце двора.
Птичьих гнёзд на деревьях корзинки,
у решётки в саду борозда
одуванчиков нежные спинки
под мохнатую лапкой куста.
И уже лишь одни очертанья,

колыхаясь,
мерцают дрожа.

То ли в душу вошло мироздание?
То ли в нём
растворилась душа.

* * *

Давно ли был пышным пейзаж?
Ты вспомни такую картину,
услужливый ветер, как паж,
нёс шлейф одинокой осины.
А нынче погоды не жди,
так пасмурно — вот незадача,
протяжнее стали дожди,
случайнее стали удачи.
И лист на дорогу упал,
коричневым стал подорожник,
как будто пейзаж рисовал
какой-то печальный художник.

* * *

Осень.
Неприбранный двор, редкие капли с небес,
сад опустевший, костер, с дымом тяжелым на вес,
ветер чихает в золу, ежиком хмурым трава,
сядешь на кухне к столу — кругом идет голова,
быть упирается в быт,
слышишь чеканные слоги,
в цокоте конских копыт по барабану дороги.

* * *

Со стаей птиц, летящих в небе клином,
с людьми, домами, кошками, афишами,
газет киоском, хлебным магазином,
и жёлтым солнцем, выдутым над крышами,
весь переулочек к горизонту скошен,
зовёт к себе,
шагну на пол со стула я,
и выведу себя за дверь, как лошадь,
не просто так до вечера выгуливать:
Учиться шагу до ночной звезды,
Чтоб не испортить после борозды.

НА ДАЧЕ

Урюк желтея,
клонит ветки
на угол старого айвана.
Собака лает у соседки.
Вода в саду течёт из крана.

Горячий полдень утки топчут,
доска качается в арыке,
на всю округу кура квохчет
в кустах дремучей ежевики.

Веранда прячется за шторой.
В саду — близь гравийной дорожки —
стол накрывают, под который —
со всех сторон крадутся кошки.

ПАМЯТИ ОТЦА

Качает ветер камыши, охапки сена рвёт из стога,
Чуть-чуть покрапали дожди, и стала в крапинках дорога.
К земле прижались лопухи, осеребрённые от влаги,
туман уполз в кусты ольхи, оставив прядь одну в овраге.
Дрожит подсолнух у крыльца, кусты под солнцем сушат сети,
И странно как-то — нет отца нигде, нигде на этом свете.

Белеет церковь на горе,
косцы тропой бредут в покосы...
На наковальне во дворе —
там — отбивает мама косы...

* * *

Ветер, запахом снега наполнив жильё,
пальный лист, со двора выметая,
на верёвке трясёт и швыряет бельё,
словно птиц перепуганных стаю.

И душа колобродит погоде под стать,
и, прищурясь, в слезах из-под века,
ночь глядит за фонарь, где почти не видать,
уходящего вдаль человека.

* * *

Я когда-то умру.
Может, стану травой,
на пригорке цветком, камышинкою в тине,
где на тусклом кустарнике вниз головой
стрекоза золотая висит в паутине.

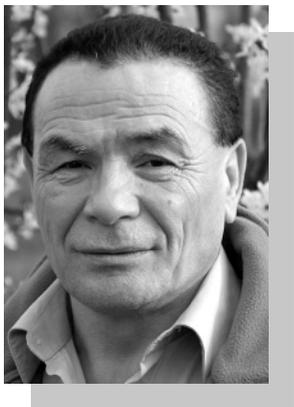
И по серым дорогам мелькают авто,
тонкий иней сверкает на рыжем суглинке,
где когда-то я шла, по тропинке, в пальто,
чёткий след на земле оставляли ботинки.

* * *

И осенней листвы жёлто-красную медь,
и деревьев ветвистые дыры,
и дорогу, бегущую полем в мечеть,
и, коптящие небо, тандыры.

И меня со слезами застанет трюмо,
к законному миру в придачу,
это я от родных получила письмо,
и, тоскуя по родине, плачу.

И с балкона, взглянув на соседний кишлак,
на дувал, за которым полоска айвана,
я сожму свою волю в железный кулак
и умоюсь водой из-под крана.

ГУМЕРОВ РИФАТ АГЛЯМОВИЧ (псевдоним — Омар Рифат Бек Мансур Аль Фергани) родился в 1958 году в селе Уч-Арал Таласского района Джамбулской области (Казахстан). Окончил Ферганский государственный педагогический институт им. Улугбека (филологический факультет), Литературный институт им. А. М. Горького, учился в аспирантуре Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина.

Публикуется с 1974 года в журналах «Дружба народов», «Юность», «Смена», «Литературная учеба», «Дружба», «Сельская молодежь», «Студенческий меридиан», «Звезда Востока», «Русское поле» (Молдова), «Книголюб» (Казахстан), «Восток Свыше» (Узбекистан) и др., в альманахах «Поэзия», «Истоки», «Провинциальный альманах» (Латвия), «Витрила» (Украина), «ARK» (Узбекистан), «Курак» (Киргизия), «Малый шёлковый путь», в «Литературной газете», «Московский литератор» и др.

Автор книг «Високосное лето» (1989), «Рисунок звука» (1990), «Dixi» (2003). Руководитель Пресс-службы по Центральной Азии UNCD (New-York). Автор и руководитель Международного проекта «Мир R».

Участник Ташкентского открытого фестиваля поэзии (2001–2008). Участник форумов русскоязычных писателей зарубежья 2012–2013 годов. Победитель Всемирного лингвокультурологического конкурса (Москва, МГУ, 2013).

Живёт и работает в Фергане и в Ташкенте.

Рифат ГУМЕРОВ

ИЗ ОКНА ВАГОНА

Оттуда — где был Моисей пастухом, пастухом,
И библейские луны катились, как дыни, как дыни,
Из той ветхости ветхой, далёкой — оттуда, оттуда

Александрийским стихом
По безводной и жаркой пустыне
Караванами пыльными плыли и плыли верблюды...

Сквозь сыпучесть времён, сквозь зыбучесть барханов, барханов,
Из той ветхости ветхой, далёкой — оттуда, оттуда
Сквозь бездушное небо пустыни, ни разу не бывшей в слезах,
Величаво плюя на царей, фараонов и ханов,
Караванами пыльными плыли и плыли верблюды —
Грусть усталых веков — в их глазах, в их глазах, в их глазах...

Две стальные черты зачеркнут вдруг дорогу в пустыне, —
По которой вела караваны верблюжья звезда —
Непустым исключением пустынных, старинных законов...
И в глазах верблюдов замелькают отныне, отныне —
Поезда, поезда, поезда...
Караваны вагонов...

ОДНАКО

Я это видел у Шагала:
Корова по небу шагала...
Я в это, впрочем, верил мало —
Но это всё, однако, было...

Жила-была одна кобыла —
Тащила воз, овес жевала
И — как корова — вдруг взлетала!
И это всё, однако, было...

Во ржи мы с Шурочкой лежали,
Во ржи мы с Валечкой лежали —
И разводили шуры-муры.
И разводили трали-вали.

От языков и глаз суровых
Во ржи любовь свою скрывали.
А три колхозные коровы
Над нами низко пролетали...

ДО РЕСТОРАНОВ ПАРИЖА — ЛЯГУШКИ ПОЮТ О ЛЮБВИ НА СВОЁМ ЯЗЫКЕ...

Сиамские кошки поют о любви на своём языке...
И каракумский верблюд поёт о любви на своём языке...
И бухарский ишак поёт о любви на своём языке ...
Летучие мыши поют о любви на своём языке...
Хоть для сереньких мышек летучая мышь тот же ангел —
Но серые мышки поют о любви на своем языке...
До ресторанов Парижа лягушки поют о любви на своем языке...
«До и после полуночи» — видиодевы и видиодивы — на
видеоклипах
в видиогипсовых видеоклипах (это одежда на них!) —
в полуголеньком виде поют о любви на своём и чужом языке...

Я же люблю тебя на всех языках — которые были, которые
есть и которые будут —
Арабское имя «РИФАТ» дал мне отец мой — татарин —
люблю тебя именем, что на арабском — скромное слово
«ВЕЛИЧИЕ»...

Фамилия мне — «ГУМЕР» — она же «ОМАР» и «УМАР» или
«УМР» —
что по-арабски значит: «ПАЛОМНИК» и «ЖИЗНЬ» —
люблю тебя жизнью своей, я — твой «ПАЛОМНИК»,
а ты мне — МАДИНА и МЕККА (дед мой ходил туда трижды!)...
Фамилия мне «ГУМЕР» — а по-русски звучит как «ГУМЕРОВ» —
потому что я родом из древних — древнейших ШУМЕРОВ —
поэтому я люблю,
продолжаю любить тебя на шумерском, на древнетюркском,
татарском,
арабском и на французском — который я изучал с четвертого
класса,
правда, всего по восьмой...

Люблю тебя на английском, т. к. люблю Элиота и Паунда
Эзру
и читаю газету «МОСКОУ НЬЮС» — правда, на русском...
Люблю тебя на казахском, потому что родился в казахской
пустыне,
и Олжас Сулейменов мне сам подарил свою книгу...
Люблю тебя на узбекском, потому что живу в Фергане и в
Ташкенте,
даже на русском люблю — потому что пишу я на русском,
люблю я тебя на башкирском, т. к. по пятой графе я — башкир...

Ты тоже любила меня, но совсем в другом городе...

В нашей советской стране существует «СОЮЗПЕЧАТЬ» —
и я получаю кучу газет и журналов:
я живу в «Октябре», на «Неве», в «Новом мире» и «Дружбой

народов», уважаю я «Труд», интересен мне мой «Собеседник»,
я всегда
почитаю «Советский спорт» в перекурах — хотя времени нет
на зарядку...

Я не «Наш современник» — я твой современник, я живу не
в «Москве»,
а в Ташкенте — каждый день с «Огоньком» я бегу на работу
и со знаменем в правой руке — в магазин, на базар и в аптеку...
Почтальонша — старушка в шагреновой сумке
каждый месяц приносит мне «Юность» —
а я люблю тебя, «Звезда» моих очей — «Биробиджанер штерн» —
«Звезда Востока»...

Это «Сельская правда», поверь мне, моя лунолика...

А мужчина-цветок цветёт о любви на своём языке...
А женщина — тоже (не тот же!) — цветок цветёт о любви на
своём языке...

Но где же летает наша пчела?
Она — бечорашка¹ — сидит на моём левом плече —
Где ноги твоей правой больше не будет...

* * *

О столице пел ветер цыганский,
И дорога катилась мне скатертью...
Но я был сиротою казанской —
У Казанской своей Богоматери...

Всё развеют ветра, как листву.
Я стоял — на сей раз устоял...
А я думал, что знаю Москву,
А я знал лишь Казанский вокзал...

АВТОПОРТРЕТ № 3

1.

Ты в щели глаз своих глядел — как в щель замка,
Подглядывал за жизнью — как за бабой...
А жизнь казалась голою и слабой —
Не рассчитал — мудрец! Кишка была тонка...
Твой сантимент дешёвый — как сантиметр:
«Кем в жизни будешь? Подлецом? Героем? —
В конце концов всё будем перегноем...»
Но мы с тобой простимся и простим...

2.

а шар земной для космоса лишь шарик...
А Карла храбрый — лишь пугливый кролик
С глазами красными — как будто алкоголик...
А Карл Великий — лишь великий карлик...
Мы уши плотно затыкали паклей
И, разводя понты из пантомимы, —
Мы над Москвою пролетали — мимо! —
И падали на город — словно капли...

¹ Бечора — бедняга (узб.).

3.

А наши любопытные Варвары —
Когда носы им дверью прищемляли —
Так утонченно-жалобно пищали:
«Жизнь — варварка!» — свистя как самовары...
Моя любовь, судьба, моя гюрза!
Как лицедей — скажу тебе я: «...льзя!»
Зерно зиры я откопаю в плове —
Хоть на столе, как на ногах — кирза,
Судьба, ловлю тебя на тёплом слове:
«Люби меня за то — за что нельзя...»

4.

Рождённый пить — любить никак не может!
А если не курить нам и не пить —
То как себя от СПИДа оградить?
Исход летательный — без зонтика, без лонжи —
Выпрыгивать с семиэтажных лоджий!
Что стоит жизни (нам ли говорить!) —
Как орденом — болезнью наградить?
Пусть песни разные — припев один и тот же...

5.

Я — стрекозёл, отпрыгивал свой танец,
Искал себе на ухо приключенье
И своего добился в заключение:
Брак — два кольца: на шею и на палец.
На лысине моей сверкает глянец...
Лишь изредка — в порядке исключения —
Использую жену по назначенью...
А был красивым — как американец...

6.

Кто знает, где судьба нам улыбнётся?
Что от щедрот судьбы мне перепало?
Сто тысяч пчел — и каждая (!) кусала...
Зачем мне пчёлы — если мёд найдётся...
В очередях последний пусть смеётся...
Пропала дев- и нрав-СТВЕННОСТЬ упала...
Довольно жить с тобою как попало,
Мы станем жить с тобою как придётся...

7.

И я — без белых пятен в кругозоре —
Попавшийся в хозяйственные сетки —
Что выиграл? Лишь фантик от конфетки...
На кухне — сцены, словно в «Ревизоре»...
Душа в печали... И тоска во взоре
Линяет только с образом соседки
Как птица, окольцованная в клетке,
Смотрю на волю в клетчатом узоре...

8.

А где Хайям? Где Фрейд и Фейербах?
Ушли к Херону, а меня надули...
Летают мои дули — словно пули,
В глаза врага выкрикивая страх...
В глазах любимой вижу лишь себя...

Стихи — майн кампф, май лайф, мой кайф и допинг —
Я в них ломаю голову и копя,
А в голом доме нету ни копя...

9.

А где же быть моим векам и векам —
Коль истины зерно ищу в полове?
Что толку философствовать корове —
Разложенной в консервы человеком?
С Дюмою по писучести я вровень...
Хотя о славе говорить не вправе —
Я не мечтаю оставаться в славе,
Как в янтаре — застыть мечтаю в Слове...

ХОРОШО

Хороша деревня!
Деревенька древняя.
Птицы на деревьях...
Благодать!

После сладкой ночи —
Солнечным денечком —
Буду я в тенечке
Чехова читать...

А читать устану —
Я читать не стану.
И писать не стану —
Наплевать!

Захвачу корзинку
И соседку Зинку —
И пойду малинку
Собирать...

ДАДАЕВА АЛИНА НИКОЛАЕВНА родилась в 1989 году в г. Джизаке. Окончила факультет журналистики Ташкентского университета.

Публиковалась в журналах «Звезда Востока», «День и ночь», «Звезда», «Новая Юность», в сборнике «Новые писатели». Дважды (2010, 2011) участвовала в Форуме молодых писателей в Москве. Участник Международной писательской программы (США, 2012).

Живёт в Ташкенте.

Алина ДАДАЕВА

* * *

Мальчик,
скользящий по линии света
к линии свитка,
где чёрные буквы
перекрутились, как чёрные букли,
перекрутились, как клейкие листья.
Мальчик сутулый и чуточку лысый.
Мальчик глотает прозрачные капли.
А у виска две пожухшие каллы,
белые каллы
и горсточка риса.

* * *

Шорты в заплатках, травинка за ухом,
бабка Зудейка окликнет: Заинька!
на полурусском присвистнет: Олинка!
А на веревке у бабки — облако
сушится вместе с атласным лифчиком
и не понятно, что больше — лишнее.
Кошка сидит у конюшни в ступоре,
чашку разбила с вареньем тутовым.
Чешутся кони боками дряблыми,
кошка в тутовнике, кони — в яблоках.

* * *

Пыль на тахте,
на тарелке —
урючинки с солью.
Сонные ослики
солнце качают ушами,
шаткая тучка —
неловко впечатанный смайлик —
лыбится горько.
А в горле —
приспущенный шарик,
шарик воздушный:
вдохнёшь — и лети куда хочешь.
Тикают ставни,
а может, кузнечики.
В сточном
арыке

бульжник,
как прочерк,
проставлен.

* * *

Кажется, осень?
Кажется, очень
чёрным по синему выписан крендель,
красным по серо-
зелёному крендель
над козырьком обрусевшего сэра,
над мокасинами из вельвета.
По-левитански прибудет январь
— хуже, чем поезд —
притопчет, приглушит
перечеркнёт небезгрешную
повесть,
об ипостаси, которой и нет
вовсе,
по крайней мере, снаружи,
с нашего бока, по крайней мере.
...Станешь на печке уныло емелить —
Сон не убудет — зевай не зевай.

* * *

Выдуваешь губами пар
на пару
с люками на проезжей части,
слушаешь, как набухает воздух.
Воздух, который
станет птицей,
белой,
взъерошенной,
но сначала —
бездной
невысказанных и горьких.
Всё потому, что больное горло,
Всё потому, что под горлом — сердце.
Всё потому, что под сердцем — голо.

Катятся тени с подлунной горки —
ветер следы на снегу качает.

* * *

В сумке — снежинки и сказки Гоцци,
всё — помянешь ушко иголье
и неприступное божье царство.

Спрячешься в норку — и будешь счастлив,
Спрячешься в строчки — и будешь частью
тех беззастенчиво безучастных,
тех, существующих параллельно.

Между озябших еловых веток.
Между фонариков новогодних.

* * *

Звук становится светом, если
вместо гаммы выводишь спектр.
Пихты — это немного ели.
Море — это немного пена.

Пепел был бы цветнее, кабы
сквозь него прорастали маки.
Мекка — это уже Кааба.
Точка — это уже прямая.

* * *

Облака над домами —
темно и томно
распластались.
И город
ливрею чистит
как безропотный сенешаль.
Кто-то бродит в потемках
походкой лисьей,
по дубовым листьям,
корявым веткам,
и катает в ладонях комочек глины.
А за городом ливень,
под ливнем — пустынь,
и старухи с крестами
шипят, как угли,
а Господь всё играет
в кривые кегли
и смеётся, бросая шар.

* * *

Рассея.
Рассеяв
со свистом,
бесстрастно,
беспечно
без почвы
оставив,
расставив
все точки
всетошно
над сорванным кушем.
Своих — словно сор,
как листовки,
как письма.
Как спится тебе,
золотая кукушка?
Не снятся
казахские серые степи,
ферганская глушь,
где ни слова по-русски?
А мы тебе — грузом.
А мы тебе — лишни.
А мы тебя — матушкой
кличем.

* * *

Перевернутый мир хрупок —
кинешь камушек — и пойдёт кругами.
А кто-то его сапогом.
Нарушится чуткое равновесие,
весело
задрожат неокрепшие крыши,
рыжие
лиственные погоны.
И — снова чисто.
А по эту сторону темь и ругань.
И тоже — кругом.
Кольцом удавим,
давным-давно на перст надетым.
Поддеть бы
тоненькую плёнку — и раствориться.

* * *

В голове сущий сумбур.
Всё время чего-то хочется:
то ли московской прописки,
то ли странички в «Литературе».
А ещё называюсь культурным,
образованным человеком!
Не страдаю возрастными болезнями,
как-то:
татушками и носопупковым пирсингом.
Но и не делаю ничего полезного.
Впрочем,
это издержки нашего абсурдного
века,
со всей его пошлой современностью
и войнами за имя Господня —
(представляете,
как Ему смешно,
если Он там действительно существует?!)
Впору и Зевсу Кроновичу бравурно
взойти на мировой подиум
трезубец о трезубец с ГЕРАической женой,
толерантно терпящей мужьи измены.
А нам
можно наделать дикарских бус
и — в пляс,
и — в бубен:
бум,
бум,
бум —
жить на вдохе и выдохе,
как это бывает у стариков и детей,
а всё остальное — на хе...
...бум...
...буб...
...бум...
Сумбур,
как видите.

ИЛБИН НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВИЧ родился в 1950 году в городе Златоусте Челябинской области России. Окончил филологический факультет Ташкентского Государственного университета (ныне Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека).

Стихотворения публиковались в альманахах «Кронос» (Даугавпилс, Латвия), «Признание» (Ташкент), «И помнит мир спасённый...» (Москва), «Мир литературы» (Баку), «Книголюб» (Казахстан), «Ватан учун яшайлик» (Ташкент), «Слово», «Русская поэзия XXI века», «Буквы на камнях»; журналах «Дружба народов», «Эдита» (Германия), «Звезда Востока» (Узбекистан), «Шарк Юлдузи» (в переводе на узбекский язык).

Автор поэтических сборников «Первая тетрадь» (2004), «По клавишам души» (2005) и «На кочевьях времён» (2006), «Обетованная память» (2008), «По стопам листопада» (2010).

Лауреат литературного конкурса «Ватан учун яшайлик» («Жизнь на благо Отечества», 2011). Живёт в Ташкенте.

Николай ИЛБИН

* * *

Горное озеро спит в тишине,
Горную подлинность видя во сне.

В озере горном волнения спят:
Скалы безмолвие влаги хранят.

Парусом белым на синем стекле
Снежной вершины колеблется след.

Лёгкая тень пронеслась над водой,
Смутное облако, в небе не стой! —

Влажное зеркало хочет опять
Синюю ясность в себе отражать.

Ветер задумал встревожить волну,
Но не сумел возмутить глубину.

Озера ветру смутить не дано:
Замысел вечности видит оно.

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫЧЕСТВО

Судьба нам цельность не даёт
Святоапостольской методой,
И в нас язычество живёт
Одушевлённую природой.

Нас тянет верить в тайный дух,
Сокрытый в ауре деревьев,
И в правоту глухих поверий,
С пелён усвоенных на слух.
В кощеев, леших, водяных,
В русалок будничную близость,
В логическую уязвимость
Теорий тех или иных.

Нам изначально привилось
Желанье веры неформальной,
Недостижимо идеальной,
Непостижимой, как «Авось!»

В нас непокорная строптивость,
Готовность вспыхнуть сразу, вдруг,
И жертвенная уязвимость,
И неоправданный испуг.

В нас солнца блинная румяность
И праздник, что почти жесток,
И скоморошья бесшабашность,
И ум, что гибок и убог.

В нас ворожбы тревожный страх,
Доверие к печатным слухам
И поклонение злым духам
На государственных постах.

ХРАМ РУССКИХ В АЗИИ

Храм русских...
Кладка кирпича
Начала прошлого столетия.
Недогоревшая свеча,
Возвышенное междометие.
Как судорога паралича,
Проходит трещины отметина.

Разброс великорусских сил
В наивном самообольщении,
В непостижимом устремлении
Обрести заброшенность могил
На беспримерном удалении,
В оазисе чужих светил.

Чему, мой храм, ты стал оплот,
И свет твой стал ли просвещением?
И кто решит — чему черёд:
Просить ли за приход прощения,
Иль отпущенья за уход?

* * *

Есть безысходность, хаос, смерть —
Они ума решимость сдержат;
Я знаю, где теряет след
Последней логики надежда.

Зачем пружину напрягать
Часов со сломанной пружиной?
Умом предел лишь осознать,
Но не избыть;
Возможно — *снять*,
Но хватит ли на это жизни?

Заветный выход — есть и нет,
Возможный и неуловимый...
Но знать, что может быть ответ,
Уже ответ наполовину.

* * *

Банкноты осени лежали под ногами,
Набрал станок печатный оборот,
Инфляция ноябрьскими торгами
Грозила обезлиститъ целый год.

Но где-то в глубине земной стихии
Природы головной экономист
Уже рассчитывал на прибыли большие,
В тугие почки вкладывая лист.

ЯПОНЕЦ

(из цикла «Профсоюзные встречи»)

Японец всем нам угодить старался
И кланялся почти насчёт всего,
Он руки тряс и сладко улыбался,
И верилось в гармонию его.

Мы не могли так показать, что рады,
Хотя старались лыбить наш портрет,
Но разве можно просто встречи ради
Перелопатить свой менталитет!

Как мы ни бились, а глаза моргали,
И получалось всё наоборот:
Ему глаза косые помогали,
А нам мешал всегда открытый рот.

И лишь тогда, когда дошло до водки,
Мы наконец-то взяли свой реванш:
Мы улыбались сквозь косые створки,
А он лежал, прямой, как карандаш.

* * *

По неизведанным дорогам
Я шёл из детства в этот мир,
Прельщённый светом жизни строгой
И жаждой радости томим.

И, как известная лисица,
Напомнив басни анекдот,
У винограда стал крутиться,
Не смея тронуть самый плод.

Я встал в раздумье возле сада,
Заметив лаз в кольце оград:
Но то ль мне подлинно не надо,
А то ли *зелен виноград*.

* * *

Тягаться с ним, признаюсь, нелегко:
Практичность, цельность, деловая хватка,
Стремление к надёжному порядку
И чтоб других оставить далеко —
И, если поэтически и кратко:
Он — классицизм средь мелких рококо.

Ему лишь результат вынь да положь,
И тот, кто в дом его огромный вхож,
Лишается любых противоречий,
Становится тотчас же опредмечен,
И кажется, что всё обман и ложь,
И только *он* и прав, и мудр, и вечен.
И полагают вилка, ложка, нож,
Картины, карты, стулья, лица, свечи:
«Ну что ж, я тоже на *него* похож,
Я тоже — *он*, я тоже — Собакевич!»

* * *

Если вам нужно круглое,
Наверно, оно будет кругом.
Расставьте у циркуля ножки
И сделайте пируэт.
Но если вам нужно, чтоб круглое
Было ещё и вкусным,
То это, конечно, яблоко —
Добавьте цвет!

* * *

Поэты пишут о судьбе,
Где счастье случаю сродни;
Поэты пишут о себе:
О том, как сладко им в любви,
О том, как трудно им в борьбе —
И скучно в остальные дни.

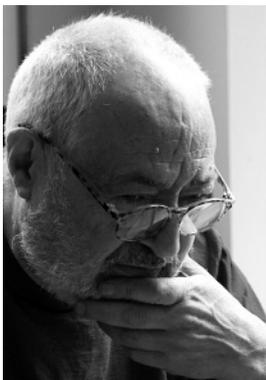
* * *

Судьбу сломить нельзя, но разгадать возможно,
И понимания судьбы достигнуть должно,
Смотря в её лицо, но счастья не прося,
Не жалуясь на боль, не требуя, не лстя;
Внимательно следя за каждою чертой —
И жизнь тебе воздаст своею полнотой.

КОГДА НЕ ПИШЕТСЯ

Как вокалист дрожит за голос —
Источник смысла своего,
Поэт боится впасть в негодность,
Когда не слышит ничего.

Один берёт ревниво ноты,
Боясь издать фальшивый звук,
Другой — по кабинету бродит,
И, распаясь на время, вдруг
По клавишам души проводит —
Но гулкой крышки слышит стук...

КЕНЖЕЕВ БАХЫТ ШУКУРУЛЛАЕВИЧ родился в 1950 году. Окончил химический факультет МГУ. Автор ряда стихотворных и прозаических книг. Один из основателей группы «Московское время» (вместе с Александром Сопровским, Сергеем Гандлевским, Алексеем Цветковым и Александром Казинцевым). Стихи переводились на казахский, китайский, французский, английский и многие другие языки. Лауреат нескольких литературных премий, в том числе «Антибукер» (2000) за книгу стихотворений «Снящаяся под утро»; «Москва-транзит» (Большая премия, 2003); «Русская премия» (2008) за книгу стихотворений «Крепостной остывающих мест». Живёт в Нью-Йорке.

Бахыт КЕНЖЕЕВ

ЭЛЕГИЯ ПЕРВАЯ

Веришь ли, снова сквозь полупрозрачные облака
рассиялось бельмо луны ртутным светом, Господне око.
Жизнь ли сужается, как замерзающая река,
и становится твердью заснеженной, одинокой?

Или же кругозор налима, по глупости вмёрзшего в лёд,
сжимается? Или ревниво рыбак проверяет снасти
для подлёдного лова? На автопилоте крейсирует ночной самолёт.
В старости, говорят, утихают страсти:

лакомишься карамазовским коньячком со льдом,
переживаешь, что нет писем от взрослого сына.
Прибывает житейская мудрость, обустройства дом,
подрастает высаженная осина.

Помнишь, был такой пожилой персонаж из отдалённой земли
Уц? Неудачник, зато непременный участник очных
ставок с Богом. Выздоровел от проказы. Перестал валяться в пыли.
Обзавёлся новой семьей и т. д. — смотри известный первоисточник.

ЭЛЕГИЯ ВТОРАЯ

Из прошлого мне что-нибудь сыграй,
скрипач слепой, напомни милый край,
стишок слезливый, писанный по пьянке,
бычки в томате, детский анекдот,
стакан, гитару да горбушку от
шестнадцатикопеечной буханки

с уральской солью, с постным маслом, да.
Сколь молоды мы были, господа,
сколь простодушны были и невинны,
сколь сладко задыхались, влюблены,
от красоты и дивной глубины
очередной Ирины или Риммы!

Тихонько спит прошедшее навзрыд,
лишь время негорючее коптит
в светильнике умершего поэта,
как масло постное. Ах, нищие, народ
тревожный — пьёт, а денег не берёт —
наверное, монах переодетый.

И вдруг прошепчет: честно говоря,
кто саван шьёт — тот трудится не зря,
так строил фараон на радость сёстрам
свой гроб, и пел предутренний петух,
усваивая вечность не на слух,
а зрением и опереньем пёстрым.

ЭЛЕГИЯ ТРЕТЬЯ

Дом: этажерка, кролик, фикус. Не низок, хоть и не высок.
В ладошке яблока огрызок, а в небесах наискосок
летают пламенные стрелы, и мать младенцу говорит:
не плачь! Не звёздочка сгорела, а так, простой метеорит.

Давно и дома нет, и звёзды скудеют с каждым днем, пока,
клубясь, переполняют воздух раскатистые облака,
под осень мама моет раму, и мы с сестрицею глядим.
Сухой листок, как телеграмма, летит бульваром золотым.

Нет, не смешно, скорее просто. Резец, орган, крысиный хвост
от колыбели до погоста, под светом падающих звёзд,
небесной сволочи бродячей. Кому пиковый интерес,
кому гоняться за удачей — светло, а времени в обрез.

Как ларчик из крыловской басни, как монтекристовский сезам,
дар памяти ещё прекрасней, чем ночь, отпущенная нам.
Но что и вспомнишь — так неточно, нечётно как-то, стгоряча —
пустой листок депеши срочной, печать ночного сургуча

ЭЛЕГИЯ ЧЕТВЕРТАЯ

На Венере, ах, на Венере у деревьев синие листья.

Николай Гумилев

Удлиненные тени событий и вещей, голосов, чаепитий
поздних, голуби, вещие сны, дальний грохот гражданской войны.

Нет, не граждане мы — горожане, мяли кожу, ковали, дрожали
над младенцами — вдруг дифтерит? Как же ярко Венера горит,
там лишь ангелы, дети малые, ни Дзержинского там, ни Троцкого,
а на ёлках иголки алые, а в музеях картины Бродского,

водопады, ручьи, лечебная валерьяна, скрипка, пирожного
благоухание, словом, волшебная философия невозможного.

Всё исчислено и измерено. Толку нет от мёртвого мерина —
травяной мешок, волчья сыть — ни стреножить, ни воскресить.

ЭЛЕГИЯ ПЯТАЯ

Запах горелой резины серые птицы одни
что за бесснежные зимы что за короткие дни

что за январь неохотный распространяясь окрест
будто дошкольник бесплотный хрусткое облако ест

сколько ни шарь по карманам нету мобилы увы
славно лежать полупьяным в вежливых лапах москвы

столько нашепчет историй и подростковых забот
сколько друзей в крематорий микроавтобус свезёт
хрип постаревшей пластинки леннон а может булат
организуем поминки водка селёдка салат
веруя в родину эту в немолодую родню
выпью расплачусь лишь свету вечному не изменю
словно незрячий ощупал жизнь и сказал неплоха
кладбище звёздчатый купол храма у вднх
там же где богоугодный меж гаражей вдалеке
бродит январь безработный с кроличьей шапкой в руке.

ЭЛЕГИЯ ШЕСТАЯ

Пора, мой друг, пора. Я Пушкина листаю.
Четвёртый час утра. Элегия шестая.
Поморщусь, закурю и выдохну привычно:
печаль моя мутна и ночь косноязычна.
Вопит во сне вдова, на свадьбе шут рыдает.
Подснежник радует, и тут же увядает,
играют радугой разводы нефтяные
на лужах городских. О чём ты хнычешь ныне,
неблагодарный раб? Кому ты так глубоко
завидуешь? Кому светло и одиноко?

Ах, мышья беготня. Уже пробили зорю.
Запахнет серый свет бродящею лозою,
и дымом — свежий хлеб, не душистым, а сосновым,
и спросят мёртвого: «не грустно? не темно вам?».
Лимоном, лавром, друг, точнее, лавровишней.
Давно ли вечно жить нам обещал всевышний?
Но это было там, в других краях, где горе
топили юноши в арабском алкоголе,
и пела под дождём красавица чужая,
грядущей тишине ничем не угрожая.

ЭЛЕГИЯ СЕДЬМАЯ

А. С.

Всё кажется — вернусь, и станет всё, как было,
на Малой Бронной, где теперь сугроб
(как я тебя любил, как ты меня любила!),
аптека и кофейня. Жизнь взахлёб.
И будет нам тепло среди зимы косматой:
подпольный Галич с плёнки запоёт,
и кухню полутёмную зальёт
люминесцентный свет продолговатый.

Любил-то я тебя, а был влюблен в одну,
другую, третью, и сердился, право,
когда ты выговаривала: ну
ты, мальчик мой, неправ, а впрочем, слава
Создателю: он сам — творенья часть,
то сдвинет ось земли, то сам себе дивится,
то посылает всякой мрази власть,
то глупость — юношам, то молодость — девицам.

Кончается благословенный век мой.
Ты умерла (а я не поумнел),
но всё смеёшься, пепел сигаретный,
как бы профессор с тонких пальцев — мел,
вдруг стряхивая в оранжевое блюдо.
Нет, не вернусь. Ушедшим не проснуться,
лишь Патриаршие сверкают инеем,
и небо чёрное, и светло-синее.

ЭЛЕГИЯ ВОСЬМАЯ

Ах, как смешно ты мечешься, голубчик, в рубашке клетчатой,
в сиреневых носках,
в штанах (вельвет песочный в мелкий рубчик), с зачитанным
Овидием в руках.

Не нам воспрять — лишь ангелам, вернее, созданиям, не
знающим стыда, —
мы выцветаем, глупый мой, бледнеем, а то и вовсе пропадаем, да.

Не возвратит заоблачный охотник оброненного в чёрных
подворотнях,
в года, когда с отточенной тоской свет теплился в столярной
мастерской

на первом этаже замоскворецком, на сельском кладбище,
в евангелии детском.
где Гавриил, небесный генерал, Давида молодого уверял:

лишь певший об увиденном впервые снять цепь врождённую
умеет с грешной выи
одним движением — и в тесном вещем сне зубами скрежетать
без помощи извне.

ЭЛЕГИЯ ДЕВЯТАЯ

зацвела конопля дозревает мак
а подумал о будущем и обмяк
и зашёлся кашлем от сигареты
различив за безлицею синевой
осторожный и жалобный голос твой
повторяющий что ты где ты

распахнётся при чёрной свече зрачок
молоку на смену придёт обрат
станет страшно и тихо-тихо,
лишь под утро в углу затрещит сверчок
таракану друг и цикаде брат
подзывая свою сверчиху.

потемнеет пристань невадалеке
где спустился бы в лодку с узлом в руке
раскулаченный, только пешим ходом
бормотать ему по водам чужим
над которыми сириус недвижим
истекает бесплотным мёдом

полно хвастаться кожаным ярлыком
на княжение — певчих сверчков на корм
игуанам и мелким змеям

размножают — и светимся мы во тьме
и встречаемся как не в своем уме
и прощаемся как умеем

ЭЛЕГИЯ ДЕСЯТАЯ

отсидели за школьную партой возмужали в родной стороне
затхлый запах свободы плацкартной кружит бедную голову мне
и играет в гранёном стакане счастье странника спелый агдам
и дошкольники машут руками уходящим на юг поездам

и ещё я студент не добытчик а страна за мою спиной
набивает ивановский ситчик полыхает травой степной
тянет сети работает то есть про железнодорожный рассвет
сочиняет стучащую повесть но у времени совести нет

счёт идёт на такие секунды что и выбора нету прости
не замай темнохвойной пицунды моря в гаграх и праха в горсти
предвечерний покоится с миром не резон уже и недосуг
воскресать молодым пассажирам поездов уходящих на юг

ЭЛЕГИЯ ОДИННАДЦАТАЯ

когда адам отстраивал содом
и любовался собственным трудом
телеги с черепицею скрипели
по глинистой дороге, мастерки
сновали, словно ласточки, легки,
молчали плотники, а каменщики пели.

в чём смысл творенья город Расскажи
десятники свернули чертежи
грядущее плотнее и бесплотней
охотник на оленей лжец кузнец
и ростовщик и мельник наконец
обнявши жён справляют день субботний

один адам на ложе земляном
скорбит и размышляет об ином
спи старец спи пускай тебе приснится
красавец Блок (уволенный рыбак)
с медовой папироскою в зубах
и бумазейной розою в петлице

ЭЛЕГИЯ ДВЕНАДЦАТАЯ

И стартовал бы с чистого листа,
чтоб стала ночь прощальна и проста,
ан не выходит. Грустно. Тараканы
под плинтусом. Зима. Метаморфоз
не жалуем ни в шутку, ни всерьез,
засим (привет, Лебядкин!) и стаканы

сдвигаем с тусклым звоном. Не хотим,
но кожа превращается в хитин,
а руки-ноги — в лапки, и свобода
сужается, как довоенный мир,
до точки, до одной из чёрных дыр
в развалинах живого небосвода.

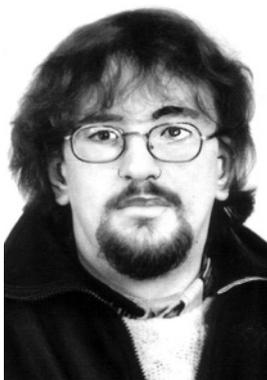
А тараканы знай шуршат, шуршат,
кот ловит перепуганных мышат,
бездомный муж на вентиляционной
решётке, в древний кутаясь тулуп,
пьёт из горла. И песня льётся с губ,
безмолвная, как пруд пристанционный

из Саши Соколова, с трын-травой
и радугой бензиновой. Постой,
на пышный град в убогой облицовке
из жжёной глины — оглянись! Жена
с тележкой бредёт, обожжена
безумьем. Ни завязки, ни концовки.

Тем и скушна поэзия, та chère,
что дышит только светом горних сфер
(шучу). Сужаясь от избытка чачи
(как бы зрачок), за истину не пьёт,
невнятицу бесшумную поёт.

И рад бы изменить ей, но иначе —

не смог бы, нет. Прощальна и проста,
снимает тело мёртвое с креста
и, тихо прихорашиваясь, плачет.

ПЕНЬКОВ ВЛАДИСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ родился в 1968 году во Владивостоке. Автор трёх стихотворных сборников и ряда публикаций в отечественной и заграничной периодике («Знамя», «Нева», «День и ночь», «Эмигрантская лира», «Студия», «Зарубежные задворки», «Плавучий мост», «7 искусств», «Сетевая словесность», «45-я параллель», «Топос», «Парус» и др.). Член Союза российских писателей. Живёт в Таллинне.

Владислав ПЕНЬКОВ

СВЕТ И ЗВУК

СТАРЫЕ ФЛАМАНДЦЫ

1.

Ты — частица этого пейзажа,
ты — частица телом и душой.
Снег лежит, белея, словно сажа, —
ничего! — нормально, хорошо.

А на нём — прогулок пёсских прядки.
А над ним — зияния ворон.
Видишь, всё по-прежнему в порядке —
всё, всегда, везде, со всех сторон.

Чуть заметно воздух пахнет сланцем.
Где-то далеко — среди деревьев —
заблудились старые фламандцы,
раз пятьсот зимою умерев,

раз пятьсот оттаяв и воскреснув,
но дорогу потеряв навек.
Что-то тяжело, прохладно, пресно
по щекам сбегает из-под век.

2.

Изломаны деревья и картаво
в их глубине скопление тёмных птиц.
Но вот закат. И жуткий отблеск славы
касается и наших бледных лиц,

как будто мир сейчас сойдёт с экрана,
и ход его событий убыстрён,
и ангелы кричат для Иоанна
на диалекте галок и ворон.

А там — вдали — слегка синеют сосны.
И только их мне хочется сбережь,
чтоб лишь для них звучала в переносном
прямая несгибаемая речь.

3.

Старые фламандцы, стыннут реки,
птицы замерзают на лету.
Отчего-то кажется — навеки
сладкий привкус холода во рту.

Кажется, ни много и ни мало,
люди в scarлатиновом бреду
окунали кисти в ртуть каналов,
в маленькие проруби во льду.

Рисовали страшное не страшно —
снег и ветки, стужу и огонь,
котелки какие-то и брашна,
небо и дырявую ладонь.

Всё настолько ясно, что куда там
букварю. Глаза себе зашей,
будешь помнить — алые солдаты
весело кончают малышей.

РОЗОВЫЙ ПЕРИОД

Акробаты, циркачи, атлеты,
те, которым умирать не в жилу,
те, которым солнечное лето
голову как следует вскружило,

«розовый период», трали-вали,
всё прошло, закончилось, в итоге
даже вы, друзья, поумирали,
нищие земные полубоги.

На трико под мышками потёки,
налицо тигриные повадки,
были вы прекрасны и жестоки,
и нежны, как дети и лошадки.

Высохли трава, деревья, краски,
с розовых кустов цветы опали,
облаков скользнули безопаски
по щекам небесным твёрже стали.

Выскользнуло время, словно мыло.
Всё, конец. Финита ля, короче.
И пошли вы розовым распылом
в чёрные небархатные ночи.

Осень пахнет ржавчиною влажной,
пахнет Ахерона красной глиной.
И летит над нею клин бумажный
музыки несложной журавлиной.

ПРЕЛЮДИЯ

Наташе

1.

У меня для тебя — лишь слеза
и зимой, и весной, и летом,
потому что луна-железа
истекает бессонниц секретом.

Нелогично, но Бога прославь —
не испытывай боли и страха,
из конверта достань и поставь
на вертушку прелюдии Баха.

Лёгкий треск из-под лёгкой иглы,
словно трещинки губ без помады,
словно тени и веточки мглы —
расшифровывать это не надо.

Ты и так всё поймёшь. Ля минор
смотрит взглядом усталым и нежным,
потому что ведёт разговор
с самым искренним и неизбежным.

Потому что он знает про нас,
знает всё, а не где-то и что-то,
потому что он — голос и глаз,
адвокат, тридцать три оборота.

2.

Озаренье не сводится к делу,
не бубнит, мол, садись, озаряй.
Просто музыка так захотела,
захотев перелиться за край.

Может быть, это дело потёмок,
дело чёрное, словно винил,
словно плачет в потёмках ребёнок,
чтобы ты сам себя обвинил,

чтобы сам ты заплакал от страха,
потому что иголка остра
и пронзает прелюдию Баха,
а прелюдия — это сестра.

Всё на свете звучать перестанет,
а любовь и сестра и минор
не обманет тебя, не обманет —
осияет обоссанный двор.

Дело тёмное. И до рассвета
будет рядом с тобой чернота —
эта страшная мимика света
с трагедийною складкой у рта.

То, что пишет руками твоими:
эта музыка — лишь псевдоним,
и стоит настоящее Имя —
перед нами стоит и за ним.

ALL THE LONELY PEOPLE

Только мгла, и тоска, и,
если хочешь, лети!
Полбутылки токая,
ледяные пути.

Разъезжаются ноги,
усмехнулась стезя.
Мелодичной тревоге
ты не скажешь — Нельзя!

Есть дела и полезней,
есть важнее дела.
Но в руках у МакКензи
леденеет игла,

приближается гибель,
снег с дождём впереди.
Это песня о Ригби
поселилась в груди —

наверху хит-парада,
в глубине глубины —
синевой винограда
и эфирной волны.

Это — русская мука
уместилась вполне
на дрожании звука
на короткой волне.

Подбирай, Достоевский,
этот британский мотив,
в страшный обморок невольный
стон его превратив.

Это — твой многократней,
русский исконно звук,
а не просто — МакКартни
дело слуха и рук.

Как печально, как нежно!
Одиночество, блин! —
навсегда неизбежно
и из самых глубин —

потайная зона
и причина причин
твоего Родиона
и английских дивчин.

Ах ты, Господи Святый,
допиваю вино,
даже и не распятый,
но *такой* всё равно.

СВЕТ

Ты говоришь, что боли нет,
я говорю, что боль повсюду.
И льёт один и тот же Свет
Господь нам в разную посуду.

Свет, состоящий из огня,
прохлады, нежности и горя,
чтоб смог расслышать ты меня
и чтобы я с тобой не спорил.

СОЛОВЬИ

Не то, чтоб чья-то в том вина,
да только поздновато спорить.
Стоит такая тишина,
что нам её не объегорить

ни ловко слепленным стишком,
ни ухищрением в вокале —
стоит она, как в горле ком,

как Лермонтов под Машуком,
как роза чёрная в бокале.

Стоит, и глохнут соловьи —
его, её, твои, мои.

ПРО ВСЁ

1.

Не говори, что жизнь — оно.
Всё состоит из светотени,
и можно долго пить вино
в душистых сумерках сирени.

И поднося его ко рту,
быть просто некой частью мира.
Впадает вечер в красоту,
течёт в пещеру Альтамира.

И словно звери на стене —
их зачарованная охра,
проплыли где-то в стороне
ночные мушкетёры ВОХРа.

Фонтаном подымая пыль,
похожий взглядом на оленя,
проплыл большой автомобиль
ментов седьмого отделения.

Всё лишь теперь и навсегда,
и потому пройти не сможет
Венеры синяя звезда,
пушок на загорелой коже,

и ветер в уличной траве,
цветочный обморок сезона —
всё, что давным-давно в Шове
писал охотник на бизонов.

2.

Наташе

Небо розовое сладко.
В нём летает Гавриил.
Всё непросто, всё — загадка,
кто бы что ни говорил.

Вот — сиреневое лето,
вот — дворовая Муму.
И никто не даст ответа —
для чего и почему.

Отчего сегодня квасил,
вспоминал твои глаза?
Молчаливы, как Герасим,
люди, вещи, небеса.

И без этого мне ясно,
слишком ясно, милый друг, —
всё печальное прекрасно,
а печально всё вокруг.

ДИАЛОГ, ИЛИ ФЛАМАНДСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Речь, подлёдная вполне,
речь, похожая на реку.
Неуютно при луне
Богу, роще, человеку.

Словно догола раздет
человек жемчужным светом.
Словно этот самый свет
большой частью не на этом.

Рощу голую осин
Бог дыханием качает,
говорит: «Ответь мне, сын».
Человек не отвечает,

отвечает кое-как,
отвечает не по делу.
Речь, похожая на мрак,
подо льдом сплошным и белым.

АНГЕЛ

Н.

Ты вся горишь, как зимняя звезда,
летящая с небес простоволосой.
Ещё идут куда-то поезда.
Но кажется, до ближнего откоса.

А я иду в соседний магазин
и по пути домой зайду в аптеку.
Куплю вино, картошку, аспирин,
тот минимум, что нужен человеку,

не ангелу, чья призрачная плоть
просвечивает сквозь твою сорочку,
которого тебе не побороть
ни с помощью моей, ни в одиночку.

РАДАШКЕВИЧ АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ родился в 1950 году в Оренбурге. Вырос в Уфе. В 1970-е годы жил и работал в Ленинграде. Эмигрировал в США в 1978 году.

Автор одиннадцати книг поэзии, прозы и переводов. Член Союза российских писателей и Союза писателей XXI века, официальный представитель Международной Федерации русскоязычных писателей во Франции. Участник фестивалей поэзии во многих странах. Стихи переведены на английский, французский, немецкий, сербский и арабский языки. Живёт в Париже.

Александр РАДАШКЕВИЧ

ДОРОЖНЫЕ СТИХИ

ПРЕЛЮДИЯ

И заехал в последние дали той страны,
где бушующий май,
где признали меня только птицы, только
лица, которые звал,
и сошёл на пустом полустанке, где луга
лобызают плюсну,
где заклеен конверт злой печали, что
ночами писала из зим.
Без буфета, названья, без карты — там, где
выйти вовек не посмел,
где за музыкой дышит молчанье и за небом
не видно земли,
где и в даях заветные дали, где сливаются
долгие взгляды — там, где
жизнью кончается
жизнь.

* * *

Были альказары, после —
акведуки. Целовала в душу
пряная Альгамбра.
Пусть теперь угонят
самолёт в обратно —
после хрупкой оперы
о царе Салтане
побрести вдоль Крюкова
чёрного канала,
пригубить у форточки
ветерок высокий —
всё равно с того ли,
с этого ли света.

* * *

Автобус в Прагу по кольцевой
минуется мягко под Парижем три
дуртуара, безлюдный стадион
и кладбище. На кладбище
хоронят. Он, может быть,
студент или спортсмен. Он,
может быть, она. Над Сеной
торчит китайский павильон. А
на дворе год номер ноль и
энный век, когда, как в прошлый,
мне верит из садов святого лета
любовь, что верю. Верю,
что люблю, — в автобусе, что мягко
катит в Прагу по кольцевой.

* * *

Ну, здравствуй, серый град, где та же
гряда барочная петровских облачков,
балетный Ленин на Московском и те
же хохмы хмурых богатеев, и та же
одурь вымокших юнцов, где ту же
слякотную жижу пустые тени вяло
месяц с бутылкою насущною в руке, и
лица те же всё свинцовой в провалах
эскалаторной реки. Ты снова по душе
и не по силам снова, бессмертник
каменный, заплаканной душе. Ну,
здравствуй и прощай: глядит в окно уже
дорога огней чужих, и тёплые ключи
сжимают пальцы в пропасти кармана.
Живи, чем жив. Слыви, чем слыл. Спасай,
чем спас. И снись. И помни прошлым
парком обо мне, когда сойдутся статуи
продрогшие молчать у бьющего пургой
в беззвёздный свод фонтана.

ПРОЩАНИЕ С АПШЕРОНОМ

И Каспий провожал меня дождливою
слезой, и кроны сокрушённо помавали
у кромки вспухнувшего моря, как будто
ведали про чуждую судьбу доблудшего
сюда неверными и ломкими, как сталь,
и бритвенно скользящими стезями.
От ветренника Городу ветров душа
обмякшая поклон предутренный
положит и на сквозных распахнутых
скрижалях запишет бережно, как
в Судный день, «Баку». Живи,
живи свою ковровую неспешность,
свой рай высокородный, как древле,
изумрудами мости и сине-чёрными
масличными глазами рассматривай
журчащей жизни скоротечный пир.

Тебе, как на высокое закланье,
я оставляю вот этот взгляд, вот этот
вдох и моего, и моего, как дождь
прощания, нежданного друга.

ПОЕЗД

Отправляется поезд с вокзала.
«По вагонам! Просим, господа!»
С небывалого вокзала отбывает
в навсегда. И костюмы всех
столетий не мешают в нём друг
другу. Служат дамам кавалеры,
подавая с поклоном конфеты, а
мороженые фрукты запивают
кофе-гляссе. «Как свежо тут!
Не правда ли? Только... только
пар не идёт изо рта». — «Полно
врать-то! Оставьте. Пустое. Вот
извольте потрогать: под фраком
у меня шерстяное трико». Есть
и детские вагоны, где голубенькою
лентой подвязали крестик белый,
где недвижно юлы вращенье, только
поезд не ждёт никого. «Осторожно,
господа! Отправленье неизбежно!
Первой станет остановка „Воздухо-
плавательный парк“». Кто-то машет,
роднее родного, и зовёт нас, почти
улыбаясь. «Что ж ты плачешь?» —
«Так. Тебя там, братишка, увидел...»
Отправляется поезд с вокзала.
С небывалого вокзала отплывает
в навсегда. «По вагонам! Просим,
торопитесь! Объявляем отправленье!» —
«Это где ж?» — «Да там, в посадке...
Только ты не садись, не садись!
Не садись в него сам никогда».

АЭРОПОРТ

Все люди по виду славные и
говорят по-русски, все лица
вроде бы понятны, все жесты,
кажется, родны, и дети носятся
по-детски, теряя с крыльев
синий пух, а походки, па за па,
отрешённо исполняют тот же
танец жадной жизни. О Боже,
как я мог оставить всё это, это,
это ну хоть на сколько-то-нибудь?
О Боже, что мне делать тут?
Взмывает серый самолёт, ревя и
содрогаясь, я сплю, не спя, я жду,
не ждя, ворочаясь в последнем
небе, и алюминиевые тени
безвинно льнут к плечу.

* * *

В скором поезде были, обгоняя
ветра, мы с тобой докатили до,
где нету в помине и не будет
тебя. Я застыл на перроне, как
в янтарной смоле, не внимая
разладу заскуливших гудков, и
почти не мигает там, за речкой
гравюрной, неземной огонёк.
Жизнь обнимет за плечи и
заглянет в глаза: «подожди
немного, отдохнёшь и ты».
Лермонтов, из Гёте, с хором
ангелов неосторожных
исполняет народный артист.
В скором поезде были, обгоняя
ветра, мы с тобой докатили до,
где нету тебя, где безгрешная
Лета в ледяных берегах, и
безветрия млечность гасит те
огоньки, «не пылит дорога, не
дрожат листья», и замкнулась
за нами эта «свежая мгла» там,
где музыка преданных вёсен
поплыла над последней землёй.

ЛЕТО

Я хочу в иное лето, без начала и конца,
чтоб плацкарт или купе, и над Волгой —
долго-долго, голова чтоб с верхней полки
в дыме счастья, сквозь года, помидор,
вкрутую яйца, и весёлые соседи, и
великая страна.
Я хочу, чтоб снились книги, пахли
хлеб и молоко, чтоб кому-то там
пророчил в чёрной маске мистер Икс:
«живу без ласки, боль в душе затая»,
чтобы жадно ждали писем и боялись
телеграмм,
чтобы бабушка не спала, у окна меня
ждала, в синем фартуке в цветочек,
и мурлыкал на коленях понимающий
Пушок, чтобы вечно пела Мондрус,
нежно руки разводя: «где-то есть город,
тихий, как сон».
Я хочу в иное лето, вне начала и конца,
чтоб плацкарт или купе, днём Москва,
а ночью Орша, и чтоб Волга долго-долго
с верхней полки, в славе гари паровозной
чтоб по ветру
голова.

РАЗЛУЧНЫЙ ПУТЬ

Всё на земле умрёт — и мать, и младость...

Блок

Последняя дорога к маме
длиною в канувшую жизнь,
она без прежних остановок и без
свидания в конце. Вспять
поезда, и самолёты — за зеркала
обратные небес, где мы стоим,
зажмурившись, с тобою в кругу
дворовых тополей, не зная, что
всё это было, не веря, что случились
здесь, где ты лежишь, моя немая,
под несокрывшим потолком и
полкой, выпиленной братом
в те безначальные года, где
всё же ты меня дождалась,
ты додышалась до меня...
Соседки мнутя у порога, не отирая
детских слёз. Разлучная дорога
к маме длиною в попранные сны,
она теперь без остановок, звонков
и прошлых телеграмм, без ветра
встреч и ожиданий, и без мамы —
в последних дверях.

ЮДИН БОРИС ПЕТРОВИЧ родился в Латвии в 1949 году. Учился на филфаке Даугавпилсского университета.

Стихи и проза публиковались в журналах и альманахах: «Крещатик», «Зарубежные записки», «Стетоскоп», «Побережье», «Слово/Word», «Встречи», «LiteraguS», «Футурум арт», «Дети Ра», «Зинзивер», «Время и место», «Ковчег», «Edita», «Век XXI» и др.

Автор книг: «Убить Ботаника», «Дилетант», «Так говорил Никодимыч», «Город, который сошёл с ума», «Формула стиха», «Любительский театр». «Райский адъ. Люблужы» (совместно с Сергеем Сутуловым-Катериничем).

Участник нескольких антологий.

С 1995 года живёт в США.

Борис ЮДИН

ПАСТОРАЛИ

ПАСТОРАЛЬ

По розовым росам — и в хитросплетенье
Ветвей и просёлочных вен.
Там пчёлы купаются в пене вербены
У серых бревенчатых стен.

Запахнет навозом, дымком, самогоном,
Скопа пролетит от болот.
И хрип патефона в пространстве оконном
О девичьем счастье споёт.

За лесом рыдает пастушечья дудка,
Печальны глаза у коров,
И курит усталый Господь самокрутку,
Присев на колоду у дров.

ТРОЙКА

Блажь колокольчика. Ах, как ему одиноко!
Ветер, зима и позёмки белёсые змеи.
Лишь пристяжная сверкнёт лакированным оком
И на скаку изогнёт лебединую шею.

А небосвод, словно омут, пугает и манит.
В нём — кастаньеты копыт, и заходится сердце.
Взвизгнут полозья, качнут надоевшие сани.
И не согреться уже поцелуями в сенцах.

Вспомнятся ливни и запахи сена, и губы,
Но не обнять, не увидеть ни то и ни это.
Жаль, что приметы, как песни, по-прежнему глупы.
И потому возвращаться — плохая примета.

В сладость объятий пастушек на пасторалях
Кони несут, закусив удила и хмелея.
Чтобы чернел впереди разсусаленный Палех,
Чтобы фонарь покачнулся на шее аллеи.

Вечер, дорога, подмёрзших созвездий осколки.
Ржёт коренной, предвкушая приход конокрада,
Воет ямщик так, что плачут от зависти волки.

— Слушай, таксист! Тормозни-ка. Мне дальше не надо.

ВРЕМЕНА

В те годы письма шли по адресам,
Солдатки кофты расшивали гладью.
Суда манили ветер в паруса,
Раскрыв их сладострастные объятия.

Пиратский бриг упрятан был в бревне.
Он ждал шторма, свободу, ярость боя.
Мальчишки птеродактилем во сне
Взмывали, помня ужас кайнозоя.

Тускнели на мундирах ордена,
Невесты рты раскрашивали ало,
Дома качала радиоволна
И ярость водки юношей качала.

Девичьи платья прятались в комод,
Чтобы на выход, в праздники и в люди.
И приходил упрямый Новый год,
Лежал на блюде и молил о чуде.

Восход вставал и опускался на
Таинственные складочки на коже.
Такие это были времена.
И всё-таки, и всё-таки... и всё же...

БОЛИГОЛОВ

Болота край. Осина красногруда
И низок помутневший небосвод.
Болиголов, по-гречески Цикута,
Сократа безуспешно в гости ждёт.

Вот так ждала супруга Пенелопа,
Так ждут весны под снегом зелены,
Ной мастерил ковчег и ждал потопа,
И Симонов писал про «Жди меня».

Конечно, это осень виновата
И чёрная болотная вода,
Что незаметно местные Сократы,
Родившись, разлетелись кто куда.

Туман окутал волглые берёзы
И ветерок прошёл по камышам,
И кажется — под утро быть морозу,
И не с кем покалякать по душам.

АЗБУКА МОРЗЕ

Вот и осень. В соседнем дворе
Обнажается липа-нудистка.
Жизнь сложилась из точек с тире,
Как из азбуки Морзе радистка.

Всё старо и не следует про.
Это всё менестрели пропели.
И заплакал Люсьен Писсарро,
Посмотрев на свои пуантели.

А радистка идёт по заре, —
Хром сапожек, шинель, но немая, —
Гвозди точек, тирады тире
Каблуками в асфальт забивая.

УТРО

Зарозовели облака над лесом
Легла роса. Провисли провода.
Знобило парк. Лягушки после секса
Лежали на поверхности пруда.

И, радуясь туману и прохладце,
Дом хлопал ставней. Таяла звезда,
Скрипела дверь, замок зубами клацал
И пёс блоху выкусывал с хвоста.

Играют танго. Значит козырь — червы
И время уходить без козырей.
Роса, дверей раздёрганные нервы
И женщина в сорочке у дверей.

ПЕЙЗАЖ ОТ БОРИСОВА-МУСАТОВА

Два аиста на луговине,
Старинный дом, заросший сад,
И дама в белом кринолине,
И небосвод голубоват.

Она, подол приподнимая,
Тропинкой глинистой идёт.
Россия. Середина мая,
Неведомо который год.

Пьянит безумие сирени,
В бутонах — роскошь белых роз.
Лень и предчувствие мигрени,
И робкий рокот дальних гроз.

Сад ждёт любви. Земля прогрета
И поступь женская легка.
Ажур беседки, томик Фета
И лёгкий след от башмачка.

У леса дремлет церковушка,
Свежо дыхание пруда.
И похваляется кукушка,
Что может досчитать до ста.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

На рассвете дом крыльцом взмахнёт,
Клюв трубы звезду ночную склюнет,
Стукнет луч в оконный переплёт —
Всё, как полагается в июне.

Пальчик мела в грязном кулачке —
Самолётный бой рисует мальчик.
Красный мяч в девчоночей руке
По асфальту утреннему скачет.

Ветерок полощет транспарант,
На скамейке в сером макинтоше
Костя, одноногий лейтенант,
Воробьям кусок черняги крошит.

Радио о подвигах поёт,
Мрачный дворник козью ножку крутит,
И играет чёрно-белый кот
С нитями путей и перепутий.

СНЕЖНЫЙ РОМАНС

А снег не падал. Он летел.
Он привораживал и гладил,
Бросался в облачные пряди
И опускаться не хотел.

А день скользил на свежем льду,
Чтоб — навзничь в снежные объятья,
Чтоб пуговики взлетели с платья
И упорхнули в темноту.

Как привлекает снегопад
Самой возможностью паденья
Туда, где кружев кружевенье
И зеркала туманный взгляд.

Там можно плакать, воспаря,
Гадать по линиям ладони...
А снег висит на законе
В пастельном свете фонаря.

ПУТНОЕ

Летних вечеров протуберанцы,
Редкий взгляд автомобильных фар,
Тусклые огни забытых станций,
Тамбура табачный перегар.

Пегая корова у перрона,
В облаке завязший самолёт.
Жизнь в пенале спального вагона
Под чечёточку колёс течёт.

Как на жёсткой полке сладко спится!
Ночь глуха и незнаком маршрут,
И противны крики проводницы,
Что стоянка только пять минут.

ПЕРЕВОДЫ

*Нина ГАБРИЭЛЯН
Алла МИХАЛЕВИЧ
Алексей МИХЕЕВ
Екатерина ПОЛЯНСКАЯ
Полина ПОРОЛЬ
Федор САМАРИН*

10

017
23170

Почтовый

ГАБРИЭЛЯН НИНА МИХАЙЛОВНА родилась в 1953 году в Москве, окончила Московский государственный педагогический институт иностранных языков им. М. Тореза.

Автор поэтических сборников «Тростниковая дудка» (1987), «Зерно граната» (1992), «Поющее дерево» (2010) и сборника прозы «Хозяин травы» (2001), а также статей о литературе и искусстве, опубликованных в журнальной периодике и научных сборниках. Активно занималась переводами зарубежной поэзии, классической и современной (армянской, курдской, индийской, казахской, малайской, африканской и т. д.), которые опубликованы более чем в 30 книгах. Её собственные стихи переводились на армянский, английский, малайский и польский языки, проза — на английский, французский, шведский, итальянский и арабский.

Член Союза писателей Москвы и Международного художественного фонда. Живёт в Москве.

Армянская поэзия в переводах НИНЫ ГАБРИЭЛЯН

НААПЕТ КУЧАК

(XVI век, точные даты жизни неизвестны)

* * *

Стать бы мне твоей рубашкой,
Шелковистой, тонкотканой —
Обнимать бы твою шею,
Прижиматься тесно к стану!
Стать бы мне твоею чашей
С влагой пьяною, багряной —
Наклоняться, проливаться,
Целовать твой рот румяный!

* * *

Уходи, ты не нужна мне,
Уходи, ты надоела!
Не хотят тебя отныне
Ни душа моя, ни тело.
Да хоть стань рекой прохладной
Средь пустыни знойно-белой,
Пить воды твоей не буду,
Как бы горло ни горело!

* * *

Рос я саженцем зелёным
На верху горы крутой.
Вырвали меня с корнями
Из земли моей родной,
В сад чужой пересадили,
Поют сахарной водой.
Ах, верните, напоите
Родниковой, снеговой!

САЯТ-НОВА (1712–1795)

* * *

Как яркой клеткой соловей, так я пленён тобою, яр!
Так попирай же, как ковёр, меня своей стопою, яр!
Но только выслушай меня — молю, шепчу с тоскою, яр:
Твой лик нежней, чем тамариск, ах, я тебя не стою, яр!
Ты вышла в сад, мне лучше взор потупить свой — испепелишь!
Ах, источает твой зрачок полдневный зной — испепелишь.
Я весь горю, я говорю: «Глаза прикрой — испепелишь.
Я изумлен, я восхищен красавицей такою, яр!

Я в муках адских изнемог, я раб любви своей — взгляни!
Валяюсь, как последний пес, я у твоих дверей, взгляни!
Так тяжек мой недуг, что я ни жив, ни мертв — скорей взгляни!
Я обезумел, как Араз, бушующий весною, яр!

Но кто б, узрев тебя, ну кто б не обезуметь смог, пойми!
Иль смерти жаждешь ты моей? — тебя накажет Бог, пойми.
Ведь для меня твои слова — как золотой песок, пойми!
А ты со всеми говоришь, но только не со мною, яр!»

Саят-Нова твердит: «От слёз совсем утратил разум я.
Терпенья нет, надежды нет — всё, всё утратил разом я!
Ах, если бы тобой владел, как золочёным сазом, я,
Я б так гордился на пирах твоею красотою, яр!»

ВААН ТЕРЬЯН (1885–1920)

* * *

Прохладную ночью ко мне ты придёшь.
И нежные, слабые руки целуя,
Забуду я жизни и горечь и ложь,
Огни золотые во мраке зажгу я.
Лицом утомлённым прильнёшь ты ко мне,
И волосы тихо прольются на плечи...
О нежная, в мягкой ночной тишине
Меня околдуешь ты сладостью речи.
Обмануты маревом жизни больной,
В прозрачном мерцании будем одни мы.
И будем, забывшись, мы вместе с тобой
Мечтать бесконечно и неуголимо...

* * *

День затих... Небеса возжигают златые кадила.
Небо, море, земля — всё пронизано негой огней.
Если б чья-то душа в этот ласковый свет погрузила
И смешала бы с ним боль души одинокой моей!..
Снова душу мою охватило страданье без меры.
Этой тайной тоске, мрачной боли — названия нет.
Если б чья-то душа даровала мне тихую веру
И шепнула бы мне, что и я обрету ещё свет!

ВЕЧЕР

Крыла расправил вечер. Тишина.
Мерцают сонно в небесах огни,
Закрой глаза, к моей груди прильни,
Пусть жизни ложь сольётся с ложью сна.
Спустились тени, тихо шелестя.
Вздремнули сладко море и гора...
Златую сказку слушай до утра,
Дитя моё, о нежное дитя...
Лицом прильни к моей груди, грустя.
Забудь, что жизнь печальна и темна.
Пусть жизни ложь сольётся с ложью сна,
Дитя мое, о нежное дитя.
Вздремнули сладко море и гора,
Мерцают сонно в небесах огни.
Закрой глаза, к моей груди прильни,
Златую сказку слушай до утра...

* * *

Ночью сядешь у огня,
Горестью томима.
Тихо позовёшь меня —
Я приду незримо.
Посветлеет небосвод —
Стану тихой тенью.
Вновь любовь к тебе придёт,
Вновь придёт смятенье.
Медленно к реке пойдёшь.
Там, внизу ущелья,
Ты найдёшь меня, найдёшь
В ледяной постели.
И прильнёшь ко мне ты вновь,
И обнимешь нежно.
Будет вечною любовь,
Сладкой, безмятежной.

* * *

Улицы тихо дремота объяла.
Спят и дворец, и простая лачуга.
Только один всё брожу я устало,
Словно иду я по кругу.
Слышу, от боли страна моя стонет.
Сердце тебя призывает, о боже!
Кто это в сумраке уличном тонет,
Кто это плачет, о кто же?
Это ведь сам я бреду среди ночи,
Сам над собою, отверженным, плачу.
И фонарей засыпающих очи
Взгляд мне свой дарят незрячий.
Женщина, тенью скользнув бледнолицей,
Взглядом меня поманила — и мимо...
Боль моя, как от тебя излечиться,
Если ты неизлечима?

* * *

О сердце, сколько же ещё осталось
Тебе стонать от горя и обид!
И в песнь мою вливается усталость,
Печаль во мне и плачет, и дрожит...
Исполненная горечи и боли,
Душа смертельной грусти слышит зов.
О сердце безутешное, доколе
Дрожать на зыбкой грани двух миров?

ЕГИШЕ ЧАРЕНЦУ (1897–1937)

* * *

Лаской осеннего солнца согретый,
Я на бульваре присел на скамью.
Колокол пел — и потоками света
Небо вливалось в душу мою.
И безграничной печалью объятый,
В небо смотрел я — и видел, как там
В вечность всё дальше и дальше брела ты
По голубым бесконечным полям.
Ночь опускалась в молчанье глубоком —
Ясная, яркая, в звёздном огне.
И в перезвоне созвездий далёком
Шёпот твой всё ещё слышался мне.

НВАРД И ГОАР

Белеют розы на губах твоих,
Ты вся в цветах — в сиянье роз и лилий
Глаза закрыты — и на месте их
Две розы лепестки свои раскрыли.
Ты тихо дремлешь, ты спокойно спишь,
Уже за гранью звуков и движенья,
И я, вдыхая сладостную тишь,
Впадаю в светлое оцепененье.
И мнится мне, что я искал века
Лишь этот свет — твой свет — среди зла и скверны.
Твои глаза, холодных два цветка,
Принцесса Смерть, влекут меня безмерно.
И я склоняюсь тихо над тобой,
Целую лоб, увенчанный цветами.
Какой нисходит на меня покой,
Когда твой светлый холод пью губами.

ВЕТЕР

Ветер,
Ветер осенний
В пору осенних агоний
Гонит по серым бульварам жёлтых своих коней.
Мечется стая видений —
Огненно-жёлтые кони,
Ветер им в спину дышит
Пастью огромной своей.

Ветер,
Ветер осенний
С грохотом грузным и гулким
Клубы огромные пыли мчит неизвестно куда.
Мечутся по переулкам
Бешеные стада.
Ветер,
Ветер осенний,
Город угрюмый и серый,
Город, похожий на бред.
Ветру, наверно, лишь снятся редких прохожих тени,
Только на самом деле здесь никого уже нет.
Улицы, длинные улицы,
Серые в сером свете,
Сбросившие личины — голые, без прикрас,
Как же они ужасны, хищные улицы эти,
В этот вечерний час!
Ветер,
Ветер осенний
Воет от боли звериной,
Бьётся в предсмертном смятенье.
Всё на пути сокрушая, мчится по улице длинной
Ветер,
Ветер осенний.
С грохотом вывески рушит,
В окна домов стучится.
Ветер по улицам мерзким, хлопая крыльями, кружит,
Словно железная птица.
Нет, то не птица — пантера, раненая пантера
В тесном загоне улиц воет на город серый
Будто бы на убийцу, в ярость впадая от раны.
Очи песком забиты, пылью кроваво-туманной.
Смерчем несётся, колотит в окна — удар за ударом
Смертью грозит беззащитным, сгорбившимся бульварам.
Словно больные старухи, в жалком трясутся ознобе
Съежившиеся деревья с немощной, хилой плотью.
Ветер их жёлтые космы треплет в безумной злобе,
Ветер с них грубо срывает нищенские лохмотья.
Бедные, бедные, бедные!
Как им от ветра укрыться?
Ветер им в кровь раздирает
Старые жёлтые лица.
Стонут деревья от боли, ужаса и стыда.
Ветер вопит зловеще —
Нет!
Никогда! Никогда!
Сжальтесь, хоть кто-нибудь, сжальтесь!
Сколько под ветром дрожать им,
Старческим этим деревьям—
Этим живым распятым?
Воздухом смертоносным долго ль ещё им дышать?
Слушайте, слушайте, слушайте —
Ветер несётся вспять.
Слушайте голос агоний — это неся запустенье,
В души врывается ваши
Ветер,
Ветер осенний!

МИХАЛЕВИЧ АЛЛА ИОСИФОВНА — учёный, поэт и переводчик. Доктор биологических наук, член-корреспондент Европейской Академии наук, искусств и литературы, Союза писателей Санкт-Петербурга и Союза российских писателей. Автор трёхсот научных трудов, девяти поэтических сборников и пяти книг переводов с английского. Награждена грамотой Президиума Российской Академии наук, почётными дипломами международного Фонда Гжибовского, Европейской Академии наук, искусств и литературы. Лауреат Санкт-Петербургского конкурса «Женщина года-2009» в номинации «Наука», лауреат премии им. Николая Заболоцкого (2007), Всероссийского литературного конкурса «Бумажный ранет» (2013).

Переводческая деятельность Аллы Михалевич отмечена похвальными отзывами Питера Мейнке (1994, 1996), первой премией Американского уголка библиотеки им. В. Маяковского за лучший стихотворный перевод (2007).

Мэри МОНТЕГЮ в переводах Аллы МИХАЛЕВИЧ

МЭРИ МОНТЕГЮ родилась в Северной Ирландии, в округе Фермана, училась в Королевском университете в Белфасте. Работала учителем в городе Дерри. Учёная степень в области Защиты животных и наблюдений над ними. Изучает влияние шумового загрязнения на пение птиц. Мэри Монтегю опубликовала две книги стихов — «Черная волчица на белой равнине» и «Триба». Её произведения широко публиковались в Ирландии, Англии, Северной Америке, переведены на французский язык (книга «Четыре поэта Ирландии», 2011).

СЛОВО

в честь апостола Иоанна (по)

В начале было слово.
и слово было в коде,
и слово было кодом.
Оно было в коде изначально.
Вся жизнь возникла из кода.
Ни одна жизнь не могла возникнуть как-то иначе — только
из кода.
Всё что возникло, обрело плоть благодаря коду,
и плоть эта — радость всего живого,
смертная плоть, созданная из хаоса,
живучая плоть, ибо смерть не в силах её одолеть.

Код был первым словом
он дал жизнь плоти
возникшей в мире.
Плоть росла из кода,
существовала лишь благодаря коду,
но знала лишь себя самоё.
Благодаря мутациям кода,
позже плоть обрела сознание,
и язык смог восславить
эту новую мощь.

Там, где он проявляется,
плоть свидетельствует
как различны пути бытия во Вселенной
силой слова,
он рождён не инстинктом,

не сексуальным порывом,
не велением кода,
но только — словом.
Слово создало плоть,
оно пребывает в нас.
Мы, плоды эволюции, им гордимся:
наша гордость — гордость созданий
сознания, осознающего самого себя.

Благодаря этому достижению, несомненно,
нам, как виду, дана истина
в обмен на сознание;
изначально, хотя слово было дано нам посредством кода,
знание и истина к нам пришли через плоть.
Мы не можем объять и измерить слово,
но плоть, рождённая кодом,
сделала его нашим.

ВОЛЧИЦА

*Даже на таком расстоянии,
когда время капитулирует перед самим собой,
мысли о Чёрной Волчице всё ещё неотступно преследуют меня.*

Чёрное зубчатое кольцо сосен
обрамляет блестящую солнечную равнину,
раскинувшуюся навстречу желанию и забвению
под сине-черным куполом,
насквозь простреленным вспышками созвездий —
обычной свитой висящей луны.

Мое внимание заостряется на черной фигурке
запятнавшей безбрежную белизну,
оно приковано
к спокойному движению
как на белой странице.
Удивительно, откуда она пришла,
такая бесприютная среди снегов.
По мере того как она приближается,
я по-прежнему сосредоточена
на тёмном очертании,
извлечённом из резкости воздуха
как зримое дыхание жизни,
очертание живой плоти
в сиянии этой зимней пустыни.

И вот совсем близко — да это волчица,
горячее затруднённое дыхание оскаленной пасти
выдаёт меру её усилий.
Лапы, опущенные снегом, проламывают наст,
ноги вывернуты в бесполезных усилиях
распределить равномерно вес и свободно нести её
по нестерпимо мягкой поверхности,
текучие осколки при каждом движении,
шаг — короче, ноги — короче.
Она осторожно поднимает
переднюю лапу,
чтобы снова взломать
сопротивление этой глади.
Из-за плотного чёрного меха

кажется больше
её тело, напряжённый хребет,
втянутое брюхо, каркас
рёбер. Неутомимая духом,
она наслаждается чистотой
собственного дыхания,
подъёмом, подгоняемым ударами сердца,
и непрерывным триумфом
твёрдых мышц,
одолевающих окружающую природу,
толкающих ее вперёд, и вперёд, и вперёд.

И тут же — она уходит,
по-прежнему далека от деревьев,
всё ещё не найдя себе пищи,
и я мысленно вздрагиваю,
потому что понимаю
её отказ уступить
неподвижной мёрзлой пустыне, её готовность,
пережить гнетущую оголённость
когда вокруг никакой иной жизни,
и больше нет ничего живого,
только чёрная волчица
на белой равнине.

*Даже на таком расстоянии,
когда время капитулирует перед самим собой,
мысли о Чёрной Волчице всё ещё неотступно преследуют меня.*

ЕСТЕСТВЕННЫЕ РЕСУРСЫ

Пока пастухи
в Трансильвании
ночью караулят стадо,
одинокая волчица
в радиоошейнике
крадётся, пересекая
железную дорогу
и пустырь,
прикидываясь
большой собакой.
Она продвигается,
избегая исследователей
с инфракрасными и телеметрическими
улавливающими системами,
по направлению к стаду,
которое охраняют
английские доги
и сердитые пастухи.
Лишь на миг
увидела она травоядных,
прежде чем лай заставил её свернуть.
И она возвращается
на окраину города
чтобы снова рыться в мусорных баках.

КЭБОТ ТРЭИЛ*

Серый — вот цвет леса на острове Кейп-Бретон:
Зеленовато-серый навес плоских ветвей;
цвета серого теста — засохшая древесина елей;
лиловато-серого — тусклая кожа голубики.

Как серая кость — серебро похожих на девочку берез,
чья содранная лосями кора разбросана как страницы
внизу, на кучах лесного мусора. Ничем не прикрытая плоть
горит цветом пурпурных губ, дубовой коры, новорожденной лани,
розовым, персиковым.

Вокруг ран тонкая потрёпанная кожа завивается
ленточками подарочной упаковки,
окаймляя бахромой ствол, испещрённый дятлом.
И на все поверхности — на ветви, стволы и скалы
медленно наползает медно-зеленоватый лишайник.

Другие виды, с оттенком серого окисла
образуют крапчатый ореол вокруг яиц динозавра,
которые окаменели там, где и были отложены
на подстилке опавших листьев, ломких словно солома.

Когда нависшая дымка пронизывающей мороси
сгущается в холод, почти телесный,
она усеивает бусинами влажные ячейки паутины
и застилает туманом бесцветные глаза озёр.

Сырой плюш мхов — это тайга в миниатюре,
под которой задыхается память индейцев микмак,
уснувшая в их сказаниях.
Это запах распада, гниющих грибов, перегноя и мяты.
Рост и развитие — это медленное испарение, молчаливое согласие.

* Горная дорога к острову Кейп Бретон в Новой Шотландии (Канада).

МИХЕЕВ АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ родился в 1953 году. Окончил экономический факультет МГУ, защитил диссертацию по психолингвистике. Писатель, переводчик, литературный критик, журналист. Тринадцать лет проработал в академическом Институте языкознания, преподавал в РГГУ. С 1995 года — сотрудник журнала «Иностранная литература», заведовал отделом критики и публицистики, главный редактор журнала (июль 2005 — апрель 2008), член Общественного редакционного совета журнала. Член Литературной академии (жюри премии «Большая книга»).

Награждён специальным дипломом Тургеневского фестиваля малой прозы (за интернет-издание «А. и Б. сидели на трубе: Перевод с советского»). Лауреат премии «Человек книги» (газета «Книжное обозрение») в номинации «Редактор», премии журнала «Октябрь» за лучший рассказ года («Он улетел», № 9, премии име-

ни А. М. Зверева за авторскую рубрику «Информация к размышлению» в журнале «Иностранная литература». В 2010 году получил диплом австралийского фестиваля русскоязычной литературы «Антиподы» за сетевую книгу «НАНО/2010», а в 2015 году — диплом международного конкурса переводов поэзии Виславы Шимборской.

Вислава ШИМБОРСКАЯ (1923–2012) в переводах Алексея МИХЕЕВА

БУФФО

А когда любовь пройдёт,
через сто и двести лет,
снова вместе будем мы:

парочка комедиантов
(публика их обожает)
разыграет наши роли.

Водевиль, куплеты, фарс,
много смеха, подтанцовки,
бытовые зарисовки,
браво-браво.

Будешь ты неотразимый,
уморительно ревнивый,
в галстукe таком.

Голова моя чумная
и корона надувная,
сердце глупое страдает,
а корона улетает.

Будем мы с тобой встречаться,
расставаться (зал — смеяться),

по семи морям скитаться,
чтоб в трёх соснах заплутать.

Ну а если нам не хватит
настоящих бед и горя —
то придумаем их сами.

Вместе выйдем на поклоны,
шоу наше завершив.
Зрители пойдут домой,
насладившись от души.

Они будут жить прекрасно
с их любовью безопасной,
с маленьким ручным тигрёнком.

А мы вечно как-то так,
Бубенцы на колпаках,
слушаем их звон дурацкий
постоянно.

ВОКЗАЛ

Мой неприезд в город N.
состоялся по расписанию.

О нём я сообщила
неотправленным письмом.

Ты успел не прийти
В нужное время.

Поезд подъехал к третьей платформе.
Вышло много людей.

Среди пассажиров двигалось
отсутствие моей особы.

Сквозь него
в торопливой суете
прошли несколько женщин.

К одной подбежал
кто-то мне не известный,
но она узнала его
сразу же.

Они обменялись
не нашими поцелуями,
и в этот момент пропал
не мой чемодан.

Вокзал города N.
успешно сдал экзамен
по объективному существованию.

Целое было на своём месте.
Детали двигались
по проложенным путям.

Назначенное свидание
всё же состоялось.

За пределами
нашего присутствия.

В потерянном раю
вероятности.

Где-то ещё.
Где-то ещё.
Стук словечек-колёс.

ЕСТЬ ТЕ, КТО

Есть те, кто живёт образцово.
И у них, и вокруг них порядок.
До всего им есть дело, на всё есть ответ.

Сразу видят, кто с кем, кто кого,
зачем и когда.

Бесспорные факты удостоверяют,
от нежелательных избавляются,
а для незнакомцев
заводят особые папки.

Думают сколько надо
и ни секундой дольше,
ведь можно начать сомневаться.

А когда их отсюда отпустят,
покинут наш мир
через нужные двери.

Иногда им завидую —
к счастью, недолго.

ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ

Пусть можно будет выбирать.
Меняться, только не меняя ничего.
Так просто, невозможно, трудно, почему бы нет.
Глаза то серые, то голубые,
то очи чёрные, весёлые, без повода в слезах.
Как первая с ним встречная, единственная в мире.
Родит ему троих, кого-то, никого.
Наивная, но на уме себе.
Слаба, но вытянет.
Без головы, но как-нибудь обзаведётся.
Читает Ясперса и глянецовый журнал.
Не знает, что за винтик, но построит мост.
Юна, юна как прежде, всё ещё юна.
В руках со сломанным крылом синица,
компресс, на дальнюю дорогу деньги,
тесак для мяса, рюмка водки.
Куда торопится, наверняка устала.
Да нет, немного, очень, ничего.
Полюбит или ни в какую.
Ради себя, ради него и ради Бога.

КОШМАРНЫЙ СОН ПОЭТА

Послушай-ка, что мне приснилось.
На первый взгляд всё вроде как у нас.
Земля, вода, огонь и воздух,
горизонталь и вертикаль, квадрат и круг,
право и лево.
Приятный климат, славные пейзажи,
и все охотно говорят с тобой.
Но их язык какой-то не такой.

В нём только утвердительные фразы.
И точные названия вещей.
Чтоб ни убавить, ни прибавить, ни поправить.

А время настоящее всегда.
Ни прошлого, ни будущего нет.
Одну, последнюю секунду только можно вспомнить
и только следующую
предсказать.

Слов столько, сколько нужно. Лишних нет,
а значит, нет ни поэзии,
ни философии и ни религии.
Забавы эти не входят там в расчёт.

Нет ничего, о чём лишь думать можно
или что можно лишь вообразить.

Там ищут только то, что сразу видно.
А спрашивают то, на что готов ответ.
Вот удивились бы,
если б умели удивляться,
что удивляться есть чему.

Слово «тревога» там считают непристойным
и не включают в словари.

Мир светлым выглядит
и в самой глубокой темноте.
Всё продается по доступным ценам.
А сдачу не берёт никто.

Всем — наслаждение. Без вариантов.
Устойчивая жизнь. Галактик шум.

Что может для поэта, согласись,
быть хуже.
И что лучше,
чем быстрее проснуться.

ЛУК

Другое дело лук.
Такой совсем никакой.
Лук он и есть лук
в своей луковости пустой.
Луковичный снаружи,
луковый внутри,
может легко сказать:
вот он я, лук, смотри.

В нас чужое и дикое,
кожей едва прикрытое,
в нас затаился ад,
анатомия бестолковая,
а в луке лишь лук,
без разных сосудов запутанных.
Во всех слоях обнажённый
и сам себе идентичный.

Устроен лук гармонично,
поистине безупречно.
В один просто вложен другой,
в большем скрывается меньший,
дальше — второй и третий,

четвёртый и очередной.
Прекрасно звучащая fuga.
Эхо, сведённое в хор.

Лук, как я понимаю, —
это идеальное тело.
Оно самому себе
воспеть бы хвалу хотело.
А в нас — жир, жилы, желчь,
слизь и слюна.
В идиотизме совершенства
отказано нам.

НАТЮРМОРТ С ВОЗДУШНЫМ ШАРИКОМ

Не вспоминать бы перед смертью
всю жизнь,
а вещи все
забытые найти.

Перчатки, сумки, зонтики,
не взятый в раздевалке плащ,
чтоб я сказала:
Всё это зачем.

Расчёски всякие, резинки,
цветы бумажные, шнурки, ножи,
чтобы сказать:
не жаль мне ничего.

Куда-то ключ завалится
и вдруг найдётся,
чтобы я сказала:
Ржа, милый, тлен.

Бумаг и справок тучу принесёт,
анкет и пропусков,
чтоб я сказала:
Солнце скрылось.

Часы на дно реки
не соскользнут с руки,
и я скажу:
Неправильное время.

Вернётся унесённый ветром
воздушный шарик,
чтобы я сказала:
Здесь нет детей.

Лети в открытое окно,
лети в далёкие миры,
пусть кто-то вскрикнет: «О!
чтоб мне заплакать».

ПОЛЯНСКАЯ ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВ-
НА родилась в 1967 году в Ленинграде. Окончила Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. И. П. Павлова. Поэт, переводчик с польского и сербского языков. Автор стихотворных сборников «Бубенцы» (1998), «Жизни неотбеленная нить» (2001), «Геометрия свободы» (2004), «Сопrotивление» (2007), «Воин в поле одинокий» (2012), «На горбатом мосту» (2014), а также многих публикаций в различных российских и зарубежных журналах. Член Союза писателей России. Переводилась на польский, болгарский, японский, английский, чешский и сербский языки. Лауреат нескольких российских и международных поэтических премий. Живёт в Санкт-Петербурге.

**Марек ВАВЖКЕВИЧ (род. в 1937 г.) в переводах
Екатерины ПОЛЯНСКОЙ**

ИЗ ЦИКЛА «ПЯТНАДЦАТЬ ПИСЕМ»

ПИСЬМО ЛОРДА ГЕНРИ ЕЁ КОРОЛЕВСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ЕЛИЗАВЕТЕ I

Ваше Величество!

Повинуясь покорно приказу, сегодня сошёл я
На берег французский.
Дул ветер с севера,
Путь через Ла-Манш был довольно нелёгким.
Поведать не смею,
Как мутило меня всю дорогу. Моряки
Говорили «морская болезнь»... Это странно —
Много раз на земле я страдал от подобной болезни.
Я об этом пишу потому, что когда удобрял я пучину,
Через борт перегнувшись подветренный,
С пальца
Перстень соскользнул у меня. Он был со смарагдом.
А цвет камня похож был на цвет ваших глаз.

Говорят, что пляжи Бретани голубоваты,
Прибрежные воды — лазурны.
Нет, ваше величество.
Доношу, что корсары вам лгут. У моря английские краски —
Суровые, гневные. Однако в нём больше
Бараньих костей, гниющих рыбьих голов,
Дерьма и всякого хлама.
И может быть, оттого я уже на рассвете
Затосковал
О лондонских набережных
И даже о дудках и криках матросов,
Что набраны силой в ваш непобедимейший флот.

Ваше величество, там, за унылыми дюнами
Есть, говорят, виноградников край и оливок.
Но с берега их не видать.
Мне видно лишь то, что утратил. Вполне

Не принадлежит никогда.

О да, это правда — я знаю.

Никто от себя самого не зависит так сильно,
Как ты сама. Я это вполне испытал.

Нынче море пустое, далёкое, чёрное. Спят

Чайки, сирены и волны.

Сердце, одно только сердце

Выстукивает забытою азбукой Морзе

Монотонный вопрос: — Это ты? Где ты, где?

В какой ты ночи и в объятиях чьих? —

Но никто на земле в ответ тишины не нарушит.

Позывные молчат.

Я письмо твоё не прочитаю.

Пусть без бутылки оно сквозь стихии плывёт

В час, когда море сливается с небом.

Всё и так мне поведал стебель пахучей травы.

ПОРОЛЬ ПОЛИНА ВАДИМОВНА родилась в 1994 году в г. Оренбурге. Окончила детские музыкальную и художественную школы, факультет филологии и журналистики Оренбургского государственного университета.

Публиковалась в газете «Вечерний Оренбург», альманахах «Гостиный двор» (Оренбург), «Отчий дом» (Новокуйбышевск), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), коллективных сборниках «Здравствуй! Это — я!», «Небо детства» (Оренбург), «Не меркнет золото Победы» (Коломна), журналах «Путеводная звезда», «Свежий взгляд», «Приокские зори», «Пражский Парнас», «Чешская звезда», антологии «„И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово!..“ Классики и современники о русском языке» (2013). Автор книги стихотворений «Бессонница апреля» (2014).

Участница 2-го и 3-го Международных совещаний молодых писателей (Каменск-Уральский, 2013, 2015). Лауреат Всероссийского открытого конкурса «Первые шаги-2011», премии литературно-художественного и общественно-политического альманаха «Гостиный двор» для молодых поэтов «Чаша бытия» (2013).

Ли БО в переводах с китайского Полины ПОРОЛЬ

О ДЕВУШКЕ ИЗ ЦАРСТВА БА

Воды реки ускользают,
Стрелами рвутся потоки.
Лодка умчалась с любимым,
Ветру подобна летела.
Долог ли путь твой, ответь мне?
Скоро ли ты возвратишься?

ПОДАРОК ВАН ЛУНЯ

В лодке сидит одинокий Ли Бо,
Вот уже в путь отправляться пора.
Слышит он песню знакомую вдруг.
Даже «Цветущего персика» глубь
Не глубока по сравнению с тем
Чувством Ван Луня, что в путь проводил.

* * *

В адскую бездну речную приятель мой Ти устремился,
Там продолжать винодельное дело земное ему не мешают.
Кто же теперь покупает его благородное зелье,
Если Ли Бо на земле человеческой остался?

* * *

Храм этот горный чудесно высокий,
Звёзды могу собирать я с небес.
Тихо беседу веду здесь с друзьями,
Неба молитву не смея нарушить.

ДУМЫ В ТИХУЮ НОЧЬ

Ярко постель освещает луна —
Столп отражённого в инее света.
Чашечки лунные мирно плывут,
Взгляд опуцу — снится Родина мне.

НА ВОДОПАД ЛУШАНЬСКИЙ ГЛЯДЯ...

Солнечный свет заструился по горной вершине,
Дымка пурпурная нежно Сян Лу^{*} покрывает.
Я на летящие воды смотрю водопада,
Что над рекой наклонился, застыв в изумленье,
И с высоты бесконечной потоки струятся.
Кажется: млечные капли серебряной речки
Где-то становятся дымчатым, гулким потоком.
Небо, сливаясь с землёй, сохранит эту тайну,
Как Млечный Путь превращается в воды Лушаня.

ПРОЩАЮСЬ С ДРУГОМ

Зелёные горы на севере города стену обняли,
Восточные улицы речка хрустальная нежно обвила.
И если мы только прощаемся здесь навсегда, мой хороший,
Лететь одинокой конизой^{**} тебе и по свету скитаться.
Как облако белое в небе высоком не знает приюта,
Так странника путь бесконечный по горькой земле безутешен.
И солнцем закатным теряется время и друга уводит.
Ты машешь рукой, и всё дальше и дальше растёт расстоянье.

ПИШУ ВАНУ ЧАНЛИНГУ^{***}

Обнажая печальную иву,
Снова хлопья-цветы опадают.
И отчаянно плачет кукушка,
О разлуке поёт свои песни.
Говорят, что Лонбьяо далече,
Ещё дальше, чем дальний Вуси наш.
Отдаю одинокое сердце
Я луне, очень хрупкой и ясной,
Чтобы боль его с ветром попутным
Долетела на запад Елана.

* Сян Лу — вершина горы Лушань.

** Кониза (мелколепестник) — символ скитания в китайской литературе. Её цветы (семена) «странствуют» долгое время и улетают на далёкие расстояния, как человек, покидающий Родину.

*** Ван Чанлинг был известным поэтом и другом Ли Бо. Ли Бо создаёт это стихотворение, когда слышит о том, что Вана Чанлинга понизили в должности и теперь он должен ехать Лонбьяо (сейчас это место находится в провинции Хунань). В то время Лонбьяо было очень глухим и отдалённым местом, которое находилось на западе Елана, поэтому Ли Бо выражает сострадание своему другу. Дословно название стихотворения звучит так: «Я слышу, что Вана Чанлинга понижают в должности в Лонбьяо, и я пишу это стихотворение, чтобы отправить ему».

САМАРИН ФЕДОР ЮРЬЕВИЧ родился в 1957 году в Казани. Журналист, прозаик. Окончил историко-филологический факультет Пензенского пединститута (история и английский язык) и Всесоюзный институт повышения квалификации работников радио и телевидения. Публиковался в региональных, российских, зарубежных печатных и электронных СМИ (газетах «Комсомольская правда», «Коммерсантъ», «Независимая газета», журналах «Северные просторы», «Мир» (ОАЭ), «Сура», «Волга 21 век»). По поэтическим переводам с итальянского языка «Театр на обочине» поставил в Пензе и ввел в репертуар спектакль «Итальянские сны». Переводы пьес итальянского драматурга Гаспаре Дори («Дон Джованни Тенорио» и «Сражение в Люксембургском саду») опубликованы в «Театральной библиотеке Сергея Ефимова». Автор книг переводов и прозы «Сады Посейдона» (2009) и «Либретто»

(2016). Соавтор и редактор нескольких книг и альбомов по истории и культуре Пензенской области.

Лауреат литературной премии журнала «Сура», лауреат премии губернатора Пензенской области, награждён памятным знаком «За заслуги в развитии города Пензы». Член Союза журналистов РФ.

Джованни (Джанни) МОИ в переводах Федора САМАРИНА

ДЖОВАННИ (ДЖАННИ) МОИ — один из самых авторитетных и признанных мастеров итальянской сцены, театральный актер и режиссер. Его поэтические произведения представлены в форме видеоклипов, где автор читает собственные произведения в своем исполнении. Все последние его работы можно послушать и посмотреть в Интернете. Сам Джанни Мои считает, что форма видеопоззии более всего отвечает пониманию его собственного творчества. Живёт в Венеции.

РЕВЕБРАЦИЯ

Ищу я
Форму образа,
Того,
Что суть лишь ощущение воспоминаний,
За краем
Дней минувших
банальной суеты.
В прозрачность всматриваюсь вод,
В них света луч изломлен отраженьем.
Так в эти воды
Желанья наши и напрасные мечты
Однажды канут,
Бесформенно,
Разъятые потоком.

ХОЧУ ТЕБЯ

Хочу тебя,
Всю целиком, всё тело,
Всю без остатка плоть,
Всю душу до последних капель,
Всю, что ты есть сейчас,
И ту, что будешь после,
И ту, которой ты ещё не стала.
Хочу тебя всем воздухом, который вдох

И выдох,
И звук твоих шагов хочу,
И там хочу пройти, где ты бываешь
И смеха твоего хочу,
И хрупкости ступней
ХОЧУ.

НОЧЬ БЕЗ ЛУНЫ

Бессонница.
Плеск волн.
Какая сокрушительная роскошь мотовстваааа...
«Оееееееееее!!!!!»
Вот лодка под мостом,
Стук каблучков моих,
Шаги чужие.
Окон горящих очи
Во тьму таращатся,
Выцеливая тени
На узких улочках венецианских.
Коты, собаки, крысы
Стремглав несутся,
Заметая след,
Их бег печален,
Ибо
Никто не отыскал то самое, которое искалось...
Я тишины хочу.
Но ширится над водами
Концерт
Немолчных голосов,
Шумов созвучье
Меня насквозь пронзает.
Вот
Парапет колодца
Своей печатью гербовой
Из памяти по капле
Выцеживает нечто
Забытое давно:
«Там, наверху, девчонка
Сидит одна и плачет,
Мать в стельку пьяная,
Дым в доме коромыслом,
А я тут так себе, ни то ни сё,
Калика перехожий,
Я вижу всё, но шевельнуть не в силах пальцем:
«Чёрт вас дери... Что ж вы творитееееееее!!!!!!!»
Взгляд стремится дальше,
Туда, в толпу зажженных фонарей,
Гвалт нарастает, им пропитан воздух,
В нём говор тех, кто в этот час
Ещё с едой не разобрался,
Иль на посошок
Любви случайной
Подмигивает
Ясным, но уже чужим, далёким глазом.
С тебя довольно, ты,
Бесстыдная луна
Над городом,
Которому

Стыд исстари неведом.
Сгинь,
Забейся в самый дальний угол.
Там
Мечтай о том,
Что прошлое когда-нибудь ещё вернется.

ЧТО ВРЕМЯ ГОВОРИТ...

Что время говорит, которое проходит,
Ключ повернёт сейчас, и свод замкнётся...
Ему неведом страх
Существованья,
Оно счёт пройденным дорогам не ведёт,
Господним прихотям оно не уступает,
Ему довольно мига одного,
Одной невыразимой вспышки света...

В ШЁПОТЕ ВЕЧЕРНЕГО ВОЗДУХА

В вечернем хрустком воздухе
Тропой венецианской,
Жаром пышут стены,
Дома в канале преломляет отраженье,
Потоки встречные туристов,
По умолчанью
Друг на друга мы смотреть не в силах,
Поскольку день минувший
Вчерашним прошлым льётся
Через край.
Чашка кофе, лёгкий бутерброд,
Вот, собственно, и всё, венец и делу,
Вокзал и дальний поезд,
И больше не увидимся,
И это: дальше что-то будет?
Кромсают тучи солнце на куски,
Сойдёт гримаса
за печальную улыбку:
«Прощай», ну кто придумал это слово!!!»
Тебе пора,
И эхом нарочито звонкий поцелуй,
И громкоговоритель объявляет,
Что времени в обрез,
И взгляд твой недоверчивый
Из-за окна.
И слово, то, что с губ не сорвалось,
повиснув... в хрустком воздухе вечернего вокзала.

В ЭТОЙ КОМНАТЕ

Я в тёмной комнате
Перебираю, ворошу всё,
Что забыть не в силах.
Я словно два крыла
На теле бестелесном.
Тьма ощущеньями насыщена
Неразделённости

С забвеньем,
Её проглотит шум рассвета,
Который понемногу оживает...

**МОЕМУ «ЦЫГАНУ»
(моему сыну Микеле)**

Кораблики бумажные построй,
На них изборозди
Пути небесные
И острова все обойди,
Чтобы пристать к счастливому причалу.
Мне ж отплати ты россыпью
Своих чарующих мелодий,
Они пусть будут якорями для души моей,
Уж обращенной
в путешествие иное, в дальний путь.

В ОЖИДАНИИ НЕВЕРУЮЩИХ

Немного роз,
Пучок фиалок:
Вот всё, чего мне не хватает,
Чтобы сказать: любая гадость пахнет райски.
Кинь веточку пустышную в цветочках на плиту,
И восвоysi с лёгким сердцем.
Всё, побежали, праздник кончен!
Вот и сегодня, верно, один ушёл и потерял,
А тысячи остались в доле.
А может, он того и стоил?
Потом почти без перехода,
На руку скорую в печали, кое-как,
Мы возвращаемся
В насиженное место,
Себя, неверующих, ожидая.

ЛЮБОВЬ В ГЛАЗАХ ТВОИХ

Трепещёшь, говоришь: «Не уходииии!!!»
Но ветер мой уже толкает парус,
И кроме стука собственного сердца
Иного ничего не слышу.
Я жил, пьянея от других,
Самим собой пьянея.
Когда ж тебя я буду вспоминать,
Моя любовь,
В твоих глазах
Любви уж и следа не будет.

КРИТИКА

Игумен АФАНАСИЙ
Дмитрий ДЬЯКОВ
Валентин КУРБАТОВ
Марк ШЕХТМАН

11

Багажный

ИГУМЕН АФАНАСИЙ (СЕЛИЧЕВ) родился в 1966 году в городе Петушки Владимирской области. После школы и службы в армии был алтарником Успенского храма в Петушках. В 1993 году принял монашеский постриг в Боголюбском мужском монастыре Владимирско-Суздальской епархии. С 1993 по 1995 год служил вторым священником Успенского храма. В 1995–2000 годах — наместник Успенского Космина монастыря села Небылое. В 2000 году окончил Владимирскую Свято-Феофановскую духовную семинарию. В 2000–2006 годах — строитель и настоятель храма во имя священноисповедника Афанасия, епископа Ковровского, в Петушках. С 2006-го — настоятель Михаило-Архангельского монастыря города Юрьев-Польский Александровской епархии (Владимирская митрополия).

Автор ряда статей, посвященных православной гимнографии, переводу богослужебных текстов с церковнославянского на русский язык, истории Русской Церкви в XX веке. Работы игумена Афанасия публиковались в научно-богословских сборниках и выходили отдельными изданиями.

Игумен АФАНАСИЙ

ВОСПОЛНЕНИЕ ПРОБЕЛОВ

**Дмитрий КАНТОВ. МОСКОВСКИЙ АСТРОЛОМ:
ПОЭМА. — ВЛАДИМИР, 2015. — 184 с.**

Ценителям отечественной поэзии Дмитрий Кантов больше известен как лирик. На его поэмы читатель до сих пор обращал незаслуженно мало внимания. Может быть, потому что лирическое стихотворение, как правило, короткое: редко-редко «перебегает» на вторую страницу. А поэма требует продолжительного и сосредоточенного чтения, от которого мы — что греха таить! — в последнее время отвыкли. Некоторые литературоведы вообще считают, что поэма сейчас неактуальна. Это, мол, прежняя, советская, эпоха настоятельно требовала от поэта широко-масштабных полотен. Поэтому и появились в нашей литературе «Ледовое побоище» и «Суворов»

Константина Симонова, «Зодчие» и «Фёдор Конь» Дмитрия Кедрина или, скажем, «Лейтенант Шмидт» Бориса Пастернака. Теперь же так называемый большой стиль отошёл в небытие, а с ним и жанр поэмы. Но, думается, это не так. Поэма жива, и бесспорное свидетельство тому — книга, которую читатель держит в руках.

Открывают её «Послания Андрея Башмакова». Посланий — пять. Первое из них уже дважды публиковалось. И вот какие получило отклики: «...вещь эта — безупречна во всех отношениях» (Владимир Мисюк), «Кантовский “Башмаков” — и неожиданно, и дерзко» (Алла Марченко). Надо полагать, что слово «дерзко» употреблено здесь известным литературным критиком в том же смысле, в каком Лев Толстой говорил о «дерзости» Фета.

А вот — цитата из рецензии владимирской поэтессы Юлии Александровой: «...поэма — экскурс в историю Руси XVII века. В ней прослеживается

судьба протопопа Аввакума. Перед читателями, как живой, встаёт образ этого человека: страстотерпца, фанатика, жестокого в своём фанатизме к людям и к себе, необычайно мужественного и стойкого в своих убеждениях.

Язык поэмы прекрасно воспроизводит речь человека того времени (она написана от первого лица): очень бережно, органично, точно — ни одной фальшивой ноты! — и как бы погружает читателя в тот, далёкий мир, в то, далёкое время. В этой поэме... нашли отражение самые сильные стороны творчества Кантова: глубокое знание и понимание русской истории, тончайший вкус к слову (в музыке это назвали бы “абсолютный слух”) и свободное владение искусством версификации. Слово подвластно ему, нигде “ни сучка ни задоринки”».

Трудно не согласиться с приведёнными выше оценками. Остаётся лишь кое-что добавить. Наши поэты обращались обычно либо к трагическим, либо к героическим эпохам в истории Родины, например, к временам Ивана Грозного или Петра Великого. Шестнадцатому веку в этом отношении повезло: «Борис Годунов» Пушкина, драматическая трилогия Алексея Константиновича Толстого... Восемнадцатый тоже не обойдён вниманием: достаточно вспомнить пушкинскую «Полтаву». А вот семнадцатый — сравнительно мирный, если не считать периода Смуты, — никого из поэтов особенно не вдохновил. А ведь это был век церковного раскола, век, подготовивший почву для петровских преобразований и определивший вектор исторического движения России во всех последующих столетиях, вплоть до нынешнего.

Сознательно ли обратился Дмитрий Кантов к семнадцатому веку или руководствовался творческим инстинктом, — но он сумел искусно восполнить пробел, существовавший до сих пор в русской литературе.

Андрей Башмаков (сначала писарь у воеводы, потом приказный подьячий, на склоне дней — инок) вспоминает о своей жизни. По воле автора, он лично знал многих: и протопопа Аввакума, и боярыню Морозову, и князя Богдана Хитрово, и соловецких старцев, — а книжник Семён Третьяк Башмак ему вообще родной дядя. Одна за другой эти исторические фигуры оживают под его пером: мучаются и радуются, смеются и плачут... Эпистолы Башмакова — тот откровенный рассказ, который действительно мог бы вести человек семнадцатого века, свидетель великих событий... Как часто у нас теперь создаются бесчисленные детективные, приключенческие и любовные повести «в декорациях» той или иной исторической эпохи, духа которой авторы, к сожалению, не чувствуют, а её речь, быт и костюмы используют как антураж. Дмитрий Кантов к этому шаблонному приёму не прибегает никогда.

Главное достоинство «Посланий Андрея Башмакова» — их язык. Понятный сегодняшнему читателю, он удивительным образом сохраняет аромат архаичности. При этом он лишён и малейшей стилизации: стилизатор всегда имитирует, а у Дмитрия Кантова речь персонажа — подлинна.

Поэма «Московский астролом» также переносит нас в семнадцатый век. Её герой, поэт Алексей Романчуков (у Дмитрия Кантова — Романчук), один из представителей так называемой школы приказного стихотворства — реальная историческая личность. До наших дней дошли всего два его стихотворения. Дмитрий Кантов включил их в свою поэму, виртуозно переложив на современный русский. Судьба Алексея трагична: опередивший своё окружение и не понятый им, он принимает яд... Не только в двадцатом веке поэты кончали с собой, — в семнадцатом тоже. Однако, в отличие от Маяковского или, скажем, Есенина, Алексей — человек религиозный: он

помнит о Боге, о грехе, о посмертном воздаянии. «Одно упование имею — Христа!» — пишет он своему другу и наставнику в прощальном письме. Поэтому так далеки от горделивого цветаевского вызова («На Твой безумный мир / Ответ один — отказ») слова предсмертной молитвы Алексея:

Ты — огонь. От юдоли земной
Отделён Ты небесной стеной,
Но стена та, по счастью, дырява.
То, что видится нам как звезда,
Суть оконце оттуда сюда,
И блестит сквозь него Твоя слава.
Вот, настал мой страстной четверток.
Созерцай Твой светлый чертог,
Совлеку с себя тленья одежи.
Ты, что был добровольно распят,
Мне, уверен, простишь этот яд
И вселишь в Твоё Царствие, Боже!..

Это вовсе не значит, что Дмитрий Кантов оправдывает самоубийство. Напротив, страшный пример Алексея приводит поэта к убеждению, что следует «утешаться и слабой надеждой, дорожить и несчастной судьбой».

Давая интервью корреспонденту одной из газет, Дмитрий Кантов рассказал, как была написана поэма «Московский астролом». В своё время он переводил с церковнославянского языка на русский «Цветник священноинока Дорофея» — своеобразную «энциклопедию для иноков», памятник святоотеческой литературы семнадцатого века. Дело двигалось с трудом, и поэт решил, как он сам выразился, «побывать в стране оригинала». Начал читать древнерусскую литературу того периода, заинтересовался Алексеем Романчуковым и сочинил о нём поэму. И тогда перевод «Цветника», что называется, «пошёл». Когда этот перевод был опубликован, видный духовный писатель и миссионер — архимандрит Рафаил (Карелин) написал: «Мы считаем перевод и издание “Цветника священноинока Дорофея” выдающимся событием духовной жизни Церкви».

Следует отметить, что Дмитрий Кантов не только поэт, но и православный церковный гимнограф. Он составил акафисты многим святым древней Владимирской земли: святителю-исповеднику Афанасию (Сахарову), епископу Ковровскому (+1962), святителю Арсению Элассонскому, архиепископу Суздальскому (+1625), праведному пресвитеру Савве Мошокскому (+1592), священноисповеднику Петру Чельцову (+1972) и благоверному великому князю Андрею Боголюбскому (+1174).

А ещё он сделал стихотворные переложения некоторых псалмов Давида и фрагментов книги Иова.

В поэме «Послания Андрея Башмакова» тоже содержится поэтическое переложение. На этот раз — погребальных стихир святого Иоанна Дамаскина, о которых Василий Розанов сказал, что «сам Пушкин ни на минуту не задумался бы кинуть и свои поэмы, и стихи к подножию той высоты, на которой стоят песнопения Дамаскина около горя людского, около ужасов смерти и погребения, о коих рыдает и терзается всякая тварь».

Конечно, осуществлённое в девятнадцатом веке Алексеем Константиновичем Толстым переложение погребальных стихир считают классическим, но, на мой взгляд, у Дмитрия Кантова слова Дамаскина звучат проникновеннее и заново потрясают душу.

Теперешние российские поэты, за редким исключением, не сочиняют стихотворных пьес на ветхозаветные сюжеты. Дмитрий Кантов сочиняет.

Опять-таки восполняя пробел в российской изящной словесности. Во Франции, например, были библейские трагедии Жана Расина. Оригинальная же русская драма в стихах (Озеров, Сумароков, Княжнин всё-таки в той или иной степени подражательны) началась с блистательной комедии Грибоедова, отнюдь не религиозной. Своими драматическими поэмами Дмитрий Кантов словно бы утверждает необходимость той ступени, которую гениальный автор «Горя от ума» поспешно перескочил. Наш поэт идёт, как говорится, «вниз по лестнице, ведущей вверх».

Когда до октябрьского переворота в гимназиях преподавали Священную историю Ветхого завета, библейский эпизод о женитьбе Иакова на Лии и Рахили из учебной программы исключали, дабы не смущать юные умы рассказом о том, как Лаван обманул будущего зятя: ввёл в брачный шатёр не обещанную Иакову Рахиль, а слабую глазами Лию. Но Дмитрий Кантов обращается к этому сюжету и разрабатывает так целомудренно, с таким тактом, что его поэму «Иаков и Лаван» можно без стеснения читать вслух даже школьникам младших классов.

«Но много премудр сребролюбец Лаван, / И жалость ему незнакома», — писала Ахматова. Нет, Лаван у Дмитрия Кантова не сребролюбив, — он чадолюбив: любит и дочерей, и многочисленных внуков. И не безжалостен: никогда не применяет он грубую силу, только мягкие увещевания, причём на редкость убедительные. Лаван хочет одного — сохранить семью и своё положение главы рода. А Иаков другого — вернуться на родину, в Ханаан, забрав с собою жён и детей. Лаван — фигура действенная, Иаков — страдательная. Но дело в том, что Лаван — идолопоклонник, а Иаков знает истинного Бога и повинуется Ему. Основной конфликт драмы разыгрывается между своеволием Лавана и послушанием Иакова воле Божией. В итоге активность Лавана оказывается тщетной, а долготерпение Иакова вознаграждается. Воистину: «Претерпевший до конца, спасен будет» (Мф. X, 22).

Драматическая поэма «Эсфирь» — стремительное и захватывающее повествование о том, как добрая жена удерживает своего мужа-царя от необдуманного шага и опасность, нависшая над целым народом, минует, — благодаря взаимной любви Эсфири и Артаксеркса. «Силы зла» в поэме тоже представлены супружеской парой: это главный визирь Аман и его жена Зерешь. Но любят они не друг друга. Страсть, объединяющая их, — честолюбие. Оно-то и приводит Амана к позорной гибели, а его злую жену к вдовству.

Поэма «Эсфирь», несмотря на весь драматизм изображаемых в ней событий, — очень оптимистична, читать её весело.

Ни в исторических, ни в драматических поэмах Дмитрия Кантова абсолютно нет аллюзий, или, как называли их раньше, «применений», нет злободневности. Поэт пишет «без газеты в руках», он хорошо помнит совет, который дал некогда Пушкин братьям по перу: автор исторических драм должен «совершенно отказаться от своего образа мыслей, дабы совершенно переселиться в век, им изображаемый».

Особенно приятно, что Дмитрия Кантова привлекли христианские предания, которые Сергей Сергеевич Аверинцев удачно назвал «благочестивым фольклором». Во-первых, это легенда о четвёртом волхве Артабане. Он не успел поклониться новорождённому Богомладенцу, но, проявив деятельное сострадание к больным, угнетённым и страждущим, принёс Христу дар более ценный, чем золото, смирна и ладан. И, во-вторых, сказание о равноапостольной Марии Магдалине. Встретившись с римским императором Тиберием, она подносит ему пасхальное яйцо со словами: «Христос Воскресе!»

Безусловно, исторический Тиберий не имеет ничего общего с художественным образом, однако император, которого поэт заставляет бережно нести в руках «яйцо, как живого птенца», становится символом просвещённости языческого мира светом евангельской Истины.

В 2015 году Дмитрий Кантов был удостоен общероссийской премии имени Антона Дельвига «за книгу, следующую непреложным традициям русского стиха». Книга эта называется «По прихоти сюжета» и состоит в основном из лирических стихотворений. Я очень рад, что теперь Дмитрий Кантов станет известен любителям литературы ещё и как автор поэм, наглядно подтверждающих вечную современность Священного Писания, христианского предания и церковной истории.

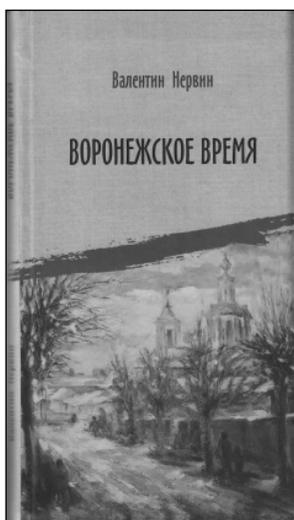
ДЬЯКОВ ДМИТРИЙ СТАНИСЛАВОВИЧ родился в 1963 году в городе Котовск Тамбовской области. Член Союза российских писателей и Союза журналистов России. Автор трех книг публицистики, ряда литературоведческих и критических статей. Директор издательского дома Воронежского государственного университета.

Живёт в Воронеже.

Дмитрий ДЬЯКОВ

МЕТАФИЗИКА ПОХМЕЛЬЯ

ВАЛЕНТИН НЕРВИН. ВОРОНЕЖСКОЕ ВРЕМЯ. НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ. ИЗ РАННЕЙ ЛИРИКИ. — ТАМБОВ: ООО «ТПС», 2015. — 208 с.

Выразительный итог вековому проклятию нашей страны, где призывы поэтов к народной свободе слышат, кажется, и леса, и реки, и степи, и горы — словом, всё и все, кроме самого народа, Валентин Нервин подвёл ещё лет 30 назад: *«Отгорела заря вечерняя, отогрела рябины кисть, эх, Воронежская губерния, загубила ты мою жисть!»*

Ставшая уже своеобразным литературным брендом гибельная аура родного поэту края придавала безысходную обреченность этой фразе, но в строках всё равно чувствовался мощный захлéb желанной свободы и одновременно веселое отчаяние.

Так, вероятно, приняв сто грамм, поднимались из окопа солдаты в Великую Отечественную...

Валентин Нервин — из тех стихотворцев, которые ещё в 1980-е внесли новое и свежее содержание в поэзию. Он — один из основателей легендарного воронежского поэтического клуба «Лик», под сенью которого сошлись тогда молодые стихотворцы, почувствовавшие долгожданный ветер перемен, а также те их ровесники, кто просто любил читать и слушать стихи. Этот поэтический круг очертил в воронежских краях резкую границу между суррогатом застойной «свободы» и свободой, самими поэтами над собою провозглашенной.

Вполне естественно, что круг, выписанный молодыми «ликовцами», на поминал пир во время чумы.

Об этом пире Нервин написал сотни строк, исследовав в них весь, кажется, спектр ощущений азарта от гибельного восторга.

И здесь необходимо отметить, что мало кто не только в воронежской, но и в отечественной — а значит, по понятным причинам, и в мировой — поэзии так достоверно доносил до читателя феномен питья, как Валентин Нервин. Чего стоит хотя бы физиологически точное описанное им ощущение попадания горячительных напитков внутрь человеческого организма:

Полстакана домашнего вина —
И отпускает оторопь любая.
А жизнь у нас —
Ну просто «Адидас»,
А кровь у нас такая голубая...

Кстати, характерно, что в первом же выпуске всероссийского поэтического альманаха-навигатора «Паровозъ» (2013) в разделе «Вагон-ресторан» были напечатаны именно стихи Валентина Нервина:

Не железная ли дорога
устаканила горемык?
здесь от стрелочника до Бога
получается напрямик.

Впрочем, с годами в алкогольной теме у поэта произошла смена темпа впечатлений и скорости ощущений. Его начал интересовать уже не сам загул, а, скорее, его последствия. Так в поэтическом мире сегодняшнего Валентина Нервина одной из основных стала тема похмелья. Причём похмелье в данном случае — не столь даже физиология, сколь философское состояние души, осмысление страданий, боли и... неожиданное прозрение от осознания несовершенства всего мироздания.

Это по молодости лет, резвясь на пиру, он мог восклицать:

Храни во мне, Господь, охрипший голос,
От вытрезвленья душу упаси:
Прекрасная лоза и добрый колос —
Почти как серп и молот на Руси.

А теперь эти эмоции обрели муторное предчувствие не только собственного, но и всечеловеческого отрезвления:

Вокзальные слёзы легли про запас,
Бухло переполнило чашу.
Кого мы сильнее жалеем сейчас —
Себя или Родину нашу?

Новый сборник В. Нервина «Воронежское время» (2015), вышедший к 60-летию поэта, подтвердил диагноз: чаша испитого страной за последние десятилетия — переполнилась, и в ней оказались потопленными и свобода, и разум. Остались лишь душа и сердце поэта.

После потравы и похорон
Для оптимизма — край не почт.
Цельми днями
С разных сторон
Жизнелюбиво песни звучат.
А по ночам я слушаю, как
Перекликается вороньё,
Мусорный ветер
Свищет в кулак
И разрывает сердце моё.

Лексикон Нервина — первого порядка, без поиска экзотики. Но выбор поэтических образов таков, что чувство новизны — непреходяще. От этого возникает ощущение обретения истины, которого поэт достигает неожиданными многосмысловыми метафорами:

Не в какой-то преисподней,
а буквально за углом

плакал Ангел в подворотне,
укрываючись крылом.
Два нетрезвых гражданина,
незадолго до того,
дали Ангелу по нимбу,
дабы выключить его.
Что бывает в мире хуже
человеческого зла? —
и лежали прямо в луже
перья с белого крыла.
Напоследок я сегодня
пожалю тех двоих,
ибо Ангел в подворотне
был Хранителем для них.

При всей схожести проблематики современные стихи Валентина Нервина из «Воронежского времени» отличаются от его ранней лирики (лучшие образцы которой, кстати, он включил в этот сборник самостоятельным разделом). И это отличие, на мой взгляд, вот в чём. Прежние его стихи — это психология, нынешние — метафизика. Появилась попытка взглянуть на мир и всех населяющих его — ОТТУДА. Ощущение такое, что поэт, всегда испытывающий упоение «бездны мрачной на краю», решил сделать шаг вперёд, во мрак этой бездны:

Случается то,
Что не может случиться
На этой планете и, как ни крути,
Живая душа безотчётно стучится
В Господние двери
На Млечном Пути.

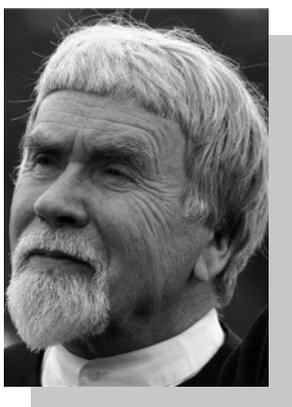
Наверное, были (есть!) и другие варианты поведения у мрака бездны. Так же как было (есть!) множество других поэтов, которые передают читателям иной опыт взаимодействия с краем бездны. Например — опыт полётов во сне и наяву. Но это — другие поэты.

У Валентина Нервина такого опыта искать не стоит. Его сны — про другое.

Не надо возвышенных слов:
Мы попросту сотворены
Из горького пепла и снов,
Оставшихся после войны.
Когда догорает закат,
на линии сна и огня
Я вижу убитых солдат —
И каждый похож на меня.

Вселенское похмелье как преодоление векового проклятья, прочувствованное поэтом, совершенно неожиданно оказалось тем самым средством, что сняло забвение с неизвестного солдата.

Того самого, кто однажды на Великой Отечественной, приняв сто грамм, шагнул из окопа навстречу собственной гибели...

КУРБАТОВ ВАЛЕНТИН ЯКОВЛЕВИЧ родился в 1939 году в городе Салаван Ульяновской области. Литературный критик, эссеист. Окончил отделение киноведения ВГИКа. Член Союза писателей России, член Общественной палаты России (2010–2014), член Президентского Совета по культуре.

Автор книг «Виктор Астафьев», «Миг и вечность», «Михаил Пришвин», «Портрет на фоне портрета», «Валентин Распутин», «Письма из глубины России», «Подорожник», «Долги наши», «Нечаянный портрет», «Батюшки мои» и др.

Лауреат премии имени Л. Н. Толстого (2000), Международного конкурса «Литературной России» (2005), премии администрации Псковской области, премии им. Павла Бажова (2007), Горьковской премии (2009), Новой Пушкинской премии (2010), Патриаршей литературной премии (2014) и др. Живёт в Пскове.

Валентин КУРБАТОВ

«ПОД БРЕМЕНЕМ ПОЗНАНЯ И СОМНЕНЬЯ»

Получил письмо от своего крестника и замечательного поэта М. Я посылал ему случайно попавшую мне на глаза в плюшкинской кладовой Интернета фотографию, где он снят с товарищами у Союза писателей СССР (ну а раз СССР, значит, уже лет тридцать назад). Я знал с этой фотографии троих и числил их в параллельных вселенных, не ведая об их знакомстве, а, может, и дружестве. Одного из них — Миши Поздняева — уже и нет на белом свете. «Мой» М. живёт в Белоруссии, другой товарищ с фотографии на Дальнем Востоке — сведи-ка их на одной карточке и в одном сознании. Письмо было грустно:

«...все были эгоистами... Трепачи себялюбивые, хотели пролезть вперед, но стали никем, ни одного гения или даже крепкого таланта, голоса поколения. Жаль. Никто никому ногтя не протянул. Такие добрые и одинокие люди пытались составить поколение и опору, да не очень вышло.

Как ни странно, всех вывело в люди горбачёвское время, а после развала Союза все потерялись.

Были собачьи бега. Ну, а мы те самые псы. Вот только ни одного настоящего лидера, и ничего вразумительного как ГОЛОСА ЭПОХИ. Так себе. Отличались только степенью начитанности.

А сегодня из того поколения все просто выживают, печатают всякие компиляционные книжки.

Такое странное поколение ТАК И НЕ ВЫСКАЗАВШИХСЯ. Все — дружка от дружки подальше — из-за какого-то соперничества и неприязни».

Легко было сразу закивать. Я вон тоже в последние годы всё ждал прорыва на Пушкинском празднике поэзии в Михайловском. А оканчивался Праздник, и опять было видно — нет, не прорвались. Нарочно вот сейчас сниму с полки книжки, остающиеся у меня после Праздника, как после отлива — не надо специально в библиотеку идти — по одной-то полке всё виднее. Первым даже и до того, как к полке повернёшься, вспомнится покойный Гена Кононов из своих, псковских. Напишет в стихах свою обычную биографию, где всё как у всех:

Вот диплом мой и паспорт.
Возьми, полистай не спеша.
Всех живых я живее.

И свет мой не сгинет во мраке.
Я не бомж, господа.
Говорят, у меня есть душа.
Я плачу за жильё,
Состою в профсоюзе и браке.

А закончит с острой горечью:

Все сложилось о'кей
на пути моём мягко-пологом,
но — при таком счастье — боюсь,
не смогу подтвердить своего бытия
после смерти пред Господом Богом.

И вот поколение-то! — словно через плечо ему из других лет заглянет и подхватит строку Борис Скотневский из Тольятти: *»Всё о'кей. Успеху — выше крыши. Лишь душа опять на самом дне»*. А перейдет Борис через улицу и услышит от своего товарища Виктора Стрельца: *»Времена иные на коне — конкурентно улыбаются оне»*. А их третий товарищ из того же Тольятти, Владимир Мисюк, объяснит и причину:

Умер Тряпкин. И Решетов умер.
Удавился пацан по фамилии Рыжий.
Кушнер — star; Кублановский в Париже.
Актуальной поэзии жижа
Наползает во всю ширину.

Как зло и верно — *«актуальной поэзии жижа»*. Если бы подхватить тем же Геной Кононовым, сказалося бы *«сохраняясь в пределах освоенной роли без боли»* и как приговор *«Чёрной свечкой сгорает мое поколение, как вода утекают года»*.

Не вышло «поколения». «Не высказавшиеся». Одна «степень начитанности». Хоть в столбик выписывай:

Когда бесправие царит
И зло угрюмо дышит в лица,
Боящийся не говорит,
А говорящий не боится.
Но есть и хуже времена —
Всеговорения как цели.
Такой свободе грош цена,
Как и словам на самом деле.
(Виктор Кирюшин)

О, сколько книг, о, сколько книг,
Стоящих чередой безликой,
Не песнь, а безголосый крик
В сравненье с книгой той великой.
(Леонид Дранько-Майсюк)

За страницей страница,
За строкою строка.
Только букв вереница,
Только плоскость листа.
(Елена Тахо-Годи)

Нас уже не найти. Мы спешим раствориться в полночь,
Позабыв в темноте и себя, и дорогу, и свет.
(Станислав Шрамко)

А наша боль — фигня:
Игра смягчает краски.
Нам не прожить и дня
Без этой нашей маски...
(Андрей Бессонов)

Куда ни глянь — повсюду словеса,
Они роятся в воздухе и в дыме.
Они звенят, тревожа небеса
Неверными октавами своими.
...О, сколько их! — и скверных, и святых
Я выводил подобно Моисею
Из тьмы черновиков, из запятых
В свободную, как рукопись, Расею.
(Александр Хабаров)

Из разных концов «Расеи» и разных лет и судьбы, а будто соседи по общежитию.

* * *

И тут я ловлю себя на «приёме». Вижу, что тороплюсь подтвердить правоту своего товарища, что да, *изговорились*, но не *выговорились*, что кто не печальник, тот иронист, кто не иронист, тот притворщик. А голоса поколения нет. Умны, усталы, неприязненны к времени. Хоть повторяй за Лермонтовым:

Печально я гляжу на наше поколение,
его грядущее иль пусто, иль темно.
Под бременем познания и сомненья
в бездействии состарится оно.

Вот и они — в бездействии, потому что неплодный ум, хотя бы и в послушной форме (а форма большинству легка) — всё только слова, слова, слова...

А потом оглядываюсь, о каком поколении писал Михаил Юрьевич, кто эти «наши», томящиеся «под бременем познания и сомненья» и ахаю: да ведь это Пушкин, Баратынский, Языков, Веневитинов, Батюшков... И, смутившись, бросаюсь перечитывать отложенные было книги. И, счастливый, с лёгким сердцем опровергаю себя. Выговорились! Выговорились! Да ещё как! Разве что не порознь. Это в целом времени целен и поэт, и он — зеркало во всё небо. А когда вместо времени рассыпанный пазл, то и поэты вдребезги. Но сложи эти осколки и увидишь, что и расколота жизнь — всё жизнь. И все отражения сложатся в неприглядную картину суетного дня, где эта внешняя «невыговоренность» и «отсутствие голоса поколения» и есть честное и вразумляющее свидетельство, что не поэты, а время сыпется «под бременем познания и сомненья».

Вот тут бы и привести примеры, как складывается небо из осколков зеркал. Да тут та тонкость, что зло и поражение легко подтвердить эффектной цитатой, а добро и правду надо подтверждать всем стихотворением. Злу довольно фрагмента, добро ищет контекста. И иногда, грешный человек, думаю иногда на том же Пушкинском празднике: да отчего они читают по стиху-по два: что тут успеешь разглядеть? Не вернее ли было бы позвать двух-трех поэтов да научиться слушать (к сожалению, это золотое качество уходит сегодня в слушателя — некогда ему, всё подавай тотчас с первой строки!) и скоро мы бы с удивлением увидели, что мы не оставлены Богом и поэзией. Что Муза — всё терпеливая русская баба и не бросает своих

бегающих за временем детей, а поперёк им договаривает свою правду до конца. Мы-то можем бегать и отговариваться нехваткой времени, а Муза — всё дочь русской вечности, а не утренних новостей.

Мы потому и не узнали «выговорившееся» время, что ждали от него прежней формы, а оно пришло неузнанным.

Тут будь моя воля, я взял да и поместил всю книгу «Лазарева суббота» улетевшего из жизни Миши Поздняева, который улыбается со старой фотографии, словно говорит: «Вот сейчас вы услышите родное время», и читает свою блестящую комическую державинской хватки «Оду на 35-ю годовщину послания В. В. Жириновского Л.И. Брежневу»:

Лукавая толпа, ну кто, скажи на милость,
в те годы Л. И. Брежневу писал!
Ну, честный Сахаров, ну, Солженицын храбрый,
ну, Евтушенко, не пойми какой.
Но что по тем листам, как по паркету шваброй,
водило Жириновского рукой?
Он ведал: всяк скворец на том сидит сучочке,
кой выделил ему Творец,
но прав поэт (из пятой снизу строчки)
скворец в России больше, чем скворец.

И тут посреди комизма и озорства мелькнёт неожиданно дорогая, как признание, нечаянная проговорка:

...Не повелитель мух, не персонаж из Брэма,
не штопальщик небес, не вешний звукоплет, —
скворец в России типа как эмблема
не важно *что* поёт, а важно, что *поёт*.

Вот-вот! Уже одно то, что «поёт», как ни тщится время лишить русского скворца его голоса, — есть чудо и торжество. Смеётся русский поэт, а дела не забывает и не страшится искреннего слова и посреди буффонного текста — по опыту русской поэзии знает — оно не потеряется, как в его «Балладе о памятнике поэту Ерёменко на Лубянке»:

Нас не надо жалеть. Жалеть никого не надо —
дикарей, декабристов, ди Каприо между льдин,
даже мамонтов; но когда вымерзает стадо,
всё же должен остаться в музее хотя б один.

Они знали себе цену и, смеясь, раз уж время по совету «основоположника» предпочитало прощаться с прошлым смеясь, делали своё дело честно, как в его, поздняяевской, «Элегии о том, что он был “последним хорошим советским поэтом”»:

Я последний хороший советский поэт
(написал в НЛО Кулаков).
Я поскрёбыш, осадок, подонок, послед,
я посол из страны дураков...
...Я последний хороший советский балет,
я последний троллейбус и звёздный билет,
бочкотара, последний звонок.
...Мой последний читатель! Шампанским залей
и заешь бомарше свой зевок.
Потому что совок я по крови своей,
и поймёт меня только совок.

Да и те, кого я цитировал в комментарии к письму об «эгоистах» и «себялюбивых трепачах», если из контекста-то не выдёргивать, какой живой и подлинной стороной повернутся. Вон Борис Скотневский после *«Всё о, кей. Успеху вышел крыши, лишь душа опять на самом дне»* как обнимет это же время, когда придёт в сумерках одинокий час прямого взгляда на жизнь:

Пускай оно пройдёт, как дым, —
Я счастлив временем своим...
Поскольку в нём родные люди,
Мой воздух и моя вода,
Мои хоть счастье, хоть беда, —
А больше их нигде не будет,
Не будет больше никогда.
И всяким — грешным и святым
Я счастлив временем моим.

Как просто, как «бедно», но ведь мы наедине-то с собой и не «поэты» и «себялюбивые трепачи», а живые беззащитные люди, которые меряют жизнь не поэзией своей и других, а простым утром и днём, а они — день-то и утро и при Экклезиасте, и при Жириновском, при Сафо и Марине Кудимовой те же. И как вслушаешься открытым сердцем, так и забудешь о «соперничестве и неприязни» и сразу видишь пронзительную единичность каждого мгновения, и само собою тем же Скотневским и выговорится:

Но время так отчаянно сквозит,
Что жизнь непоправима и прекрасна.

Да и зачем непременно искать одежды «по времени» — придёт нужда, наденешь и то, что Катулл нашивал и чего Херасков не стыдился, потому что жизнь не так тороплива, как мы, грешные, — иногда старое-то платье и милее, и роднее. Наденешь, и словно времени-то и нет, а стоит на дворе эта самая желанная вечность.

Я ищу нового слога,
Как ищут новой любви.
Но старые рифмы сильны,
Как прежнего чувства оковы.
И старые ритмы звучат,
Как голос знакомый и нежный.
И трудно не бросить взгляд
На прошлое — пусть безнадежный.
(*Е. Тахо-Годи*)

Не безнадежный он, не безнадежный, а, может, напротив, в иные времена самый надёжный и есть, потому что вернее беготни удерживает сердце — форма-то ведь не только одежда, она — сердце времени.

Нам не хватает сетчатого зрения стрекоз, чтобы увидеть сад поэзии «невыворившихся» лет. Это не поэты, это мы мечемся между тревогой утра и покоем вечера, между здоровой вечностью прежней истории и эгоистической однодневностью нынешней. А время без свидетелей не остаётся. И пусть история не надеется, что она обманула нас информационным безумием, обиходом ежедневных убийств, всеобщим переселением народов — поэт, как пушкинский Пимен, в одинокой келье «донос ужасный пишет»: «И не уйдёшь ты от суда мирского, как не уйдёшь от Божьего суда».

Мы и Его, Создателя всяческих, пытаемся приручить и сделать бизнес-проектом, но сама же поэзия и не дает, потому что она — Его дитя, и «отроки благочестивые в печи», и «Даниил во рву львином» не устанут свидетельствовать об Истине и ставить будильник на «вечность».

Это, может быть, самая живая из ветвей нынешнего «древа познания», ставшего «древом жизни» — христианская поэзия. И не внешностью христианская, не прямо Божьим именем, а самим дыханием, тишиной преображённого слова, простого и глубокого, как троеперстие. Разогните Станислава Минакова:

К осени человек понимает, как быстротечен смех,
Как лаконично время, но жаловаться — кому?
К осени человек понимает, может быть, паче всех,
Что телегу тянуть с другими, а умирать — одному.

Или его же:

Поставь на полочку, где Осип и Никола,
Осенний томик мой: я там стоять хочу.
Мне около двоих родны словес оковы,
Где — колоколом течь, приколоту к лучу.
Реченья их — речны, свечение — угодно
Тому, Кто чин даёт журчале-словарю,
Коль-ежли иордань жива, хотя подледна,
Тогда и я, гордясь, глаголю-говорю.

Откройте его товарища Юрия Кабанкова:

Что с нами случилось? Отчего так споро,
Так легкодумно лишены Твоей опоры
не причащаемые хлебом и вином?
Куда же мне теперь, скажи на милость!
Как птаха зимняя, душа моя кормилась,
Доверчивая, под твоим окном.
Морозный день стоял, как ангел, на пороге,
Хрипели грудью лесовозные дороги,
А сердце бедное спало — небесным сном...
Достойна Промысла высокая забава!
И, в страхе цепenea, как собака,
Уста молитвою не смею утруждать,
Но стыдно как о, Всенебесный Боже,
Сей обреченности — когда мороз по коже, —
На плоть мою взгляни: сплошной наждак!
Из бездны к небесам Твоим взываю:
Да прекратится мысль моя живая!
Сие безумием прилично упреждать.

И напоследок ещё из Светланы Кековой:

Кончается осень, как жизнь в разорённой стране,
и к сердцу вплотную зимы подступает блокада,
и виден загадочный всадник верхом на коне
на фоне заката.

И всадника тень, и его боевого коня
не Гоголь придумал, мечтая о юной невесте,
но так возвращается в мир, убивая меня,
закон воздаяния, страшное таинство мести.

И всякое слово, конечно, приносит плоды,
собой заполняя пространство от храма до свалки...

А Гоголь шивает стеклянное платье воды,
поскольку жалеет погибшую душу русалки.

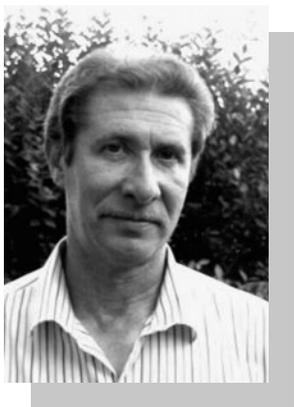
Как, начав «за упокой», не кончить «за здравие»! Как же мы богаты всеми оттенками жизни, какие узнали тонкости о человеке, как стали бережны к сердцу и Богу. Словно все на площади жили, а очнулись в простой тишине родного дома. Оказывается, можно и так выйти к читателю со своим сердцем и будто только со своей единичной печалью и любовью, а другое сердце метнётся навстречу. Значит, можно? Значит, я не одинок в своей такой «необщественной» простоте?

Ну и чтобы уж окончательно смутить читателя последней открытостью — «проза в столбик», как зовёт свои стихи Светлана Василенко. Напечатая её в строку (раз проза!) — столбиком она от этого быть не перестанет:

На еврейском кладбище У могилы мужа Стою одна. Все знают, кроме меня, Дуры, Что сегодня живому сюда нельзя: Суббота. Сиротская могила. На памятник нет денег. Денег нет ни на что: Ни на жизнь, ни на смерть. На сапоги тоже нет. Ты же знаешь, Марк, Нашу с тобой жизнь: Еле дотягивали до получки. Разговариваю с тобой. Ворох новостей. Жалуюсь на сына. Он всё со своей Машей. Марк, я опять влюбилась На старости лет тут в одного. Ты привык. Ты рассеянно слушаешь меня, Лежа, Словно на диване, Незряче глядя. На свой небесный футбол. Невпопад переспрашивая — как его зовут? Саша? Горячась: — За это надо давать Красную карточку Или назначать пенальти! И я вдруг ясно понимаю, что Ты такой же, Ничуть не изменился. И нам хорошо, Как раньше, Просто молчать Друг с другом Здесь на еврейском кладбище, Когда живым сюда нельзя. Суббота.

Понимаю, что «подставляюсь» с таким, уж очень «нетребовательным» отношением к поэзии, где ни пушкинского *«Пока свободою горим»*, ни мандельштамовского *«Наши речь за пару шагов не слышны»*, ни кузнецовского *«Времена прошли — словно не были. Мы пройдем насквозь — не задержимся. Ничего от нас не останется. Что останется — будет лишнее»*. А всё-таки остаюсь при своём. Не всё на трибуне стоять, не всё Музе на баррикады со знаменем лететь, а иногда, пока времена «отдыхают», надо и дома побыть.

Слава Богу, что «не выговорились». Выговариваемся. Глядим, чего в душе накопилось в твёрдые времена. Простое всё, человеческое, но ведь наше же. Может, не «голос» а только шёпот, но не чужой, а нашего поколения. Значит, длимся. Живём.

ШЕХТМАН МАРК родился в Таджикистане в 1948 году. Окончил школу в Душанбе, получил два образования (физико-математическое и филологическое), преподавал историю литературы на кафедрах университета (ТГУ) и пединститута (ДГПИ). Сфера интересов — фантастика и теория чисел.

В советский период были изданы два сборника стихов: «Неведомое небо» (1982) и «Большая Медведица» (1985). Позже вышли в свет «Русский Бог» (Москва, 2009), «Бродяжий ангел» (Иерусалим, 2015) и сборник стихотворных комедий «Бройтманиана» (Запорожье, 2004). Публиковался в журналах и альманахах многих стран мира, произведения представлены в «Журнальном зале». Член СП Израиля. Живёт в Иерусалиме.

Марк ШЕХТМАН

ПЛАНЕТА СТИХОВ, ИЛИ ФЕНОМЕН ЕГИАЗАРОВА

Вячеслав Егиазаров относится к тому исчезающе малому числу поэтов, о которых можно сказать, несколько перефразируя Горького, что они не столько люди, сколько органы, созданные природой для творчества.

Я понимаю, насколько ответственно подобное заявление. Но окиньте взглядом историю русской поэзии и честно признайтесь себе: многие ли из известных вам поэтов оставили в душе ощущение летящей лёгкости, искренности и простоты в выражении подчас самых сложных и даже внутренне противоречивых чувств и мыслей? Много ли есть таких мастеров, чьи стихи производят на вас впечатление абсолютной непридуманности и естественности до такой степени, что сам процесс писания начинает казаться обманчиво лёгким и увлекательным?

Я испытал это ощущение при чтении всего лишь пяти поэтов. Все они жили во времена очень разные и очень трудные. Впрочем, в России обо всех временах можно сказать, что они очень трудные, — но об этом не сейчас.

Первого поэта угадать легко: конечно же, это «наше всё» — неподражаемый и прекрасный Пушкин. Вторым я считаю Сергея Есенина, кому, собственно, и адресовал Горький свою фразу о «не столько людях...». Третьим мне хочется назвать Александра Твардовского с его удивительным умением не разделять высокое и простое. Четвёртый — Николай Рубцов, чья судьба настолько трагична, что упомянутое качество лёгкости кажется поистине дарованным свыше. Пятым стал для меня Вячеслав Егиазаров.

С его стихами я впервые познакомился три года назад на сайте поэзия.ру — когда-то лучшим поэтическом сайте Рунета. К этому времени сайт уже ветшал из-за неумной, мягко говоря, позиции руководства, но был ещё вполне конкурентоспособным и творчески состоятельным. На ленте сайта и сегодня выставляют свои стихи русскоязычные авторы, которых стоит разделить на две группы: живущие в России и живущие вне России. Говорить о специфике этих групп можно долго, но напрямую в мою тему это не входит. Ограничусь лишь фразой, что поводов для ликующего оптимизма ни у тех, ни у других не было ни три года назад, ни тем более сейчас. Уехавшие из России в большинстве своём переживают естественные сложности вживания в новую и проблемную для них действительность. Сложности

эти к тому же усугубляются ностальгией и рефлексией, что нормально для творческой личности. А у собственно российских поэтов и без эмиграции довольно поводов для раздумий и озабоченностей. И сквозь этот облачный покров «сомнений и тягостных раздумий» стихи Егиазарова прорвались светоносным и радостным потоком.

Ах, какие краски и звуки в самом разнообразном их смешении выплеснули эти стихи на читателей и коллег по сайту, ошалевших от обилия ритмов, интонаций и ярчайших метафор!

...А солнца изумлённый шар летел над Ялтой в полдень синий,
темнели горы вдалеке, стерев рассветный макияж,
качалась тень, словно гамак, меж итальянских стройных пиний,
и от сосны алеппской тень, как дирижабль, плыла на пляж.

Мне, наверное, возразят, что подобные строки можно найти в творчестве любого русского поэта, но, положив руку на сердце, признайте, что для российской поэзии в целом эпиграфом можно поставить строки из известной «Безглагольности» Бальмонта:

Есть в русской природе усталая нежность,
Безмолвная боль затаённой печали,
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящие дали...

Мир же Егиазарова оказался исключением — радостным и прекрасным. И ещё оказалось, что он такой всегда!! Нет, он вовсе непросто. В нём бушуют грозы и печали, но этот мир полон жизнью и — главное! — любовью к ней, какой бы тяжкой эта жизнь ни была:

Мне по-всякому было в Отчизне,
где суровой была, где добрей,
и стоит посереёдке жизни
что-то главное в жизни моей...

...Я искал утешений у моря,
их всегда приносило оно,
и стоит посереёдке горя
вера в лучшее, как ни смешно.

Я ловлю себя на мысли, что для доказательства положения о «прекрасном оптимизме» Егиазарова хочется привести эти строки... и ещё вот эти!.. и, конечно, те...! — ибо они изобильны, ярки, убедительны и многие из них хочется читать и длить в своей душе. Но задача моя требует известных ограничений, ибо сказать нужно ещё о многом. И прежде всего — о любви.

С любви начинается всё. По тому, как поэт пишет о любви, можно судить о нём как о человеке, мужчине, муже, отце. Думаю, что любовные стихи, прочтённые внимательным глазом, дадут нам представление об отношении поэта к миру вообще. Ликующие, полные вместе греховности и святости стихи Пушкина — это то главное, что несёт в себе его неподражаемая душа. А любовные стихи Блока — трагические, надрывные, лишённые радости, — не именно ли в них сосредоточена судьба этого поэта? Егиазаров пишет о любви взахлёб, восторженно, свято — и очень по-земному. Он вместе трепетен, и ярко, немногословен и искрометен, афористичен и порой по-юношески робок! Вот обращение к любимой женщине, которым открывается одно из его чудесных стихотворений:

Любимая, я просто человек,
наивен, скрытен, злобен, откровенен,
но без меня неполноценен век,
а без тебя я сам неполноценен...

У Егиазарова есть строфы и «покруче», но именно эта строфа восхищает меня естественным, как дыхание, и сложнейшим по сути единством любви поэта, его души и того мира, в котором нам многое дано — и не дано... Отнимите у поэта его любовь, его женщину — и всё дальнейшее существование станет уже горьким и ущербным. А третья строка этого четверостишия — о неполноценности века — она для меня доказательство, что ликование любви живёт рядом с глубиной, полной задумчивости и философичности. Я не уверен, что здесь Егиазаров осознанно вторит фразе одного из самых трагических и загадочных русских писателей — Андрея Платонова: «Без меня народ неполный...», но он всё же вторит ей и даже расширяет её от масштабов народа до масштабов времени: «Без меня неполноценен век». А мимо строфы другого стихотворения читатель не пройдёт без трепета и, возможно, без парочки слезинок:

Когда я стану облаком иль птицей,
а ты цветком иль речкой голубой,
нам снова будет суждено влюбиться,
как это предначертано судьбой...

Что ж, сказано в русле давней любовной традиции, но ведь насколько по-своему, по-егиазаровски сказано — просто, ясно и музыкально! А иногда, говоря о любви, Егиазаров по-юношески восторжен и не боится, что его обвинят в отсутствии глубин и загадочностей:

Любовь и есть — любовь! Ненадобно сравнений,
когда пылает кровь и не до словопрений!..

У любовной темы есть сестра-близнец, а может, и не сестра, а просто другая её ипостась или другое лицо — как у двуликого греческого бога Януса — тема нелюбви. Мало кто не отдал дани её горечи и тоске. О, пушкинское: «Я вас любил...!» И блоковское: «О доблестях, о подвигах, о славе / Я забывал на горестной земле...» И цветаевское: «Как живётся, милый? Тяжче ли? / Так же ли, как мне с другим?»... Я нарочно называю, наверное, самые известные фразы о нелюбви в русской поэзии (а можно процитировать ещё сотню не менее популярных!), потому что хочу обратиться к яркому и совершенному по форме стихотворению Егиазарова «Пока я люблю!» Оно написано страстно, оно больше напоминает выкрик, удар молнии, жест, каким разрывают на груди рубаху! — и это тоже стихи о нелюбви:

Под Богом живём! Или роком!
Расслабься! Доверься рулю!
Твоя нелюбовь мне уроком
не станет, пока я люблю!

Пусть читатель обратит здесь внимание на ритм амфибрахия — по моему, самого «мужского» размера в русской поэзии, на повелительное наклонение глаголов, на пять восклицательных знаков в строфе, на слова, в которых живёт страсть, не согласная с тем, что её не приемлет любимая женщина! Такая страсть прекрасна своим непослушанием, своей готовностью ждать и надеяться вопреки всему. И, как многое у Егиазарова, любовь и все её спутники — счастье, страсть, горечь, надежда — тяготеют к максимализму, к гиперболе, к забвению границ между лексикой литературной и, так сказать, скоромной. Желаящим в этом убедиться я рекомендую, например,

стихотворение «Когда я влюблён», строки из которого я не хочу приводить из-за нежелания оставлять пробелы в строчках. Что ж, тут Егиазаров не одинок и следует, ну, хотя бы за Есениным, о котором, кстати, и упоминает. Зато я не откажу себе в удовольствии процитировать финальную строфу этих стихов, где масштабы егиазаровских ассоциаций, пожалуй, превосходят знаменитый призыв Маяковского соревноваться в любви не с заурядностями, а с самим Коперником:

Готичней костёлов Европы здесь Ставри-Кая.
Я чаще, чем в храмах, пред соснами крымскими каюсь.
Когда я влюбляюсь, мне нет невозможного, я
сильней Леонардо и Гёте, когда я влюбляюсь...

И пусть читатель обратит внимание, как естественно и органично, без малейшей нарочитости входят в стихотворение география и природа родного для автора Крыма. А филолог может полюбоваться тем, как небрежно и красиво автор относительное прилагательное «готический» переводит в разряд качественных, меняет суффиксы и создаёт неологизм в несуществующей прежде сравнительной степени — «готичней». Заодно замечу, что вряд ли Егиазаров сознательно обожествляет природу и впадает в пантеизм, каясь перед соснами, как перед Богом. Тем не менее слово сказано, и когда-нибудь вьедливый аспирант проследит этот философский аспект во всём корпусе егиазаровского творчества! Мы же от любви естественно перейдём к теме родины, которую большинство пишущих о Егиазарове справедливо считают главной, но упорно именуют её темой Крыма.

Считаю очень важным отметить, что Егиазаров и тут ухитрился занять особую позицию. «Неужели, — скажут мне, — только Егиазаров любит родину и пишет о ней, а все прочие нет?» И я, к большому своему сожалению, буду вынужден подтвердить, что большинство современных поэтов тему родины подменили темой своей страны, своей памяти, своего времени. Постараюсь объяснить, что я имею в виду. Мы все видели фильм «Ирония судьбы, или С лёгким паром!» и помним причину приключений его героев, когда так называемый прогресс нивелирует города, улицы, дома и даже мебель. Зададим себе вопрос: может ли современный поэт воспеть такую «малую родину» в условиях торжествующей уравниловки? Да и возникнет ли вообще в его творчестве подобная тема? Урбанизация и серийность во всех её проявлениях уничтожают в зародыше возможность выделить образ малой родины, сделать его предметом поэзии. Вероятно, тенденция эта не нова. Тема малой родины уже давно стала прерогативой писателей и поэтов из провинции, куда стандартизация проникает не так быстро и неотвратимо. Но Крым — место особое. Таким его сделали история, природа, демография, смешение, синтез, а порой и отталкивание национальных культур, и, наконец, геополитическое положение на стыке интересов мировых держав. Прекрасная субтропическая природа и климат соседствуют с мощными военными базами. Смешение Востока и Запада, христианства и мусульманства, окульгуренных сельских ландшафтов и суровых гор — всё это достигает такой концентрации контрастов, какой на Земле не так уж и много. Словом, малая родина досталась Егиазарову такая, что не писать о ней невозможно. Я избавляю читателей от долгого перечисления имён поэтов и писателей, бывших в своём творчестве предшественниками Егиазарова, но отмечу, что они создали столь яркие произведения, после которых найти новые звуки и краски уже трудно. А найти нужно, ибо без новизны искусство вырож-

дается в повторение пройденного. Петербург Пушкина, Гоголя, Блока, Мандельштама — это разные города. И только поэтому они, освещённые светом разных талантов, остались в истории русской и мировой литературы. Крым Егиазарова смог состояться как явление искусства, лишь будучи отличным от всего, что написали о нём Пушкин, Толстой, Волошин, Сельвинский, Грин и многие другие. Каков же он?

Прежде всего — он прекрасен! Прекрасны каштаны, цветущие «со щедростью царской», и веерные пальмы, «ждущие строки», и сосны, которые «просят рифмы». Прекрасна волна, что «выгнула шею». Прекрасны ястреб в небе и дельфин в море... Всего, чем чудесен облик родины, в стихах Егиазарова так много, что и не перечислить. Помню, как заворожённо я читал стихотворение о городе, где живёт поэт, и думал: каким же зрением, слухом и сердцем надо обладать, чтобы вот так волшебным и живо создать образ Ялты? Хочу процитировать финальные строфы стихотворения «Этот город», чтобы читатель разделил моё восхищение:

Эта майская золотая
 прелесть вновь захлестнула простор:
 Аю-Даг в синей дымке тает,
 рассекает волну Ай-Тодор.
 Чайных роз золотые ливни
 пьют янтарной зари вино.
 В этом городе — светлом! дивном! —
 быть поэтом немудрено...

В двух последних строках мне видится нечто более важное, чем просто объяснение родному городу в любви. Чтобы говорить о существовании на протяжении полутора веков крымской школы в русской поэзии, нужны серьёзные теоретические и исторические изыскания, но лично я уверен, что такая школа существует. И уж совсем очевидно, что на протяжении двух веков развивается тема Крыма. В одном из недавних стихотворений возникает такой финал:

О Крыме не один написан том,
 но до конца всё так и не открыт он...

Это верно. Трудными поэтов — от Пушкина, Бунина, Волошина до современных бардов — загадочный и великолепный полуостров с его богатейшей историей, культурой и природой действительно превращён в страну-сказку, страну-любовь, страну-мечту — и всё же не исчерпан! Как тема — он бесконечен. И я, полагаю, никто из нескольких поколений поэтов не сделал так много для её развития, как Вячеслав Егиазаров. Естественно, я говорю не о только количестве стихов о Крыме, которых у него действительно очень много! Впрочем, количество тоже немаловажно, когда речь идёт о бесконечной многоликости и неповторимости каждого крымского дня, каждой поры его года, каждого километра его дорог, спускающихся от суровых вершин и высокогорных деревень, к зелёным равнинам и синим волнам. Но важнее количества качественное наполнение стихов, которое было бы невозможно без обширных познаний автора в истории своего края, без энциклопедической его начитанности, без многих знаний о роли Крыма в развитии древней Греции, позже — России и всего человечества. Имена античных философов и героев, отголоски мифов и сказаний, гул войн и подвигов, связь политики и человеческих страстей наполняют строки стихов:

Мангупские князья. Сиятельная Порта.
 Солхат. Бахчисарай. Смесь алчи и гордынь.
 Пульсирует туман в ущелье, как аорта,
 и дует ветер с гор, горчащий, как полынь.

Античный Херсонес. Хазары. Тавры. Скифы.
Боспор. Пантикапей... Не сыщешь и конца.
Недаром же в Крыму живут и ныне мифы,
волнующие нам и души, и сердца...

Таких подробностей много. Ими насыщено множество стихов. И я невольно сравниваю Вячеслава Егиазарова с... Дэном Брауном, чьи авантюрные — на первый взгляд! — книги оказались сегодня предметом споров и обсуждений серьёзных историков! Оказалось, что «беллетрист» Браун насытил свои романы таким количеством исторического материала, что уже и не понять: романы ли это или исследования, которым придана форма беллетристики. Подобно этому и стихи Егиазарова вполне пригодны для изучения истории Крыма и места его в мировой истории. Пригодны — но во вторую очередь. А главное в них — это поэзия, суть которой не менее сложна, чем любая эпоха и любая философия.

Развивая положение об особенностях творчества, я хочу коснуться того, что составляет тайну поэтического произведения, — полноты замысла и построения художественного произведения. Поясню, что я имею в виду и что знает любой, кто имеет отношение к художественному творчеству... У каждого поэта — даже самого-самого великого! — всегда есть незаконченные стихи. Иногда им суждено пролежать в папке черновиков месяц, или год, или даже десять лет. А порой текст так и умирает не состоявшись, и только в специальных исследованиях вездливый исследователь упомянет о нескольких строфах, которым, увы, так и не было суждено стать произведением. Обычно это происходит потому, что автор не находит нужного ему финала, не видит художественного разрешения конфликта, без которого немислим сюжет любого стихотворения. Но бывает и нечто худшее: мы читаем что-то увлекающее нас, с интересом ждём итога — а он не наступает. Его нет. Он не состоялся. Автор не созрел для переноса сюжета на некий уровень, где финал обобщит и обогатит всё, что уже было сказано и ждало своего завершающего аккорда. Но если стихотворение не просто завершается, но совершается — тогда нас ждёт потрясение. О, эта великая строка «Как дай вам Бог любимой быть другим»! О, загадочное двустихие «Ты право, пьяное чудовище! /Я знаю: истина в вине»! О, мистическое ахматовское «Только в спальне горели свечи...»!

Я могу привести ещё десятки великолепных финалов самых разных стихотворений, но главное стоит сформулировать уже сейчас: полнота и завершённость художественного произведения есть показатель не только поэтического мастерства, но зрелости автора как личности в целом. Так финал пушкинского стихотворения являет нам в лирическом герое уже не пылкую любовную страсть, но высокий альтруизм чувства, готового отказаться от своего счастья во имя счастья любимого создания. А в финале блоковского шедевра горечь и смятение поэта достигают своего апогея — отказа от реальности во имя мечты.

Не упрекайте меня, что я все тревожу великие тени! Егиазаров — большой поэт. Его лучшие произведения достойны сопоставления с поэтической классикой... Любое — любое! — стихотворение Егиазарова оставляет ощущение не только предельной естественности и искренности, о чём говорилось раньше, но и максимальной полноты и завершённости. Идёт ли речь о пейзажной зарисовке, любовном переживании, дружеском послании, философском или сатирическом высказывании — стихотворение всегда интересно читателю, всегда удерживает его внимание непредсказуемостью развития и финала. О финалах стихов Егиазарова — разговор особый. Иногда

это перенос фокуса с простого внешне действия — например, когда мальчик в бедные послевоенные годы сажает тополёк — на судьбу народа и поколения: «Мы оба дети той войны: / нам выжить повезло...» Иногда — испытанный и любимый поэтами приём кольцевой композиции, когда финал стихотворения повторяет начало. Но даже и тут — как в стихотворении «Снова дарит нам осень деньки...» — Егиазаров находит возможность обновить его. Сравните завершающие строки первой и последней строфы: «Мне приснились морские коньки — / эти рыбки с причудливым телом» и «Мне приснились морские коньки, / эти рыбки, сулящие счастье...» Как любят сейчас говорить, почувствуйте разницу! Удаются Егиазарову и финалы очень личные, «от первого лица». Вот, например, стихотворение «Бухта Чехова». Оно построено на сочетании прекрасного крымского пейзажа и не менее прекрасной истории Крыма, полной великих имён поэзии, сцены, живописи. Кажется, всего уже сказанного в стихотворении достаточно — но Егиазаров всё же находит ту патетическую ноту, которая пейзаж и историю перенесёт на новую вершину — духовную:

...Надо просто забыться и слиться с тем веком душой!

Но чаще всего — и мне это кажется особенно важным — поэт оказывается непредсказуемым в развитии и завершении сюжета. Так, стихи «Лето юности» — яркая, брызжущая красками радости пейзажная зарисовка — обрываются грустным и многозначным двустушием, где автор вдруг задумается о том, «что эти розоватые медузы / мне часто будут сниться жизнь спустя...»

А иногда — наоборот! — стихи, наполненные раздумьями, насыщенные символами и ассоциациями, вдруг приходят к немного озорному, просторечному и грустноватому финалу, придающему стихам очень понятное человеческое звучание:

...Мне, похоже, не стать в этой жизни уже чемпионом,
и красивым девчонкам не пудрить мозги мне уже...
(Предзакатное солнце горит над Яйлою пионом.)

Сразу скажу, что подобную целостность и завершённость практически всех стихов Егиазарова я отношу не за счёт мастерства, опыта или тщательной работы над текстами. Все «пишущие» знают: в композиции текста есть элементы, которые можно найти, улучшить, выстрадать, и есть другие — которые либо приходят, либо нет... И эти «другие» зависят исключительно от таланта. Либо оживёт в душе прекрасный абрис будущего стихотворения, либо нет. У поэта — оживает, а Егиазаров — поэт. Но даже и это ещё не гарантия успеха.

Любое стихотворение можно убить ритмикой «не в тему», торопливой и не отредактированной позже рифмой, парой неудачных сравнений, аляповатой метафорой и так далее. Филологи знают: в центральных и периферийных литературных архивах хранятся черновики великих и просто известных стихотворений, поэм и романов, знакомых любителям художественного творчества. И часто эти черновики лишь отчасти напоминают то, что мы читаем в сборниках и хрестоматиях. Черновики Пушкина испещрены десятками исправлений и помарок. Блок делал новые редакции даже тех стихотворений, которые годами раньше уже публиковал в своих книгах. Несчастливая Софья Толстая набело переписывала 17 или 18 вариантов эпopeи, которую правил её муж-гений. Имя этим качествам — взыскательность и вкус. Без них не живёт ни один классик. Зато многие таланты оказались загублены их отсутствием. Как обстоят у Егиазарова дела с этим аспектом

творческой работы? Скажу сразу: Егиазаров много работает над тем, чтобы в его текстах не было досадных мелочей и промахов. Замысел и исполнение в его стихах совершенны и достойны друг друга.

Мне в новую эпоху Интернета и литературных сайтов часто приходится наблюдать, как по-разному авторы произведений относятся к мнению своих коллег. Одни терпеть не могут любых замечаний, часто весьма благожелательных и верных. Другие благодарны за них даже в том случае, если такие замечание в чём-то ошибочны. В выигрыше всегда вторые: они способны учесть и оценить чужую точку зрения, даже если она и неверна. Зато у них появляется повод ещё раз приглядеться к своему тексту, проверить его на точность лексики, на благозвучность и музыкальность, на лёгкость и естественность восприятия и т. д. Я помню мало случаев, когда Егиазарову пригождались советы со стороны. Но я не помню, чтобы Вячеслав не поблагодарил за критический отклик и, как он говорит, не примерил бы его к своему тексту. Работа над стихом, тщательность отделки — это для Егиазарова святая святых.

Нет, я не хочу сказать, что в егиазаровских текстах совсем нет неудачных сравнений или трудно читаемых инверсий. Они есть. Я бы мог привести их, но не считаю нужным делать, ибо на многие сотни стихов Вячеслава количество их столь ничтожно, что ими можно пренебречь. В подавляющем большинстве метафоры яркие и новы, сравнения неожиданны, ритмика разнообразна, лексика богата и поистине народна! Конечно, я могу привести примеры всех названных художественных приёмов, но, боюсь, читатель решит, что я долго рылся в стихах, чтобы найти искомое, а больше там ничего и нет! А потому я просто открою книжку Егиазарова 2016 года «Крымский дивертисмент» — и пусть страница будет случайной... Вот начало стихотворения «Стрекозы»:

Бормотание речки, полынный настой, лопухи,
стадо бурых коров не спеша переходит дорогу,
ненароком стрекозы в мои залетают стихи
и не знают, как вылететь или, вернее, не могут.
Городской суеты в мире этом не знает никто,
и, наверное, здесь не бывает «нелётной погоды»,
даже виды выдавший поддатый мужчина — и то
гармоничен настолько, что кажется частью природы...

Я прошу вас обратить внимание, как просто и точно дышит здесь долгий пятистопный анапест, как в одно целое, именуемое «природой», соединяются реки, и травы, и животные, и «поддатые» человеки, и спокойствие воздуха, не знающего «нелётной погоды»... И как мир природы, представленный множеством сущностей, просто и прочно связан с миром души, явленной образом стихов лирического героя, куда — вдумайтесь в этот великолепный образ! — залетают «ненароком стрекозы!» И не думайте, что Егиазаров нерасчётлив и что он так запросто расстанется с прекрасной метафорой единства двух миров — природы и творчества. Он, рачительный хозяин своего поэтического таланта, через пару строф вернётся к ней и усилит лирический с еле уловимым оттенком юмора эффект:

Я в «маршрутку» зайду, я вернусь в свой родимый бедлам
(было вроде легко, да вот чувствую в сердце занозы).
Я стихи эти сразу, конечно, в печать не отдам,
пусть ещё поживут в них, не ведая горя, стрекозы...

И во всём — простота и естественность точно выверенной речи и высокое искусство непридуманной красоты. Ещё раз прошу читателя поверить: стихи, как я уже сказал, выбраны случайно. Подобная гармония обыкновенна у Егиазарова. И эти, и все другие стихи наполнены ею так, что каждое стихотворение хочется читать не спеша, медленно насыщаясь и напиваясь его чистотой и прозрачностью. Да, Егиазарова хочется читать взахлёб — так легко и звонко течение строк и строф! — но делать этого не надо. Читайте медленно и вдумчиво, возвращайтесь к прочитанному, чтобы вдруг увидеть те детали, которых прежде вы не разглядели, почувствовать звуки и краски, какие затаились в деталях и сравнениях, понять вторые и третьи смыслы, стремительные и сверкающие, как рыбы в волне и стрекозы в жарком воздухе. И тогда вашим станет мир поэта Вячеслава Егиазарова.

СОДЕРЖАНИЕ

Премии Союза российских писателей — место 3

Вагон № 1

- Ольга АНИКИНА — место 6
Галина БОГАПЕКО — место 12
Елизавета ДЕЙК — место 17
Екатерина ИШИМЦЕВА — место 22
Чен КИМ — место 26
Александр КУВАКИН — место 30
Анастасия ЛУКОМСКАЯ — место 34
Владимир ОБУХОВ — место 38
Виталий ПУХАНОВ — место 42
Ольга РЫЧКОВА — место 46
Александр ТРУНИН — место 50
Галина УШАКОВА — место 55

Вагон № 2

- Леонид АГИБАЛОВ — место 62
Сергей ГАЛКИН — место 66
Андрей ГАЛКИН — место 70
Валерий ЕВТУШЕНКО — место 74
Михаил КАМЕНЕЦКИЙ — место 79
Светлана КРЫЛОВА — место 82
Андрей НОВИКОВ — место 85
Сергей ПОПОВ — место 89
Дмитрий ПОРУШКЕВИЧ — место 93
Владимир ПРЯХИН — место 97
Мария СОКОЛОВСКАЯ — место 101
Виктория ТКАЧ — место 103
Вера ТРОФИМОВА — место 105
Вячеслав ТЮНЯЕВ — место 107

Вагон № 3

- Сергей БАТАЛОВ — место 110
Олег ГОНОЗОВ — место 114
Алексей ЕФИПОВ — место 118
Максим КАЛИНИН — место 122
Денис ЛИПАТОВ — место 126
Ольга ЛЮСОВА — место 130
Владимир ПЕРЦЕВ — место 135
Николай СМИРНОВ — место 140

Леонид СОВЕТНИКОВ — место 144
Светлана ШУЛЬГА — место 148

Вагон № 4

Фарида ГАБДРАУПОВА — место 154
Ингвар ДОНСКОВ — место 157
Игорь ЕГОРОВ — место 150
Николай ЕРЁМИН — место 164
Зинаида КУЗНЕЦОВА — место 168
Екатерина МАЛИНОВСКАЯ — место 172
Евгений МАРТЫНОВ — место 176
Елена ЧАЧ — место 179

Вагон № 5

Вера АРЯМНОВА — место 184
Андрей БУДАРОВ — место 188
Вячеслав БУКУР — место 191
Сергей ГРИНКЕВИЧ — место 194
Елена НАУМОВА — место 199
Сергей ПАХОМОВ — место 204
Елена ПОПОВА — место 209
Павел ТИМОФЕЕВ — место 213
Игорь ТЮЛЕНЕВ — место 217

Вагон № 6

Вагон-ресторан

Сергей Салдаев — место 222

Вагон № 7

Специальный

Нина ЯГОДИНЦЕВА. VIII Межрегиональное совещание
молодых писателей
(Челябинск 7–8 апреля 2017 года) — место 228

Анастасия АХМАДЕЕВА — место 229
Анастасия БЕЛОУСОВА — место 231
Любовь ВОЙНАКОВА — место 232
Екатерина ГАРАНИНА — место 233
Маргарита ЕРЁМЕНКО — место 233
Юлия ЛИННИКОВА — место 236
Валерия ЛИТВИНЕНКО — место 238
Елена ПЛИШИНА — место 240
Анастасия ПОРОШИНА — место 242
Ева РАЙМ — место 244
Оксана РАЛКОВА — место 245
Алиса ТУЛЬЧИНСКАЯ — место 247
Евгений ЧЕРНИКОВ — место 248
Екатерина ЮРКОВА — место 250

Вагон № 8

Детский

Ольга АНИКИНА — место 252
Ольга ВАЛЕНЧИЦ — место 257
Валентина ГРОМОВА — место 263
Марина ДРУЖИНИНА — место 266
Виталий МОЛЧАНОВ — место 270
Валентин НЕРВИН — место 274
Лариса ОЛЕНИНА — место 277
Ольга РЫЧКОВА — место 280
Светлана СОН — место 281
Ольга ТАКМАКОВА — место 287
Елена ХАРЛАМОВА — место 291
Татьяна ШАПИРО — место 295

Вагон № 9

Международный

Бах АХМЕДОВ — место 300
Людмила БАКИРОВА — место 303
Рифат ГУМЕРОВ — место 307
Алина ДАДАЕВА — место 312
Николай ИЛЬИН — место 316
Бахыт КЕНЖЕЕВ — место 320
Владислав ПЕНЬКОВ — место 326
Александр РАДАШКЕВИЧ — место 332
Борис ЮДИН — место 337

Вагон № 10

Почтовый

Нина ГАБРИЭЛЯН — место 342
Алла МИХАЛЕВИЧ — место 347
Алексей МИХЕЕВ — место 351
Екатерина ПОЛЯНСКАЯ — место 356
Полина ПОРОЛЬ — место 361
Федор САМАРИН — место 363

Вагон № 11

Багажный

Игумен АФАНАСИЙ — место 368
Дмитрий ДЬЯКОВ — место 373
Валентин КУРБАТОВ — место 376
Марк ШЕХТМАН — место 383

НАШИ КНИГИ

Вышли в свет 44 книги в серии «Дорожная библиотека альманаха-навигатора „Паровоз“», изданные при поддержке Союза российских писателей. Небольшие по объёму, они — своеобразные визитные карточки наших авторов. Некоторые выступают не только как мастера слова, но и как художники, иллюстрируя свои книжки.

Ждём талантливой прозы, стихов, пьес, эссе и критических статей на страницах нашей «Библиотеки»!

Светлана ВАСИЛЕНКО

Ёлка, или Прекрасный Лётчик

Новая книга рассказов-размышлений Светланы Василенко — это новаторская, совершенно неожиданная проза — и по жанру, и по содержанию. Писательница исследует само существо и вещество живой повседневной жизни, которая наполнена любовью, вдохновением, страданиями и счастьем.

Павел МАРКИН (ЁЖ)

Всамделишная пятёрка

Искренние, пронзительные рассказы Павла Маркина (Ежа) о мальчике Павлёжке, о его внутреннем мире и взаимоотношениях с миром внешним будут интересны не только взрослым, но и маленьким читателям «Дорожной библиотеки».

Евгений МИНИН

Пародии

Книга, содержащая пародии на современных знаменитых поэтов нашего времени, продолжает традиции талантливых пародистов — трёх Александров — Измайлова, Архангельского и Иванова.

Анатолий БОГАТЫХ

Прощание

Анатолий Богатых (1956–2015) — поэт исключительный, которого историкам литературы и критикам еще предстоит оценить. Его творчество отличают пушкинская — и тайная, и явная, но неизменно присутствующая в его поэзии — свобода, предельная исповедальность и особая, завораживающая мелодичность стиха.

Елена ФРОЛОВА-БАГРЕЕВА

Консуэло жёлтых фонарей

В сборник вошли рассказы, тяготеющие к жанру лирической прозы, изобретательной и изящной. Сюжет здесь не главное, акварельность этих «новеллино» счастливо уживается с графикой. Погружаясь в них, мы оказываемся в особом пространстве камеры-обскуры, где всё слито — пейзаж, мысль, чувство, это пристальный и очень современный взгляд.

Сапар УЗДЕНОВ

Посмотри, как горит синева

В книгу народного поэта Карачаево-Черкессии вошли стихотворения раннего периода творчества, написанные во время обучения в Литературном институте им. А. М. Горького (1983–1988, семинар Л. Ошанина). Стихам Сапара Узденова свойственны простота, мелодичность и глубина поэтического высказывания.

Переводы с карачаевского выполнены тольяттинскими поэтами, членами Союза российских писателей Игорем Мельниковым (1961–2011), Еленой Каревой, Ольгой Валенчиц, Владимиром Мисюком, Виктором Стрельцом.

Галина УМЫВАКИНА

Стихи в дорогу

Стихотворения Галины Умывакиной дышат любовью — милосердной, способной простить нашему жестокому миру всё его несовершенство. Реальный и литературный Воронеж — один из главных действующих лиц её поэтического мира. И ещё — круг друзей, неизменных «земных спутников» поэта. И, конечно, это образ самого автора — глубокого, искреннего, относящегося к жизни с благодарностью, хотя бы за то, что «мы всё ж друг с другом тут не разминулись / и даже перекинулись словцом...».

Татьяна ЧУРУС

Жизнь собачья

В сборник «Жизнь собачья» вошли рассказы, написанные от лица «маленького человека в юбке». Но, как известно, и у маленького человека иногда бывают большие мечты.

Игорь КУЗНЕЦОВ

Гардеробщик

И кто его знает, этого Кузнецова? Зато у него гардеробщик оказывается волшебником, тихим, жёстким и настоящим, троллейбус от Первой Градской идёт куда надо, а хорошие сумасшедшие являются лучшими людьми на Земле — потому как без них будет СКУШНО.

Елена БАЖИНА

Ненужные вещи

Уловить едва заметные «движения души» своих героев — главный сюжетобразующий элемент в прозе Елены Бажиной: внутреннее напряжение перетекает во внешнее, в видимые поступки и действия персонажей, что в традициях русской классической литературы. Книга строится на актуальном современном материале и наполняется новым, интересным для современного читателя, смыслом.

Александр ФРОЛОВ

Безымянный полустанок

В новой книге известного петербургского поэта представлены как новые, так и старые, а также ранее не публиковавшиеся стихи и короткий рассказ, не без иронии посвященный самому себе. Тонкая лирика чередуется в стихах Александра Фролова с глубокими размышлениями о бытовании человека во времени и пространстве его жизни.

Инна РЯХОВСКАЯ

Голос

«Стихи автора прозрачны и глубоки, пронизаны радостным чувством постижения огромного, открытого перед человеком мира — внутреннего и внешнего, просторного и уютного, но всегда воспринимаемого с долей ласкового острашения, оцениваемого взглядом человека мудрого, приемлющего и прощающего многое. Поэзия Инны Ряховской подобна музыке её любимого Моцарта» (Татьяна Виноградова).

Милана НИКИТСКАЯ

Шапочное знакомство

Женская судьба — нескончаемая тема. Коснётся души особенная судьба и зреет в ней, беспокоит, радуется, заставляет думать неотвязно и, наконец, выплёскивается из души в некий сложившийся «организм», созданный мыслью и словом. Героиня новой книги автора — Мария Савельевна. Шаг за шагом, раскрывая содержание душевное, достоинства человеческие, любовь материнскую, Мария Савельевна покидает мир живых, оставляя за собой право на память человечества.

Игорь МЕЛЬНИКОВ

По зелёному снегу

Поэзия Игоря Мельникова — постоянное стремление уловить невыразимое. Отметить его словом, «заточить» в сети стихотворения и тем самым преодолеть трагическую расколотость чаши жизни, её двойственность, которая так свойственна «слабому» человеческому разуму.

Рада ПОЛИЩУК

Обнявшись над бездной

«...над бездной где-то на свете...» — тот край, до которого доходит Рада Полищук с героями своих книг, проживая с ними их жизни шаг за шагом, мгновение за мгновением, неразделимо, на одном общем дыхании. «Где-то на свете» — это точка прощания и прощения, это явь и сон, конец и начало, то, что уже случилось и чего еще не было. Это неудержимый поток Времени. Это Любовь.

Александр КИРНОС

Будни авиационного гарнизона

Жизнь офицеров и солдат внимательно, с любовью, с теплой иронией и юмором рассказана автором, долгие годы служившим авиационным врачом. Но это не зарисовки с натуры, а психологическое описание жизни, быта в авиационном гарнизоне мирного времени и тонких нюансов взаимоотношений.

Галина СЕДОВА

В поисках «бедной Кати»

Путевой очерк пушкиниста Галины Седовой посвящен поездке в дальний уголок французской провинции — Эльзас, где прошли последние годы жизни Екатерины Гончаровой, старшей свояченицы Пушкина. За две недели до гибели поэта, 10 января 1837 года, она стала женой его будущего убийцы Жоржа д'Антеса. Книга адресована тем, кто интересуется загадочной историей гибели Пушкина, а также путешественникам, открывающим для себя новые европейские маршруты.

Лидия ГРИГОРЬЕВА

Пять рассказов

В предлагаемой вниманию читателя книге «мелькают города и страны, параллели и меридианы», потому что герои этих рассказов живут и в Лондоне, и в Москве, и в Сыктывкаре, и в Ростове, и далее везде, согласно движению реальной авторской биографии, богатой на перемещения по белу свету.

Наталия ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВА

Пассажирка

Наталия Перевезенцева собрала в этой книге стихи о любви, о человеческой трагедии, когда любимый человек уходит навсегда. Остаются воспоминания — светлые и не очень, веселые и грустные — словом, разные. Но пока мы помним — мы живем. И продолжает жить тот, кого уже нет.

Елена ЕЛАГИНА

Вдоль и поперёк

Жизнь и смерть, путь человека в мире, его исторические корни, взаимоотношения человека и культурного пространства, отношения творца и слова — вот основной круг тем петербургского поэта Елены Елагиной.

Андрей ЗИНЧУК

Путешествие свободного человека, или Как разлюбить женщину?

В книгу Андрея Зинчука вошли очень короткие рассказы и рассказы подлиннее. Часть из них выходила в печати, часть публикуется впервые. Среди этих рассказов «затесалось» и «Средисловие».

Жанар КУСАИНОВА

Не забывай меня

Герои пьес Жанар Кусаиновой находятся в поиске любви, ведь именно она, как бы банально это ни звучало, придает смысл их жизни. И несмотря на то что персонажи проживают очень разную жизнь — одни в античном мире, другие в маленьком цыганском поселке, их объединяет одно — поиск любви, родного человека.

Виктор МАРКИН

Болид

Серию «Мастерская» открывает книга Виктора Маркина, который плодотворно работает в жанре магического реализма. Герои его рассказов парадоксальны, остроумны, ироничны и мудры, язык повествования пластичен, финалы неожиданны и непредсказуемы.

Светлана ВАСИЛЕНКО

Обнаженная натура

В книгу писательницы вошли смешные и грустные рассказы о Валерии Фриде, Андрее Кончаловском, Наталье Рязанцевой, Натали Саррот и других известных кинематографистах и писателях.

Юрий КАСЯНИЧ

На заставе сердечной

В книгу известного латвийского поэта и переводчика вошли стихотворения разных лет. События и наблюдения, времена года и города встречаются на страницах сборника, в котором автор предлагает задуматься о сиюминутном и вечном.

Елена ТАРАСОВА

Не помнящая зла

У повести «Не помнящая зла», написанной в 1982 году, своеобразный путь. В советский период, принеся литературную, к сожалению, кулуарную славу автору, который сразу был объявлен неиздаваемым (а сама повесть повесть названа «непечатной»), она перепечатывалась и переплеталась вручную ценителями. Потом «Не помнящая зла» вошла в историю литературы конца советского и постсоветского периода как «программная» вещь, дав название одному из первых сборников женской российской прозы.

Виталий МОЛЧАНОВ

Ни слова о л...

В книгу «Ни слова о л...» вошли лучшие лирические стихотворения автора, опубликованные на страницах «толстых» литературных журналов, таких как «День и ночь», «Дети Ра», «Футурум Арт», «Зинзивер», «Паровоз» и др.

Лелде СТУМБРЕ

Автостоп

Юные герои Лелде Стумбре путешествуют автостопом, встречаясь с разными людьми и обстоятельствами, познавая не только мир, но и самих себя.

Мария ХОДАКОВА

Ты одна

У героев этой книги — сложные, порой странные взаимоотношения с действительностью: кто-то придумывает способ в один момент осчастливить человечество; кто-то бунтует; кто-то радуется малейшим светлым проблескам повседневности; а кто-то приспосабливается, теряя способность любить и сопереживать. Таков пристальный взгляд автора на своих персонажей в очень навязчиво предлагаемых обстоятельствах места и времени. А место и время у всех нас одно.

Борис СКОТНЕВСКИЙ

Последний вагон

«Последний вагон» — одиннадцатая книга известного тольяттинского поэта, в которую включены лучшие стихотворения разных лет.

Вера ПЕТАИНА

Пока стоит время

Книга петербургского поэта Веры Петлиной посвящена силе настоящего: настоящего времени, настоящей любви, моментам вечного сейчас, то есть счастью.

Елена ЛЯПИНА

Предчувствие счастья

В книгу вошли рассказы, ранее опубликованные в литературных журналах. Это истории о людях, каждый из которых по-своему пытается понять мир, определить в нем свое место, осознать свое предназначение и найти свою любовь. Порой даже там, где ее, кажется, не должно быть.

Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Приобрести альманах можно в Союзе российских писателей
(Москва, ул. Поварская, д. 52, офис 32, e-mail: vsrp@mail.ru);
возможна рассылка наложенным платежом.

С электронной версией «Паровоза» можно познакомиться на сайте:

<http://www.voloshin-fest.ru/shop/12/desc/parovoz>

ДЛЯ СПРАВОК:

в Москве тел. +7 (495) 691-03-45,
e-mail: vsrp@mail.ru

в Санкт-Петербурге: тел. +7 (921) 186-57-24;
e-mail: vk11382@mail.ru

Литературно-художественное издание

Паровозъ

ПОЭТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ-НАВИГАТОР

Союза российских писателей

Состав 8–2018

Уважаемые коллеги, ждём ваших материалов
(поэтических подборок, эссе и критических статей о текущей поэзии,
поэтах, вышедших книгах современников)
по адресу: parovoz-srp@mail.ru

Редактор *В. С. Кизило*
Корректор *Е. В. Разинкина*
Верстка *Л. В. Васильевой*

Союз российских писателей
Москва, ул. Поварская, д. 52, оф. 32

Подписано в печать 08.11.2018. Печать офсетная.

Печ. л. 25. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.

Тираж 1000 экз. Заказ № 2346.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Контраст»
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 38, лит. А